

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 2
Гуманитарные науки

2025. Т. 27

№ 1

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 2
Humanities and Arts

2025. Vol. 27

No. 1

Серия 2

Гуманитарные науки

Журнал основан в 1920 г.

Серия «Гуманитарные науки» выходит с 1999 г. 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-48320 от 27 января 2012 г.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал индексируется в БД:

Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index;
DOAJ; European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
Russian Science Citation Index (RSCI); Ulrich's Periodicals Directory;
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

В журнале публикуются научные статьи по всеобщей и отечественной истории, этнографии и антропологии, историографии и источниковедению, по русскому языку и теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию (на материале германских, романских, славянских и финно-угорских языков), по отечественному и зарубежному литературоведению и фольклору, по изобразительному, декоративно-прикладному искусству и архитектуре, теории и истории искусства, а также рецензии на новые, наиболее значимые научные издания по этим областям. Все поступающие материалы рецензируются. Публикация в журнале осуществляется на некоммерческой основе.

Е-mail: izvestia.2@yandex.ru

Сайт: <http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

«Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки»

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons «Attribution-NonCommercial» 4.0 Всемирная
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

© Уральский федеральный университет, 2025

Ural Federal University Journal

Series 2
Humanities and Arts

The Journal was founded in 1920
Series *Humanities and Arts* has been issued quarterly since 1999

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira St., 620062 Ekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media.
Mass media registration certificate PI FS77-48320 as of January 27, 2012.

The Journal is included in the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK)
list of leading peer-reviewed academic journals prescribed for the publication of research
results for scholars seeking advanced academic degrees.

The Journal is indexed in:

Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index;
DOAJ; European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
Russian Science Citation Index (RSCI); Ulrich's Periodicals Directory;
Science Index (eLibrary)

The Journal publishes academic articles in the fields of World and Russian History, Ethnography
and Anthropology, Historiography and Source Studies, Russian Language and Language Theory,
Historical, Typological and Comparative Linguistics (based on the material of the Germanic,
Romance, Slavic, and Finno-Ugric languages), on Russian and World Literary Studies and
Folklore, Fine Arts, Decorative and Applied Arts and Architecture, Theory and History of Art,
as well as reviews of new, most significant academic publications in these areas. The Journal uses
double-blind peer review. The Journal does not charge authors or their respective institutions
a paper submission, processing, or publication fee.

Email: izvestia.2@yandex.ru

<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2>

Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts

Journal content is licensed under
a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

© Ural Federal University, 2025

Главный редактор

К. Д. Бургов, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет)

Заместитель главного редактора

Т. В. Куц, д-р ист. наук, проф. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН; Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. П. Алексеев**, канд. иск., доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. А. Бахтерева, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет; Москва, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)
Л. А. Будрина, канд. иск., доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Е. М. Главацкая, д-р ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. В. Гладышев, д-р ист. наук, проф. (Россия, Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского)
Е. В. Дзюба, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)
А. Ю. Казарян, д-р иск., акад. РААСН, почетный член РАН (Россия, Москва, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет)
О. В. Калугина, д-р ист. наук, член правления АИС (Россия, Москва, Российский государственный гуманитарный университет)
Е. Ю. Козьмина, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Ю. В. Матвеева, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
А. М. Плотникова, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
Е. К. Созина, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет)
В. В. Тихонов, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. (Россия, Москва, Институт российской истории РАН)
О. Р. Хромов, д-р иск., акад. РАН (Россия, Москва, Московский государственный художественный академический институт им. В. И. Сурикова)
А. В. Шамаев, канд. ист. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук, проф. (Республика Беларусь, Гродно, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)
А. Е. Аникин, д-р филол. наук, акад. РАН (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН)
Л. И. Бородкин, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН (Россия, Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Дж. Боулт, PhD (Art Studies), проф. (США, Лос-Анджелес, Университет Южной Калифорнии)
М. А. Бусев, канд. иск., чл.-корр. РАН (Россия, Москва, Государственный институт искусствознания)
П. Бушкович, PhD (History), проф. (США, Нью-Хейвен, Йельский университет)
А. Варда, Dr. Hab. (Philology), проф. (Польша, Лодзь, Лодзинский университет)
С. А. Кибальник, д-р филол. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)
Т. Краус, д-р ист. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)
К. Кроо, д-р филол. наук, проф. (Венгрия, Будапешт, Университет Лоранда Этвеша)
М. Н. Липовецкий, д-р филол. наук, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)
А. Мустайоки, PhD (Philology), проф. (Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский университет)
И. А. Ндяй, д-р филол. наук, проф. (Польша, Ольштын, Варминско-Мазурский университет)
М. Перри, M. A. (History), проф. (Великобритания, Бирмингем, Бирмингемский университет)
Х. Русс, Dr. Hab. (History), проф. (Германия, Мюнстер, Мюнстерский университет)
Ф. Сенешаль, д-р иск., проф. (Франция, Амьен, Университет Пикардии имени Жюль Верна)
Г. Торвальдсен, PhD (History), проф. (Норвегия, Тромсё, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии)
А. В. Чудинов, д-р ист. наук, гл. науч. сотр. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории РАН)

Ответственный секретарь

Н. В. Мосеева (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Editor-in-Chief

K. D. Bugrov, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Ekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB RAS; Ural Federal University)

Deputy Editor

T. V. Kushch, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Moscow, Institute of World History, RAS; Ekaterinburg, Ural Federal University)

EDITORIAL BOARD

E. P. Alekseev, PhD (Art Studies), Associate Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

A. A. Bakhtereva, PhD (Philology), Senior Researcher (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University; Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS)

L. A. Budrina, PhD (Art Studies), Associate Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

E. V. Dziuba, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, St Petersburg, Peter the Great St Petersburg Polytechnic University)

A. V. Gladyshev, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Saratov, N. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University)

E. M. Glavatskaya, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

O. V. Kalugina, Dr. Hab. (Art Studies), Member of the Board of the Association of Art Historians (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)

A. Yu. Kazaryan, Dr. Hab. (Art Studies), Full Member of RAACS, Honorary Member of RAA (Russia, Moscow, Moscow State University of Civil Engineering)

O. R. Khromov, Dr. Hab. (Art Studies), Full Member of RAA (Russia, Moscow, V. I. Surikov Moscow State Academic Art Institute)

E. Yu. Kozmina, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

Yu. V. Matveeva, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

A. M. Plotnikova, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

A. V. Shamanaev, PhD (History), Associate Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

E. K. Sozina, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB RAS; Ural Federal University)

V. V. Tikhonov, Dr. Hab. (History), Professor (Russia, Moscow, Institute of Russian History, RAS)

EDITORIAL COUNCIL

A. E. Anikin, Dr. Hab. (Philology), Full Member of RAS (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology, SB RAS)

T. E. Avtukhovich, Dr. Hab. (Philology), Professor (Republic of Belarus, Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno)

L. I. Borodkin, Dr. Hab. (History), Corresponding Member of RAS (Russia, Moscow, Moscow State University)

J. Bowlt, PhD (Art Studies), Professor (USA, Los Angeles, University of Southern California)

M. A. Busev, PhD (Art Studies), Corresponding Member of RAA (Russia, Moscow, State Institute for Art Studies)

P. Bushkovitch, PhD (History), Professor (USA, New Haven, Yale University)

S. A. Kibalnik, Dr. Hab. (Philology), Professor (Russia, St Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS, St Petersburg State University)

T. Krausz, Dr. Hab. (History), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)

K. Kroo, Dr. Hab. (Philology), Professor (Hungary, Budapest, Eötvös Lorand University)

M. N. Lipovetsky, Dr. Hab. (Philology), Professor (USA, New York, Columbia University)

A. Mustajoki, PhD (Philology), Professor (Finland, Helsinki, University of Helsinki)

I. A. Ndiaye, Dr. Hab. (Philology), Professor (Poland, Olsztyn, University of Warmia and Mazury in Olsztyn)

M. Perrie, M. A. (History), Professor (UK, Birmingham, University of Birmingham)

H. Rüß, Dr. Hab. (History), Professor (Germany, Münster, University of Münster)

P. Sénéchal, Dr. Hab. (Art Studies), Professor (France, Amiens, University of Picardie Jules Verne)

A. V. Tchoudinov, Dr. Hab. (History), Chief Researcher (Russia, Moscow, Institute of World History, RAS)

G. Thorvaldsen, PhD (History), Professor (Norway, Tromsø, UiT The Arctic University of Norway)

A. Warda, Dr. Hab. (Philology), Professor (Poland, Lodz, University of Lodz)

Managing Editor

N. V. Moseeva (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX—XXI СТОЛЕТИЙ

- Васильева Т. В.* Образы инокультурных персонажей в литературе восточного фронта второй половины XIX в. 9
- Кудряшов И. В.* Затеки инвектив в поэтических выпадах В. Маяковского и С. Есенина 1924 г. 25
- Дроздова А. О., Рогачева Н. А.* От «Других берегов» (1954) к «Speak, Memory» (1966) В. Набокова: аллюзии к русской литературе в структуре перцептивной метафоры 41
- Ковтун Н. В.* Бунт читателя против книги в романе Вс. Беннигсена «ГенАцид» 56
- Радько Е. В.* Мифопоэтические стратегии в тетралогии новой прозы Т. Толстой 72

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- Сафронова А. М.* Школа при Лукаском заводе Красноярского горного начальства (1738–1746): особенности открытия и деятельности 91
- Дашкевич Л. А.* Городские власти Екатеринбургa и развитие образования в годы Первой мировой войны: высшие начальные училища 105

ВЫСШАЯ ШКОЛА И НАУКА В СССР

- Долгова Е. А.* Как платили ученым: динамика и приоритеты советской научной политики 120
- Мазур Л. Н.* Университеты в системе высшего образования СССР: от классической к советской модели (задачи, структура, кадры) 138
- Кулинский А. А. С. В.* Юшков в Свердловском государственном педагогическом институте в 1935–1938 гг. 155

- Кириянов И. К.* Пермский академический проект: как все начиналось 171
- Водичев Е. Г.* Был ли шанс у «Кремниевой тайги»? Академгородок и формирование постиндустриальной инновационной системы 185
- Пискунов М. О.* «Охрана природы» в сибирских городах науки: экологические идеи в научных институтах и высшей школе СССР (1950–1970-е гг.) 202

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- Обухова Ю. С.* Метод построения плана малогабаритной квартиры, его эволюция и применение в проектах А. Клейна второй половины 1920-х гг. 222
- Канищев В. В., Махрачев Г. С.* Советская мобилизация кустарной промышленности в годы Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) 237
- Мотревич В. П., Мамяченков В. Н.* Производственная динамика животноводства в Молотовской области в 1946–1950 гг. 251

РЕЦЕНЗИИ

- Постникова А. А.* Последний акт русской кампании Наполеона: о монографии В. Н. Земцова. Рец. на кн.: *Земцов В. Н.* Русская кампания Наполеона: последний акт (декабрь 1812 г. — январь 1813 г.). М. : Политическая энциклопедия, 2024. 318 с.; ил. . 267
- Гилевич Н. Д.* Как прошлое делали «полезным» в сталинской России. Рец. на кн.: *Тихонов В.* Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.; ил. (Серия «Что такое Россия») 272

TABLE OF CONTENTS

RUSSIAN LITERATURE BETWEEN THE 19th AND 21st CENTURIES	
<i>Vasilyeva, T. V.</i> Images of Ethnocultural Characters in the Second Half of the 19th Century 9	
<i>Kudryashov, I. V.</i> Aftertext of Invectives in the Poetic Attacks of V. Mayakovsky and S. Yesenin in 1924 25	
<i>Drozdova, A. O., Rogacheva, N. A.</i> From V. Nabokov's <i>Drugie Berega</i> (1954) to <i>Speak, Memory</i> (1966): Allusions to Russian Literature in the Structure of Perceptual Metaphor 41	
<i>Kovtun, N. V.</i> Reader's Revolt against the Book in Vs. Benigsen's Novel <i>GenAcide</i> 56	
<i>Radko, E. V.</i> Mythopoetic Strategies in T. Tolstaya's New Prose Tetralogy 72	
DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE	
<i>Safronova, A. M.</i> School at the Lukazsky Plant of Krasnoyarsk Mining District (1738–1746): Peculiarities of Opening and Activity 91	
<i>Dashkevich, L. A.</i> City Authorities of Ekaterinburg and the Development of Education during the First World War: Higher Primary Schools 105	
HIGHER SCHOOL AND SCIENCE IN THE USSR	
<i>Dolgova, E. A.</i> Salaries in Science: Dynamics and Priorities of Soviet Policy 120	
<i>Mazur, L. N.</i> Universities in the System of Higher Education in the USSR: From Classical to Soviet Model (Tasks, Structure, Personnel) 138	
<i>Kulinsky, A. A. S. V.</i> Yushkov at the Sverdlovsk State Pedagogical Institute in 1935–1938 155	
<i>Kiryanov, I. K.</i> Perm Academic Project: How It All Started 171	
<i>Vodichev, E. G.</i> Did “Silicon Taiga” have a Chance? Akadempgorodok and the Development of the Post-industrial Innovation System 185	
<i>Piskunov, M. O.</i> “Nature Protection” in Siberian Cities of Science: Environmental Ideas in Scientific Institutes and Higher Education in the USSR (1950s–1970s) 202	
SOCIOECONOMIC HISTORY	
<i>Obukhova, Yu. S.</i> Method of Small Apartment Plan Design, Evolution, and Application in A. Klein's Projects of the Second Half of the 1920s 222	
<i>Kanishchev, V. V., Makhrachev, G. S.</i> Soviet Mobilisation of Handicraft Industry during the Civil War (Based on the Materials of Tambov Province) 237	
<i>Motrevich, V. P., Mamyachenkov, V. N.</i> Dynamics of Livestock Production in Molotov Region in 1946–1950 251	
REVIEWS	
<i>Postnikova, A. A.</i> Last Act of Napoleon's Russian Campaign: On the Monograph of V. N. Zemtsov. <i>Review of:</i> Zemtsov, V. N. (2024). <i>Russkaia kampaniia Napoleona: poslednii akt (dekabr' 1812 g. – ianvar' 1813 g.)</i> [Napoleon's Russian Campaign: The Last Act (December 1812 – January 1813)]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia 267	
<i>Gilevich, N. D.</i> Making the Past “Useful” in Stalinist Russia. <i>Review of:</i> Tikhonov, V. (2024). <i>Poleznoe proshloe: Istoriia v stalinskom SSSR</i> [The Useful Past: History in the Stalinist USSR]. Moscow: NLO 272	

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX—XXI СТОЛЕТИЙ
RUSSIAN LITERATURE
BETWEEN THE 19th AND 21st CENTURIES

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.001
УДК 821.161.1-3(571.6) + 82-311.8 +
+ 82-92 + 81'286 + 81'42 + 82-43

Т. В. Васильева
*Тихоокеанский государственный
университет*
Хабаровск, Россия

**ОБРАЗЫ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ
ВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Статья посвящена изучению особенностей литературной репрезентации образов инокультурных представителей восточного фронта в период освоения русскими дальневосточных территорий во второй половине XIX в. На материале путевой прозы С. В. Максимова, Н. М. Пржевальского, А. В. Елисеева, Д. И. Шрейдера обозначен вектор художественного представления «инородцев» от обобщенного описания этнокультурных сообществ, сосуществующих на территории кросс-культурного пространства восточного фронта, до появления во фронтирном нарративе персонализированных образов «инокультурных» героев. Цель исследования — рассмотреть идейно-содержательные константы художественной репрезентации «инородцев» в литературе о Дальнем Востоке в аспекте представления образа дальневосточного фронта. В исследовании применялись сравнительно-исторический метод, обеспечивающий сопоставление сходных элементов в литературе, фольклоре и мифологии, а также структурно-семиотический метод, позволяющий выделить константные элементы художественного целого. Автор высказывает мысль, что для нарративов восточного фронта характерно наличие двух типов инокультурных героев: 1) герои, действующие в природных локациях; 2) герои полиэтнического городского пространства. В статье выделяются дифференциальные признаки каждого типа героев в аспекте жанрово-стилистических доминант, анализируются приемы их художественной персонализации. В результате автор приходит к выводу, что появление в литературе восточного фронта образа «инокультурного героя» в пространстве тайги связано с натурфилософской и экософской проблематикой. В русской литературе фронтирная оппозиция «дикость — цивилизация» была переосмыслена как «природа — цивилизация». Обобщенно-символическая мифологизация героев

«пространства тайги» как воплощение идеала гармонии между человеком и природой обусловила константность этого типа в литературе XX в. (В. К. Арсеньев, Н. А. Байков, М. М. Пришвин, О. М. Куваев, В. П. Сысоев). Тип инокультурных персонажей в «городском» пространстве характеризуется высокой степенью социально-исторической обусловленности. Изменение вектора изображения «иностранцев» в сторону художественной персонализации связано с развитием этнотолерантности в условиях поликультурного восточного фронта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фронтир; геопоэтика; инокультурный персонаж; нарратив; литературный этнографизм; путевая проза; приемы персонализации героя

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01494 «Образ дальневосточного фронта в русской путевой прозе XIX века»).

Ц и т и р о в а н и е: *Васильева Т. В.* Образы инокультурных персонажей в литературе восточного фронта второй половины XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 9–24. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.001>

Поступила в редакцию: 19.07.2023

Принята к печати: 27.05.2024

Tatiana V. Vasilyeva
Pacific National University
Khabarovsk, Russia

IMAGES OF ETHNOCULTURAL CHARACTERS IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

This article analyses the distinctive characteristics of literary portrayals of ethnocultural individuals residing in the eastern frontier regions during the period of Russian exploration in the Far East during the latter half of the nineteenth century. Referring to the travel prose of S. V. Maksimov, N. M. Przhevalsky, A. V. Eliseev, and D. I. Schreider, the author provides a comprehensive overview of the evolution of the artistic representation of “foreigners” from the generalised description of ethnocultural communities coexisting on the territory of the cross-cultural space of the eastern frontier to the appearance of personalised images of ethnocultural characters in the frontier narrative. The objective of the study is to examine the specifics of the representation of “foreigners” in literature about the Far East from the perspective of frontier poetics. The author employs the comparative-historical method, which provides a comparison of similar elements in literature, folklore, and mythology, as well as the structural-semiotic method, which makes it possible to identify the constant elements of the artistic whole. The author suggests that the narratives of the eastern frontier are represented by two types of ethnocultural characters, which became constant for the subsequent literary tradition: 1) those acting in natural locations;

2) those appearing in a multiethnic urban space. The article highlights the differential features of each type of characters in terms of genre and stylistic dominants and analyses the methods of their artistic personalisation. As a result, the author concludes that the appearance in the literature of the eastern frontier of the image of ethnocultural characters in the space of “taiga” is associated with the ecosophical concept. This resulted in a shift in perspective within Russian literature, where the frontier opposition between “wildness” and “civilization” was reinterpreted as a contrast between “nature” and “civilization.” The generalised symbolic mythologisation of the characters of the “taiga space” as the embodiment of the ideal of harmony between man and nature determined the constancy of this type in 20th-century literature (V. K. Arseniev, N. A. Baikov, M. M. Prishvin, O. M. Kuvaev, V. P. Sysoev), while the type of ethnocultural characters in the “urban” space is characterised by a high degree of social and historical conditioning. The shift in the vector of depicting “foreigners” towards artistic personalisation is due to the development of ethnic tolerance in the conditions of the multicultural eastern frontier.

К е y w o r d s: frontier; geopoetics; foreign character; narrative; literary ethnographism; travelogues; character personalisation techniques

Acknowledgements

The study was prepared within the framework of scholarly project 23-28-01494 “The Image of the Far Eastern Frontier in the Russian Travel Prose of the 19th Century” supported by the *Russian Science Foundation*.

F o r c i t a t i o n: Vasilyeva, T. V. (2025). Obrazy inokul'turnykh personazhei v literature vostochnogo frontira vtoroi poloviny XIX v. [Images of Ethnocultural Characters in the Second Half of the 19th Century]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 9–24. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.001>

Submitted: 19.07.2023

Accepted: 27.05.2024

Введение

В настоящее время в научном дискурсе категория «фронтира» имеет полноценный гносеологический статус. Введенный в науку Ф. Дж. Тернером термин «фронтир» (от англ. *frontier* ‘рубеж, граница’), обозначающий точку, где встречаются «дикость и цивилизация», в современной науке приобрел статус междисциплинарного, что обусловило семантический сдвиг в понятии от оппозиции «дикость — цивилизация» и конкретно-исторической локальной отнесенности в сторону концептуализации фронтира в качестве универсального конструкта научного знания [Тюрин; Шиловский; Басалаева, 2012а; 2012б]. Обосновывая необходимость создания релевантной методологии анализа феномена фронтира на современном этапе, И. П. Басалаева подчеркивает важность нарратологического анализа «существующего массива текстов (от исторических документов до литературных произведений, биографики, пейзажной живописи, кинематографических произведений и т. п.), то есть суммарной репрезентации

образа территории» [Басалаева, 2012б, с. 27]. Исследования художественной рецепции фронтальных процессов представляются актуальными в первую очередь не только потому, что они являются источником отражения фронтальных паттернов, позволяющих реконструировать объективные процессы того или иного исторического этапа, но и прежде всего потому, что фольклор, фронтальная литература, публицистика, живопись и т. п. осмыслили фронт в гуманистической парадигме — парадигме «человеческого измерения», тем самым моделируя ментальный образ фронта в национальной картине мира.

В современном литературоведении категория фронта также начинает приобретать методологический статус, прежде всего, в геопоэтических исследованиях. Методология геопоэтических исследований базируется на осмыслении проблемы «пространство и человек» в антропологическом аспекте и связана с исследованием геопоэтического содержания произведений, создающих художественный образ региона [Александрова-Осокина].

Категория фронта становится базовым понятием в выделении семантического ядра локальных сверхтекстов. В частности, Н. С. Милянчук отмечает, что в условиях восточного фронта сформировался особый тип текста, «имеющий специфическую семантическую и коммуникативно-грамматическую структуру, которая отражает идею освоения обширных пространств, преодоления трудностей, идею выживания в борьбе со стихией, с враждебными силами» [Милянчук, с. 185]. Идеино-содержательные нарративы в литературе восточного фронта в первую очередь направлены на концептуализацию образа российского Дальнего Востока [Фетисова; Головнев, Головнева]. Важным выводом исследований нарративов восточного фронта является мысль о том, что в дальневосточном фронтальном дискурсе текстопорождающими константами становятся мотивы «природной исключительности, этнокультурной неоднородности, окраинности и мотивы переселенчества» [Головнева, Мартишина, с. 217].

Художественное представление территории Дальнего Востока как полиэтничного пространства становится важнейшим паттерном в литературе восточного фронта. Это обуславливает наличие в художественном пространстве произведений, посвященных Дальнему Востоку, образов представителей иных народов, что становится константной чертой фронтального дискурса [Елисеев; Арсеньев; Байков; Пришвин; Федосеев; Куваев; Сысоев]. Манза Тунли в очерке «В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)» А. В. Елисеева, гольд Дерсу Узала в произведениях В. К. Арсеньева, старик-китаец Тунли в повести «Великий Ван» Н. А. Байкова, эвенк Карарбах в «Злом духе Ямбуя» Г. А. Федосеева, чукотский пастух Кыяе в «Территории» О. М. Куваева, герои-проводники в повестях В. П. Сысоева являются знаками «иных менталитетов» [Васильева, 2021].

Важным представляется обозначить некоторые теоретические аспекты терминологии, применимой к описанию этих образов. В современной нарративной практике героев — представителей отличных от автора и читательской аудитории этнокультурных сообществ — принято называть «иноплеменной герой», «инокультурный персонаж», «инокультурный герой». Зачастую эти

понятия употребляются синонимично, однако, на наш взгляд, эти термины требуют различения. Внутренняя форма термина «иноплеменной герой» отражает внешний дифференциальный признак. Этот термин релевантен, когда в фольклорном или художественном дискурсе не ставится задача этнографического исследования «иной» этнической картины мира, а принадлежность к иному народу является лишь фактологическим признаком. При анализе произведений с этнографическим нарративом релевантным представляется использование в терминологической номинации прилагательного «инокультурный», поскольку художественной задачей становится знакомство читателя с тем или иным этнокультурным сообществом, с его ценностно-мировоззренческими установками, элементами материальной культуры и т. д. Дифференциальным признаком понятий «инокультурный персонаж» и «инокультурный герой» согласно общепринятой в литературоведении позиции является степень вовлеченности текстового субъекта в действие [Чернец]. Таким образом, об «инокультурных героях» восточного фронта в русской литературе XIX в. возможно говорить только в исследованиях произведений в которых публицистический дискурс путевой прозы перестает доминировать, уступая место художественному (А. В. Елисеев, Д. И. Шрейдер, С. В. Максимов и др.), а инокультурному персонажу придаются индивидуализированные черты (имя, художественная биография, последовательность действий в определенном хронотопе, обозначается его вещный мир, черты характера, мировоззрение и т. д.).

Несмотря на актуальность проблематики изучения фронтальной литературы, образы инокультурных героев на территории восточного фронта описаны преимущественно на материале литературы XX в. [Забияко; Петраченко; Трубицина; Яроцкая]. Однако традиции изображения этих персонажей сложились уже в литературе XIX в., что требует научного осмысления этого этапа как значимого в развитии русской фронтальной литературы.

Образы инородцев в этнографической путевой прозе восточного фронта

Уже в XVIII в. в документально-художественной маринистике встречаются этнографические зарисовки народов Дальнего Востока и соседних с ним стран (Г. И. Шелихов, Н. П. Резанов, И. Ф. Крузенштерн и т. д.). В первой половине XIX в. в путевой прозе писателей-путешественников (Ф. П. Врангель, В. М. Головнин, Ю. Ф. Лисянский, Ф. П. Литке и т. д.) формируется ряд жанрово-художественных констант, таких как «пространственно-хронологическая сюжетика, географические характеристики маршрута, описание поведения членов экспедиции, этнографические зарисовки» [Фетисова]. По словам Л. Е. Фетисовой, «...Обязательным стало описание быта аборигенов на территории, недавно вошедшей в состав России, а также населения сопредельных азиатских стран — Японии, Китая, Кореи» [Там же, с. 179]. Тем не менее, отдельные образы инокультурных персонажей, возникающие на страницах книг первой половины XIX в.

обезличены, чаще всего не имеют имен, обобщены и ограничены возрастным или социальным статусом, т. е. представлены исключительно в этнографическом ракурсе. Перцепция «инородцев» репрезентируется в системе бинарной оппозиции «свое — чужое» как чистого объекта, лишённого субъектных качеств. Эти традиции представления «инородцев» сохраняют свое значение и в период формирования литературы восточного фронта, отражающей процессы сухопутного крестьянского переселения на Дальний Восток (1860–1880-е гг.).

Значимым литературным трудом в литературе восточного фронта стала книга С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.)». В книге С. В. Максимова впервые формируется собственно фронтальный дискурс, когда осмысление процессов освоения восточных территорий осуществляется не только «извне», с позиции писателя-публициста (где, безусловно, будет преобладать этнографизм как представление экзотических земель и народов), но и изнутри, через объективацию сознания людей фронта: крестьянских переселенцев, казаков, гарнизонных солдат и т. д., непосредственно взаимодействующих с представителями иных народов. В сознании людей фронта взаимодействие с «инородцами» становится способом выживания на новых территориях, возможностью в процессе межкультурного взаимодействия освоить новые способы ведения хозяйства, разительно отличающиеся от привычных (охота в уссурийской тайге, рыболовство в условиях промерзающих рек, борьба с наводнениями и т. д.). Кроме того, С. В. Максимов, будучи приверженцем идей В. Даля, изменил ракурс представления героев, направив его на постижение народного духа через фольклор, язык, мифологию и т. д. Это повлекло изменение мировоззренческой позиции в осмыслении взаимодействия русских с этносами восточного фронта с оппозиции «свой — чужой» на оппозицию «Я — Другой» (другой как я), что отчасти сместило фронтальные нарративы с оппозиционного противопоставления на поиск общего в мировосприятии разных народов. В дискурсе С. В. Максимова подчеркивается сосуществование людей с различной ментальностью: «— Дружно вы живете с ними, не бранитесь, не деретесь? — Зачем драться? Мы от них худого не видим: друг дружке помогаем тоже, потому что все заедино» [Максимов, с. 199].

По Максиму, русская ментальность, основанная на соборности, стремлении к созидательному труду и способности выносить трудности, стала ценностным основанием взаимодействия с иными народами на фронтальных территориях в гуманистической парадигме, а не насильственным путем¹. Тем не менее, образы «инородцев» в прозе С. В. Максимова еще обобщены, лишены личностных персональных черт, и выступают в качестве иллюстраций этнокультурных различий (внешность, особенности национального костюма, ритуалы, быт, общественный статус и т. д.). Отчасти объяснением этому является начальный этап

¹ С. В. Максимов акцентирует внимание читателей на китайском и маньчжурском притеснении коренных народов Приамурья, вводя в описание картины разоренных жилищ, капищ, мест захоронений, а также объективирует сочувствие русских поселенцев коренным жителям.

освоения новых территорий, когда в ментальной картине русского человека еще не произошел поворот к осознанию новых земель как части России². Несмотря на это, книга С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.)» стала важным эволюционным этапом формирования фронтальной мифологии, согласно которой в мифе о Дальнем Востоке появились не только мотивы полиэтнического разнообразия территории восточного фронта, но и мотивы этнотолерантности, мысль о невозможности освоения территории без межкультурного диалога [Васильева, 2023].

Образы инокультурных персонажей в пространстве дальневосточной тайги

Изменения в представлении образов «инородцев» в последнее десятилетие XIX в. обусловлены смещением публицистической доминанты в сторону художественной. На этот период развития литературы восточного фронта приходится второй крупный этап переселенческих процессов на Восток, и предметом художественной рефлексии восточного фронта, помимо забайкальского, камчатского, амурского, становится уссурийский фронт. Образ Уссурийского края в литературе начинает осмысляться в новой жанровой разновидности — географическом очерке, в котором текстопорождающим концептом становится образ природы, а сюжетику строится по канонам приключенческой литературы (преодоление препятствий, борьба со стихией, охота, выживание в условиях дикой природы). В представлении темы «человек и природа» в произведениях о Дальнем Востоке отчетливо прослеживаются два вектора: научно-натуралистическая природоведческая проза (очерки «Путешествия в Уссурийском крае» (1870) Н. М. Пржевальского) и натурфилософская проза («В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)» (1891) А. В. Елисеева).

Фронтальные нарративы Н. М. Пржевальского связаны с «пустотой» и «дикостью» Уссурийского края: «Кругом не видно ни малейшего следа руки человека; всё дико, пустынно, нетронуто. Только звери, которые то там, то здесь мелькают по сторонам, напоминают путнику, что эти леса полны жизни, но жизни дикой, своеобразной»; «езде безлюдье, пустыня в пустыне» [Пржевальский, с. 34].

Образ автора в очерках представлен как образ «образованного европейца», поэтому в изображении «инородцев» обнаруживаются отголоски эволюционистского подхода. Так, в частности, манз он называет «малыми детьми», подчеркивая их удивление привычными для европейца артефактами цивилизации.

На страницах «Путешествия в Уссурийском крае» описываются китайцы (манзы), корейцы, бирар-тунгусы, гольды, орочи (тазы). Н. М. Пржевальский следует традициям этнографического представления «инородцев», характерным для литературы путешествий предшествующего периода, подробно описывая

² С. В. Максимов не раз подчеркивает, что в сознании переселенцев есть «Расея» и есть «Амур» и «амурцы» как нечто особое, отличное.

особенности быта, традиций, промыслов и т. д. При этом автор оценивает перспективы межкультурного взаимодействия с разных сторон и предлагает собственные проекты, например, переселить корейскую диаспору подальше от корейских границ, или, например, размышляет о важности межэтнических браков как способе сохранения доминантного положения русских на новых российских территориях.

Существенным вкладом Н. М. Пржевальского в развитие литературы восточного фронта можно считать тот факт, что впервые доминантным фронтальным хронотопом становится локус уссурийской тайги, а нарративы представления «инородцев» направляются в сторону подробного описания их традиционных промыслов в тайге (добыча пантов, сбор женьшеня, ловля кеты во время нереста, охота на соболей и копытных, охота на тигра).

В документальном дискурсе «Путешествия в Уссурийском крае» (1870) автор достаточно дистанцирован от инокультурных героев и основным приемом их представления читателю становится этнографическая научно-достоверная справка, вынесенная у Пржевальского в отдельную главу. В очерке-воспоминании А. В. Елисеева «В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)», напротив, преобладает художественный этнографический дискурс, и наряду с автором-повествователем участником основного действия становится инокультурный герой.

Образ старика-охотника Тунли из очерка А. В. Елисеева «В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)» стал литературной первоосновой для целой галереи образов инокультурных героев, сопровождающих авторов-путешественников в локациях дальневосточной тайги (Тунли из повести «Великий Ван» Н. А. Байкова, Дерсу Узала у В. К. Арсеньева, Лувен у М. М. Пришвина, Карарбах у Г. А. Федосеева и т. д.). Доминантным идейным мотивом в образе Тунли является его близость к природе, единство с ней. Автор отчасти мифологизирует образ «сына дикой Маньчжурии», используя зооморфные метафоры в портретной характеристике героя: «чутье собаки, глаз сокола, ухо зайца и ловкость тигра — вот качества старого лесного бродяги, какие чуть не от рождения приобрел или унаследовал Тунли... Человек и зверь соединились в нем, но зверь не заглушил человека» [Елисеев, с. 5]. Фольклорно-мифологические реминисценции в образе старого охотника наблюдаются и в авторской характеристике биографии героя через номинации родства: «его женою была дикая тайга, его братьями — дикие звери, его детьми — бесприютные манзы» [Там же, с. 6]. Мифологизация героя обусловлена натурфилософской поэтикой А. В. Елисеева, в которой тайга является сакральным местом, где жизнь и смерть зависят от фатума природы. Охотника автор называет «Немвродом пограничной Маньчжурии», подчеркивая его непревзойденное охотничье мастерство в добыче соболей, в охоте на тигров, в добыче «многоценных пантов» [Там же, с. 10]. Отсылка в авторской номинации к легендарному библейскому охотнику связана с перифразом не только охотничьего мастерства, но и удивительной для автора связи Тунли с животными, умением «повелевать» ими: «он был настоящим *царем*, идущим по верховьям Суйфуна тайги» [Там же, с. 5].

Противоречие между мифологическим сознанием, которым наделяет «инородца» автор, и реалиями исторического времени, где все подчиняется власти золота, подчеркивается А. В. Елисеевым в характере героя: «странная противоречивая натура его совмещала в себе такие две несходные стороны характера, как роковое стремление к наживе и обречение себя на жизнь и смерть в тайге. Грубый материалист уживался в нем с полудиким таежником, любящим лес выше всего в мире, мрачный фаталист — с мечтателем, легко смотрящим как на жизнь, так и на смерть» [Елисеев, с. 9]. Эта антиномичность, совмещающая в одном человеке идеализм мифопоэтического сознания «человека природы» и пороки современной автору цивилизации, свидетельствует о новом ракурсе восприятия «инородца»: не столько как представителя определенного этноса, но как человека фронта, вобравшего в себя ценности и пороки кросс-культурной «порубежной» среды. Вероятно, на персонализацию инокультурного героя как одного из главных действующих персонажей в охотничьих нарративах оказала влияние европейская и американская традиция приключенческой беллетристики конца XIX в. (Луи Жаколио, Луи Буссенар, Майн Рид, Ф. Купер), в которой аборигены-проводники, следопыты воплощали трансформированный образ «благородного дикаря». Типичность образа «местного» охотника в «дремучих заповедных лесах» подчеркивается Елисеевым: «Я остановился на описании этого любопытного типа лесного бродяги, который я встречал и в Лапландии, и на Урале, и в Обонежье, и на Кавказе и в Алжирии, и на Тавре...» [Там же, с. 10]. Однако примечателен тот факт, что если в американской и европейской литературе образ инокультурного героя-проводника свойственен приключенческой беллетристике, в русской литературе он возникает в натурфилософской прозе как идеал человека, гармонично сосуществующего с природой, живущего по ее естественным законам: «Они научают понимать глубже природу, читать яснее в ее раскрытой книге, находить счастье в общении с нею, доказывая примером собственной жизни, как могуч даже один, предоставленный самому себе, человек в борьбе и вместе с тем в союзе со всемогущею природой» [Там же].

В образе Тунли автор подчеркивает внерациональное стремление инокультурного героя помогать всем нуждающимся в помощи: «его сердце было отзывчиво к нуждам ближнего». Этот мотив помощи путникам станет константным в последующей традиции изображения инокультурных героев в природном хронотопе [Яроцкая]. Константным станет также представление героя-проводника стариком. Старость в художественном портрете инокультурного героя не столько геронтологическая черта, сколько атрибут архетипического концепта «мудреца», учителя, покровителя. Как отмечает Елисеев, Тунли называли «отцом» и «дедом» [Елисеев, с. 5]. В характеристике образа старика-проводника автор использует номинации родства, подчеркивая его родственные чувства к ближнему.

Важными чертами нарратива восточного фронта в изображении инокультурного героя в литературе второй половины XIX в. являются этнографические элементы, связанные с этноидентификацией героя (внешность, костюм,

традиционные ритуалы, бытовые артефакты и т. д.), и особая речевая характеристика³, отражающая кросс-культурные языковые процессы. С появлением в литературе восточного фронта инокультурного героя – спутника автора фронтальный дискурс изменяется на совместный «мы-дискурс», в котором постепенно уменьшается культурная пропасть между представителями различных этносов и формируется понимание новых российских территорий как объективно поликультурных, как пространства, на котором межкультурное взаимодействие возможно исключительно на гуманистических основах.

Образы инокультурных героев в «городском» тексте дальневосточного фронта

Заметным явлением во фронтальной литературе стал выход книги Д. И. Шрейдера «Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае)». Д. И. Шрейдер – писатель-публицист, путешественник, сотрудник газеты «Русские ведомости». Наиболее известные его книги «Япония и японцы», «Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае)» были высоко оценены современниками. В рецензии на книгу «Япония и японцы» в журнале «Мир Божий» (1895, № 12) отмечается «живость описания, местами почти художественная», а также ориентированность автора на объективность изображения: «Не довольствуясь личными наблюдениями, автор везде старается обосновать свои взгляды цифровыми данными и мнениями лиц, долго живших в стране и хорошо ее знающих, что делает книгу г. Шрейдера положительно незаменимой для русских читателей» [Острогорский, с. 37]. Если книга «Япония и японцы» продолжает традиции В. М. Головина, И. А. Гончарова, поражая современников «удивительным проникновением в дух страны» [Там же], то книга «Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае)» уникальна прежде всего тем, что в ней впервые наиболее полно представлен городской фронт полиэтнического города. Писатель посетил Владивосток через тридцать лет после его основания и подробно описал его этнический состав, природный и городской ландшафт, специфику языковых контактов и кросс-языковые явления, будни и досуг местного дворянского общества, аналитически оценил историко-культурные и экономические процессы на новых российских территориях.

Примечателен тот факт, что ракурс описания инородцев направлен именно на представление их как людей фронта, поэтому писателя интересуют не столько корейцы, сколько «каули» (корейцы-рабочие во Владивостоке),

³ Характерно, что в дискурсивной практике фронтальной прозы конца XIX в. было принято давать лингвистическую справку, в которой не только давался дословный перевод «фронтального языка», но и объяснялась семантика отдельных слов. В частности, у А. В. Елисеева фраза «Не сыпи, капитан. Чифани Ю» сопровождается комментарием: «...то есть не спи, капитан, обед готов» – фраза на смешанном русско-китайском языке, которым говорят русские с китайцами в Южно-Уссурийском крае. Всех чиновных русских здесь принято называть «капитан».

не столько китайцы, сколько «манзы» и «хунхузы», не столько кавказцы как представители конкретного этноса, сколько кавказцы как один из типов городских торговцев и т. д. Если инокультурные герои, действующие в пространстве тайги, наделены преимущественно мифологическим сознанием и при всей направленности на этнографический реализм часто выступают «внеисторичными» символическими фигурами (о чем свидетельствует константность этого типа в литературе путешествий XX в.), то инокультурные герои в городском пространстве представлены в контексте исторических и социально-экономических процессов, а их характеры и мировоззренческие ценности обусловлены социально. Каждый инокультурный персонаж Д. И. Шрейдера является представителем определенной социальной среды (в частности, Чжэнь-Люнь-Сянь — чернорабочий, Ли Хун Чу и Кон-До-Шен — типичные представители подрядчиков, Тан Юн Шан — земледелец, как собирательный образ изображаются представители китайской аристократии, и т. д.). Художественные биографии героев отражают факты социально-исторических процессов, происходящих в сопредельных государствах (неурожай и голод в Корее, обусловивший миграцию корейцев на территории Южно-Уссурийского края [Шрейдер, с. 182], запрет Китая на миграцию детей и женщин [Там же, с. 105], расцвет контрабанды опиума [Там же, с. 126], разбои хунхузов [Там же, с. 224], получение инородцами русского подданства [Там же, с. 212] и т. д.).

По мнению Д. И. Шрейдера, полиэтничность Владивостока и присутствие на его территории большого числа иностранных рабочих обусловлены крайней бедностью соседних с Владивостоком стран.

В книге Д. И. Шрейдера представлен ряд инокультурных персонажей, функция которых наглядно-образно подтвердить аналитические размышления автора, композиционно предшествующие сюжетно-событийному ряду с инокультурными персонажами. Так, например, появлению персонажей Ли Хун Чу, Кон-До-Шена, Чжэнь-Люнь-Сяня в главе «В гостях у Ли Хун Чу» предшествуют следующие идейно-тематические блоки, вербализированные автором в номинации подглав: «роль и значение манзы прежде и теперь»; «иммиграция китайцев», «отношение властей», «манза и русский» («гном и богатырь»), «вкус к работе», «его много не нузи», «манзовские артели», «роль рядчиков», «что такое русско-китайский язык» [Там же, с. 48]. В главе «В гостях у Ли Хун Чу» размышления автора приобретают зримую художественную форму. Так, крайняя бедность манз подчеркивается в интерьере жилища Ли Хун Чу, процессы трудовой иммиграции китайцев и отток капитала на родину «инородцев» художественно репрезентированы в биографии Чжэнь-Люнь-Сяня, у которого была мечта вернуться на родину и увидеть свою «бабушку» (жену), роль подрядчиков («рядчиков») в межкультурной коммуникации между манзами и русскими и распределение социальных статусов внутри артелей наглядно представлены в распределении мест за обеденным столом и т. д.

Речевая характеристика инокультурных героев Шрейдера иллюстрирует специфичный для дальневосточного пространства особый русско-китайский

язык. Автор посвящает отдельную главу (глава 5 «Русско-китайский диалект») анализу специфики особого фронтального наречия, которое используется в межкультурной коммуникации. Писатель фиксирует в речи инокультурных героев большое количество фонетических искажений («Блата рис кушай, кули, сыпи»⁴ [Шрейдер, с. 78]). Синтаксис фраз этих персонажей сводится к номинативным конструкциям. При этом автор в речевом дискурсе персонажей отмечает такую концептуальную черту китайского языка, как метафоричность, подчеркивая любовь героя Кон-До-Шена к русскоязычным поговоркам как результат языковой интерференции, которые, по замечанию автора, переняли многие манзы в деловом дискурсе: «Это не мешало ему, однако же, украшать свою речь пословицами и поговорками, обличавшими в нем хорошее знакомство и с чуждым ему языком, и с главными сторонами своеобразной окраинной культуры. “Лука луку моет — оби шисты бывают”, “ты — мене, я — тибе: оба ситы”... Он любил поговорить преимущественно о высоких материях, любил притом говорить метафорами, образами, не торопясь, медленно...» [Там же, с. 89]. В частности, Кон-До-Шен адаптирует поговорки «каждый кулик свое болото хвалит» и «волк в овечьей шкуре» в традициях «русско-китайского диалекта»: «фсакий птиц, который называють кулик, хвалить ту грязь, ф которой с детками жифет»; «когда фолк наденет шкуру офечки, — офечва испугается: офечка всегда боится фолка, таже когда фолк — хороший фолк» [Там же, с. 93]. Эти пословицы инокультурный герой употребляет в обличительной речи в адрес автора, пытаясь объяснить, что «манзофски шеловэк — тожи шеловэк» [Там же], что шокирующая русских специфика бытовой жизни манз — элемент их культуры, которая не заслуживает осуждения и высокомерия со стороны русских. В разговорах автора-рассказчика с инокультурными героями раскрываются новые аспекты межкультурного взаимодействия, свидетельствующие о наличии двусторонних этнических стереотипов, инокультурный герой обретает «голос», и уже может высказаться в адрес русских: «Русскому шеловеку не нравится, што манза шеремшей пахнет, а манзофски шеловек не нрафится, как русский пахнет» [Там же, с. 91]. Основным пафосом в представлении инокультурных героев в книге Д. И. Шрейдера становится постепенный разрыв связей персонажей-инородцев с родной этнической средой и представление их как людей нового типа — людей дальневосточного фронта, сделавших сознательный выбор образа жизни в условиях кросс-культурного пространства и формирующих новое, особое фронтальное сознание и фронтальную культуру.

Выводы

Таким образом, появление в литературе о Дальнем Востоке образов инокультурных героев стало важным этапом развития этнотолерантности на фронтальных территориях. Образы инокультурных героев фронта наделялись качествами,

⁴ Фраза сопровождается переводом Д. Шрейдера: «Братья едят, курят, спят».

которые не только являлись следствием бытийности героев в поликультурном пространстве, но и мифологизировались как часть ментального образа Дальнего Востока, закрепляя с одной стороны идеальные представления о «людях тайги» как воплощении гармонии в отношениях природы и человека, с другой стороны, формируя определенные этнокультурные стереотипы, художественно реализованные в инокультурных персонажах «города». Образ инокультурного героя в пространстве тайги наделялся внеисторическими, универсальными аксиологическими атрибутами мудрости и мужественности, тогда как в образах инокультурных героев городского пространства подчеркивались их адаптивные качества. Константными чертами фронтального нарратива в представлении образов инокультурных героев стал этнографический дискурс, а также особый способ речевой атрибутики персонажа, отражающий процессы кросс-языкового взаимодействия. Текстопорождающая оппозиция «автор — инокультурный герой-спутник» во второй половине XIX в. сформировала особый объединительный «мы-дискурс», изменивший предыдущую традицию изображения образов инокультурных персонажей в категориях «свой — чужой». Существенным вкладом писателей-путешественников второй половины XIX в. стало переосмысление фронтальной оппозиции «дикость — цивилизация». Природная исключительность пространств Дальнего Востока, позиционируемая писателями второй половины XIX в. как первозданный универсум, стала объектом художественной рефлексии, что обусловило появление во фронтальном дискурсе экософских мотивов, связанных с осмыслением степени допустимости вмешательства цивилизации в природу. Появление персонифицированного образа инокультурного героя — носителя экософского сознания — стало закономерным результатом развития традиций художественной рефлексии восточного фронта, где, с одной стороны, в соответствии с рационалистическим мировоззрением Запада дальневосточное пространство мыслилось «диким» пространством, пространством «пустоты», требующим цивилизационно-культурного созидания, с другой стороны — особым этнокультурным пространством, опирающимся на иррациональное традиционное мировоззрение Востока, в котором западным устремлениям к внешнему переустройству природы и общества противостояли идеи переустройства внутреннего мира человека и сохранения гармонии между человеком и природой.

Источники

Арсеньев В. К. Дерсу Узала // Арсеньев В. К. Собр. соч. : в 6 т. Владивосток : Рубеж, 2007. Т. 1. С. 397–640.

Байков Н. А. Великий Ван : повесть ; Чёрный капитан : роман / вступ. ст. Е. Ким. Владивосток : Альманах «Рубеж», 2009.

Елисеев А. В. В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке). СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1891.

Куваев О. М. Территория : роман. М. : Современник, 1984.

Максимов С. В. На Востоке: Поездка на Амур (в 1860–1861 г.): Дорож. заметки и воспоминания С. Максимова. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1864.

- Острогорский В. П.* Япония и японцы. Путевые очерки современной Японии // Д. И. Шрейдера // Мир Божий. 1895. № 12. С. 35–39.
- Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1990.
- Пришвин М. М.* Жень-Шень // Пришвин М. М. Собр. соч. : в 8 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 4. С. 5–78.
- Сысоев В. П.* За черным соболем : повести. Хабаровск : Кн. изд-во, 1966.
- Федосеев Г. А.* Злой дух Ямбуя. М. : Вече, 2011.
- Шрейдер Д. И.* Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае). СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1897.

Исследования

- Александрова-Осокина О. Н.* Вопросы геоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241>
- Басалаева И. П.* Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012а. № 2. С. 46–49.
- Басалаева И. П.* Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012б. № 21. С. 20–28.
- Васильева Т. В.* Художественные константы в изображении персонажей-представителей малых народностей в прозе В. П. Сысоева // Книжная культура Дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации : материалы II Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием), посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Сергея Иннокентьевича Красноштанова (1930–2018) / отв. ред. О. Н. Александрова-Осокина. Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т, 2021. С. 40–45.
- Васильева Т. В.* Мифология дальневосточного фронта в книге С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.)» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2518–2523. <https://doi.org/10.30853/phil2023039>
- Головнев И. А., Головнева Е. В.* Фронтальный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева // Уральский исторический вестник. 2019. № 3(64). С. 40–48. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-40-48](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-40-48)
- Головнева Е. В., Мартишина Н. И.* «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218. <https://doi.org/10.17223/2312461X/19/13>
- Забяко А. А.* Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–169.
- Милянчук Н. С.* К вопросу о «географической» типологии текстов: существует ли «дальневосточный» текст? // На перекрестках филологических дорог : сб. ст. : к юбилею д-ра филол. наук, проф. Елены Александровны Первушиной / под ред. Т. И. Петровой. Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2014. С. 177–185.
- Петраченко О. Н.* Образ инокультурного героя в произведениях Н. А. Байкова // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы участников VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. А. А. Новикова. Уссурийск : Дальневост. федер. ун-т, 2016. С. 22–26.
- Трубицина Н. А.* Культурологические идеи Иммануила Канта в повести М. М. Пришвина «Жень-Шень» // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 72–76. <https://doi.org/10.17223/18137083/54/8>

- Торин А. В. Как создавалась Россия: русский фронтир. М. : Вече, 2018.
- Фетисова Л. Е. Дальневосточная тема в русской литературе XVII–XIX вв. // Россия и АТР. 2003. С. 174–180.
- Чернец Л. В. О типах персонажей в русской литературе XIX века. М. : ООО «МАКС Пресс», 2018.
- Шиловский М. В. Освоение российского Дальнего Востока в XIX — начале XX века в рамках теории фронта / Актуальные вопросы истории Сибири. Тринадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сб. науч. ст. 13-й Всерос. науч. конф., Барнаул, 07–08 октября 2021 года / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2021. С. 171–174.
- Яроцкая Ю. А. Мотив помощи и образы помощников в текстах В. К. Арсеньева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3 (42). С. 65–73.

References

- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2020). Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii [Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism]. *Nauchnyi dialog*, 5, 216–241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241>
- Basalaeva, I. P. (2012a). Kriterii frontira: k postanovke problem [Criteria of the Frontier: On the Articulation of the Issue]. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 46–49.
- Basalaeva, I. P. (2012b). Sotsial'no-filosofskie osnovaniia kontseptsii frontira F. Dzh. Ternera [Social and Philosophical Foundations of F. J. Turner's Thesis of the Frontier]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 21, 20–28.
- Chernets, L. V. (2018). *O tipakh personazhei v russkoi literature XIX veka* [On the Types of Characters in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow: Max Press.
- Fetisova, L. E. (2003). Dal'nevostochnaia tema v russkoi literature XVII–XIX vv. [The Far Eastern Theme in Russian Literature of the 17th–19th Centuries]. *Russia and the Pacific*, 174–180.
- Golovnev, I. A., & Golovneva, E. V. (2019). Frontirnyi diskurs v tvorchestve V. K. Arsen'eva [Frontier Discourse in the Work of V. K. Arseniev]. *Ural Historical Journal*, 3(64), 40–48. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-40-48](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-40-48)
- Golovneva, E. V., & Martishina, N. I. (2018). “Vladet' Vostokom”: konstruirovaniie obraza regiona v tvorchestve V. K. Arsen'eva [“Owning the East”: The Image of the Region as Constructed in the Works of Vladimir K. Arseniev]. *Siberian Historical Research*, 1, 200–218. <https://doi.org/10.17223/2312461X/19/13>
- Milyanchuk, N. S. (2014). K voprosu o “geograficheskoi” tipologii tekstov: sushchestvuet li “dal'nevostochnyi” tekst? [On the “Geographical” Typology of Texts: Is there a “Far Eastern” Text?]. In T. I. Petrova (Ed.), *Na perekrestkakh filologicheskikh dorog: sbornik statei: k iubileiu doktora filologicheskikh nauk, professora Eleny Aleksandrovny Pervushinoi* [At the Crossroads of Philological Roads: A Collection of Articles: To the Birthday of the Doctor of Philology, Professor Elena Aleksandrovna Pervushina] (pp. 177–185). Vladivostok: Far Eastern Federal University.
- Petrachenko, O. N. (2016). Obraz inokul'turnogo geroia v proizvedeniiakh N. A. Baikova [The Image of a Foreign Hero in the Works of N. A. Baikov]. In A. A. Novikova (Ed.), *Literatura i kul'tura Dal'nego Vostoka, Sibiri i Vostochnogo zarubezh'ia. Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy uchastnikov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Literature and Culture of the Far East, Siberia and the Eastern Abroad. Problems of Intercultural Communication: Materials of the Participants of the VI All-Russian Scholarly and Practical Conference with International Participation] (pp. 22–26). Ussuriysk: Far Eastern Federal University.

Shilovsky, M. V. (2021). Osvoenie rossiiskogo Dal'nego Vostoka v XIX – nachale XX veka v ramkakh teorii frontira [Development of the Russian Far East in the 19th– Early 20th Centuries in the Framework of the Theory of the Frontier]. In V. A. Skubnevsky, & D. S. Bobrov (Eds.), *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Trinadtsatye nauchnye chteniia pamiati professora A. P. Borodavkina: sbornik nauchnykh statei 13-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Barnaul, 07–08 oktiabria 2021 goda* [Relevant Issues of the History of Siberia. Thirteenth Scholarly Readings in Memory of Professor A. P. Borodavkin: A Collection of Scholarly Articles of the 13th All-Russian Scholarly Conference, Barnaul, October 07–08, 2021] (pp. 171–174). Barnaul: Altai State University.

Trubitsina, N. A. (2016). Kul'turologicheskie idei Immanuila Kanta v povesti M. M. Prishvina “Zhen'-Shen'” [Immanuel Kant's Culturological Ideas of in M. M. Prishvin's *Ginseng*]. *Siberian Journal of Philology*, 1, 72–76. <https://doi.org/10.17223/18137083/54/8>

Tyurin, A. V. (2018). *Kak sozdavalas' Rossiia: russkii frontir* [How Russia Was Created: The Russian Frontier]. Moscow: Veche.

Vasilyeva, T. V. (2021). Khudozhestvennye konstanty v izobrazhenii personazhei-predstavitelei malykh narodnostei v proze V. P. Sysoeva [Fiction Constants in the Depiction of Characters Representing Ethnic Minorities in the Prose of V. P. Sysoev]. In O. N. Aleksandrova-Osokina (Ed.), *Knizhnaia kul'tura Dal'nevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy II Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia professora Sergeia Innokent'evicha Krasnoshtanova (1930–2018)* [Book Culture of the Far Eastern Region: Issues of History, Methodology, and Intercultural Communication: Materials of the II All-Russian Scholarly and Methodological Conference (with International Participation), Dedicated to Professor Sergei Innokentievich Krasnoshtanov's 90th Birthday (1930–2018)] (pp. 40–45). Khabarovsk: Pacific National University.

Vasilyeva, T. V. (2023). Mifologiya dal'nevostochnogo frontira v knige S. V. Maksimova “Na Vostoke. Poezdka na Amur (v 1860–1861 gg.)” [The Mythology of the Far Eastern Frontier in S. V. Maksimov's *In the East. A Trip to the Amur (in 1860–1861)*]. *Philology. Theory & Practice*, 16(8), 2518–2523. <https://doi.org/10.30853/phil20230395>

Yarotskaya, Yu. A. (2017). Motiv pomoshchi i obrazy pomoshchnikov v tekstakh V. K. Arsen'eva [The Motif of Help and the Images of Assistants in the Texts of V. K. Arseniev]. *Ojkumena. Regional Researches*, 3 (42), 65–73.

Zabiyako, A. A. (2011). Mifologiya dal'nevostochnogo frontira v soznanii pisatelei-emigrantov [The Mythology of the Far Eastern Frontier in the Minds of Émigré Writers]. *Religiovedenie*, 2, 154–169.

Васильева Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Высшей школы русской филологии
Тихоокеанский государственный
университет
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136
E-mail: 004711@pnu.edu.ru

Vasilyeva, Tatiana Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Higher School of Russian Philology
Pacific National University
136, Tikhookeanskaya St.,
680035 Khabarovsk, Russia
Email: 004711@pnu.edu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4500-8308>

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.002
УДК 821.161.1-1 Маяковский +
+ 821.161.1-1 Есенин + 81'42 + 808.1

И. В. Кудряшов
*Арзамасский филиал
Нижегородского государственного
университета
Арзамас, Россия*

ЗАТЕКСТ ИНВЕКТИВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ВЫПАДАХ В. МАЯКОВСКОГО И С. ЕСЕНИНА 1924 г.

Проведено историко-литературное исследование поэтического выпада В. Маяковского в адрес С. Есенина в стихотворении «Юбилейное» (1924) и ответа Есенина Маяковскому в стихотворении «На Кавказе» (сентябрь 1924 г.). Обе инвективы в литературоведении репрезентируются как литературный факт обмена поэтами уничижительными образными характеристиками, вызванного их желанием как можно больнее уязвить соперника словом. Отмечается, что устоявшиеся в науке интерпретации инвектив алогичны и не учитывают их диалогичности.

Предлагается идентифицировать смысловые связи инвектив, которые априори должны присутствовать между выпадом и ответной реакцией на него в едином диалоговом поле, образуемом в точке пересечения стихотворений «Юбилейное» и «На Кавказе» как литературного факта многолетнего творческого соперничества Маяковского и Есенина.

Представленная автором атрибуция границ инвективы В. Маяковского в стихотворении «Юбилейное», репрезентируемая явной и скрытой от посторонних глаз частями, проясняет диалогичность реактивной инвективы С. Есенина в «На Кавказе», выраженную в зеркальности есенинского ответа на выпад литературного оппонента в свой адрес. Сокрытое содержание обеих инвектив декодируется алкогольным кодом, к использованию которого прибегают поэты-соперники для уничижения не только творческих, но и личностных достоинств друг друга, что свидетельствует о накале их творческого противостояния, вышедшего за границы сугубо литературного спора.

Исследование обогащает современное литературоведение, предлагая новый взгляд на характер творческого соперничества Маяковского и Есенина, и открывает перспективы для дальнейшего изучения сложных взаимоотношений этих двух выдающихся русских поэтов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Есенин; Маяковский; инвектива; реактивная инвектива; интерпретация; затекст; пробки; балалаечник; поэтический диалог; литературный факт; взаимное оскорбление

Ц и т и р о в а н и е: *Кудряшов И. В.* Затекст инвектив в поэтических выпадах В. Маяковского и С. Есенина 1924 г. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 25–40. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.002>

*Поступила в редакцию: 28.10.2023
Принята к печати: 28.01.2025*

Igor V. Kudryashov

*State University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
Arzamas, Russia***AFTERTEXT OF INVECTIVES IN THE POETIC ATTACKS
OF V. MAYAKOVSKY AND S. YESENIN IN 1924**

This article deals with a historical and literary study of V. Mayakovsky's poetic attack on S. Yesenin represented by his *For the Jubilee* poem (1924) and Yesenin's response to Mayakovsky in his *In the Caucasus* poem (September 1924). In literary criticism, both invectives are represented as a literary fact of the exchange of derogatory figurative characteristics by the poets, caused by their desire to hurt their opponent as much as possible with the word. It is noted that the interpretations of invectives established in scholarship are illogical and do not take into account their dialogic nature.

The author suggests identifying the semantic connections of invectives that a priori should be present between the attack and the response to it in a single dialog field formed at the intersection of the poems *For the Jubilee* and *In the Caucasus* as a literary fact of the long-term creative rivalry between Mayakovsky and Yesenin.

The author's attribution of the boundaries of Mayakovsky's invective in the poem *For the Jubilee*, represented by an explicit part and by one hidden from prying eyes, clarifies the dialogic nature of Yesenin's reactive invective. In his *In the Caucasus*, through a mirroring image, Yesenin expresses a response to the attack of the literary opponent. The hidden content of both invectives is decoded by an alcohol-related code, which the rival poets resort to in order to disparage not only the creative, but also the personal merits of each other, indicating the intensity of their creative confrontation, which has gone beyond the boundaries of a purely literary dispute.

The study enriches contemporary literary scholarship by offering a fresh perspective on the nature of the creative rivalry between Mayakovsky and Yesenin, while also offering prospects for further exploration of the complex relationship between these two eminent Russian poets.

Key words: Yesenin; Mayakovsky; invective; reactive invective; interpretation; aftertext; cork; balalaika player; poetic dialogue; literary fact; mutual insults

For citation: Kudryashov, I. V. (2025). Zatekst invektiv v poeticheskikh vypadakh V. Maiakovskogo i S. Esenina 1924 g. [Aftertext of Invectives in the Poetic Attacks of V. Mayakovsky and S. Yesenin in 1924]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 25–40. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.002>

*Submitted: 28.10.2023**Accepted: 28.01.2025*

Поэтическая инвектива В. Маяковского в адрес Есенина в стихотворении «Юбилейное» (1924) и последовавшая есенинская реакция в стихотворении «На Кавказе» (сентябрь 1924 г.) в литературоведении преимущественно

аттестуется как обмен «особенно резкими выпадами» двух ярчайших поэтов-современников, которые стали результатом взаимного отталкивания очень разных художественных индивидуальностей и противоборства соперников, принадлежащих к враждебным литературным группам. При этом существующие в науке интерпретации самих инвектив — Есенин-«балалаечник» и Маяковский-«штабс-маляр» — сводятся к указанию на «уничжительность» взаимных образных именований, которые связаны между собой исключительно возникшим желанием поэтов как можно больше уязвить соперника словом. Размытость дефиниций инвективы Маяковского и реактивной инвективы Есенина не позволила исследователям идентифицировать их диалогические смысловые связи, которые априори должны присутствовать между выпадом и ответной реакцией на него в едином диалоговом поле, образуемом в данном случае в точке пересечения «Юбилейного» и «На Кавказе».

Отметим, что поэтические отзывы Маяковского о Есенине в стихотворении «Юбилейное» и Есенина о Маяковском в стихотворении «На Кавказе» как ценный источник информации о взаимоотношениях поэтов, их творческом диалоге неизменно находились в центре внимания ученых [см.: Земсков; Лекманов¹, Свердлов; Матросова; Перцов; Савченко, 2018; 2003а; 2003б]. И в этом отношении, безусловно, особая роль принадлежит книге М. А. Степановой «Есенин vs Маяковский: поэтическая дуэль» [Степанова], ставшей первым и пока еще единственным опытом системного монографического изучения творческого соперничества Есенина и Маяковского.

В исследовании М. А. Степановой делается попытка проследить биографические и творческие взаимосвязи Есенина и Маяковского, найти точки пересечения и отталкивания двух поэтических миров «таких разных, но таких близких друг другу поэтов» [Степанова, с. 201] с учетом исторического и культурного контекста эпохи Серебряного века. Автор, стремящийся к всестороннему охвату противостояния Есенина и Маяковского, которое началось со дня их знакомства и закончилось только со смертью последнего, тем не менее, подробно не комментирует особенно резкие выпады поэтов 1924 г., ограничиваясь указанием на имевший место литературный факт, состоявший из выпада Маяковского и «мгновенного ответа» Есенина, который устраивает свой «суд» над оппонентом, «умалая» его поэзию перед лицом классиков русской литературы Пушкина, Лермонтова и Грибоедова [Там же, с. 154–155]. Обобщающее исследование Степановой показательное в плане того, что комментаторами ранее не уделялось должного внимания этому литературному факту как кульминационной точке творческого противостояния, диалогичность содержания которого обогащает затекст. По этой причине существующие на сегодняшний день интерпретации инвектив аморфны и содержат так называемые «темные места». Во-первых, остается непроясненным, почему Маяковский называет Есенина «балалаечником», в то время как общеизвестно, что поэт вовсе не отличался виртуозностью игры

¹ Признан иноагентом в РФ.

на этом народном инструменте, в отличие от гармошки — народного инструмента того же «низового» уровня, что и балалайка. С какой целью Маяковским «подменяется» музыкальный инструмент? Что в отзыве Маяковского больно ранило Есенина, гордившегося своим непривилегированным, крестьянским, происхождением? Во-вторых, не мотивирован и поэтический отклик Есенина, который высмеял «штабс-маляра» Маяковского за воспевание исключительно «пробок в Моссельпроме», в то время как поэт сочинял рекламные тексты о детских сосках, конфетах, печенье, галошах и другой продукции предприятий сельскохозяйственной промышленности.

Неослабевающее внимание ученых к творческому диалогу Маяковского и Есенина, в котором обнаруживаются все новые и новые литературно-творческие связи и скрытые коды, мотивировано его значимостью как для углубления представлений об эволюции художественных миров обоих поэтов, так и для всестороннего осмысления творческих исканий в литературе Серебряного века.

Изучение диалогического взаимодействия поэтических миров Маяковского и Есенина имеет вполне сложившуюся научную традицию, заложенную исследователями еще в 60-х гг. прошлого века [см.: Аксенова; Земсков; Перцов]. В ее русле заслуживает внимания ряд исследовательских работ Т. К. Савченко, посвященных проблемам литературно-творческих связей, влияний и взаимовлияний Есенина и Маяковского [см.: Савченко, 2018; 2003а; 2003б], в том числе и ее монографическое исследование, одна из глав которого освещает проблему, связанную с отношением Маяковского к «последнему поэту деревни» [Савченко, 2014]. Вместе с тем отметим, что все вышеперечисленные труды ученых объединяет общая оценка поэтических выпадов поэтов 1924 г., которая сводится к двум положениям. Первое указывает на связь литературных событий: в воображаемой беседе с Пушкиным в «Юбилейном» Маяковский «уничжительно отзывается о Есенине и крестьянских поэтах», что послужило поводом к не менее унижительному есенинскому отклику в стихотворении «На Кавказе», в котором творчество «главного будетлянина» умалется на фоне заслуг классиков русской литературы. Второе объясняет унижительный смысл инвектив: именованьем «балалаечник» Маяковский подчеркивает «крестьянскую ограниченность» Есенина, который в ответ называет своего оппонента «штабс-маляром» за его деятельность в создании рекламных плакатов Моссельпрома. Обратим внимание, что исследователи ограничиваются исключительно текстуальной трактовкой инвектив, оставляя вне поля своего внимания их скрытые смысловые диалогические связи, которые обнаруживаются при обращении к затекстам, «выполняющим важную смыслообразующую роль в процессе рецепции» [Говорухина, с. 116].

Среди работ, содержащих интерпретации инвектив поэтов 1924 г., особое место принадлежит статье О. А. Лекманова² и М. И. Свердлова, в которой

² Признан иноагентом в РФ.

авторы, характеризуя поэтические выпады как «перепалку», первыми обратили внимание на наличие контраста инвектив, который репрезентируется в текстах «игрой масштабами»: «В этой перепалке самое главное — игра масштабами. Иронически упомянутые Маяковским балалайка и “гитара семиструнная” указывают на камерный масштаб есенинской поэзии. А Есенин у своего конкурента находит комическую неувязку масштабов — поэтическое громогласие на службе у пустякового быта (“поет о пробках”» [Лекманов, Свердлов, с. 32].

Накопленный в литературоведении опыт опосредованно способствует осмыслению имплицитных смысловых посылов инвектив, образующих обозначенные нами выше «темные места», и открывает возможность для нового прочтения текстов, которое значительно расширит существующие интерпретации литературного факта обмена инвективами Маяковского и Есенина в 1924 г. Это определяет главную цель предлагаемого исследования, опирающегося на методологические подходы (прежде всего биографический, системно-функциональный, историко-функциональный, герменевтический), которые сложились в современной практике сравнительно-сопоставительного изучения творческого наследия писателей-современников.

Утверждение первых исследователей-интерпретаторов инвектив, что Маяковский, называя Есенина «нарочитым, полемическим упрощением» «балалаечником», стремился подчеркнуть его «крестьянскую ограниченность», «от которой поэт уходил, но слишком медленно», основывалось на постулате, что общеизвестный народный музыкальный инструмент балалайка «был в то время “знаменем” отсталости» [Перцов, с. 54]. Данная трактовка инвективы Маяковского в адрес Есенина в ее вариациях превалировала в науке на протяжении нескольких десятилетий. В начале XXI в. исследователи О. А. Лекманов³ и М. И. Свердлов предложили иное толкование «издевательского пассажа» в «Юбилейном», считая, что этой инвективой Маяковский высмеивает «есенинский “звонкий”, певучий стих, <...> приравнивая его к низшим музыкальным жанрам» [Лекманов, Свердлов, с. 32]. В основе этой интерпретации лежит проведенная исследователями аналогия между мелодикой есенинского стиха и звучанием балалайки, на которой народными музыкантами (балалаечниками) исполнялись фольклорные музыкально-поэтические произведения «низших» жанров.

Однако общеизвестно, что Есенин не скрывал своего низкого, крестьянского происхождения, а, наоборот, с гордостью называл себя «последним поэтом деревни», «села давнишним жителем», «мечтателем сельским». На этом основании адресованная поэту инвектива Маяковского «балалаечник», в существующих на сегодняшний день трактовках ученых, могла лишь слегка задеть, но никак не обидеть выходца из простой крестьянской семьи, а сравнение мелодики его стиха с народными должно было быть воспринято Есениным как поэтический комплимент со стороны литературного конкурента, но отнюдь не как инвектива. Есенину же, по свидетельству В. А. Мануйлова, эти строки из «Юбилейного»

³ Признан иноагентом в РФ.

казались «самой большой обидой во всей жизни, и он не скрывал, что они его больно ранили» [Мануйлов, с. 174]. В своих воспоминаниях Мануйлов не поясняет, что именно в отзыве Маяковского так сильно обидело поэта и в чем конкретно состояла «несправедливость» резких строк поэтического соперника «о нем, о Есенине». Обстоятельство же того, что они были произнесены Маяковским в воображаемом разговоре с Пушкиным, к которому «Есенин всегда благоговейно относился» [Там же], по мнению мемуариста, усугубило воздействие на поэта инвективы Маяковского. Отмеченное Мануйловым обстоятельство, безусловно, имело большое значение в рецепции Есениным строк Маяковского о нем, но оно не проясняет уничижительного содержания самой инвективы, больно ранившей крестьянского поэта.

Известно, что балалайка в конце XIX — начале XX в. получает второе рождение благодаря деятельности выдающегося русского музыканта, балалаечника-виртуоза, организатора и руководителя первого в истории оркестра русских народных инструментов В. В. Андреева (1861–1918), стоявшего у истоков балалаечного академического исполнительского искусства и популяризовавшего в России и за ее пределами этот народный музыкальный инструмент [см.: Кузнецова; Мищенко; Просветов; и др.]. Еще в дореволюционные годы популярность балалайки была настолько высокой, что стекольный завод А. Р. Ликфельда начал производить фигурные бутылки «Балалаечник» (сюжет «Мужичок с балалайкой») объемом $\frac{1}{20}$ ведра (0,61 л). В них российскими производителями, в том числе товариществом П. А. Смирнова, разливалось крепкое очищенное хлебное вино, за которым впоследствии закрепилось название «водка». Фигурная тара «Балалаечник» служила продвижению продаж этого и без того популярного национального алкогольного напитка и была одной из самых распространенных «бутылок с сюжетом» в царской России. В популярности она уступала лишь бутылкам в форме медведя, также служившим оригинальной рекламной упаковкой хлебного вина [Ушаков, с. 83–106].

Отметим, что благодаря уникальности этого музыкального народного инструмента, его необычайно высокой всесословной популярности еще в дореволюционные годы начинает формироваться узнаваемый во всем мире национальный бренд «балалайка-балалаечник», который в 1920–1930-е гг. становится, наряду с медведем и водкой, одним из неофициальных символов, ассоциирующихся с жизнью в России, а отнюдь не «знаменем» отсталости», как утверждал исследователь В. О. Перцов, комментируя инвективу «балалаечник» [Перцов, с. 54].

Приведенный нами историко-культурный затекст проясняет важный дополнительный смысл, содержащийся в инвективе Маяковского «Есенин-балалаечник». Всенародная слава Есенина как поэта уничижительно уподобляется Маяковским популярности балалаечников в те годы, тем самым низводя уникальность таланта крестьянского поэта до заурядности. Это значение инвективы «балалаечник» отчасти объясняет «подмену» Маяковским гармошки на балалайку, но не проясняет до конца реакцию Есенина.

Наличие «темных мест» и противоречивость существующих на сегодняшний день трактовок инвективы Маяковского в адрес Есенина объясняется, на наш взгляд, неверным определением исследователями границ текста отзыва, образно характеризующего Есенина в «Юбилейном». Ученые не относят к инвективе (и на этом основании не комментируют) строки, которые следуют за прямой характеристикой Есенина и аттестуют его опосредованно (имплицитно), от противного. Эта содержательная часть инвективы мастерски сокрыта Маяковским в строках авторской самохарактеристики. Границы инвективы Маяковского, таким образом, определяются двумя ее частями: уничижающей Есенина эксплицитно и имплицитно. Являясь неотъемлемой составляющей выпада Маяковского в адрес Есенина, скрытая часть несет важную смысловую нагрузку и делает отзыв Маяковского цельным, законченным. Приведем строки из «Юбилейного» о Есенине, отметив те из них, которые ранее не включались учеными в состав инвективы Маяковского:

Ну Есенин,
 мужиковствующих свора.
Смех!
 Коровую
 в перчатках лаечных.
Раз послушаешь...
 но это ведь из хора!
Балалаечник!
Надо,
 чтоб поэт
 и в жизни был мастак,
Мы крепки,
 как спирт в полтавском штофе.
[Маяковский, т. 6, с. 52–53]

Отмеченный нами фрагмент — логическое продолжение авторской мысли инвективы, содержащейся в ее открытой части. В заключающих инвективу строках Маяковский укоризненно повелевает Есенину-«балалаечнику» изменить неподобающий поэту образ жизни, ставя ему в пример себя и поэтов-соратников по литературному цеху. В части инвективы, содержащей имплицитный смысл, Маяковский прибегает к яркому образному сравнению крепости жизненных установок поэтов его литературного цеха со «спиртом в полтавском штофе», указывая тем самым, от противного, на слабую сторону жизни Есенина — пристрастие поэта к спиртному. Известно, что образ жизни Есенина в эти годы был овеян «кабацкой славой» [см.: Наседкин; Розанов; Как жил Есенин; Прокушев], и поэтому использованное Маяковским образное сравнение со спиртом представляется отнюдь не случайным.

Намек на кабацкое пристрастие Есенина содержится и в образном именовании поэта «балалаечник», осмыслить которое помогает литературный затекст инвективы.

Смыслопорождающую функцию в отношении инвективы Маяковского в «Юбилейном» выполняют известные пушкинские строки из «Евгения Онегина», в которых балалайка (музыкант-балалаечник) выступает неизменным атрибутом кабака и его разгульного пьяного веселья: «Теперь мила мне балалайка / Да пьяный топот трепака / Перед порогом кабака» [Пушкин, т. 5, с. 174]. Та же кабацкая принадлежность инструмента (музыканта) отчетливо просматривается в эпизоде сна Раскольников о лошади, являющемся одним из самых тяжелых и запоминающихся в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Но вот вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками внакидку» [Достоевский, т. 6, с. 47]. Примеры из русской классики дополняет известный герой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» (1925), убитый в пивной алкоголик и рецидивист Клим Чугункин, профессией которого в листке значилась «игра на балалайке по трактирам» [Булгаков, т. 3, с. 166]. Этот яркий образ трактирного забулдыги-балалаечника из произведения писателя — современника Маяковского и Есенина косвенно способствует расшифровке алкогольного кода инвективы «балалаечник».

С целью декодирования скрытых смыслов именованного «балалаечник» обратимся к имени и образу Есенина в поэзии Маяковского. В стихотворении «Тамара и Демон», датированном сентябрем — началом октября 1924 г., Маяковский для передачи грохота течения горного Терека обращается к имени поэта-соперника, образно сравнивая бушующую реку с поведением Есенина в отделении милиции: «Шумит, / как Есенин в участке» [Маяковский, т. 2, с. 375]. Тот факт, что изначальный вариант этой строки, сохранившийся в черновиках Маяковского, звучал как «[Бушует] как [пьяный] в участке» [Там же, с. 637], дает весомое основание судить о состоянии Есенина. Позднее в статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский осудит нездоровый кабацкий образ жизни Есенина, нередко сопровождавшийся публичными скандалами и газетной шумихой, который поэт вел после возвращения в 1923 г. из-за границы: «К сожалению, в этот период с ним чаще приходилось встречаться в милицейской хронике, чем в поэзии. Он быстро и верно выбивался из списка здоровых (я говорю о минимуме, который от поэта требуется) работников поэзии» [Маяковский, т. 12, с. 94]. Последняя встреча с Есениным произвела на Маяковского «тяжелое и большое впечатление» из-за нездорового состояния поэта, вызванного его пристрастием к алкоголю, которое уже начало негативно сказываться на внешности поэта: «Я встретил у кассы Госиздата ринувшегося ко мне человека с опухшим лицом, со свороченным галстуком, с шапкой, случайно держащейся, уцепившись за русую прядь. От него и двух его темных (для меня, во всяком случае) спутников несло спиртным перегаром. Я буквально с трудом узнал Есенина» [Там же, с. 95].

Ко времени написания «Юбилейного» в сознании Маяковского за именем поэта Есенина уже достаточно прочно закрепилось определение кабацкого поэта, которое позднее, в стихотворении «Сергею Есенину» (1926), обретет

законченную форму в знаменитом поэтическом определении «звонкий забулдыга подмастерье» у народа-языкотворца, сохранив в своей основе негативное статусное значение беспутного гуляки, пропавшего поэта-пьяницы:

У народа,
у языкотворца,
умер
звонкий
забуддыга подмастерье.

[Маяковский, т. 7, с. 102–103]

Литературный титул «звонкого забулдыги подмастерья», присвоенный Маяковским Есенину уже после его смерти, несомненно, выше «балалаечника» — пристрастного к спиртному заурядного кабацкого поэта, одного из «хора мужиковствующих», так как в новом образном определении содержится признание Маяковским высокого статуса Есенина как поэта национального масштаба («подмастерье у народа, у языкотворца»). В то же время отметим, что и прижизненный, и посмертный титулы Есенина содержат указание на его пристрастие к спиртному. Во многом этому способствовал сам поэт, издавший отдельной книгой в июле 1924 г. сборник стихов «Москва кабацкая». Образ лирического героя этой книги, называвшего себя «озорным гулякой», «скандалистом», «повесой», «пропащим» и «хулиганом», негативно сказался на восприятии окружающими, в том числе и Маяковским, личности ее автора. Заметим также, что один из циклов стихов при подготовке к изданию собрания своих сочинений зимой 1925 г. Есенин задумывал назвать «Песни Забуддыги» [Есенин, т. 6, с. 638], тем самым емко, одним словом, охарактеризовав своего лирического героя.

И «балалаечник», и «забуддыга» характеризуют у Маяковского главным образом Есенина как человека. В многолетнем соперничестве поэтов стихотворение «Юбилейное» становится той точкой высшего накала противостояния, в которой поэтический спор двух непримиримых оппонентов выходит за рамки неписаных правил приличия в литературной среде и переносится Маяковским на личность Сергея Есенина, унижение его за неподобающий поэту кабацкий образ жизни. Унизительное оскорбление человеческого достоинства усугублялось тем, что слова инвективы были сказаны Маяковским в воображаемом разговоре с Пушкиным, перед которым Есенин «благоговел». Чуткий к слову поэт-«балалаечник» разгадал тайный смысл строк, зашифрованных алкогольным кодом. Содержание скрытой части инвективы, уязвляющей Есенина как личность, делает отзыв Маяковского особенно резким и по-настоящему оскорбительным. Нарушение автором «Юбилейного» кодекса творческого соперничества поэтов в борьбе за первенство на российском Парнасе стало для Есенина «самой большой обидой во всей жизни».

Декодирование содержания инвективы Маяковского в «Юбилейном» не только проясняет темные места есенинского ответа в стихотворении

«На Кавказе», но и выявляет диалогическую связь между выпадами поэтов, которая отнюдь не ограничивается банальным обменом унижительными титулами «балалаечника» и «штабс-маляра».

В своем ответе Маяковскому Есенин использует тот же алкогольный код, что и его соперник в «Юбилейном». Декодировать текст реактивной инвективы Есенина помогают «пробки», о которых поэт «главный штабс-маляр»:

Мне мил стихов российский жар.
Есть Маяковский, есть и кроме,
Но он, их главный штабс-маляр,
Поет о пробках в Моссельпроме.

[Есенин, т. 2, с. 108]

Свое отношение к Маяковскому и его моссельпромовскому творчеству Есенин высказал еще во время своего путешествия за границу в интервью одному немецкому изданию: «поэт с ограниченным дарованием», нашедший свое полное выражение в плакатном творчестве» [Есенин, т. 7, кн. 1, с. 346]. В беседе с репортером Есенин указывает на ограниченность поэтического таланта Маяковского, а следовательно, заурядность его творчества, вершиной которого стали «хозяйственные агитки» (рекламные тексты) на плакатах Моссельпрома. Есенинский отзыв о сопернике, заметим, шел вразрез с мнением Маяковского, считавшего свое двустушие «Нигде кроме, как в Моссельпроме» «поэзией самой высокой квалификации» [Маяковский, т. 1, с. 27].

Негативное отношение Есенина к моссельпромовскому творчеству Маяковского нашло выражение и в стихотворении «На Кавказе». В нем поэт указывает на хозяйственную, ограниченную сферой быта тематику творчества своего литературного оппонента: «Поет о пробках в Моссельпроме». Однако для выявления всех смысловых пластов, содержащихся в есенинской инвективе, важно уяснить, какие пробки стали темой поэзии «штабс-маляра». Идентифицировать пробки помогают выступающие в качестве затекста факты из жизни противоборствовавших поэтов.

Из творческой биографии Маяковского известно, что поэт сочинял рекламные тексты к разным товарам, производимым и реализуемым предприятиями Моссельпрома: детским соскам, конфетам, печенью, галошам, папиросам и пр., в том числе и Трехгорному пиву, реклама которого была подготовлена и сдана им Моссельпрому в начале февраля 1924 г.: «Долой запивающих до невязания лык, / но пей Трехгорное пиво, — / пей “Двойной золотой ярлык”»; «Трехгорное пиво выгонит вон / ханжу и самогон» [Маяковский, т. 5, с. 309–310]. Из всех многочисленных потребительских товаров, к которым Маяковским были сочинены рекламные тексты до сентября 1924 г., только бутылки Трехгорного пива закупоривались пробками. Этот факт в свете прояснения инвективы в «На Кавказе» заслуживает внимания и придает содержанию инвективы дополнительный смысл.

Семантика «пробок» конкретизируется воспоминаниями Ю. П. Анненкова о «пьяной ночи», проведенной с Есениным в «Альгамбре» в 1920 г.

Автор мемуаров приводит слова подвыпившего поэта, требующего от официанта, чтобы тот принес еще одну бутылку вина: «...Есенин стучал кулаком по столу: — Товарищ лакей! пробку!!» [Анненков, с. 167]. Требование к «лакею» завсегдатая питейных заведений Есенина автор воспоминаний сопровождает разъяснением значения слова «пробка», проливающим свет и на есенинский ответ Маяковскому в «На Кавказе»: «“Пробкой” называлась бутылка вина, так как в живых оставалась только пробка: вино выпивалось, бутылка билась вдребезги» [Там же].

Заметим, что бутылка вина, как и бутылка пива, в то время закрывалась пробкой, сделанной из коры коркового дуба (латинское название *Quercus siber*), поэтому «пробкой» у кабацких завсегдатаев называлась и бутылка пива, которую по требованию клиента приносил и откупоривал официант питейного заведения. В основе значения слова *пробка* лежит метонимический перенос названия с части на целое, репрезентируемый безглагольным (именным) императивом. К этому же приему Есенин прибегает и в стихотворении «На Кавказе» для обозначения объекта поэзии «главного штабс-маляра», называя «пробками» бутылки с пивом, которое рекламировалось Маяковским в Моссельпроме.

В «На Кавказе» Есениным осмеивается воспевание Маяковским именно пива, которое, как известно, является спиртосодержащим, слабоалкогольным напитком. Определенная нами дефиниция «пробок» позволяет установить диалогичность выпада Маяковского и ответа на него Есенина, образующуюся благодаря общему алкогольному коду инвектив поэтов.

Содержание реактивной инвективы Есенина, декодированное алкогольным кодом, обнаруживает намеренный контраст выпаду Маяковского, который показан в таблице, сравнивающей общие и контрастные точки пересечения смысловых векторов инвектив.

Сходство и контрастность инвектив

ОБЩЕЕ В ИНВЕКТИВАХ	
Заурядность	
<i>Раз слушаешь... / но это ведь из хора!</i>	<i>Есть Маяковский, есть и кроме</i>
КОНТРАСТНОСТЬ ИНВЕКТИВ	
Социальная принадлежность	
Балалаечник!	штабс-маляр
Деревенский музыкант	Городской мастеровой
Организованность	
<i>мужиковствующих свора</i>	<i>главный штабс-маляр</i>
Неорганизованность	Иерархическая организованность

Окончание таблицы

Профессиональный статус	
<i>...из хора! / Балалаечник!</i>	<i>главный штабс-маляр</i>
Низший, второстепенный	Высший, первенствующий
О себе Качество труда	
<i>спирт</i>	<i>пробки ('пиво')</i>
Высочайшее (100 %)	Слабое (4–6 %)
О себе Эстетичность и применение	
<i>полтавский штоф</i>	<i>пробки ('пивная бутылка')</i>
Красота, многоразовое применение	Тривиальность, одноразовое использование
Объем	
<i>штоф (1,23 л)</i>	<i>пробки ('пивная бутылка') (0,6 л)</i>
Целое	Часть (\approx половина от целого)
Масштабность	
<i>полтавский штоф</i>	<i>пробки ('пивная пробка')</i>
Эпохальность (жизнь страны в переломные моменты истории). Продолжение традиций «Полтавы» Пушкина. Противопоставление субъективизму песнопевческой стихии Есенина-«балалаечника»	Незначительность, мелкость, обыденность

Намеренная зеркальность есенинского ответа Маяковскому в стихотворении «На Кавказе» проясняет его кодированное содержание: величие поэта определяется масштабом его творчества, а отнюдь не крепостью жизненных устоев и бытом. Есенин указывает сопернику на его недостаток как поэта, состоящий в ограниченности его поэтического таланта «плакатным творчеством», воспеванием мелких хозяйственных предметов быта («поет о пробках»), в то время как сам Есенин на Кавказе в полной мере осознал себя «поэтом с большой эпической темой» [Есенин, т. 2, с. 108].

В ответе Маяковскому Есенин прибегает к емкому образу «пробки», чтобы «заткнуть рот» поэту-сопернику, оскорбившему его достоинство в воображаемом разговоре с Пушкиным. Обращение к фольклорному затексту как смыслообразующему источнику позволяет интерпретировать реактивную инвективу Есенина как весьма оригинальный и достойный ответ своему литературному оппоненту на инвективу, содержащую алкогольный код. Фольклорный затекст

привносит в есенинские строки дополнительный смысл: Маяковский, слово-творчество которого ограничено (ограниченность — свойство глупости) воспеванием моссельпромовских пробок, быта (ср. со значением пословицы «глуп, как пробка»), не сможет заставить замолчать «созревшего» поэта «с большой эпической темой» (ср. с пословицей «рта пробкой не заткнешь»). На оскорбительный укор в нездоровом пристрастии к кабаку в «Юбилейном» Есенин ответил не менее уничижительными строками в «На Кавказе», порицающими в Маяковском глупость.

Таким образом, атрибуция границ инвективы В. Маяковского в «Юбилейном», репрезентируемая явной и скрытой от посторонних глаз частями, проясняет диалогичность реактивной инвективы С. Есенина в «На Кавказе», выраженную в зеркальности есенинского ответа на выпад литературного оппонента в свой адрес. Сокрытое содержание обеих инвектив декодируется алкогольным кодом, к использованию которого прибегают поэты-соперники для уничтожения не только творческих, но и личностных достоинств друг друга, что свидетельствует о накале их творческого противостояния, вышедшего за границы сугубо литературного спора.

Источники

Булгаков М. А. Собрание сочинений : в 10 т. / [ред. совет: Алешкин П. Ф. (пред.) и др.] ; сост., предисл., подгот. текста В. Петелина. М. : Голос, 1995–2000.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.

Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М. : Наука : Голос, 1995–2002.

Как жил Есенин: Мемуарная проза / [сост., авт. послесл., с. 354–373, и коммент. А. Л. Казаков]. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М. : Худож. лит., 1955–1961.

Наседкин В. Ф. Последний год Есенина // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 303–312.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. 4-е изд. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979.

Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М. : Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 428–444.

Исследования

Аксенова Е. М. Талант и время: (Есенин и Маяковский). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1969.

Анненков Ю. П. Дневник моих встреч : цикл трагедий : [в 2 т.]. М. : Худож. лит., 1991. Т. 1.

Говорухина Ю. А. Феномен затекста: ускользящая сущность // Феномен затекста / под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчинова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 108–120. <https://doi.org/15826/B978-5-7996-3277-9.08>

Земсков В. Ф. Есенин и Маяковский (К истории взаимоотношений) // Есенин и русская поэзия / отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанов. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 137–170.

Кузнецова Т. В. К вопросу формирования академической профессиональной школы игры на балалайке // Искусствознание: теория, история, практика. 2017. № 1 (18). С. 64–70.

Лекманов О. А.⁴, Свердлов М. И. Сергей Есенин в диалоге с отечественным авангардом // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 1. С. 21–37.

Мануйлов В. А. О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / сост. А. А. Козловский. М. : Худож. лит., 1986. Т. 2. С. 165–190.

Матросова Е. С. От агитации — к рекламе (Некоторые особенности эволюции жизненного строения В. Маяковского) // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 4, № 2. С. 121–124.

Мищенко Л. А. Великорусский оркестр В. В. Андреева как межкультурный феномен (К 120-летию создания) // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 2 (10). С. 42–56.

Перцов В. Маяковский и Есенин // Вопросы литературы. 1961. № 3. С. 49–79.

Прокушев Ю. Л. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. М. : ИМЛИ РАН, 2010. Т. 4 : 3 августа 1923–1924.

Просветов А. В. История балалаечного искусства в России в 20–30 годы XX столетия // Мир культуры: искусство, наука, образование. Вып. 10 / сост. А. С. Макурина ; науч. ред. Е. А. Куштым. Челябинск : ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2021. С. 100–103.

Савченко Т. К. К проблеме личности писателя: Есенин и Маяковский // Развитие личности. 2003а. № 1. С. 32–45.

Савченко Т. К. К проблеме личности писателя: Есенин и Маяковский (Окончание) // Развитие личности. 2003б. № 2. С. 58–71.

Савченко Т. К. Есенин и русская литература XX века: влияния, взаимовлияния, литературно-творческие связи. М. : Русский мир, 2014.

Савченко Т. К. “Звонкая сила поэта”: общее и различное в творческой практике Есенина и Маяковского // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения / гл. ред. М. Н. Русецкая. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2018. С. 403–407.

Степанова М. А. Есенин vs Маяковский: поэтическая дуэль. М. : Центр книги Рудомино : Бослен, 2022.

Ушаков А. П. Русские фигурные бутылки. Иллюстрированный альбом. М. : ИП Никишин Даниил Александрович, 2018.

References

Aksenova, E. M. (1969). *Talant i vremia: (Esenin i Maiakovskii)* [The Talent and the Time: (Yesenin and Mayakovsky)]. Yaroslavl: Verkhne-Volzhsкое knizhnoe izdatel'stvo.

Annenkov, Yu. P. (1991). *Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragedii* [The Diary of My Meetings: Cycle of Tragedies] (Vol. 1). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Govorukhina, Yu. A. (2021). Fenomen zateksta: uskol'zaiushchaia sushchnost' [The Phenomenon of Aftertext: An Elusive Entity]. In T. A. Snigireva, & A. V. Podchinenov (Eds.), *Fenomen zateksta* [The Phenomenon of Aftertext] (pp. 108–120). Ekaterinburg: Ural University Press. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3277-9.08>

⁴ Признан иноагентом в РФ.

Kuznetsova, T. V. (2017). K voprosu formirovaniia akademicheskoi professional'noi shkoly igry na balalaika [On the Formation of the Academic Professional School of Balalaika Playing]. *Iskusstvoznanie: teoriia, istoriia, praktika*, 1 (18), 64–70.

Lekmanov, O. A.⁵, & Sverdlov, M. I. (2008). Sergei Esenin v dialoge s otechestvennym avangardom [Sergei Yesenin in the Dialogue with the National Avant-garde]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii literatury i iazyka*, 67(1), 21–37.

Manuilov, V. A. (1986). O Sergee Esenine [About Sergei Yesenin]. In A. A. Kozlovsky (Ed.), *S. A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov* [S. A. Yesenin in the Memoirs of Contemporaries] (Vol. 2, pp. 165–190). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Matrosova, E. S. (2013). Ot agitatsii – k reklame (Nekotorye osobennosti evoliutsii zhiznestroeniia V. Maiakovskogo) [From Campaigning to Advertising (Some Features of the Evolution of Mayakovsky's Life-building)]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Serii: Gumanitarnye nauki*, 4(2), 121–124.

Mishchenko, L. A. (2016). Velikorusskii orkestr V. V. Andreeva kak mezhkul'turnyi fenomen (K 120-letiiu sozdaniia) [The Great Russian Orchestra of V. V. Andreev as an Intercultural Phenomenon (to the 120th Anniversary of its Creation)]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*, 2 (10), 42–56.

Pertsov, V. (1961). Maiakovskii i Esenin [Mayakovsky and Yesenin]. *Voprosy literatury*, 3, 49–79.

Prokushev, Yu. L. (2010). *Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Esenina. Vol. 4: August 3, 1923–1924* [The Chronicle of the Life and Work of S. A. Yesenin. Vol. 4: August 3, 1923–1924]. Moscow: IMLI RAN.

Prosvetov, A. V. (2021). Istoriia balalaiechnogo iskusstva v Rossii v 20–30 gody XX stoletia [The History of Balalaika Art in Russia in the 1920s–1930s]. In A. S. Makurina, & E. A. Kushtym (Eds.), *Mir kul'tury: iskusstvo, nauka, obrazovanie* [World of Culture: Art, Science, Education] (Iss. 10, pp. 100–103). Chelyabinsk: IuUrGII imeni P. I. Chaikovskogo.

Savchenko, T. K. (2003a). K probleme lichnosti pisatel'ia: Esenin i Maiakovskii [On the Problem of the Writer's Personality: Yesenin and Mayakovsky]. *Razvitie lichnosti*, 1, 32–45.

Savchenko, T. K. (2003b). K probleme lichnosti pisatel'ia: Esenin i Maiakovskii (Okonchanie) [On the Problem of the Writer's Personality: Yesenin and Mayakovsky (Ending)]. *Razvitie lichnosti*, 2, 58–71.

Savchenko, T. K. (2014). *Esenin i russkaia literatura XX veka: vliianiia, vzaimovliianiia, literaturno-tvorcheskie sviazi* [Yesenin and 20th-Century Russian Literature: Influence, Mutual Influence, Literary and Creative Relationships]. Moscow: Russkii mir.

Savchenko, T. K. (2018). “Zvonkaia sila poeta”: obshchee i razlichnoe v tvorcheskoi praktike Esenina i Maiakovskogo [“The Poet's Resonant Strength”: Similarities and Dissimilarities in Yesenin's and Mayakovsky's Poetic Practice]. In M. N. Rusetskaya (Ed.), *Slavianskaia kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chteniia* [The Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction. 19th Cyril and Methodius Readings] (pp. 403–407). Moscow: Gosudarstvennyi institut russkogo iazyka im. A. S. Pushkina.

Stepanova, M. A. (2022). *Esenin vs Maiakovskii: poeticheskaia duel'* [Yesenin vs Mayakovsky: The Poetic Duel]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino; Boslen.

Ushakov, A. P. (2018). *Russkie figurnye butylki. Illiustrirovannyi al'bom* [Russian Figured Bottles. Illustrated Album]. Moscow: IP Nikishin Daniil Aleksandrovich.

⁵ Признан иноагентом в РФ.

Zemskov, V. F. (1967). Esenin i Maïakovskii (K istorii vzaimootnoshenii) [Yesenin and Mayakovsky (On the History of the Relationship)]. In V. G. Bazanov (Ed.), *Esenin i russkaia poeziia* [Yesenin and Russian Poetry] (pp. 137–170). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otделение.

Кудряшов Игорь Васильевич

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы
Арзамасский филиал Нижегородского
государственного университета
им. Н. И. Лобачевского
607220, Арзамас Нижегородской обл.,
ул. К. Маркса, 36
E-mail: kiv.arz@yandex.ru

Kudryashov, Igor Vasilyevich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language
and Literature
State University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
36, Karl Marx St., 607220 Arzamas, Russia
Email: kiv.arz@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7022-3830>
WoS ResearcherID: J-7391-2019

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.003
УДК 821.161.1-3 Набоков + 82-95 +
+ 81'373 + 316.736 + 159.953

А. О. Дроздова
Н. А. Рогачева
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

ОТ «ДРУГИХ БЕРЕГОВ» (1954) К «SPEAK, MEMORY» (1966) В. НАБОКОВА: АЛЛЮЗИИ К РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СТРУКТУРЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ МЕТАФОРЫ

Статья посвящена исследованию перцептивных метафор, функционирующих в автобиографиях В. Набокова «Другие берега» (1954) и «Speak, Memory» (1966) в роли аллюзий. Работа опирается на исследования, в которых рассматриваются особенности передачи перцептивных ощущений в русском и английском творчестве В. Набокова. Впервые устанавливается, что читательские ассоциации оцениваются писателем как компонент сенсорного восприятия. Выбор языка задает формы репрезентации читательского опыта. В «Других берегах» перцептивные метафоры образуют реминисцентные слои (Пушкин, Толстой, Блок), связанные с конкретными детскими и юношескими воспоминаниями рассказчика. В «Speak, Memory» перцептивные метафоры, отсылающие к чужому творчеству, представлены эксплицитно: они атрибутируются и образуют целые сюжеты (например, сюжет о «тропе висельника»). Обращаясь к американскому читателю, Набоков подчеркивает, что миры русской классики являются неотъемлемой частью его языкового сознания. Связь языкового, литературного и сенсорного восприятия в английском тексте передается при помощи транслитераций. В сопоставлении с русской автобиографией, в «Speak, Memory» аллюзивная функция некоторых перцептивных метафор нейтрализуется: в этом случае сенсорное ощущение представлено как уникальный физиологический опыт рассказчика. Доказывается, что в автобиографиях перцептивные метафоры позволяют осмыслить границы культурной памяти. Читательские ассоциации высвечивают связь личной истории разных людей, обладающих схожим устройством сенсорики и общим читательским опытом. Таким образом, перцептивные метафоры, функционирующие в роли аллюзий, позволяют Набокову передать особый тип синестезии: сенсорные ощущения и читательский опыт совмещаются в процессе восприятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. Набоков; «Другие берега»; «Speak, Memory»; перцептивная метафора; аллюзия; русская классика; читательский опыт; культурная память

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01025, <https://rscf.ru/project/23-78-01025/>.

Ц и т и р о в а н и е: Дроздова А. О., Рогачева Н. А. От «Других берегов» (1954) к «Speak, Memory» (1966) В. Набокова: аллюзии к русской литературе в структуре перцептивной метафоры // Известия Уральского федерального университета.

Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 41–55. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.003>

Поступила в редакцию: 13.11.2023

Принята к печати: 28.01.2025

Anastasiia O. Drozdova
Natalia A. Rogacheva

University of Tyumen
Tyumen, Russia

FROM V. NABOKOV'S *DRUGIE BEREGA* (1954) TO *SPEAK, MEMORY* (1966): ALLUSIONS TO RUSSIAN LITERATURE IN THE STRUCTURE OF PERCEPTUAL METAPHOR

This article studies the perceptual metaphors introduced as an allusion in V. Nabokov's autobiographies *Drugie Berega* (1954) and *Speak, Memory* (1966). The authors refer to scholarly works devoted to the peculiarities of the representation of sensual feelings in Nabokov's works in Russian and English. For the first time, they establish that the reader's associations are evaluated as a natural element of perception. The representation of the reader's experience depends on the choice of language. In *Drugie Berega*, perceptual metaphors form reminiscent layers (Pushkin, Tolstoy, Blok) associated with the narrator's specific childhood and youth memories. In *Speak, Memory*, perceptual metaphors functioning as allusions are presented explicitly: they are attributed, and they organise entire plots (for example, the plot about "Le Chemin du Pendu"). Communicating with the American reader, Nabokov highlights that the worlds of Russian classical literature are the key part of his language consciousness. The connections between language, literature, and sensorial perception are conveyed through transliterations in the English text. In comparison with the Russian autobiography, in *Speak, Memory* the allusive meaning of some metaphors is neutralised: the sensorial feelings are shown as a unique physiological experience. The authors prove that perceptual metaphors are used by Nabokov to comprehend the boundaries of cultural memory. Reader associations underscore the connections between different people with a common reading experience and mechanism of perception. Therefore, the perceptual metaphors functioning as allusions allow Nabokov to convey a special type of synesthesia: sensory feelings and the reader's experience are mixed in the process of the perception.

Key words: V. Nabokov; *Drugie Berega*; *Speak, Memory*; perceptual metaphor; allusion; Russian classical literature; reader's experience; cultural memory

Acknowledgements

The research was funded by the *Russian Science Foundation*, project 23-78-01025, <https://rscf.ru/en/project/23-78-01025/>

For citation: Drozdova, A. O., & Rogacheva, N. A. (2025). От "Drugikh beregov" (1954) к "Speak, Memory" (1966) V. Nabokova: alliuzii k russkoi literature v strukture pertseptivnoi metafory [From V. Nabokov's *Drugie Berega* (1954) to *Speak, Memory*

(1966): Allusions to Russian Literature in the Structure of Perceptual Metaphor]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 41–55. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.003>

Submitted: 13.11.2023

Accepted: 28.01.2025

Связь индивидуального художественного мира и национального языка — тема, к которой В. В. Набоков обращается на протяжении всего американского периода творчества. Рефлексия стиля, сложившегося на границах разноязычных культур, составила сквозной сюжет его автобиографических произведений «Conclusive Evidence» (1951), «Другие берега» (1954), «Speak, Memory» (1966)¹. Способность замечать и передавать многообразие «чувственной жизни» [Набоков, 2008, т. 5, с. 147] осознается писателем как одна из ключевых особенностей этого стиля. В «исповеди синестета» рассказчик замечает, что индивидуальные сенсорные ассоциации, вызванные «звучком, окраской и формой» слова [Там же, с. 157], меняются в зависимости от выбора языка.

Набоков неоднократно подчеркивает, что перцептивная многомерность его художественного мира опосредована воспоминаниями о прочитанных книгах, впечатлениями от чужих поэтических образов, памятью об увиденном и услышанном слове. Возможность языка фиксировать тонкие ощущения оценивается Набоковым по тому, насколько литература влияет на чувства и память повествователя. Цель работы — определить, как авторский опыт рецепции русской литературы влияет на вербализацию чувственных ощущений в автобиографиях «Другие берега» и «Speak, Memory».

Выбор языковых средств для обозначения сенсорных впечатлений является для Набокова важной эстетической задачей, поскольку одновременную активизацию разных органов чувств (эффект «космической синхронизации») сложно передать в линейной последовательности письма [Mollaret, p. 100], а опыт зрительной депривации требует обращения к терминологии осязательных и аудиальных ощущений, гораздо менее разнообразной, чем лексика со зрительной семантикой [Ibid., p. 102]. Однако исследователи до сих пор не отмечали, что в «Других берегах» и «Speak, Memory» воспоминание в равной мере инспирировано и сенсорным, и языковым опытом автора. Сопоставление этих текстов позволяет показать, как формируется перцептивная метафора, основанная на скрещивании собственно пережитого (ощутимого) и прочитанного, и установить связь между читательским опытом В. Набокова и структурой перцептивной образности в его художественно-биографических текстах.

В «Других берегах» и «Speak, Memory» значительную роль играют перцептивные метафоры, функционирующие в роли аллюзий. Именно они высвечивают

¹ «Другие берега» (1954) являются дополненным автопереводом более ранней автобиографии «Conclusive Evidence» (1943–1951); третья версия автобиографии «Speak, Memory» (1966) ориентируется как на русский, так и на первый английский вариант.

процесс совмещения литературной ассоциации с сенсорными воспоминаниями рассказчика. Более того, структура такой метафоры свидетельствует, что именно языковой (в первую очередь — читательский) опыт предопределяет художественную реконструкцию когда-то пережитого ощущения. Под перцептивной (сенсорной) метафорой мы понимаем переносное наименование конкретного объекта перцепции, участвующего в процессе познания [Жантурина, с. 12], передающее «авторский ракурс» [Гришакова] и субъективную характеристику ситуации восприятия [Крюкова, с. 147; Филатова, с. 5]. Неоднократно отмечалось, что в творчестве Набокова существует корреляция между выбором языка и приемами репрезентации чувственных ощущений [de la Puente, p. 588; Борисова, Дайнеко, с. 133; Задорнова; Бакуменко], однако влияние самого языка на результат восприятия не было исследовано.

В выборе перцептивных метафор проявляется авторская оценка возможностей артикуляции чувственного восприятия. Использование перцептивной метафоры мотивировано «недостаточностью словаря» для передачи многообразной структуры сенсорных ощущений [Риндисбахер, с. 582]. Перцептивная метафора является и результатом, и средством трансформации воспоминания в вымысел: реализуется свойство метафоры «превращать мир предметов в мир смысла» [Арутюнова, с. 19]. Синтез чувственного и лингвистического опыта в метафоре позволяет говорить о понимании В. Набоковым языка как биологической (органической, естественной) системы. Языковые ассоциации позволяют рассказчику систематизировать воспоминания, увидеть в мире прошлого «тематический узор» [Набоков, 2008, т. 5, с. 152]. Этот узор подсказан чтением литературы и усвоенной вместе с разными языками картиной мира.

В «Других берегах» и «Speak, Memoгу» перцептивная метафора, функционирующая в роли аллюзии, передает конфликтное соотношение непосредственного впечатления и его словесного выражения. Оказываясь частью художественного мира, воспоминание перестает быть «живым»: «вкрапленный в начало “Защиты Лужина” образ моей французской гувернантки погибает для меня в чужой среде, навязанной сочинителем» [Там же, с. 201]. Как «чужие» воспринимаются не только произведения других авторов, но и фикциональные тексты в целом — в том числе и собственное творчество на русском языке.

Вопреки этим замечаниям, рассказчик, фиксируя литературную основу своих воспоминаний, подчеркивает достоверность чувственных ощущений. Перцептивная метафора призвана передавать индивидуальные свойства сенсорики: чувствительность к тону речи и физиологическим основам национальной фонетики (аллитерации: «жемчужная речь журчала и переливалась» (с. 261)² — «pearly language of hers purled and scintillated» (p. 455)); синестезию («the black music of telegraph wires» (p. 541) — зрительное ощущение описывается на языке

² Здесь и далее во фрагментах курсивом выделяются перцептивные метафоры. Цитаты из «Других берегов» и «Speak, Memoгу» приводятся по указанным в списке литературы источникам.

аудиальных впечатлений). Тактильные метафоры с водной семантикой передают уникальное ощущение погружения в иную, более плотную, перцептивную среду в процессе воспоминания — ср., к примеру, в характеристике голоса гувернантки: «*tongue's limpidity and luster*» (р. 455); в эпизоде охоты на бабочек: «*Camberwell Beauties with creamy borders sailed through the glades*» (р. 556); в описании классной комнаты: «*the schoolroom was drenched with sunlight*» (р. 423). Акцент на сенсорном ощущении — способ «вызволить» образ памяти из мира литературы.

Появление литературных ассоциаций в процессе воспоминания неизбежно, поскольку язык и читательский опыт наравне представлены как компоненты физиологии художника. Повествование о взаимоотношениях с французской гувернанткой Mademoiselle в седьмом параграфе пятой главы построено «на интонациях Флобера» (с. 214): используются флоберовские «живописные детали» (кушак, понька, ландыши), паузы, синтаксические приемы — «точка с запятой — и» [Набоков, 2014, с. 249]. Литературная ассоциация возникает из-за того, что гувернантка разговаривает на французском языке, языке Флобера. Стилизация позволяет передать впечатление рассказчика, которое невозможно вербализовать. Отмечается не только сходство героинь (Эмма Бовари и Mademoiselle ранимы и «романтичны» [Там же, с. 205]), но и воздействие чужого языка (Флобера и Mademoiselle) на сенсорнику рассказчика. Художественное совершенство стиля Флобера, чьи произведения «населены» мещанами и пошляками [Там же, с. 221], гипнотизирует так же, как и «чары» французской речи малообразованной и вспыльчивой Mademoiselle. Рассказчик не может «освободить» память от литературности, он только фиксирует суггестивное впечатление — литературную ассоциацию, вызванную воспоминанием о гувернантке и ее «*журчащей речи*» (с. 261).

В мир памяти рассказчика вкраплены детали художественных произведений: «чрезвычайно вульгарные горы [на пластинке волшебного фонаря], даже не принадлежавшие системе *пленительных лермонтовских высот*» (с. 254), «весело цвела *имени безумного Батюшкова млечная черемуха*» (с. 179), «[черный ангел на александрийском столпе] пытался *дотянуться до подножья пушкинской строки*» (с. 290). Заметные слои повествования о впечатлениях и ощущениях детства образуют реминисценции русской классики. Путь к детским ощущениям проходит через слои «готового» слова — в мемуарной прозе Набокова вербальная (читательская) память предшествует памяти чувственной. Более того, сенсорная память как таковая сохраняется очень короткое время, и лишь воссоздание контекста может приблизить к пережитому когда-то впечатлению. В результате отделить литературную ассоциацию от собственно психофизиологической почти невозможно.

Тема зимнего досуга в деревне вводится с помощью метафор, отсылающих к творчеству А. С. Пушкина. Пушкинские образы зимы в автобиографии передают состояние веселого страха во время опасной забавы: «в неведомой мгле *желтыми волчьими глазами кажутся* переменчивые огни» (с. 203) — «то как зверь она завоет» [Пушкин, т. 2, с. 258], «все сваливался со своего *неудобного*

коня» (дог Турка) (с. 207) — «в салазки жучку посадив, / себя в коня преобразив» [Пушкин, т. 5, с. 87]. Если у Набокова зимний пейзаж строится в основном с помощью визуальных образов, то у Пушкина описывается зачаровывающая лирического героя полифония зимних звуков. Пушкинские реминисценции скрещиваются с другими образами русской поэзии. Так, визуальная метафора «[луна] легко и скоро *скользит, зеркалистая, из-под каракулевых тучек*» (с. 203) отсылает и к Пушкину («сквозь волнистые туманы / пробирается луна» [Пушкин, т. 2, с. 309]), и к стихотворению А. Фета «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», и к русской загадке («поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат»). Именно наслоение литературных ассоциаций безошибочно выдает в субъекте ощущения русского человека.

С мирами русской классики ассоциируются воспоминания о конкретных локациях. Перрон и станция в «Других берегах» и «Speak, Memoгу» вызывают в памяти рассказчика образы «Анны Карениной» Л. Н. Толстого (приводится замечание Mademoiselle: «И вот я стояла, всеми брошенная, совсем как графиня Каренина» (с. 202)). Ассоциация предваряет перцептивный образ — звук прорывающегося снежного вихря: «изредка дверь ожидальни отворяется с дрожью и *воем в тон стуже*; оттуда *вырывается* светлый *пар*» (Там же) — ср. в «Анне Карениной»: «Метель и ветер рванулись ей навстречу и заспорили с ней о двери» (Там же). И у Набокова, и у Толстого перцептивные метафоры передают ощущение головокружения во время путешествия на поезде: ср. «она смотрела мимо дамы в окно на точно как будто катившихся назад людей» [Толстой, с. 642] — «дневная луна *бойко едет* рядом» (с. 237), «Вагоны, столбы, люди, все, что было видно, — было занесено с одной стороны снегом» [Толстой, с. 91] — «[прозрачный вагон] *неряшливо и неосторожно вправлен* в ландшафт» (с. 237). Поезд — аттракцион, источник многообразных сенсорных впечатлений, составленных из хаоса жизни и литературы.

Усадебные и городские сады напоминают рассказчику сады из произведений Пушкина. Во второй части третьей главы «Speak, Memoгу» представлена история названной в честь Кондратия Рылеева «тропы висельника» в Батово (р. 407–409). Этот эпизод появляется только в англоязычной автобиографии. Для американского читателя В. Набоков акцентирует буквальную географическую близость детских впечатлений пушкинскому миру: в саду, где рассказчик гулял ребенком, в 1820 г. состоялась дуэль между Пушкиным и Рылеевым. Образ сада-сквера связывает первое воспоминание — прогулку с родителями по саду — с финальными эпизодами, где по городским садам повзрослевший герой гуляет уже с собственным сыном [Бойд, с. 192]. Как и в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» Пушкина, оптические метафоры передают населенность садов «призраками» памяти: ср. «Ее любимые сады / Стоят населены чертогами, вратами, / Столпами, башнями, кумирами богов» [Пушкин, т. 3, с. 149] — «*складывают в общий фонд своих окаменелых генералов* и свои мертвые листья» (с. 331), «*процессия платанов*» (с. 332), «в том пункте, где отцы города *разразились статуей*» (Там же). Именно среди «кумиров сада» лирический герой Пушкина

и рассказчик «Других берегов» переживают время исторических потрясений: события 1812 г. и начало Второй мировой войны. Метафоры передают оценку воспоминаний, навеянных садом: образы Отечественной войны у Пушкина наделяются героическим пафосом («мимо нас летят / и тучи конные, брадатая пехота» [Пушкин, т. 3, с. 149]); в романе Набокова постулируется превосходство личной памяти над «общим местом» истории (в анютиных глазках рассказчик и его сын видят «толпу *беснующихся на ветру маленьких Гитлеров*» (с. 331)).

Аллюзии к русской классике позволяют фиксировать трудноуловимые ощущения на границе разных модусов перцепции. Во второй главе, где повествуется о выздоровлении ребенка, метафора из «Евгения Онегина» сближает состояние вдохновения и физическое состояние «легкости и покоя»: «сквозь *магический кристалл* моего настроения я со сверхчувственной ясностью видел» (с. 160)³. В английском тексте само тело рассказчика уподобляется кристаллу: «*through the crystal of my strangely translucent state I vividly visualized*» (р. 383). Лексемы с семантикой сверхчувственного восприятия («магический», «сверхчувственной ясностью») переводятся с помощью слов *strangely*, *vividly*, указывающих на необычную, но естественную сенсорнику. В новом контексте пушкинская метафора творчества характеризует физиологию блаженства как болезненного и исключительного психофизиологического ощущения.

При этом «блаженство» распознается автором как слово пушкинского поэтического словаря и используется в описании вдохновенного воспоминания: «*загадочно-болезненное блаженство* не изошло за полвека, если и ныне возвращаюсь к этим первичным чувствам» (с. 150). В английском тексте «блаженство» переводится словом *thrill*, означающим ощущение физического наслаждения: «*Nothing is sweeter or stranger than to ponder those first thrills*» (р. 373). В описании болезненного ясновидения Набоков изменяет пушкинскую цитату: ребенок видит «со сверхчувственной ясностью», тогда как «даль свободного романа» у Пушкина различима «неясно». Подобное пушкинскому ощущение депривации сенсорники представлено в одиннадцатой главе «*Speak, Memory*», где поиск слова сравнивается с ощупыванием: «*Tentacles, not wings, are Apollo's natural members*» (р. 544). Хотя поэт может испытывать блаженство в «раю осязательных и зрительных откровений» (с. 149), в процессе творчества он сталкивается с ограничениями языка, в том числе и с наслоениями чужого слова.

Детали пушкинского мира используются для характеристики чувства времени как сенсорного ощущения: «полвека жизни *рассыпается морозной пылью*» (с. 204). В английском тексте пушкинская метафора не переводится дословно: «*sixty years crumble to glittering frostdust between my fingers*» (р. 544) — ср. в переводе «Евгения Онегина» Набокова: «*with frostdust silvers his beaver collar*» [Pushkin, p. 103]. Восприятие времени основывается на комплексном

³ Ср. фантазии рассказчика о дуэли отца переданы в другой тональности, как порождения его болезненной тревоги: «в туманном моем мозгу, *как в магическом кристалле*, силуэты дуэлянтов сходились» (с. 270).

чувстве узнавания, базирующемся на скрещивании сенсорного ощущения (холода) и языковой ассоциации (цитаты Пушкина). Как «морозная пыль», воспоминания рассказчика дискретны и уникальны: они сохраняются благодаря нераздельной связи с языком и мирами классической литературы. Как видно, только в «Других берегах» пушкинские образы применяются для описания ощущений, подчеркивая глубинное родство рассказчика и русской культуры. В тексте, предназначенном для американского читателя, цитаты либо утрачивают это назначение, либо привлекаются в качестве предметного комментария к перцептивному образу.

Неотвязность чужого слова особенно сильна, когда рассказчик вербализует ощущения вторичных модусов перцепции и, в частности, обоняния. Не столько сам запах, сколько его образная форма отсылает к мирам Н. В. Гоголя. В книге «Николай Гоголь» (1944) Набоков пишет, что для русской культуры характерно комическое представление носа как «чего-то отдельного, не совсем присущего его обладателю» [Набоков, 2004а, с. 406]. Этот прием, но уже без комической тональности включен в сюжеты воспоминаний: «[сытным запахом] от которого *вздрагивают и раздуваются ноздри* петербуржца» (с. 164) (в английском тексте олицетворение усиливается: «*boletic reek which makes a Russian's nostrils dilate*» (р. 390)). В «Николае Гоголе» Набоков предлагает рассматривать «собственный нос» Гоголя «как литературный прием» [Набоков, 2004а, с. 406], подчеркивая нераздельность сенсорного и эстетического восприятия в процессе творчества.

Помимо аллюзий к произведениям русской классики, в автобиографиях присутствуют отсылки к произведениям современников Набокова. Если в русском тексте отсылки рассредоточены и зачастую скрыты в тексте, то в англоязычной автобиографии автор либо нейтрализует аллюзии, либо указывает их источник.

В одиннадцатой главе имя Тамары, возлюбленной рассказчика, сосредоточивает литературные коннотации. Место встречи героев в аркаде дядинного дома вызывает в воображении картины лермонтовского пейзажа: «*неутомимо бежала вода, как в горном ущелье*» (с. 287). В русском тексте присутствует отсылка к стихотворению Б. Пастернака «Памяти Демона» (1917). Рассказчик воображает возвращение Демона: «случайный *добавочный шорох* <...> заставлял Тамару обращать лицо в сторону *воображаемых шагов*» (Там же) — ср. «приходил по ночам / В синеве ледника от Тамары. / Парой крыл намечал, / Где гудеть, где кончатся кошмару» [Пастернак, с. 114]. И у Пастернака, и у Набокова Демон подкрадывается к героиням, когда они засыпают: «Спи, подружка, — лавиной вернуся» [Там же] — «она опять закрывала глаза» (с. 287). На присутствие потустороннего существа указывает «таинственное» свечение: «Но сверканье рвалось / В волосах, и, *как фосфор*, трещали» [Пастернак, с. 114] — «я различал ее таинственные черты, как бы *при собственной их фосфористости*» (с. 287) (метафора отсутствует в английском тексте). Любовь к Тамаре связана с первыми поэтическими опытами рассказчика, когда обостряется его читательское восприятие, внимание к чужому слову. Метафора подчеркивает родственность

Тамары мирам русской классики: см. также «у матери было отчество как в пьесе Островского» (с. 285–286), «кольцовские цветы для венков, которые она, как всякая русская русалочка, так хорошо умела сплести» (с. 292).

Обонятельная метафора, передающая воспоминание о последней встрече с Тамарой, — «сошла <...> в жасмином насыщенной тьме» (с. 294), — восходит к образу жасмина в поэзии русских модернистов (ср. у И. Анненского в «Nox vitae»). В английском тексте аромат жасмина является одной из чувственных характеристик сумерек: «*jasmine-scented, cricket-mad dusk*» (p. 565). В русском тексте рассказчик не просто расстается с Тамарой, но наблюдает, как его возлюбленная исчезает в воображаемых мирах.

Образы чужих произведений скрещиваются с образами «живого» воспоминания. Пейзаж болота, «мохового, седого и рыжеватого рая» бабочек (с. 232), отсылает к стихотворению А. Блока «Ночная фиалка»: «*через зрение вяжущей рот матовостью своих дремных ягод*» (Там же) — «болотная дрема / за плечами моими текла» [Блок, т. 2, с. 29], «*одиноко праздничными, стоящими как свечи, ночными фиалками*» (с. 232) — «все цветет и цветет / И болотами дышит Фиалка» [Блок, т. 2, с. 32]. В английском тексте на аллюзию указывает транслитерация: «*the pochnaia fialka of Russian poets*». И в стихотворении Блока, и в автобиографии Набокова акцентирован временной парадокс. В «Ночной фиалке» внутренняя жизнь лирического героя проходит в зачарованном сне, через который слышится «голос из родины новой» [Там же, с. 33]. В автобиографии В. Набокова на образы русского леса накладываются воспоминания об охоте на бабочек в Америке: «вздыхался <...> в пятнах снега Longs Peak» (с. 233). Подобное совмещение двух разных воспоминаний объясняется устройством памяти рассказчика: «далеко я забрел, — однако бывшее у меня все под боком, и частица грядущего тоже со мной» (Там же). Аллюзии позволяют охарактеризовать «ощущение экологического единства» не только как «знакомое современному натуралисту» чувство (с. 232), но и как эстетическое наслаждение. Литературная ассоциация свидетельствует о присутствии «былого» в момент непосредственного восприятия.

На то, что языковой и читательский опыт неразрывен с физиологией художника, указывают метафоры, передающие индивидуальные аудиальные ассоциации. Визуальные образы «*damp moss*», «*reach earth*», «*rotting laeves*» (p. 390) через повторение звуковых комплексов [dr], [dt] связаны с синестетической характеристикой особого лесного запаха — «*dark, dant, satisfying blend*» (Ibid.). В русском тексте номинации лесного запаха отмечены звуковыми комплексами [с], [р], [т], [м], [х]: «сырым, *сытным* запахом — смесью моховины, прелых листьев» (с. 164). Аллитерации, вызывающие в памяти рассказчика зрительные, обонятельные или осязательные образы, активно используются в «Других берегах»: «*парча нитчатки*» (с. 183), «*чернила пахнут черносливом*» (с. 189–190), «черные рубчатые чулки шерстили» (с. 196). При переводе на английский язык аллитерации не сохраняются: «*algal brocade*» (p. 418), «*rough touch of ribbed black stockings*» (p. 432).

Транслитерации усиливают впечатление синкретизма физиологического ощущения, в том числе литературной ассоциации: выражение «*hodit' po gribi*» (р. 389) вызывает в памяти рассказчика визуальные и вкусовые образы, связанные с лесом; слова матери «*vot zapomni*» (р. 387) позволяют запечатлеть в памяти зрительные впечатления — пейзажи Выры [см. подробнее: Mollaret, p. 92].

В английском тексте в форме транслитерации представлена метафора из стихотворения Блока «Флоренция, ты ирис нежный»: «I happened to be reading to her Blok's verse on Italy — had just got to the end of the little poem about Florence, which Blok compares to the delicate, *smoky bloom* of an iris, and she was saying over her knitting, “Yes, yes, Florence does like a *dimniy iris*, how true! I remember—” when the telephone rang» (р. 394). В раннем русском тексте автобиографии эпизод отсутствует.

Включение цитаты из Блока в «Speak, Memoгу» вызвано необходимостью рассказать американскому читателю об историческом и биографическом факте — убийстве террористами Владимира Дмитриевича Набокова 28 марта 1922 г. Значимость события подчеркивается тем, что оно не артикулируется в этом фрагменте: воспоминание «обрывается», когда герои получают весть об убийстве отца. На смерть указывают только отдельные детали портрета Елены Ивановны и интерьера ее квартиры, связанные с более поздними воспоминаниями рассказчика: «обручальное кольцо <...> привязано черной ниточкой к ее собственному кольцу» (с. 169), «*a cast of my father's hand*» (р. 395).

Блоковская перцептивная метафора — не результат механической работы памяти рассказчика, а следствие деавтоматизации и длительности воспоминания: сначала метафора «расшифровывается» на английском языке («*Florence, which Blok compares to the delicate, smoky bloom of iris*» (р. 394)), а затем приводится в транслитерированном виде на языке оригинала («*dimniy iris*» (Ibid.)). Призма поэтического текста нивелирует автоматические языковые ассоциации. Сходство Флоренции с цветком вызвано не этимологией топонима (лат. *flor* 'цветок'), а сенсорным ощущением. Образ ириса из стихотворения Блока наделяется чувственной многомерностью: воспринимается не только как визуально-ощутимый («хрупкий» цветок), обладающий запахом («дымный», горьковатый запах ирисов), но и звучащий (неогубленные гласные верхнего подъема [ы], [и]).

Метафора Блока вызывает разные ассоциации у персонажей-читателей. Об ассоциации матери рассказчик не узнает. Очевидно, она вызвана воспоминанием о свадебном путешествии во Флоренцию в 1879 г., о котором упоминается в седьмой главе «Speak, Memoгу» (р. 481). Этот факт, являющийся ключом к неоконченной реплике Елены Ивановны, не приводится в русском тексте.

Поэзия Блока напоминает рассказчику о собственных ранних стихотворениях. Одиннадцатая глава «Speak, Memoгу» (отсутствует в автобиографии «Другие берега») содержит перцептивные метафоры, характеризующие создание фикционального мира как переход в иную перцептивную среду: «*among the bloated blues and drunken reds one could catch a glimpse of the river*» (р. 542) — остатки витража сопоставляются с жидкостью, «*iridescent veil drawn*

before [section of the forest edge]» (p. 543) — радуга описывается как разноцветная вуаль. Если оптика больного ребенка передается с помощью пушкинской метафоры «магического кристалла», то влюбленный рассказчик видит Тамару сквозь блоковскую «вуаль»: «all her features <...> tended to form a *brilliant veil* in which I got entangled» (p. 555). Напоминание о пушкинской и блоковской оптике содержится в самой характеристике перцептивной среды: она застилает и искажает зрение. Семантика затрудненной перцепции присутствует в аудиальных и кинестетических метафорах: «the raucous note *vibrating here and there* in the works of true poets (I am thinking especially of Alexander Blok)» (p. 551), «the last notes of the husky contralto *pursued me through the dusk*» (Ibid.).

Метафорам со значением перцептивной среды противопоставляются метафоры, уточняющие визуальное впечатление: «*kidney-shaped flower bed*», «*the tanned midriff of a birch*» (p. 549). Юный поэт, заимствующий лексику и ритмику чужих стихов, не может зафиксировать актуальное впечатление — форму цветочной клумбы или древесной коры. Образ вуали используется в качестве металитературной метафоры, иронически указывающей на неточный подбор слова: «*the magic veil of my words*» (Ibid.). Первые стихотворные опыты, ориентированные на поэтику Блока, также описываются как «замутнение» собственного стиля.

Метафора «дымный ирис» во второй главе «*Speak, Memory*» указывает на то, что смерть Владимира Дмитриевича воспринимается рассказчиком в свете его эстетического опыта. Д. Бетеа характеризует отношение Набокова к творчеству А. Блока как «anxiety of influence» [Bethea, p. 374], «uneasiness about Blok» [Ibid., p. 380]. Музыка истории, воспринятая Блоком, чужда Набокову: «единственная история, которую он [Набоков] признавал “реальной” — история русской литературы» (перевод наш. — А. Д., Н. Р.) [Ibid., p. 381]. Воспоминание о чтении стихов Блока перед вестью об убийстве отца интерпретируется Бетеа как роковой, «демонический» знак — торжество какофонии толпы из поэмы «Двенадцать» [Ibid., p. 376].

Такому прочтению противоречит модальность стихотворения Блока, передающего «сладкую <...> безнадежность», умиротворенное воспоминание («нежность / своей стареющей души») [Блок, т. 3, с. 107]. Образы стихотворений Блока о Флоренции скрещиваются с ранним воспоминанием рассказчика о случае «левитации»: вырские «учтивые» мужики подхватывают на руки Владимира Дмитриевича и подбрасывают его выше окон усадьбы (с. 155). Вид парящего в небе отца противопоставляется воспоминаниям о похоронах («траурные лилии застыли лицо того, кто лежит там, среди *плывущих огней*»): смерть оказывается ничем иным, как фокусом, «замечательным случаем левитации» (Там же). Как и в стихотворениях о Флоренции Блока, перцептивные метафоры передают плавность движения в воздухе, подобное течению воды: «образуя рой огней» (Там же), «last and *loftiest flight*» (p. 379), «among the *swimming lights*» (Ibid.) — ср. у Блока: «В голубое голубою / Унесет меня волной» [Блок, т. 3, с. 107], «Дымные ирисы в пламени, / Словно сейчас улетят» [Там же, с. 108], «И вот уже в долинах / Несметный сонм огней» [Там же, с. 109]. В стихотворении Набокова «На смерть

Блока» акцентируется текучесть как свойство образности Блока: «И в туманах Прекрасная Дама / проплывала», «словно звон отдаленного храма» [Набоков, 2004б, т. 1, с. 448] (ср. «Другие берега»: «небожители <...> парят на церковных сводах в звездах» (с. 336)). Образы поэзии Блока позволяют запечатлеть собственное воспоминание о юности, времени создания первых стихотворений, и передать незначительность смерти как исторического, биографического события.

Таким образом, стихотворение Блока запоминается рассказчику как неразгаданное на момент чтения предсказание будущего: строки «Твой дымный ирис будет сниться / Как юность ранняя моя» [Блок, т. 3, с. 107] характеризуют ощущения рассказчика, вспоминаящего о юности, а не юного поэта. Метафора из стихотворения Блока обозначает временную нелинейную связь между событиями жизни Елены Ивановны, путешествующей во Флоренцию вместе с Владимиром Дмитриевичем, и жизнью ее сына.

Весть о бессмертии звучит раньше, чем сообщение о смерти. Б. Бойд отмечает сходную ситуацию в рассказе Набокова «Signs and Symbols» [Бойд, с. 144]. Акцентируется связь между людьми, которая не может быть разрушена смертью. Близость к умершим, условность смерти воспринимается рассказчиком «Других берегов» так же ярко, как и эстетическое переживание: «дается этот случай [заглянуть за свои пределы] нам наяву, когда мы в полном блеске сознания» (с. 170).

Приведенная в англоязычной автобиографии цитата Блока свидетельствует об оценке иностранного языка как дистанции, позволяющей эстетически осмыслить события истории (об этом упоминает Д. Бетеа, анализируя биографический миф о Блоке в «Лолите» [Betha, p. 379]). В восприятии В. Набокова история не подчиняется логике «здравого смысла», но совмещает жизни разных людей в одном пространстве. В двенадцатой главе события биографии рассказчика и Блока синхронизируются: «над синеватым болотом, темный дым горящего торфа сливался с дотлевающими развалинами широкого оранжевого заката. <...> Как раз в тот вечер Александр Блок отмечал в своем дневнике этот дым, эти краски» (с. 293). Аллюзии на стихотворения Блока — не отповедь рассказчика своим ранним стихам, а способ фиксации особенностей сенсорного и языкового восприятия современников (Елены Ивановны, Тамары, Блока). Появление особой формы перцепции, в поэзии Блока и рассказчика позволяющей запечатлеть «текучесть» времени и пространства, рассматривается Набоковым как историческая закономерность.

Таким образом, перцептивные метафоры, функционирующие в «Других берегах» и «Speak, Memoгу» как аллюзии, позволяют включить читательский опыт рассказчика в область физиологии ощущений. В автобиографической прозе Набоков акцентирует внимание на новом типе синестезии — неразрывности сенсорного восприятия и его вербального оформления, когда звучащее и услышанное, графически зафиксированное и увиденное слово, уже наполненное ассоциациями, в том числе литературными, предопределяет восприятие, участвует в построении перцептивного образа.

С точки зрения психологии восприятия перцепция всегда предшествует вербализации. Однако в мемуарных текстах Набокова этот процесс приобретает обратное направление: воспоминание о прочитанном некогда произведении, о знакомых художественных образах инспирирует поиск источника ощущений, который мог вызвать литературную или языковую ассоциацию. Это высвечивает и новую природу автобиографического текста, сосредоточенного на процессе воспоминания и его границах. Не «выцветающие» из памяти ощущения дополняются, «оживляются» литературными образами, но сами чувства оказываются настолько многообразными, что литературная ассоциация становится их неотъемлемой характеристикой. Такая структура памяти не допускает забвения, поскольку образы воспоминания закреплены самим процессом вербализации — их невозможно забыть, пока не забыт родной язык.

Источники

- Блок А. А. Собрание сочинений : в 8 т. М. ; Л. : Худож. лит., 1960. Т. 2, 3.
Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2004а. Т. 1.
Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Симпозиум, 2004б. Т. 1 ; СПб. : Симпозиум, 2008. Т. 5.
Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. : СЛОВО/SLOVO, 2003. Т. 1.
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1978. Т. 2, 3, 5.
Nabokov V. V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited* // Vladimir Nabokov: Novels and Memoirs 1941–1951 / ed. by V. Boyd. New York : The Library of America, 1996. P. 359–629.
Pushkin A. Eugene Onegin: A Novel in Verse / transl. by V. Nabokov. New York : Bollingen Foundation, 1964. Vol. 1.

Исследования

- Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
Бакуменко О. Н. Цветообозначения в двуязычном мировидении В. Набокова (на материале оригинального и автопереводного текстов романа *Лолита*) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (1). С. 4–19. <http://doi.org/10.21638/spbu09.2023.101>
Бойд В. Владимир Набоков: американские годы: Биография. СПб. : Симпозиум, 2010.
Борисова Е. Б., Дайнеко М. В. Билингвизм В. Набокова в исследованиях отечественных лингвистов: степень разработанности проблемы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 1(154). С. 131–134.
Гришакова М. О визуальной поэтике В. Набокова // Ruthenia: объединенное гуманитарное издательство. Кафедра русской литературы Тартуского университета. 14.03.2001. URL: <https://www.ruthenia.ru/document/404860.html> (дата обращения: 07.11.2023)
Жантурина Б. Н. Перцептивные метафоры звука // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17. С. 12–15.
Задорнова В. Я. Синестезия как стилистический прием в прозе В. Набокова и возможности его передачи на другом языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 1. С. 9–19.

Крюкова Л. Б. Лингвистическое моделирование процессов восприятия в поэтическом тексте // Демешкина Т. А., Верхотурова Н. А., Крюкова Л. Б., Курикова Н. В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т. А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 141–187.

Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

Рундисбахер Х. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре. 2-е изд., испр. Кн. 2 / сост. О. Б. Вайнштейн. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 579–607.

Филатова К. Л. Когнитивное исследование зрительной метафоры во французском и в русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009.

Bethea D. M. Nabokov and Blok // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / ed. by V. E. Alexandrov. New York : Routledge, 1995. P. 374–382.

De la Puente I. G. Bilingual Nabokov: Memories and Memoirs in Self-Translation // *The Slavic and East European Journal*. 2015. Vol. 59, No. 4. P. 585–608. <http://doi.org/10.30851/59.4.005>

Mollaret D. An Eden of Sensations : The Five Senses in Speak, Memory // *The Five Senses in Nabokov's Works* / ed. by M. Bouchet, J. Loison-Charles, & I. Poulin. Cham : Palgrave Macmillan, 2020. P. 89–105.

References

Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. In *Teoriia metafory* [Theory of Metaphor] (pp. 5–32). Moscow: Progress.

Bakumenko, O. N. (2023). Tsvetooobnacheniiia v dvuiazыchnom mirovidenii V. Nabokova (na materiale original'nogo i avtoperevodnogo tekstov romana *Lolita*) [Colour Designations in V. Nabokov's Bilingual Worldview (Based on the Original and Self-Translated Texts of the Novel *Lolita*)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 20 (1), 4–19. <http://doi.org/10.21638/spbu09.2023.101>

Bethea, D. M. (1995). Nabokov and Blok. In V. E. Alexandrov (Ed.), *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* (pp. 374–382). New York: Routledge.

Borisova, E. B., & Dayneko, M. V. (2021). Bilingvizm V. Nabokova v issledovaniiax otechestvennykh lingvistov: stepen' razrabotannosti problemy [Bilingualism of V. Nabokov in the Studies of National Linguists: Extent of the Development of the Issue]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 1 (154), 131–134.

Boyd, B. (2010). *Vladimir Nabokov: amerikanskie gody: Biografiia* [Vladimir Nabokov: American Years: Biography]. St Petersburg: Symposium.

De la Puente, I. G. (2015). Bilingual Nabokov: Memories and Memoirs in Self-Translation. *The Slavic and East European Journal*, 59(4), 585–608. <http://doi.org/10.30851/59.4.005>

Filatova, K. L. (2009). *Kognitivnoe issledovanie zritel'noi metafory vo frantsuzskom i v russkom iazykakh* [Cognitive Study of Visual Metaphor in the French and Russian Languages] (doctoral dissertation abstract). Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

Grishakova, M. (2001). O vizual'noi poetike V. Nabokova [On V. Nabokov's Visual Poetics]. *Ruthenia: ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. Kafedra russkoi literatury Tartuskogo universiteta*. Retrieved from <https://www.ruthenia.ru/document/404860.html>

Kryukova, L. B. (2006). Lingvisticheskoe modelirovanie protsessov vospriiatiia v poeticheskom tekste [Linguistic Modeling of Perception Processes in Poetic Text]. In T. A. Demeshkina, N. A. Verkhoturva, L. B. Kryukova, & N. V. Kurikova (Eds.), *Lingvisticheskoe modelirovanie situatsii vospriiatiia v regional'nom i obshcherossiiskom diskurse*

[Linguistic Modeling of the Situation of Perception in Regional and All-Russian Discourse] (pp. 141–187). Tomsk: Tomsk University Press.

Mollaret, D. (2020). An Eden of Sensations: The Five Senses in *Speak, Memory*. In M. Bouchet, J. Loison-Charles, & I. Poulin (Eds.), *The Five Senses in Nabokov's Works* (pp. 89–105). Cham: Palgrave Macmillan.

Nabokov, V. V. (2014). *Lektsii po zarubezhnoi literature* [Lectures on Foreign Literature]. St Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus.

Rindisbacher, H. (2010). Ot zapakha k slovu: modelirovanie znachenii v romane Patrika Ziuskinda "Parfiumer" [From Smell to Word: Modeling Meaning in Patrick Süskind's *Perfume*]. In *Aromaty i zapakhi v kul'ture* [Aromas and Smells in Culture] (2nd ed., Book 2, pp. 579–607). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Zadornova, V. (2020). Sinesteziia kak stilisticheskii priem v proze V. Nabokova i vozmozhnosti ego peredachi na drugom iazyke [Synaesthesia as a Stylistic Device in V. Nabokov's Russian Prose and Its Rendering into English]. *Moscow University Philology Bulletin*, 1, 9–19.

Zhanturina, B. N. (2010). Pertseptivnye metafory zvuka [Perceptive Metaphors of Sound]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 17, 12–15.

Дроздова Анастасия Олеговна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель, научный сотрудник
кафедры языкознания и литературоведения
Тюменский государственный университет
625003, Тюмень ул. Володарского, 6
E-mail: an.o.droz@gmail.com

Drozdova, Anastasiia Olegovna

PhD (Philology),
Senior Lecturer, Researcher
Department of Linguistics and Literary
Theory
University of Tyumen
6, Volodarsky St., 625003 Tyumen, Russia
Email: An.o.droz@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5728-142X>
Scopus AuthorID: 57220034191
WoS ResearcherID: ABQ-9629-2022

Рогачева Наталья Александровна

доктор филологических наук, профессор
кафедры языкознания и литературоведения
Тюменский государственный университет
625003, Тюмень ул. Володарского, 6
E-mail: n.a.rogacheva@utmn.ru

Rogacheva, Natalia Alexandrovna

Dr Hab. (Philology), Professor
Department of Linguistics and Literary
Theory
University of Tyumen
6, Volodarsky St., 625003 Tyumen, Russia
Email: n.a.rogacheva@utmn.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8424-1861>
Scopus AuthorID: 57191611148
WoS ResearcherID: AGU-3687-2022

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.004
УДК 821.161.1-3 Беннигсен + 021.2 +
+ 7.038.6

Н. В. Ковтун

¹Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева

Красноярск, Россия

²Российская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Санкт-Петербург, Россия

БУНТ ЧИТАТЕЛЯ ПРОТИВ КНИГИ В РОМАНЕ ВС. БЕНИГСЕНА «ГЕНАЦИД»

Работа посвящена проблеме происхождения и развертывания в современной литературе мотива бунта героя-читателя против книги: от позднего традиционализма до постмодернизма. Особое внимание уделено роману Вс. Беннигсена «ГенАцид» (2009), анализ которого демонстрирует изменения, связанные с догматом о литературоцентризме в русской культуре рубежа XX–XXI вв. Цель статьи — продемонстрировать специфику отношений *читателя* и *книги*, когда, с одной стороны, иллюзии по поводу оправданности жизни по писаному уже разрушены, с другой — книга становится инструментом коммуникации, понимания *Иного*, причем в роли *Другого* может выступать и сама *литература*. Встречи читателя с Иным зачастую определены реакцией словесности на эстетическую теорию времени, что определяет тип героя — профессионального филолога (библиотекарь, писатель, толмач). В романе «ГенАцид» на сюжетном уровне описан эксперимент по внедрению книжного знания и его трагические последствия (бунт, смерть, пожар в библиотеке). Действие подсвечено сюжетами русской классики, образы героев соотносятся с фигурами писателей (от А. Пушкина, Н. Гоголя, Л. Толстого до А. Чехова и М. Горького) и знаменитых литературных персонажей (ключевую позицию занимает образ Чичикова), что открывает перспективу множественности интерпретаций.

В исследовании применялись сравнительно-исторический метод в сочетании с комплексным дескриптивным анализом текста.

В результате проведенного анализа делается вывод, что насильственное внедрение литературы в бытие отнюдь не гармонизирует его, русская история движется не путем гуманистического постижения Другого, но ознаменована платоновской версией истории — *котлованом*, или *колеей*, что демонстрирует логика «ГенАцида». Роман, начавшийся с проекта космизации мира усилиями *человека читающего*, финализирует картина пепелища. История возвращается вспять, приметы книжного бунта, детали его расследования исчезают, а книжки, уцелевшие после аутодафе, насельники разносят по домам, что обещает повторение очередного бытийного круга, замкнутого на себе самом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бунт читателя против книги; библиотека; «ГенАцид»

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/> (Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского).

Ц и т и р о в а н и е: *Ковтун Н. В.* Бунт читателя против книги в романе Вc. Бенигсена «ГенАцид» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 56–71. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.004>

Поступила в редакцию: 03.04.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Natalia V. Kovtun

¹*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev*

Krasnoyarsk, Russia

²*Russian Christian Academy for the Humanities
named after F. M. Dostoevsky*

St Petersburg, Russia

**READER'S REVOLT AGAINST THE BOOK
IN Vs. BENIGSEN'S NOVEL *GENACIDE***

This paper explores the origin and occurrence in modern literature of the motif of the hero-reader's revolt against the book, from late traditionalism to postmodernism. Special attention is paid to Benigsen's novel *GenAcide*, which demonstrates the changes associated with the dogma of literaturocentrism in Russian culture at the turn of the twenty-first century. The article aims to demonstrate the specific relationship between the reader and the book. On the one hand, illusions about living according to what is written have been shattered. On the other hand, the book becomes an instrument of communication and understanding of the Other. Literature itself can play the role of the Other. The reader's interactions with the Other are frequently influenced by the literary response to the contemporary aesthetic theory, which determines the type of protagonist – a professional philologist (librarian, writer, interpreter). The novel *GenAcide* depicts an experiment in the introduction of book knowledge and its tragic consequences at the plot level (riot, death, fire in the library). The action is illuminated by the plots of Russian classics, the images of the characters are correlated with the figures of writers (from A. Pushkin, N. Gogol, L. Tolstoy to A. Chekhov and M. Gorky) and famous literary characters (the key position is taken by the image of Chichikov), which opens the prospect of multiple interpretations.

The study utilises the comparative-historical method and a comprehensive descriptive analysis of the text.

The analysis concludes that forcibly introducing literature into existence does not harmonise it at all. Russian history does not move along the path of humanistic comprehension of the Other but is marked by a Platonic version of history – a pit or a rut, as demonstrated by the logic of *GenAcide*. The novel, which began with the project

of cosmicising the world through the efforts of a man who reads, finishes with a picture of ashes. History is going backwards, the signs of the book riot and the details of its investigation are disappearing, and the books that survived after the auto-da-fe are being taken home by the inhabitants, which promises the repetition of another existential circle, closed in on itself.

Key words: reader's revolt against the book; library; *GenAcide*

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the *Russian Science Foundation* 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/> (Russian Christian Academy for the Humanities named after F. M. Dostoevsky).

For citation: Kovtun, N. V. (2025). Bunt chitatelia protiv knigi v romane Vs. Benigsena "GenAcid" [Reader's Revolt against the Book in Vs. Benigsen's Novel *GenAcide*]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 56–71. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.004>

Submitted: 03.04.2024

Accepted: 28.01.2025

Читатель и Книга: от любви до ненависти...

Догмат о литературоцентризме русской культуры общеизвестен, достаточно отрефлексирован в рамках историко-социологической мысли, однако на рубеже XX–XXI вв. он становится ключевой проблемой самой литературы, которая пытается осмыслить собственное место в меняющемся мире. Нас будут интересовать отношения *читателя* и *книги* в эпоху постмодерна, когда, с одной стороны, иллюзии по поводу оправданности жизни по писаному уже разрушены, с другой — книга зачастую становится инструментом понимания *Другого*, изменчивого мира, инструментом далеко не совершенным, но достаточно привычным. В рамках таких взаимоотношений будут встречаться и *удачные практики*, когда культура выступает основным содержанием истории, пиковым выражением бытия: «Попугай Флобера» Д. Барнса (*Flaubert's Parrot*, 1984), «Последний мир» Кр. Рансмайра (*Die letzte Welt*, 1988) [Ковтун, 2014], «Таинственное пламя царицы Лоаны» У. Эко (*La misteriosa fiamma della regina Loana*, 2004), «Соловьев и Ларионов» Е. Водолазкина (2009), «Памяти памяти» М. Степановой (2021) или поэтические карточки Л. Рубинштейна...

Нам же важен прямо обратный, трагический опыт, демонстрирующий *бунт читателя против власти книги*, продолжением которого становится насилие над самой книгой, которая мистифицируется и мифологизируется, выступая инструментом в руках власти. Сами примеры такого противостояния книжной идее давно известны в мировой литературе: от *Гамлета*, *Дон Кихота*, проклинающего в конце жизни рыцарские романы, до *подпольного человека* Ф. Достоевского, обвинившего книгу в обезличивании, унификации личности. Литература рубежа XX–XXI вв. демонстрирует разнообразные формы борьбы с диктатурой

книги: бегство из библиотеки, предание ее огню или отказ от чтения как такового, принципиальное молчание. Крайним вариантом «бунташной» парадигмы и становится образ героя, для которого сопротивление литературе — важная жизненная цель, ставшая предметом авторской рефлексии.

В сравнении с модернизмом, сконцентрированным на противопоставлении реальной жизни и литературы (аксиологический ракурс), постмодернизм в центр протеста выдвигает проблему самого *читателя*. Эта словесность уже не интересуется вопросом о том, как зависит судьба личности от уровня подлинности художественного сюжета. «Уходит оценочность в изображении литературоцентричного восприятия мира, которая особенно отличала многочисленные истории подражателей и подражательниц в литературе романтизма и реализма. Вопрос ценности литературного знания по сравнению с живым опытом, столь важный для литературы модернизма, также теряет свою актуальность. Жизнь, так или иначе обусловленная читательским опытом, рассматривается литературой постмодернизма уже в качестве литературной данности» [Турьшева, 2011, с. 253]. История XXI столетия не случайно связывается с дискурсом *культуроцентризма* [Закс]. Словесность признается неистребимой частью бытия, ее власть инфернализируется, демонизируется, выводится в область антиутопии, фантастики, но получает статус неизбежной. В связи с этим обстоятельством в рецептивной поэтике постмодернизма главной проблемой становятся взаимоотношения с сознанием Другого, над которой размышляют крупнейшие философы современности. «Культурологический интерес последних десятилетий был направлен прежде всего на контакт с чужими культурами, на опыт “другого”, распространяющийся поверх символических, системных и культурных границ» [Кошорке, с. 31]. Читательский опыт теперь рассматривается как один из инструментов постижения Другого, литература играет роль посредника в коммуникации. Встреча с Иным зачастую выступает определяющей в бытии персонажа, причем в роли Другого может фигурировать и сама *литература* (романы Дж. Хайнса, В. Сорокина, Т. Толстой, М. Елизарова, Вс. Бенигсена).

В этих обстоятельствах сюжет встречи с книгой сохраняет свою непредсказуемость, симуляционность. Герой чаще всего остается глубоко разочарованным, его ожидания не оправдываются и, более того, он сам оказывается «не способным понять... происходящее» [Жиличева, с. 9]. Таков, например, недоросль Бенедикт в романе Т. Толстой «Кысь» (2000), отказывающийся от чтения юный Иван в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) [Ковтун, 2015] или деревенские жители, спалившие библиотеку, в романе Вс. Бенигсена «ГенАцид».

По наблюдениям О. Н. Турьшевой, сюжет встречи читателя с Иным в словесности постмодернизма зачастую определен реакцией *литературы рецептивизма* «на эстетическую теорию времени» [Турьшева, 2011, с. 256]. Теоретические постулаты этого периода в отношении литературоцентризма достаточно разнообразны: от утверждения отчуждающей власти словесности («негативная» оценка литературоцентризма во французском постструктурализме или американском деконструктивизме) до признания литературы важным ресурсом

коммуникации в условиях мира-хаоса, когда традиционные ориентиры и ценности скомпрометированы. Причем усилия героев, обратившихся к словесности как возможности жизнеустроительства, могут быть утешительны, перспективны, но и катастрофичны в своих итогах. Учитывая апелляцию современной литературы к сложнейшим теоретическим проблемам, ее избранным героем и становится профессионал — *библиотекарь, комментатор, хранитель рукописей, толмач*, имеющий опыт работы с книгой, зачастую ненавидящий ее как средство порабощения и унижения.

Пушкин как триггер в романе «ГенАцид»

Роман Вс. Беннигсена «ГенАцид» доводит сюжет борьбы читателя с литературой до предельного напряжения. Гротескно-фарсовый план, связанный с внедрением ГенАцида — Государственной Единой Национальной Идеи, суть которой — сплочение нации вокруг литературного Канона, вызывает вполне апокалипсические следствия: ожесточение, убийства, гибель библиотеки. Сам эксперимент по сбережению литературного наследия осуществляется в отдельно взятой деревушке, символизирующей мир в целом. Насельники литературой никогда не интересовались, некоторые и вовсе не умеют читать и писать, сравниваются с «медведями-шатунами», «зомби»¹. Их жизнь сосредоточена окрест магазина и милицейского участка. Показательно и название поселения — *Большие Ущеры*, отсылающее к диалектизмам *ущер, ущерка* — ‘узкое место, провал’ и вызывающее ассоциацию с миром *мертвых* [Березович, с. 158–159], образом *пещерных* людей, которым в романе и обещан выход к Слову как Свету. Не случайно деревенского библиотекаря друзья иронически называют «Данко большеущерского разлива».

Принципиально, что уже в начале сюжетного действия события двоятся, связываются как с условной реальностью текста, так и с мотивами *сна, предчувствий, наркотического опьянения*, что открывает перспективу множественности интерпретаций. Все документальные свидетельства эксперимента в конечном итоге исчезают, газеты, где был напечатан указ, никто не может найти, а их содержание — вспомнить. Зачином описанной в романе катастрофы становится вечеринка, на которой деревенские интеллектуалы провозглашают тост «“За Пушкина!”». В пророческом сне герою-резонеру является *Пушкин*, и это странное обстоятельство вызывает озадаченность и тревогу. «“Ох, не к добру”, — подумалось библиотекарю. За классиков русской литературы в деревне Большие Ущеры отродясь не пили, но, может, именно оттого тост, предложенный инженером Климовым, пришелся по душе сидящим за столом. “Точно! Пушкин — наш весь!” — закричал тракторист Валера, фамилию которого Пахомов никак не мог запомнить. “Наше все”, — невозмутимо поправил его фельдшер Зимин» [Беннигсен, с. 8]. Сама

¹ Известно, что сюжет имеет историческую основу. В книге «Крестьяне о писателях» [Топоров] автор описывает впечатления крестьян от текстов русской классики.

неточность в знаменитой формуле А. Григорьева: «Пушкин — это наше все» показательна. Гений из символа отечественной культуры превращается в собственность пирующих: *наш весь*. В историческом процессе коммуникации знаменитая цитата ознаменовала новый этап в понимании образа поэта, связанный с его гибелью. К середине XIX столетия биография Пушкина осознается в житийном ореоле, идеологические контексты вытесняются «вочеловеченной соборностью». Поэт становится воплощением национального согласия и бытийной гармонии, что и было озвучено А. Григорьевым [Шатин, с. 51].

В романе Вс. Бенигсена миссия Пушкина переосмыслена, образ поэта становится предвестником трагедии. В соответствии с указом из деревенской библиотеки, заранее хорошо укомплектованной, в свободном порядке выбираются знаковые произведения русских классиков для заучивания населенниками. Понимание текстов не предполагается, но только механическое воспроизведение, что делает возможным распределение отдельных фрагментов, никак не связанных друг с другом. Так недавний опыт наива Бенедикта из романа Т. Толстой «Кысь» теперь повторяет деревенский сход в целом. За процессом освоения Канона следят милиционеры, похожие на персонажей «из фильмов про доблестных чекистов», превратившие распределение книг в сведение счетов — самые непонятные, трудные тексты выдаются несговорчивым, хулиганам, пьяницам и должникам. Таким образом *миссия единения* под эгидой национальной идеи изначально заменяется *сюжетом наказания*, что соответствует андеграундному сознанию, для которого тексты Канона стали продолжением властного дискурса [Берг]. Процесс реализации указа грозит превратить деревню в *тюрьму, концлагерь*, один из героев прямо восклицает: «Тебе что тут, концлагерь, что ли, какой? Эксперименты над живыми людьми ставить на себе не позволю» [Бенигсен, с. 22]. Ситуация отсылает и к лагерному опыту А. Солженицына, который, не имея возможности записать текст, запоминал его. История работы над «Архипелагом ГУЛАГ» (1958–1968) остраивается, воспроизводится Вс. Бенигсином с обратным знаком.

Деревенский библиотекарь, глядя на список выделенных для заучивания текстов, переживает странное вдохновение, «явно ощущая себя в тот момент Творцом, вдыхающим жизнь в мертвые тела большеущерцев» [Там же, с. 21]. Он становится распорядителем судеб односельчан: «В этом образ Антона приближается к таким литературным аналогам, как доктор Моро, Франкенштейн, профессор Преображенский и прочим героям-творцам, не способным нести бремя ответственности за свое творение» [Щербитко, с. 33]. Пахомов представляет себя «военным стратегом перед картой сражения»: спят деревенские и не ведают, «что судьба их находится в его, похмельных пахомовских руках. Антон пробежал глазами по строчкам фамилий. Вот спит Валера-тракторист. Ведь это он, гад, вчера за Пушкина пить предлагал. Ну и получай своего Пушкина» [Бенигсен, с. 20]. С Пушкиным сравнивается и несчастный тихий Сериков, первым получивший тексты для зубрежки и превратившийся в некую *тьень, двойника* библиотекаря, взывающего о смысле жизни. Упоминание имени

Пушкина во всех случаях срабатывает как триггер. Эксперимент должен завершиться в трехнедельный срок к 31 декабря, вызывая ассоциацию с обновлением мира. Проверять исполнение указа ждут специальную комиссию, что напрямую отсылает к сюжету гоголевского «Ревизора».

Сюжет Чичикова и новая история «мертвых душ»

Образ библиотекаря не случайно содержит характерные приметы: талант мимики, умение «заражаться» излюбленными словечками посторонних людей, усваивать чужие привычки (дергать носом или подмигивать), что выдает *трикстерскую* основу персонажа, актуализирует идею Чичикова. Выделенные для заучивания книги везут из деревенской библиотеки в клуб «на тарантасе», за которым проступают очертания брички гоголевского героя. Ключевые для архетипического сюжета Чичикова мотивы *списков*, «*мертвых душ*», *коробки*, *брички* подчеркивают важность названной параллели. С Чичиковым традиционно связывается сюжет антихриста, имитирующего деяния апостолов [Гольденберг, с. 131]. М. Е. Мелетинский [1994] и М. Вайскопф [2002] подчеркивают в плутовском образе не столько деградацию мирового зла, о чем писали литераторы Серебряного века [Мережковский], сколько деградацию национальной жизни. Инфернальное начало, воплощенное в персонаже, играет не на амбициозных планах человека на бессмертие, или исключительное знание, а на банальных расчетах не упустить свою выгоду в ситуации сбоя работы государственного аппарата. Показательно, что с образом библиотекаря, примеряющего роль хозяина «мертвых душ», корреспондирует сюжет деревенского Сеньки-гитариста, который, тайно похоронив бабушку в овраге, кладет на кровать куклу и получает за умершую пенсию. Он же, уезжая на службу в армию, оставляет местному участковому в подарок цветок, оказавшийся марихуаной. История выглядит фарсовым продолжением сюжета О. Славниковой из романа «Бессмертный» (2001), тоже находящегося в смысловом поле гоголевской поэмы. Трикстер Чичиков и становится *ключевым героем* современной прозы [Баль].

Практика реализации указа, описанная в романе Вс. Беннигсена, отсылает к идее постструктурализма о *мире как тексте*, где каждый фрагмент равен значению целого, чтение же осуществляется в свободном порядке и может прерываться в любой момент без ущерба для смысла. Фрагменты, руины и есть тогда реальность, манипуляция с ними — смысл истории. Автор волен и в приоритетах: воссоздавая образ Вселенной из обрывков, фрагментов прежних культур, он по-своему оценивает их важность. Смысл мозаичного целого не превосходит значения части. Вселенная как поток осколков принципиально лишена возможности гармонии — это синтез без основы, с надеждой, что сама культура себя объяснит и наполнит. Каждая частица, отрывок — составляющая неизведанного единства, но существующего в качестве метатекста. Герой «эпохи руин» и пытается обрести «затерянный мир», восполнить недостающие реалии, ибо, найдя деталь, можно синтезировать утраченную культуру, так

мифологизируется и прошлое, и настоящее. По сути данный процесс восстановления духа из случайных материальных объектов объясняет коллажную форму постмодернистского романа [Давыдов].

В своей основе постмодернистская теория *хаосмоса* (Дж. Джойс) развивается и библиотекарем. Диплом Пахомова «Центростремительная сила хаоса и его мифотворческая логика» структурирует тезис, что история есть «цепь совершенно нелепых случайностей, предсказать которые невозможно» [Бенигсен, с. 35]. И как следствие, нет и не может быть никаких уроков истории, ей правят *миф* и *идеология*: «История давно превратилась из науки в литературное жульничество» [Там же, с. 37]. Оказавшись в Больших Ущерах, библиотекарь лично убедился, «что любая попытка придать природному хаосу осмысленность и порядок приводит в лучшем случае к недоразумению, в худшем — к катастрофическому результату» [Там же, с. 38]. Так, во время переписи населения страны было только два места, где провести ее оказалось невозможным — поселок Заполярный (в силу географической недоступности) и Большие Ущеры. «Мало того, что большинство большеущерцев не могло толком объяснить, чем занимается и кем работает, так еще и путались в своих биографических данных и семейном положении» [Там же]. Главным испытанием переписчиков стало общение с Гришкой-плотником. Страшно было даже не то, «что они не поняли у него ни единого слова (за исключением, конечно, мата), а то, с какой уверенностью, четкостью и искренней готовностью помочь переписчикам отвечал он на вопросы. Возникло стойкое ощущение, что Гриша-то нормален, а ненормальны как раз те, кто его не понимает» [Там же]. Чувство перевернутого мира-хаоса отличает и героя из повести С. Довлатова «Заповедник» (1976–1983), послужившей претекстом романа: «Я шел и думал — мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда» [Довлатов, с. 410]. В «ГенАциде» заучивание текстов, освоение ролей изначально выглядит как попытка решить метафизическую проблему «голового человека», подарив ему новую историю и судьбу [Ковтун, 2022].

«Провинциальная театральная постановка» и ее герои

Громкие читки, декламация текстов превращают деревенскую жизнь в «провинциальную театральную постановку», где одновременно исполняют разрозненные куски прозаических и поэтических произведений. Крестьяне стараются «превратить продуктовый магазин в литературный салон», читая отрывки несчастной продавщице. Последней стало казаться, «что продуктовый магазин наполнился поэтами и писателями всех мастей, которые галдят, кричат, смеются, обливаются слезами, шутят, философствуют и признаются в любви» [Бенигсен, с. 33]. Власть в этой ситуации выполняет *режиссерские* функции, напоминая градоначальников М. Е. Салтыкова-Щедрина [Kovtun], однако всех мучают дурные предчувствия, словно ситуацией управляет злой рок, загоняющий «в какую-то то ли колею, то ли паутину», сплетенную из литературных сюжетов. Крестьяне же утрачивают

понимание прежней жизни, но не могут освоиться и внутри роли, смысл которой не ясен. Таджик Мансур Каримов относится к книге как сакральному объекту, реликвии, но русского языка не понимает. Немногим лучше ситуация с местными — прочитав Баратынского, Сериков признается: «Текст какой-то заумный, я половину слов не знаю» [Бенигсен, с. 27]. Лексикон местного хулигана Гришки изначально включает «несколько десятков неопределенных междометий, слов-паразитов и матерных восклицаний, понять которые мог только он сам» [Там же, с. 20], однако, получив для заучивания стихи Крученых, герой воспринимает их совершенно естественно: «Нормальные стихи» [Там же, с. 33].

Подобная ситуация складывается и в «Заповеднике» С. Довлатова, один из центральных героев которого — Михал Иванович — говорит почти исключительно с использованием табуированной лексики, но выстроенной в особой музыкальной манере, напоминающий *заумь футуристов*: «В его матерщине звучала философская нота». «Речь его была сродни классической музыке, абстрактной живописи или пению щегла. Эмоции явно преобладали над смыслом» [Довлатов, с. 363]. В этом контексте Михал Иванович близок «грязным овцам» с «декадентскими физиономиями», выгуливаемым на деревенских улицах. За фигурой крестьянина проступают и черты Пугачева, как его написал Пушкин в «Капитанской дочке» [Марусова]. Самобытность языка, лохмотья, буйство нрава, связь со стихией — устойчивые черты *двойника-антипода*, связанного с погружением героя в хаос, смерть [Франк].

Аналогичная история разворачивается и в «ГенАциде», когда библиотекарю в пророческом сне друг за другом являются *Пушкин, Лермонтов, Достоевский* и *Л. Толстой*, стремящиеся посетить деревенскую библиотеку. Каждый из писателей изображен в соответствии с известными по школьным учебникам портретами. Замыкает парад классиков тот же Гришка в шутовском наряде, пародирующем узнаваемые детали: «А из одежды на Гришке только цилиндр, ментик, штаны непонятного фасона и лапти» [Бенигсен, с. 32]. Так заявлен трагифарсовый образ «голого человека», чье преобразование заменено *переодеванием*. Плут кривляется, затевает драку с библиотекарем, сам, подобно *тени*, оставаясь неуязвимым для ударов. В финале романа шут возглавляет крестьянский бунт, «бессмысленный и беспощадный». В тексте М. Елизарова «Pasternak» (2003) те же *Пушкин, Л. Толстой* и *Б. Пастернак* уже напрямую названы проводниками демонического, чьи произведения укрепляют власть «книжного демона», развернувшего черные крылья над Россией.

В романе Вс. Бенигсена деревенские улочки-строчки превращаются в пространство для репетиций [Бенигсен, с. 40], обернувшихся жесткой враждой. Сначала отделились «заики» (учившие *прозаические* тексты) от «рифмачей», осваивающих поэзию, затем началось расслоение на «ромов» и «ромбаб» (связанных с лирикой). Философские вирши называли «филями», авангардные просто «дичью», читавшие их считались «дикарями». Библиотекаря «весь этот большеушерский “новояз” сильно забавлял, он даже пожалел, что не филолог» [Там же, с. 42]. Изобретение языка — традиционная черта утопического мира,

реалии которого не укладываются в прежние представления о бытии. Соревнования в выразительном чтении в Больших Ущерах регулярно заканчиваются взаимными оскорблениями и драками. И на всех читках Гришка-плотник «был вроде шута или рекламной паузы», над его исполнением авангардных текстов все смеялись, что не мешало ему «радоваться даже такой шутовской “звездности”» [Бенигсен, с. 43]. Это вполне соответствует стратегии авангарда, для которого быть замеченным важнее, чем быть понятым.

К концу второй недели репетиций воздух в деревне «наполнился поэтическим безумием, а большеущерцы этим воздухом дышали. Иной раз казалось, что от такой литературной насыщенности, не ровен час, пойдут бродить по деревне тени потревоженных писателей. И верно — в один из выходных дядя Миша принялся уверять, что “не далее как вчера” видел на окраине слоняющегося Толстого» [Там же, с. 44]. Причастным к эксперименту начинает казаться, что репетиции и есть *подлинная реальность*: «Все это будоражило умы, волновало сердца и придавало деревенскому быту щемящее ощущение “жизни”» [Там же]. Портреты классиков один из плутоватых подростков выносит из школы и по сходной цене продает деревенским. Их выставляют в окнах как агитационные плакаты революционных лет. Когда изображения писателей заканчиваются, в дело идут любые другие — «голь на выдумки хитра», сюжет Чичикова получает достойное продолжение. Так «пыльный портрет Маркса» выдают за Тургенева, сам процесс визуализации авторов ставят на поток: «Уже через пару дней окна большеущерских домов покрылись портретами Энгельса (он же Некрасов), Менделеева (он же Салтыков-Щедрин), Дарвина (он же Достоевский), Калинина (он же Чехов) и даже Эйнштейна (он же Горький). Тем же, у кого писатели были менее известны или вообще неизвестны, предприимчивый отрок Артем “впаривал” оставшиеся портреты физиков, биологов и прочих ученых мужей, уверяя, что именно так и выглядел тот, чье изображение требуется. Посему некоторые появившиеся в окнах портреты у всякого мало-мальски образованного человека вызвали бы как минимум культурную оторопь» [Там же, с. 75].

Портретные аналогии между деятелями революции и художниками слова достаточно показательны. Пророческий сон библиотекаря сбывается самым непосредственным образом: *тени, отражения* заполняют деревенское пространство, вытесняя и заменяя реальность. «Книги оказываются силками, ловушками — и все участники госэксперимента так или иначе попадают в переплет» [Щербинина, с. 96]. Прием *qui pro quo*, мотивы *шутовства, двойничества, трикстерства* оформляют крестьянский быт, затерявшийся в декорациях. Выход из этих пределов ознаменован массовой дракой и самоубийством Серикова, после чего события получают бешеное ускорение, нелепости нарастают как снежный ком.

Пожар в библиотеке — возможен ли Исход?

За пределами книжных декораций реальность подчеркнута неприметна, скудна, трагична, но *неотменима*. Сериков, прочитав рассказ А. Чехова, задается

экзистенциальными вопросами, однако бессилён их решить. Случайно узнав, что у него есть сын, он лишается возможности видеть ребенка. Ситуацию усугубляет известие о наступившем бесплодии, после чего герой заканчивает жизнь самоубийством, в предсмертной записке цитирует Чехова: «Все эти ужасы были, есть и будут, и от того, что пройдет тысяча лет, жизнь не станет лучше. А. П. Чехов». Мысль писателя как будто вписывается в теорию хаосмоса, которую развивает библиотекарь, вступающий с погибшим в «загробный монолог»: «Сериков как будто с того света хитро подмигивал Антону и говорил: “Как это ты ни при чем? А кто тексты распределял? А кто воображал себя судьбой, щедро раздающей запасы русской словесности и вдыхая тем самым “жизнь” в мертвые души большеушерцев? Не ты? А кто же? Пушкин? Нет! Ты! Ты вдохнул в меня такую жизнь, что теперь я лежу поперек стола бледный и недвижимый со странгуляционной полосой на шее”» [Беннигсен, с. 85].

Параллельно драме Серикова разворачивается история наивной Катки (имя отсылает к героине «Двенадцати» А. Блока), которая пытается остановить отца своего будущего ребенка, сбежавшего из деревни «куда глаза глядят», но в итоге теряет и возлюбленного, и малыша (выкидыш). Дети в фиктивном пространстве декораций не живут. В деревне же, в полном соответствии с блоковским сюжетом, зреет бунт: «“Ярость благородная вскипает, как волна”, тут уже выскакивают чертики из табакерки двое из ларца, одинаковы с лица, русская классика, что б ее — два проклятущих вопроса “кто виноват?” и “что делать?”. И шепчут что-то на ухо, бормочут всякую несуряцицу, требуют дать ответ. А ответа-то и нет» [Там же, с. 90]. Так книжный соблазн уже напрямую уравнивается с сексуальным и inferнальным. В повести Вл. Сорокина «День опричника» (2006) ясновидящая Прасковья Мамонтовна (реплика в сторону мецената Мамонтова) не случайно советует опричнику Комяге (имя — калька с названия долбленки для скота) сжигать классику для государственной пользы: «Голубь, книги должны быть только деловые». Прежде других сжигают как раз сочинения Чехова.

В «ГенАциде» выход из утопических книжных пределов, означенный самоубийством Серикова, влечет за собой еще несколько смертей, гибнут самые слабые и незащищенные. Разъяренная толпа убивает собаку, радостно выскочившую навстречу, ни в чем неповинного таджика Мансура, чье ружье как раз не стреляет, вопреки идее Чехова, последним гибнет Пахомов, пытающийся остановить разгром библиотеки. «Толпа эта была похожа скорее на армию, марширующую к бастиону противника. И этим бастионом была библиотека» [Там же, с. 98]. Превращение деревенских в чудовище, «стоногого динозавра», некое «общее тело» подчеркивает отсутствие в нем души, вместо которой симулякр духа — мертвенная пустота. Толпа жаждет крови, погромов: «Беда развязывает руки. Только она и дает ту свободу, которую никогда не даст ни какой-то там абстрактный идеал, ни тихое счастье, ни демократические принципы. Хаос. Вот что нас сплотит по-настоящему. И его составляющие. Беда, страх и желание выжить» [Там же, с. 99]. Последние в романе уже напрямую названы «свободой»

трощей», чье возмездие неотвратимо. Так остраняется средневековый канон сакрализации книжного знания. Ворвавшись в библиотеку, толпа устраивает аутодафе из книг, которые еще недавно заучивали: «Радостно протягивали к жаркому огню замерзшие руки бабы. Остатками водки грелись уставшие мужики» [Бенигсен, с. 101]. Сцена напоминает ситуацию революционных лет.

Пожар в библиотеке — устойчивый мотив современной европейской прозы в целом, хотя имеет разные стратегии сюжетной организации: от желания персонажей спасти книгу («451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери, «Имя Розы» У. Эко, «Книжный вор» М. Зусака) [Богдевич] до стремления уничтожить даже память о ней («Кысь» Т. Толстой, «ГенАцид») [Турышева, 2009]. Мечь имеет разные причины: это и развенчание книги как «орудия счастья» (Борхес), и непонимание героем написанного, разочарование в герменевтических усилиях, — неизменным остается только само *пепелище*, которым заканчивается противостояние. В «Кыси» пожар — аналог Революции — выступает принципом круговращения истории, толпа «голубчиков» (народ) безмолвствует: «Стоят, глаза раскрывши, и в глазах тоже огонь пляшет, отражается, как в воде какой, переплескивается» [Толстая, с. 120]. Парад марионеток, «мертвых душ» символизирует в текстах «движущие силы» русской истории, напоминающей шапито, где роль литературы — одна из ведущих.

В «ГенАциде» после пожара, случившегося в канун Нового года, надежду на возрождение Национальной Идеи заменяет «страшное похмелье, допросы и всеобщая подавленность». Убиенных «Мансура, Антона и Серикова похоронили за оврагом, всех троих рядом. Странное посмертное соединение людей, которые при жизни не были особенно близки. Туда же за овраг отвезли и остатки библиотеки — ее похоронили четвертой в этой компании» [Бенигсен, с. 102]. Овраг — место демоническое, его порубежная семантика связана с темой смерти, инобытия, в схожей парадигме современная проза представляет и саму библиотеку, связывая ее с *кладбищем* и *лабиринтом* [Матвеев]. В отечественной классике образ оврага противопоставлен идее *усады* и *райского сада*. В романе Вс. Бенигсена актуально решение овражной темы, развернутое в текстах А. П. Чехова, где она совмещает предельную удаль, вольницу (рассказы «Воры», «Гусев») с криминальной семантикой, в овраге находят трупы («Рассказ старшего садовника», «Палата № 6»). И только в поздней повести «В овраге» (1900) из топоса глухоты, смерти овраг превращается в универсальный символ мира, где «человек является лишь одной из составляющих и по отношению к которому человеческий взгляд неизбежно субъективен, ограничен и релятивен» [Разумова, с. 126]. Русская история, однако, движется не путем гуманистического постижения Другого, но, скорее, озаменована платоновской версией оврага — *котлованом*.

Противостояние идеи *сада* и *оврага* в финале «ГенАцида» соотносится и с легендой о *Малом* и *Большом Китеже*, одной из ключевых для русской культуры. После гибели первого под натиском татаро-монгол, второй на глазах орды уходит под воды Светлояра, став невидимым. По легенде путь к городу

варварам указал бражник *Гришка Кутерьма*, образ которого стал воплощением *Горя-Злочастия, Антихриста* [Черевань]. Черты персонажа очевидны в шутовской фигуре сквернословя Гришки-плотника, возглавившего поход на библиотеку. Особое значение в этом контексте приобретает номер приказа о ГенАциде — № 1458, ассоциирующийся с годом завоевания великих Афин варварами — турками. Новости окрестного мира, «где всем заправляли непонятные латинские слова», жители Больших Ущер узнают по телевизору и не доверяют им. Голоса же, которые слышны за окнами деревенских домов, звучат «как из-под воды» [Беннигсен, с. 9]. Подчеркнем, легенда о сокровенном Граде была популярна в мифологии старообрядчества, трагедия раскола, порожденная справой книг, вписывается в семантическое поле романа.

Текст, начавшийся с проекта космизации мира усилиями *книжного человека*, финализирует картина пепелища, напоминающая «негатив фотопленки — белые буквы на черном фоне» [Там же, с. 101]. История поворачивает вспять, приметы книжного бунта, детали его расследования исчезают: «А книжки с пепелища, которые либо чудом остались целы, либо не до конца сгорели, большеущерцы растащили по домам» [Там же, с. 102], что обещает повторение очередного бытийного круга, замкнутого на себе самом, как петля.

Источники

- Беннигсен Вс.* ГенАцид // Знамя. 2008. № 7. С. 7–103.
Довлатов С. Собрание прозы : в 3 т. Т. 1. СПб. : Лимбус-пресс, 1993.
Толстая Т. Кысь. М. : Эксмо, 2007.
Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М. : Госиздат, 1930.

Исследования

- Баль В. Ю.* Образ Чичикова в современной русской прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 147–168. <https://doi.org/10.17223/19986645/49/10>
Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2000.
Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
Богдевич Е. Ч. Мотив сгорающей книги / библиотеки в литературе XX–XXI вв. // Уральский филологический вестник. 2015. № 5. С. 30–38.
Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. М. : РГГУ, 2002.
Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Волгоград : Перемена, 2007.
Давыдов Ю. Современность под знаком «пост-» // Континент. 1996. № 3 (89). С. 301–316.
Жилчица Г. А. Рецепция языка постструктурализма в современном романе // Притяжение, приближение, присвоение: вопросы современной литературной компаративистики : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Ласкиной, Н. А. Муратовой. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2009.
Закс Л. Культуроцентрическая парадигма в современном искусстве // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 2. С. 419–434. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.2.587>

Ковтун Н. В. Книга — автор — читатель в поздних текстах В. Распутина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 208–221.

Ковтун Н. К. Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI вв.: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой // Кризис литературоцентричности: утрата идентичности vs новые возможности / отв. ред. Н. Ковтун. М. : Флинта-Наука, 2014. С. 69–95.

Ковтун Н. К. «Голый человек» и власть Книги: варианты Исхода (на материале романа «Кысь» Т. Толстой) // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 3 (51). С. 102–125. <https://doi.org/10.31249/chel/2022.03.06>

Кошорке А. К вопросу о принципе действия культурной периферии // Новое литературное обозрение. 2012. № 3 (115). С. 31–40.

Марусова И. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Зона» С. Д. Довлатова: типологическое сходство // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4/32. С. 35–45.

Матвеев М. Ю. Этот вечный стереотип: Библиотеки и библиотекари в зарубежной литературе XX века. Продолжение // Библиотечное дело. 2004. № 6 (18). С. 38–41.

Мелетинский М. Е. О литературных архетипах. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1994.

Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М. : Сов. писатель, 1991.

Разумова Н. Е. Чеховские овраги // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 10 (163). С. 119–127.

Турьшева О. Н. Бунт против библиотеки: к истории литературного мотива // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). С. 119–127.

Турьшева О. Н. Книга — чтение — читатель как предмет литературы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Франк И. Прыжок через быка. Двойник-антипод героя в литературе и кино. Опыт фантастического расследования. М. : Изд. дом ВКН, 2020.

Черевань С. В. Создание образа Григория Кутерьмы в «Граде Китеже» М. А. Римского-Корсакова // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16 (345). С. 182–189.

Шатин Ю. Русская литература в зеркале семиотики. М. : Языки славянской культуры, 2015.

Щербинина Ю. В. Бегство из литературного заповедника: О романе Всеволода Бенигсена «ГенАцид» // Вопросы литературы. 2010. № 6. С. 91–100.

Щербитко А. В. Роман Всеволода Бенигсена «ГенАцид»: испытание книгой // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 2. С. 30–38.

Kovtun N. V. On the Ruins of the “Crystal Palace” or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. № 7 (4). P. 1045–1057.

References

Bal', V. Yu. (2017). *Obraz Chichikova v sovremennoi russkoi proze* [The Image of Chichikov in Modern Russian Prose]. *Tomsk State University Journal of Philology*, 49, 147–168. <https://doi.org/10.17223/19986645/49/10>

Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary in the Common Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke.

Berg, M. (2000). *Literaturokratiia. Problema prisvoeniia i pereraspredeleniia vlasti v literature* [Literaturocracy. The Problem of Appropriation and Redistribution of Power in Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Bogdevich, E. Ch. (2015). Motiv sgoraiushchei knigi / biblioteki v literature XX–XXI vv. [Motif of a Burning Book / Libraries in Literature of the 20th–21st Centuries]. *Ural'skij filologicheskij vestnik*, 5, 30–38.

Cherevan', S. V. (2014). Sozdanie obraza Grigoriia Kuter'my v "Grade Kitezhe" M. A. Rimskogo-Korsakova [The Creation of the Image of Grigory Kuterma in *Grad Kitezhe* by M. A. Rimsky-Korsakov]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 16(345), 182–189.

Davydov, Yu. (1996). Sovremennost' pod znakom "post-" [Modernity under the Sign of "Post-"]. *Kontinent*, 3(89), 301–317.

Frank, I. (2020). *Pryzhok cherez byka. Dvoinik-antipod geroia v literature i kino. Opyt fantasticheskogo rassledovaniia* [Jumping over a Bull. The Double as an Antipode of the Hero in Literature and Cinema. The Experience of a Fantastic Investigation]. Moscow: Izdatel'skij dom VKN.

Goldenberg, A. Kh. (2007). *Arkhetipy v poetike N. V. Gogolia* [Archetypes in the Poetics of N. V. Gogol]. Volgograd: Peremena.

Koshorke, A. (2012). K voprosu o printsipe deistviia kul'turnoi periferii [On the Question of the Principle of Action of the Cultural Periphery]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 3(115), 31–40.

Kovtun, N. K. (2014). Real'nost' i tekst v proze rubezha XX–XXI vv.: "Poslednii mir" K. Ransmaira i "Kys" T. Tolstoi [Reality and Text in the Prose of the Turn of the 21st Century: *The Last World* by K. Ransmayr and *The Slynx* by T. Tolstaya]. In N. Kovtun (Ed.), *Krizis literaturotsentrichnosti: utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti* [The Crisis of Literary Centricity: Loss of Identity vs New Opportunities] (pp. 69–95). Moscow: Flinta-Nauka.

Kovtun, N. K. (2022). "Golyi chelovek" i vlast' Knigi: varianty Iskhoda (na materiale romana "Kys" T. Tolstoi) ["A Naked Person" and the Power of the Book: Variations of the Outcome (the Novel *The Slynx* by T. Tolstaya)]. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 3 (51), 102–125. <https://doi.org/10.31249/chel/2022.03.06>

Kovtun, N. V. (2011). On the Ruins of the "Crystal Palace" or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N.G. Chernyshevsky, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 7 (4), 1045–1057.

Kovtun, N. V. (2015). Kniga – avtor – chitatel' v pozdnykh tekstakh V. Rasputina [The Book – the Author – the Reader in V. Rasputin's Late Works]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2(139), 208–221.

Marusova, I. (2015). "Kapitanskaia dochka" A. S. Pushkina i "Zona" S. D. Dovlatova: tipologicheskoe skhodstvo [Pushkin's *Captain's Daughter* and S. D. Dovlatov's *Zone*: Typological Similarity]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4/32, 35–45.

Matveev, M. Yu. (2004). Etot vechnyi stereotip: Biblioteki i bibliotekari v zarubezhnoi literature XX veka. Prodolzhenie [This Eternal Stereotype: Libraries and Librarians in the Foreign Literature of the 20th Century. Continued]. *Bibliotechnoe delo*, 6(18), 38–41.

Meletinsky, M. E. (1994). *O literaturnykh arkhetipakh* [On Literary Archetypes]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

Merezhkovsky, D. S. (1991). *V tikhom omute: Stat'i i issledovaniia raznykh let* [In a Quiet Still Waters: Articles and Studies from Different Years]. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Razumova, N. E. (2015). Chekhovskie ovrage [Chekhov's Ravines]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10(163), 119–127.

Shatin, Yu. (2015). *Russkaia literatura v zerkale semiotiki* [Russian Literature in the Mirror of Semiotics]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Shcherbinina, Yu. V. (2010). Begstvo iz literaturnogo zapovednika: O romane Vsevoloda Benigsen "GenAcid" [Escape from the Literary Reserve: About Vsevolod Benigsen's Novel *GenAcide*]. *Voprosy literatury*, 6, 91–100.

Shcherbitko, A. V. (2013). Roman Vsevoloda Benigsen "GenAcid": ispytanie knigoi [Vsevolod Benigsen's Novel *GenAcide*: The Test of the Book]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, 2, 30–38.

Turyшева, O. N. (2009). Bunt protiv biblioteki: k istorii literaturnogo motiva [Revolt against the Library: Towards the History of the Literary Motif]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 22 (160), 119–127.

Turyшева, O. N. (2011). *Kniga – chtenie – chitatel' kak predmet literatury* [Book – Reading – Reader as a Subject of Literature]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Weiskopf, M. (2002). *Siuzhet Gogolia. Morfologija. Ideologija* [Gogol's Plot. Morphology. Ideology]. Moscow: RGGU.

Zaks, L. (2021). Kul'turotsentricheskaja paradigma v sovremennom iskusstve [The Culture-Centred Paradigm in Contemporary Art]. *Quaestio Rossica*, 9(2), 419–434. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.2.587>

Zhilicheva, G. A. (2009). Retseptsiia iazyka poststrukturalizma v sovremennom romane [Reception of the Language of Poststructuralism in the Modern Novel]. In N. Laskina, & N. A. Muratova (Eds.), *Pritiazhenie, priblizhenie, prisvoenie: voprosy sovremennoj literaturnoj komparativistiki: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* [Attraction, Approximation, Appropriation: Issues of Modern Literary Comparative Studies: Inter-university Collection of Scholarly Works]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

Ковтун Наталья Вадимовна

доктор филологических наук, профессор

¹Красноярский государственный

педагогический университет

им. В. П. Астафьева

660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

²Российская христианская гуманитарная

академия им. Ф. М. Достоевского

191023, Санкт-Петербург, набережная

реки Фонтанки, 15

E-mail: nkovtun@mail.ru

Kovtun, Natalia Vadimovna

Dr. Hab. (Philology), Professor

¹Krasnoyarsk State Pedagogical University

named after V. P. Astafyev

89, Ada Lebedeva St., 660049 Krasnoyarsk,

Russia

²Russian Christian Academy for the Humanities

named after F. M. Dostoevsky

15, Fontanka River Emb.,

191023 St Petersburg, Russia

Email: nkovtun@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6799-4685>

Scopus AuthorID: 57216870941

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ТЕТРАЛОГИИ НОВОЙ ПРОЗЫ Т. ТОЛСТОЙ

В работе проанализированы мифопоэтические стратегии в художественном мире Татьяны Толстой на примере четырех сборников («Легкие миры» (2014), «Невидимая дева» (2015), «Девушка в цвету» (2015), «Войлочный век» (2015)), составляющих тетралогии новой прозы писательницы. Выявлены особенности и основные мифопоэтические стратегии в художественном мире Т. Толстой. В частности, проанализировано обращение к мифологическим структурам, игра с разными видами мифов, использование мифологем и мифологических образов, включение мифологических сюжетов, создание мифологически окрашенного хронотопа. Показано, что способностью к мифотворчеству наделяется не только автор, но и многие персонажи произведений обозначенных сборников. Нередко позиция автора расходится с позицией героя в осмыслении мифа, и мы видим переход мифологизации в демифологизацию, иногда в ремифологизацию, когда автор «пересоздает», возрождает отмененный или перечеркнутый миф. В тетралогии новой прозы Т. Толстая нередко обнажает механизмы мифотворчества (на примере кино, литературы, живописи, истории). По итогам анализа сделаны выводы о причинах и целях обращения писательницы к структуре мифа и использованию приемов мифопоэтики. С помощью мифа Т. Толстая не только вырабатывает собственный узнаваемый авторский стиль, но и анализирует современную действительность в аксиологическом ключе: иногда это ирония или сатирическое осмысление реалий, обыгрывание культурных мифов, помещенных в современный мир, а иногда миф помогает дать четкую оценку происходящим событиям, выявить вечные ценности для человека и искусства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Татьяна Толстая; поэтика художественного текста; мифопоэтика; стратегия; миф; художественный мир; авторский стиль

Ц и т и р о в а н и е: *Радько Е. В.* Мифопоэтические стратегии в тетралогии новой прозы Т. Толстой // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки.* 2025. Т. 27, № 1. С. 72–90. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.005>

Поступила в редакцию: 15.11.2023
Принята к печати: 28.01.2025

Elena V. RadkoUral Federal University
Ekaterinburg, Russia**MYTHOPOETIC STRATEGIES
IN T. TOLSTAYA'S NEW PROSE TETRALOGY**

This paper analyses mythopoetic strategies in Tatyana Tolstaya's artistic world with reference to four collections (*Light Worlds* (2014), *Invisible Maiden* (2015), *Girl in Bloom* (2015), *Felt Age* (2015)), which make up the tetralogy of the writer's new prose. The author reveals the features and main mythopoetic strategies in the artistic world of T. Tolstaya. More particularly, the article analyses the appeal to mythological structures, the play with different types of myths, the use of mythologems and various kinds of mythological images, the inclusion of mythological plots, and the creation of a mythologically coloured chronotope. It is shown that not only the author but also many characters of the works of the collections are endowed with the ability to create myths. Frequently, the author's position diverges from the position of the hero in understanding the myth, and one sees the transition of mythologisation into demythologisation at the level of the author or the character, sometimes in re-mythologisation, when the author "recreates", revives a cancelled or crossed out myth. In the tetralogy of new prose, T. Tolstaya often exposes the mechanisms of myth-making (referring to the cinema, literature, painting, or history). As a result of the analysis, conclusions are drawn about the reasons and purposes of the writer's appeal to the structure of myth and the use of mythopoetic techniques. With the help of myth, Tolstaya does not only develop her own recognisable style but also analyses modern reality in an axiological way: sometimes it is irony or satirical comprehension of reality, playing up cultural myths introduced into the modern world, and sometimes myth helps give a clear assessment of the events taking place, to reveal eternal values for man and art.

Key words: Tatyana Tolstaya; poetics of a literary text; mythopoetics; strategy; myth; art world; author's style

For citation: Radko, E. V. (2025). Mifopoeticheskie strategii v tetralogii novoi prozy T. Tolstoy [Mythopoetic Strategies in T. Tolstaya's New Prose Tetralogy]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 72–90. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.005>

*Submitted: 15.11.2023**Accepted: 28.01.2025*

Татьяна Толстая — автор, уникальный, сказочный стиль которого узнают с первых страниц произведения. О роли сказочных мотивов и мифа в творчестве Т. Толстой в разной степени писали многие ученые-филологи, в частности, М. Н. Липовецкий, Н. Л. Лейдерман [Липовецкий, 1997; 2010; Лейдерман, Липовецкий], Е. Гоцило [2000], А. Генис [2009] и др. В последнее время появляются исследования, посвященные конструированию даже автомифа Т. Толстой. Например, в работе М. Д. Брызгаловой отмечается, что «...конструирование

автомифа не только является неотъемлемой частью творческой стратегии писательницы, но и позволяет ей прийти к новой прозе, представляющей собой художественный эго-текст» [Брызгалова, с. 52].

В нашей работе мы постараемся обратить специальное внимание на тетралогию Т. Толстой и исследовать мифопоэтические стратегии новой прозы и роль мифа в художественном мире писательницы. Термин «новая проза» по отношению к текстам Т. Толстой, опубликованным после романа «Кысь», появился в критической литературе последних лет. В частности, понятие «новая проза» звучит в рецензиях и критических работах А. Гениса, анализирующего, «как работает рассказ» писательницы [Генис]. Новая проза Т. Толстой оказывается в центре филологического внимания О. Ю. Осьмухиной [2012], М. Д. Графовой [2022], И. З. Сурат [2014], Э. Л. Финк [2003], Д. Ольшанского [2001]. В частности, М. Д. Графова в своем диссертационном исследовании «Новая проза Т. Толстой: особенности творческой стратегии» обращает внимание на то, что роман «Кысь» стал рубежом, который условно отделяет ранний период творчества писательницы от произведений, созданных за последние 20 лет. На это же обратил внимание и А. Генис, использовавший термин «новая проза». По мнению М. Д. Графовой, для «новых» текстов характерна «ориентированность на современные условия существования литературы», «установка на участие автора в событиях жизни и рефлексии» [Графова, с. 4]. В понятие «новой прозы» М. Д. Графова справедливо включает и публицистику писательницы, поскольку она обладает «художественностью и является этапом, предвещающим появление автобиографической героини» [Там же, с. 15].

При анализе произведений тетралогии Т. Толстой мы также не исключаем публицистические тексты, поскольку они не только обладают художественностью, объединены автобиографической героиней, но и связаны концептуально с остальными произведениями сборников: помогают представить авторскую картину мира, и в этих текстах использованы такие же мифологические стратегии, как и в рассказах сборника. Это позволяет говорить и об общем внутреннем сюжете обозначенных четырех сборников. М. Д. Графова также отмечает единство четырех сборников писательницы, делая вывод о том, что «называть изданные книги тетралогией позволяют не только внешние факторы (например, единый стиль оформления), наличие внутреннего сюжета и единой автобиографической героини, но и целостное воплощение личного мироустройства писательницы, выраженное в разных жанрах» [Там же, с. 16].

Под стратегиями (ориентируясь на работы таких ученых, как В. И. Тюпа, Н. Д. Тмарченко, М. П. Абашева, Е. М. Мелетинский) мы понимаем именно текстовые, повествовательные стратегии, исследуя, как художественное сознание эксплицируется в текстах Т. Толстой с помощью приемов мифопоэтики, конструирующих особую реальность и воплощающих личное мироустройство писательницы. Как отмечает М. П. Абашева, «...Личность представляет себя себе и окружающим посредством преобладающих в данной культуре и выбранных ею повествовательных стратегий, нарративов» [Абашева, с. 11].

В понимании термина «мифопоэтика» мы опираемся в первую очередь на работы М. Элиаде и Е. М. Мелетинского. В своей фундаментальной книге «Поэтика мифа» Е. М. Мелетинский писал о том, что «мифологизм стал инструментом структурирования повествования», а «мифологизация» «явлением поэтики» в современных текстах. Автор исследования подчеркивал, что «оперирование мифическими мотивами в качестве элементов... сюжета или способов организации повествования не могло быть возвращением к подлинной первобытной мифологии» [Мелетинский, с. 262], называя появление мифологических структур и мотивов в современных произведениях «неомифологизмом». По мнению Е. М. Мелетинского, «...Мифологизм является характерным явлением литературы XX века и как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение (дело, конечно, не только в использовании отдельных мифологических мотивов)» [Там же, с. 260]. М. Элиаде, один из ведущих культурологов современности, подчеркивает двойственное понимание слова «миф» в современной культуре: «И в самом деле, это слово употребляется в наши дни, обозначая как “вымысел”, “иллюзию”, так и “священную традицию, первородное откровение, например, для подражания... Уже более полувека... ученые исследуют миф совсем с другой позиции... они рассматривают теперь миф не в привычном значении слова: как “сказку”, “вымысел”, “фантазию”... а как раз наоборот “подлинное, реальное событие” и, что еще важнее, событие сакральное...» [Элиаде, с. 15]. М. Элиаде также обращал внимание на актуальность и необходимость исследования «мифических структур» современных произведений: «Более того, можно выявить “мифическую” структуру некоторых современных романов, доказать литературное бессмертие великих мифологических тем и персонажей (в особенности это касается темы инициации, темы испытаний... темы женщины и богатства). Учитывая все это, можно заключить, что современное пристрастие к роману выдает стремление узнать как можно больше десакрализованных или просто скрытых в профанных формах “мифологических историй”» [Там же, с. 176]. Значение мифа как «сакральной истории», по мнению ученого, для человека заключается в том, что миф «сообщает исходные сюжеты, утверждающие человека экзистенциально, а все, что имеет отношение к его существованию и способу пребывания в этом мире, касается его самым непосредственным образом» [Там же, с. 25]. Таким образом, для нас представляет интерес не столько обобщение системы приемов и особенностей повествования в художественных произведениях писательницы, сколько описание особой картины мира и авторской системы ценностей и установок, которые отразились в ее текстах, благодаря обращению к мифопоэтике.

Так, для сборника «Легкие миры» характерно частое использование мифологем и мифически окрашенного хронотопа (дорога, лес, река, перекресток, замкнутое время, поиск утраченного рая и пр.) и связанных с ними архетипических сюжетов. Т. Толстая активно использует мифологические структуры, бинарные оппозиции («свое — чужое», «русское — нерусское», «свет — тьма» и т. д.). Однако, как отмечают некоторые исследователи творчества Т. Толстой,

эти оппозиции неустойчивы и нередко становятся амбивалентными, утрачивая противопоставление. Мы согласны с А. В. Грешиловой, которая полагает, что «...возможно, именно переосмысление мифов о русской ментальности и мистический опыт, реализованный в мифологических формах — две центральные тематические зоны для Толстой. Процессы мифологизации и демифологизации формируют, таким образом, концептуальное ядро ее творчества: именно нестабильная структура мифа оказывается одной из наиболее характерных стратегий выстраивания амбивалентных художественных образов» [Грешилова, с. 140].

В «Легких мирах» мы встречаем сюжет испытания, инициации героя. Героиня-рассказчица, обозначенная в части исследований творчества писательницы как автобиографическая героиня, пытается обрести новый легкий мир, покупая дом в Америке. Однако ее путь описан как посвящение, инициация в новом мире. К сожалению, путь не совсем успешный и окончательный: инициации не происходит, иллюзии разрушаются, что часто подчеркивается деталями в описании дома — это стеклянные стены и прозрачные перегородки, создающие представление о прозрачности, нереальности мира. В этом сборнике встречаются и образы близнецов-демиургов, трикстеров, древо жизни, обращение автора к космогоническим и эсхатологическим мифам.

Центральное произведение сборника — это, конечно, повесть «Легкие миры», которая дала название всей книге. В этом тексте рассказчица, используя различные мифологические образы и архетипы, сравнивает свое и чужое, пытается обрести потерянный рай. Американский дом в «новом, дивном мире» (мыслимом как новый рай) описывается как разбитая избушка, которая стоит в «глухом лесу» в «Конце всех Путей», как пишет героиня. С помощью хронотопа леса обозначается граница миров. Героиня произведения, живущая в этом сакральном месте, уже похожа на современную Бабу-ягу как медиатора, посредника между мирами. Она ежедневно совершает ритуал перехода из одного мира в другой. Можно вспомнить в повести эпизоды, в которых описываются ежедневные, почти ритуальные и «бесовские» (с плясками и песнями) поездки на автомобиле в пять утра на север страны на работу в университет и обратно в лес, к избушке, у которой все пути заканчиваются. Переход через порог, границу и возвращение обратно. Мифопоэтические образы порога, границы, перехода, инициации, посвящения из «чужих» в «свои» оказываются значимыми для этого сборника. Например, можно вспомнить рассказ «Дым и тень», где героиня в поиске ответа на важный личный вопрос пересекает сакральную границу и попадает к мифическим персонажам, «шестипалым» людям-изгоям, живущим в отдельной части города, поскольку все их потомки имеют природную анатомическую особенность — шесть пальцев, из-за чего этих людей обходят стороной все местные жители.

В «Легких мирах» героиня пытается создать или обрести потерянный рай и с любовью отстраивает свой новый дом, свое новое мироздание на чужбине. Интересная деталь: в американском доме, который купила героиня рассказа, тоже есть стеклянные стены и недостроенная веранда, волшебная комната.

Нюанс, который перекликается с деталями первого рассказа сборника и образом рая: стеклянные стены были на втором этаже дома, где жили семеро детей, мать, а центром мироздания была русская печь. Так, героиня рассказа пытается соединить свое и чужое и уже позже убедит читателя в невозможности такого действия. Название «Легкие миры», представляется нам, обозначает веру в новую счастливую жизнь, в возвращение потерянного в России рая. Само устройство дома напоминает картину мироздания, это Древо жизни или мировой столб. Дом как модель мира. В нем есть опасный подвал, где текут подземные воды и обитают хтонические силы, есть центральная, жилая человеческая часть дома с недостроенной террасой, а есть верхний мир с мечтами. Мир оказывается недостроенным, и недоделана его верхняя, именно «духовная», часть, что перекликается с судьбой самой героини этой повести. Стол как центр дома тоже появляется в этой повести, но это стеклянный, прозрачный стол, через который героиня видит себя. То есть стола и нет, он как бы не существует, а значит, нет и центра, нет опоры этого дома-мира. Он просвечивает, он пока нереален. Хронотоп дороги и перекрестка тоже оказывается в центре произведения. В славянской мифологии перекресток — «роковое, “нечистое” место, принадлежащее демонам, на перекрестке совершаются опасные и, наоборот, исцеляющие действия, гадания, произносятся заговоры... проход через перекресток сопряжен с различными опасностями... На перекрестке совершаются предопределяющие судьбу встречи» [Плотникова]. Мы помним, что в этой повести героиня ежедневно совершает поездки по дороге, находится в пути, пересекает одни и те же перекрестки, что символизирует испытания и инициацию, которую проходит героиня повести, посвящение в чужую культуру и принятие ее чужими мирами, оказавшимися для героини далеко не «легкими» [Толстая, 2019a]. Героиня повести ищет ответ на вопрос о смысле своей жизни, но так его и не находит, и постепенно лес начинает наступать, инициация оказывается непройденной. Может быть, именно поэтому и описывается постоянное пересечение перекрестка и дорог: незавершенность действия, путь-дорога становится кругом, а дом как модель мира, как ее новое мироздание, оказывается далее разрушенным.

Интересны и образы мифологических героев-демиургов в этом сборнике. В роли демиурга предстает и героиня повести, которая сама строит свою жизнь на американский манер *selfmade woman* и параллельно отстраивает с любовью новый дом, свой новый мир, выкладывает полы, основание дома, приносит строительные материалы. Демиургами оказываются и рациональные американские плотники. Появляется еще один иронически обыгранный образ современных близнецов-демиургов — это Жук и Курочка, универсальные рабочие, демиурги-трансвеститы, которые поменяли свой пол, но оставили свои старые фамилии. Именно они проведут очистку дома перед заселением нового жилья, который дом и разрушит. То есть, по сути, они и не демиурги, а оборотни (трансвеститы), прикинувшиеся строителями-уборщиками. Демиурги нередко оборачиваются трикстерами, плутами в художественном мире сборника (например, строители, которые часто воруют плитку или другие стройматериалы на военной базе).

Можно вспомнить образ Сергея Ивановича из рассказа «Синие яйца», который сравнивается с птицей сиреной-ревуном и оказывается одновременно демиургом и трикстером. Но новое мироздание, новый рай «отстроить» и обрести у героини не получается: она чувствует, что это «опять не то место». Новый арендатор Нильсен сопоставляется с нечистой силой. Героиня повести называет его то червем, то членистоногим, моллюском, который наводит на дом порчу и разрушает его не только физически. Он выбрал дом для своих нечистых ритуалов. Червь связан с образом змея. В народной демонологии это злой дух, он может принимать образ молодого человека (собственно, в таком облики он и пришел арендовать дом героини повести), способен к оборотничеству, может жить в озере, в реке, в лесу, в пещере, во дворце. Героиня теряет свой рай, мечту о новой легкой жизни, и змей окончательно этот мир разрушает (сцена описания изгнания из рая). Червь-оборотень, или паук, ломает стены дома, оставляет письма, деформирует перегородки — и мир героини рушится. Она принимает решение оставить дом и уехать из страны, вернуться на родину, поскольку не находит ни материальных, ни духовных основ в этом новом мироздании, не находит ответов на свои вопросы о смысле жизни. Червь вырывает даже цветы и кусты в саду (сад мыслится как рай). Дом остается, как пишет героиня, «поруганным». Героиня повести вновь оказывается на повороте судьбы, перекрестке дорог и ищет новый путь.

Однако мифопоэтические стратегии этого сборника не исчерпываются описанным сюжетом. Бинарные оппозиции возникают и при описании русского народа. Писательница обращается к национальной идее, теме заговоров и, в целом, рассуждает об особенностях звучания и воздействия русской речи. Здесь и народная магия, и сниженная стилистика речи простого русского человека. Вспомним рассказ «Серебром и чесноком». Т. Толстая описывает архетипы судьбы русского человека: так, Карна и Желя, образы восточной славянской мифологии, предстают персонификациями народного плача и горя. Игровое мифотворчество возникает и в этом сборнике. Например, в произведении «Адамово ребро» иронично обыгрывается сюжет сотворения женщины, которая здесь появляется из ребра «спецмусоромонтажа», а Венера, выходящая из пены морской, это лишь жена генерала, принимающая душ. В творчестве Т. Толстой происходит трансформация культурных мифов и игра с ними, как справедливо отмечали Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий [Лейдерман, Липовецкий, т. 2, с. 476]. Ироничное, игровое мифотворчество встречаем и в произведении «Дурацкие способы умереть», в котором автор демонстрирует способы или приемы создания мифа: как неправильно понятая и пересказанная много раз история об огурце деформируется и в искаженном варианте «уходит в народ», а с помощью гротеска становится мифом, имеющим мало общего с исходной историей. Оппозиции «свое — чужое» возникают в таких рассказах, как «Дальние земли», «Ураган», повести «Легкие миры». К эсхатологическому мифу о конце света и всемирном потопе, уничтожении мира Т. Толстая обращается в произведении «Ураган», иронично переосмысляя его: свет действительно выключает

администрация американского города. Однако писательница показывает, как неизменные устойчивые мифологические оппозиции в мире людей могут стать относительными: свои очень быстро оказываются чужими и наоборот («Ураган»). Тем не менее, несмотря на иронию и иногда даже сарказм, вера в эсхатологический миф в художественной реальности этого сборника достаточно сильна. Героиня сравнивает миры свой и чужой — русский и американский. Если русский мир — это согревающая дровяная печь, то западный мир — это остывший камин, который нечем согреть в условиях форс-мажора. Идея всемирного потопа описана и в виде потока людей, отмечающих Хэллоуин.

В «Легких мирах» Т. Толстая создает и свой авторский вариант советской мифологии, обращаясь к образам светлого будущего, описывает ритуалоподобные действия власти и народа (в рассказе «Каго»), сопоставляя их с мифологическими верованиями и культурами племени. Так, структура советского мифа в этом тексте приравнивается к структуре племенных мифов. Далее высмеивается миф об исцеляющей силе кремлевской еды. Татьяна Толстая демонстрирует «сделанность» этой «сакральной истории» и то, как она распространилась в народной среде в искаженном виде через преувеличения. Часто автор сборника описывает образ народа и народную идею. Структура Мирового Древа как архетипа мироздания очень точно отражает устройство народной идеи, триаду «православие, самодержавие, народность», что соответствует небесной, земной и подземной, хтонической части этого древа, а корни русского народа уходят именно под землю и связаны с древними силами. Нередко в произведениях возникают и языческие образы славянской мифологии: зверь Индрик, птицы Симуург, Алконост и Сирина, образы Карна и Желя, и др. Именно действием хтонических сил писательница объясняет мощь и непостижимость русского народа, способность мыслить одновременно логично и нелогично, быть связанным с потусторонними мирами, объединять христианство и язычество в своей жизни. Т. Толстая творит свой миф о русском народе.

Мифотворческая стратегия проявляется в сборнике «Легкие миры» и в том, что писательница рассуждает об основах мироздания, духовном высшем непознаваемом мире, создает свой миф об устройстве и понимании этого мира (рассказы «Другие миры», «Эммануил», «Может быть, свет», «Про отца», «За проезд», «Рядом за стеной» и др.). Но мифологическое, сказочное и бытовое, повседневное переплетены в художественном мире писательницы, идут рука об руку, одно проступает сквозь другое. Например, рецепт приготовления студня описывается уже как ритуальное действие, как поиск смысла жизни, переплетается с рассуждениями о потерянном рае и отсылает к первому произведению сборника «Легкие миры», «На малом огне», в центре которого был образ славянского дома-печи и семьи (детей семеро) как рай, утраченный впоследствии.

В сборнике «Невидимая дева» наблюдается продолжение мифотворческой стратегии Т. Толстой. Однако способностью к мифотворчеству наделяется не только автор, но и многие персонажи. Для этого сборника характерны выраженные мифотворческие интенции автора и персонажей, которые

мифологизируют окружающее пространство и создают в своем сознании альтернативные реальности. «Как известно, в художественном тексте находит свое выражение авторское видение реального мира, создается некий вымышленный мир, при восприятии которого осуществляется референция не к объективной действительности, а к фиктивному универсуму» [Бабенко, с. 220]. Оппозиция сакральных и профанных пространственных образов проявлена во многих произведениях этого сборника. Однако достаточно часто позиция автора расходится с позицией героя в осмыслении мифа, и мы видим переход от мифологизации к демифологизации. Иногда возникают и случаи ремифологизации: герой разрушает созданный им миф, а автор препятствует этому разрушению, пересоздавая его.

Центральным образом в сборнике «Невидимая дева» [Толстая, 2019б], как и в «Легких мирах», вновь оказывается образ семьи, сакральный хронотоп дома («Невидимая дева», «Соня», «Любишь — не любишь», «Учителя» и др.). Семья, детство, память — это то, что помогает сохранять связь с родом. Но, в отличие от сборника «Легкие миры», здесь время не течет циклически, начало не возвращается к концу, утраченный рай не обретается. Уже нет мифа пути и возвращения, в этом сборнике время течет линейно, и единственное, что противостоит необратимости времени, — это память, которая помогает сохранить связь с прошлым, чтобы его окончательно не утратить. Сакральный образ дома-сада, дома-очага иногда снижается за счет ироничных или критических замечаний («нашу дачу строил дурак»). Демиург оказывается трикстером, а мифологизация пространства иногда сменяется демифологизацией. Описывается профанация, разрушение или упадок сакрального мира: так, за демиургами и титанами приходят «измельчавшие» персонажи Крында и Смякс. Золотой век безвозвратно уходит (эта идея отразится еще в одном сборнике тетралогии, «Войлочный век») [Толстая, 2015]. Золотой век сменится войлочным, приземленным, лишенным сакральности. Оппозиция сакрального и профанного пространства для сборника «Невидимая дева» чрезвычайно важна, но часто четкое противопоставление утрачивается, и мы видим амбивалентные, измененные или смешанные пространственные образы. В отличие от сборника «Легкие миры», персонажи не пытаются вернуть потерянный рай, золотой век, а создают новые миры, альтернативные реальности, иногда идеальные миры, в которые искренне верят, даже не замечая мир реальный, а затем разрушают свои иллюзии.

Мечта об иллюзорном мире, идеальном, мифологизирование свойственны многим персонажам этого сборника: часто они живут именно в своем воображаемом мире, а их оценка реальности и событий может совпадать или не совпадать с оценкой автора. Так, в рассказе «Соня» у героини развивается эпистолярный роман, но она даже не узнает, что ее герой — это женщина, а вся история всего лишь иллюзия и жестокая игра. Однако для Сони эта выдуманная жизнь становится реальнее, чем окружающее ее пространство. В рассказе «Свидание с птицей» персонаж Петя утрачивает веру в сказочную историю Тамилы о драконе, волшебном зелье и птице Сирина, но вера в миф сохраняется на уровне автора

(«все правда, мальчик, все так и есть» [Толстая, 2019б, с.151]). Мифологизация мира в сознании героев сменяется демифологизацией. В рассказе «Огонь и пыль» героиня придумывает идеальный мир успеха, в котором она вечно молода, счастлива и горда за своего супруга и детей. В реальном мире всё наоборот. В рассказах «Спи спокойно, сынок» и «Ночь» персонажи стремятся вернуть детство, найти мать, мифологизируют, проигрывая в голове различные варианты встречи. В произведении часто подчеркивается, что настоящий мир для героя — именно вымышленный, а мир вокруг — неправильный. В этом случае мифологизация остается на уровне героя, но на уровне автора оказывается демифологизацией: созданный персонажем миф разрушается, показана невозможность этого мира. Ироническое переосмысление мифа и игра с мифом в этом сборнике тоже встречается («Йорик», история о китовом усе). В игровой форме переосмысливается история о том, что мир стоит на трех китах, а точнее — на китовом усе. В этом же сборнике находит продолжение и миф о русском народе как единстве противоположностей, его способности к мифологизированию, обращении к языческим силам (глава «Учителя»).

Сборник «Девушка в цвету» [Толстая, 2018] отличается от других сборников тетралогии обнажением механизмов мифотворчества (на примере кино, литературы, живописи, истории) и создания художественных реальностей, обозначением различных приемов мифопоэтики писателей и художников. Т. Толстая показывает общее, что сближает всех писателей: художественная задача, миссия. Однако писательница иногда обнажает ситуации спекулятивного и манипулятивного использования мифологем, обман читателей, а не решение художественных задач с помощью мифопоэтики. Распознавание механизмов мифотворчества и развенчание некоторых мифов оказываются в центре этого сборника.

Так, книга открывается темой «художника в юности», воображения и образов сновидений. Воображение и чужие сны становятся основным механизмом, создающим новые реальности. Петербург — город снов Петра — продолжает петербургский текст Пушкина, Гоголя, Достоевского, Белого и Блока. Здесь вновь возникает оппозиция своего и чужого, сталкиваются два города — Петербург и Париж. Автор показывает амбивалентность образов, противопоставление уходит, одно становится другим. Оборотничество преследует оба города. Петербург именуется чужим городом, городом чужих снов, в то время как Париж часто называется «нашим городом», «это наше место», «это наш город» («Чужие сны», «Как мы были французами», «Париж кармический»). Затем происходит обратное: Париж предстает городом препятствий, странных происшествий, городом-клеткой, локусом демонов, а Петербург оказывается местом культурного наследия. Сон и реальность, свое и чужое, вымысел и история постоянно меняются местами. Образы оказываются амбивалентными. Действие механизма бинарных оппозиций автор раскрывает и при описании деятельности переводчиков, способных сделать чужой язык своим родным. Несколько сюжетов сборника посвящены рассуждениям о восприятии текста и искажениях этого восприятия («Переводные картинки»). Русское и иностранное меняется

местами в сознании героини. Роль талантливого переводчика сравнивается с ролью демиурга, который творит новую реальность и делает ее доступной для остальных. Переводчик как проводник помогает проникать в эту реальность.

В нескольких эссе, входящих в этот сборник, Татьяна Толстая раскрывает секреты творчества и мифотворчества разных писателей, например, незаметное преобразование человека у Чехова, творческие приемы писателя А. Макина («Русский человек на randevу»), который создает автомиф о русском писателе-эмигранте. Анализируя роман Макина, написанный для французов, Т. Толстая обнаруживает структуры мифа и одновременно развенчивает их, показывая, как Макин включает клише из русских романов, использует ложные стереотипы о русских, различные мистификации. Писательница разрушает иллюзию о том, что роман был вначале написан на русском языке и далее переведен на французский, по сути, она уничтожает автомиф Макина, демонстрируя, как боролись русский человек и нерусский писатель. По мнению писательницы, смешение культурных мифологем, миров реальности и воображения помогли создать иллюзию псевдорусского мира, ложный миф о русской истории и народе для привлечения читателей. Часть этого эссе посвящена рассмотрению механизмов, которые запускают писательское воображение, способность создавать новые миры, оживлять статичные картины, аналогично манере французского писателя М. Пруста.

В этом же сборнике показаны и механизмы создания исторических мифов, например, в текстах Э. Радзинского («Без царя в голове»), как манипулятивная тактика для привлечения читательского внимания: когда историк идет против фактов, он становится «драматургом-мифотворцем». Автор сборника указывает на многочисленное использование «сказочных мотивов», мифологических клише о русском рае, золотом веке русского царя, о жизни до революции, мистику чисел и совпадений. Писательница разоблачает эти законы мифотворчества, убеждая нас, что тексты Радзинского строятся по законам художественного произведения или драматургии, а не представляют собой историческое научное исследование, основанное на фактах. В мастерской писателя создается правдоподобная версия событий. Спекуляция на мифах и доверчивости людей осуждается в этом эссе, показана ценность «правдивого слова». С другой стороны, Т. Толстая демонстрирует удачное использование мифа, чужого слова в художественном творчестве на примере эссе А. Гениса: как в слове отражается идея чужого («Здесь был Генис»). Генис выступает в сборнике Т. Толстой в роли проводника, который ведет неопита через лес в новую реальность интерпретации искусства и открывает новые грани понимания мира. При создании нового авторского художественного мира или интерпретации художественного текста мифологизация оправдана и необходима (в отличие от искажения истории и фактов). А. Генис помогает понять чужой культурный текст, сделать его своим, разрушая оппозицию «свое — чужое». Татьяна Толстая показывает, что размывание этой оппозиции и объясняется особенным интересом культуролога и эссеиста к голосу и мышлению другого. Только в диалоге с другим можно понять себя.

Идея «другого слова» отражена и в таких произведениях сборника, как «Кот и его окрестности» (о таланте Довлатова), «Вкус ворованных яблок» (о мифологических структурах и архетипах в творчестве Ф. Искандера), о непонимании слова другого, что приводит к отторжению и осуждению (на примере творчества И. Бродского, «Памяти Бродского»). В эссе о кино и художественном творчестве Т. Толстая анализирует роль мифа и мифологических структур на примере современного искусства (в том числе черный квадрат Малевича). Так, фильмы Германа, которые опережали свое время, были многими не поняты, хотя это универсальное искусство, в основе которого лежат вечные мифопоэтические структуры, образы и сюжеты, способные объединять разные времена и пространства в одном кадре. Но они были многократно усложнены силой таланта, что привело к неузнаванию и непониманию этих архетипических структур.

В сборнике «Девушка в цвету» мы видим и ироническое обыгрывание мифа об эталонах красоты «о толстом и тонком». Писательница демонстрирует, какие идеи, смыслы и взаимоотношения людей заложены в современных критериях красоты и убеждает нас, что миф жив до сих пор, и в обычной повседневной жизни мы с ним ежедневно сталкиваемся. Анализирует Т. Толстая и политические мифы (эссе «Лед и пламень»), сравнивая предвыборную кампанию в Америке и комиксы о Микки Маусе, сериалы, убеждая, что в основе лежат одни и те же механизмы создания культурного мифа. В финальном произведении «Зверотур» сборника «Девушка в цвету» автор вновь отсылает нас к теме сновидений и авторского воображения, с которой этот сборник и начинался. Образ писателя сакрализован в этом произведении и сопоставлен с демиургом, творящим новый мир. Архетипические сюжеты приходят именно во сне, но у каждого писателя они получают индивидуальное наполнение, детали. В основе всех произведений искусства лежат одинаковые мифологические схемы, сюжеты, образы, вечные в литературе. Узнавание или неузнавание этих структур зависит от подготовленности читателя, а роль писателя заключается в способности донести эти вечные сюжеты до своей аудитории.

В сборнике «Войлочный век» [Толстая, 2015] Т. Толстая предлагает авторский вариант советской мифологии, воссоздавая представление о советском прошлом и отношении народа и интеллигенции (эссе «Летун», «Несуны»). Мифологизированию подвергается образ советского человека в аксиологическом аспекте. Летун — тот, кто часто меняет работу и осуждается обществом («полулюди», «полуальбатросы»). Воровство приравнивается к особой творческой способности народа: смекалка рабочих и «фольклор о воровстве в научных институтах, оборонных заводах». Это два разных «потока» людей и взглядов на жизнь, которые нельзя смешивать, иначе начинается национальное безумие, хаос и «повальная кысь». Век войлочный — это время и место профанное, место обычных людей советского периода, который нередко сатирически осмысляется в творчестве Т. Толстой (праздники, результаты труда). Но даже в бытовом, повседневном, вещественном Т. Толстая видит другие измерения, мифы, архетипы или сказочное начало. Так, в рассказах «Володя Герасимов»,

«Белый мундир» в центре оказываются военные, живущие в ином измерении, незнакомом остальным людям, и напоминают уже жрецов, шаманов, посредников между мирами. Белый мундир сравнивается со «жреческой, ритуальной одеждой», непригодной ни для какого другого потребления, а само облачение — со священным действием.

В сборнике «Войлочный век» Т. Толстая создает свой миф о советском времени. Основа этого мифа — представление об оборотничестве, двойничестве. Оборотничество и подмены видим в эссе «Неугодные лица», где портреты Энгельса и Сталина сливаются, становятся «историческими» близнецами. Писательница отменяет относительность истории и времени: идолы исчезают, кумиры падают, неугодные исторические лица и факты на фотографиях ретушируются и подчищаются, с лица времени уходит правда, и искажается история. Факт сменяется мифом, прошлое наделяется вымышленными, гиперболизированными чертами или, наоборот, исчезает. Миф начинает противостоять истории. В советском «бытовом» мире, как показано в тексте Толстой, подмены и оборотничество тоже встречались на каждом шагу: на вывеске советского прилавка «яблоки было принято считать цитрусовыми», квартира барона «становилась коммуналкой», бандиты представляли разновидность нечисти. Фарс, карнавал, скоморошество и «сплошное притворство» проявлялись во всех сферах советской жизни — от бытовой до политической (эссе «Ряженные»). Даже сама Красная площадь зимой становилась не красной, а белой, занесенной снегом, на ней прогуливались актеры-копии Ленина, которые устраивали представления, теряли связь с реальностью, сливались со своей ролью и говорили от имени вождя. Определить, юродивые это, мошенники или актеры уже не представлялось возможным. Все становилось настолько неопределенным, амбивалентным и текучим. Ряженные многочисленные актеры в роли Ленина фотографировались и с иностранцами, и с журналистами около мавзолея, что создавало еще больше ощущения абсурда, нереальности происходящего. Мошенники, попрошайки и бандиты, окружающие многих актеров, исполняющих роль вождя, создавали особую атмосферу сна или бреда, перечеркивая веру в реальность происходящего.

Советские вокзалы описаны как «храмы Начала пути», «как порталы, врата», границы миров и тоже мифологизированы в произведении Т. Толстой. Это аллегория мироздания в миниатюре. Сверху Храм, зал для избранных, жрецов, а через inferнальные переходы обычный житель страны попадает в подземный мир клоаки. Так одно скрывает, подменяет другое, и снова видим оборотничество. Вокзалы как таинственное пограничное пространство оказываются не хрустальным храмом, а inferнальным подземным пространством, переходом в иной мир. Советские памятники и монументы, созданные Церетели (эссе «Дедушка-дедушка, отчего у тебя такие большие статуи?») напоминают идолов, монументы греческих героев.

С мифом можно встретиться в быту на каждом шагу. Скажем, «Передача Поле чудес» наводит морок, одурманивает зрителя, затемняет сознание так, что человек перестает рационально мыслить и впадает в иные реальности. Он готов

постоянно приносить ведущему оброк (эссе «Человек! Выведи меня отсюда!»). Язычество необходимо даже для повседневной жизни: кикимору, сломавшую домашний компьютер, героиня изгоняет с помощью книги народных заговоров и заклинаний, хотя программист не справился с этой задачей (эссе «Кикимора»). Пройти инициацию и стать неопитом можно не только на Патриарших прудах, но и в магазине «Фея домашнего очага», где героиня сюжета, проходя мимо витрин и сотрудников, испытывает весь спектр эмоций от смеха до страха, и ей открывается тайное знание, а посвящение ударом ложкой от картофеля возвращает в мир реальности.

Татьяна Толстая иронично обыгрывает культурные и исторические мифы. Оборотничество, подмены как суть ее советского мифа накладывается на миф о том, что «царя в России обязательно подменяют», что приводит к представлениям о многочисленных двойниках, копиях во власти даже в советский и постсоветский период («Витя»). Мифологическое мышление, связи с язычеством и хтоническими корнями оказываются постоянными характеристиками русского народа. Мифологическими основами сознания русского человека часто пользуются жулики и обманщики в художественном мире писательницы, которые сами становятся архетипическими героями и описаны как трикстеры или медиаторы (например, в ресторане обманывают обещанием получить «мифический детокс»), а на площади вы встретите почти настоящего Ленина и отдадите деньги лживым прохожим.

Многогранный классификатор «странных» профессий (которые начинают больше напоминать симулякры) описан почти как тайная книга знаний, поскольку производства, как сказано в произведении («страна почти ничего не производит» [Толстая, 2015, с.258]), в стране не было, а многочисленные названия рабочих производственных специальностей и классификаторы были («Самый короткий день»). То есть это искусственно созданный миф об успехе и достижениях, особое сказочное пространство, которое населяют существа описанных специальностей.

Название «Войлочный век» отсылает к понятию профанного времени и пространства, сниженного, утратившего свое сакральное значение, но в то же время человеческого, реалистичного, повседневного, не божественного. Скорее, как падение, как утрата века золотого. Но даже в этом профанном и будничном мире человек живет в мифе или сталкивается с мифом. В войлочном мире и веке встречаются еще люди, сравнимые с титанами, такие, как Герасимов, сверхчеловек с феноменальной памятью и эрудицией. Любопытно, что сборник заканчивается именно главой о Золотом веке. В эту главу попали мифы о спасении Анастасии, дочери царя («Анастасия, или Жизнь после смерти») и история о потоплении «Титаника», отсылающего своим названием к мифам о титанах, погибших по воле Зевса за свою гордость и самоуверенность. Крушение «Титаника» приравнивается к гибели цивилизации, поскольку это был «корабль, воплотивший все достижения цивилизации» («Небо в алмазах»). В главе о «Золотом веке» видим именно потерю рая: так, в эссе «Лилит» показано изменение идеи

женственности от мифической неземной «наяды» до отважной работницы фронта, а «вечная женственность» представлена в образе старухи, повидавшей всё на своем веку. Т. Толстая обыгрывает и культурный миф о «золотом веке» дореволюционной России: на примере кулинарной книги царского времени (рецепты Молоховец) описывает «сказочную вакханалию обжорства» в гротесковом стиле раблезианского пира и карнавала, сравнивая жизнь до и после революции как потерю этого рая, иронизируя над жизнью простого человека, лишённого земных радостей. В предпоследнем эссе сборника, «Медведь», появляется уже не ирония, а ностальгия по потерянному раю, по утраченному золотому веку детства. Т. Толстая вновь обращается к теме детства и семьи, центральной для всех сборников тетралогии. Именно случайное узнавание детской игрушки и окончательная повторная утрата обозначают потерю этого рая и невозможность его повторного обретения. Эссе «ВДНХ» подчеркивает эту мысль: новое время, современность как войлочный век, потреявший все от века золотого, путь к которому закрыт. Но это век человеческий, время, к которому приходится приспособливаться и вынужденно жить («странное место ВДНХ — не застывшее во времени, не выпавшее из него, но как-то зависшее, застрявшее между его пластами...») [Толстая, 2015, с. 342]).

В целом, обращение к мифу продиктовано несколькими стратегиями в творчестве писательницы. С помощью мифа Т. Толстая анализирует современную действительность: нередко это ироничное или сатирическое осмысление реалий, обыгрывание культурных мифов, помещенных в современный мир, а иногда миф помогает дать четкую оценку происходящим событиям, выявить вечные подлинные ценности и профанные, «войлочные» истории и сюжеты, которые должны уйти со временем. Автор показывает, как с помощью мифа люди подвергаются обману и манипуляциям, показывает недобросовестное использование мифа историками, властью, любыми современными «трикстерами», спекуляцию на верованиях простого русского человека, который корнями своими уходит в «хтонику». Мышление даже современного человека мифологизировано, язычество и христианство и сейчас смешано. Но, с другой стороны, миф и архетипы — это основа творчества, без этих структур и образов невозможно создание произведений искусства и их трактовка, понимание. Именно настоящие талантливые писатели и культурологи обращаются к этим «вечным сюжетам», образам, схемам для создания новых, но, по своей сути, родственных произведений, сближающих их с идеей вечной Большой книги. Миф для Т. Толстой — это и способ показать связь времен, то, что прошлое связано с современностью. Попытка понять явления действительности через общие архетипы, тени прошлого, общие закономерности, в которые включены все люди, независимо от уровня образования и социального положения. Обращение к мифопоэтике помогает выработать и легко узнаваемый уникальный «сказочный» стиль, который не утрачивает связи с современностью и часто оказывается единственно возможным способом описания и понимания современного мира.

Для стратегий мифопоэтики тетралогии новой прозы Т. Толстой характерно обращение к мифологическим структурам: активное включение и обыгрывание бинарных оппозиций, интерес к космогоническим и эсхатологическим мифам, к мифологемам, архетипам и различного рода мифологическим образам (близнецы, демиурги, трикстеры, медиаторы, мировое древо), мифологическим сюжетам (например, инициации, посвящения героя), мифологическому хронологу. Однако способностью к мифотворчеству наделяется не только автор: выраженные мифотворческие интенции проявлены и у персонажей, которые мифологизируют окружающее пространство, создают в своем сознании альтернативные реальности. Оппозиция сакральных и профанных пространственных образов проявлена во многих произведениях тетралогии (особенно в сборниках «Войлочный век» и «Невидимая дева»). Нередко осмысление мифа автором не совпадает с пониманием мифа героем, и мы видим переход мифологизации в демифологизацию, иногда и в ремифологизацию, когда «пересоздается», возрождается отмененный или перечеркнутый миф.

В тетралогии новой прозы Т. Толстая нередко обнажает механизмы мифотворчества (на примере кино, литературы, живописи, истории) при создании художественных реальностей. Обнажает различные приемы мифопоэтики, демонстрируя «сделанность» текста. Автор показывает общее, что сближает всех писателей: художественная задача, миссия, но при этом разоблачает ситуации спекулятивного и манипулятивного использования мифологем, обман читателей. Нередко писательница распознает механизмы мифотворчества и развенчивает некоторые мифы, откровенно беседуя с читателем как с соавтором. Т. Толстая создает различные мифологические сюжеты: о русском народе, о царе, о советской России, о дореволюционной России. Предлагает современные мифы, в которых отражены культурные архетипы, и всегда пытается найти и обозначить суть и структуру этого мифа. С помощью мифопоэтики Т. Толстая не только создает новые художественные реальности и новые миры, но и дает оценку как художественным мирам, так и современной действительности. Многие исследователи отмечали игровое использование Т. Толстой мифа в постмодернистском ключе. «Играя культурными мифами, демифологизируя и ремифологизируя их одновременно, Т. Толстая создает собственную новую “антиутопическую” мифологию, которая отражает современное постмодернистское сознание. Изображая картину будущего, автор реализует все важнейшие жанровые признаки антиутопического произведения, такие как создание художественного мира, содержащего фантастические и реальные приметы жизни общества, локализация событий в посткатастрофическом пространстве и времени, использование сатирических и метафорических форм выражения авторской позиции» [Крыжановская, с. 21]. На наш взгляд, это не только постмодернистская игра, но модернистский поиск смысла, духовного начала, попытка с помощью мифа понять мир, найти опору и вечные ценности, поэтому многие персонажи готовы жить внутри этого мифа и оценивать происходящие вокруг них события.

Источники

- Толстая Т. Н.* Войлочный век. М. : АСТ, 2015.
Толстая Т. Н. Девушка в цвету. М. : АСТ, 2018.
Толстая Т. Н. Легкие миры. М. : АСТ, 2019а.
Толстая Т. Н. Невидимая дева. М. : АСТ, 2019б.

Исследования

- Абашева М. П.* Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001.
- Бабенко Н. Г.* Лингвопоэтика модальности в текстовом пространстве книги Татьяны Толстой «Легкие миры» // Категория модальности в речевой коммуникации / под ред. И. Ю. Куксы. Калининград : Изд-во Балтийского федер. ун-та им. Иммануила Канта, 2016. С. 217–222.
- Брызгалова М. Д.* Автомиф Татьяны Толстой // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4 (201). С. 52–59. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.4.069>
- Генис А.* Как работает рассказ Толстой // Звезда. 2009. № 9. С. 213–217.
- Гоцило Е.* Взрывоопасный мир Татьяны Толстой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Графова М. Д.* Новая проза Т. Толстой: особенности творческой стратегии : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.1 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2022.
- Грешилова А. В.* Мифологизация и демифологизация в прозе Т. Н. Толстой : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Моск. гос. ун-т. М., 2018.
- Крыжановская О. Е.* Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны Толстой «Кысь» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2005.
- Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература: 1950–1990 годы : пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. М. : АСАДЕМА, 2003.
- Липовецкий М. Н.* Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997.
- Липовецкий М.* Паралогии: трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М. : Академический проект : Мир, 2012.
- Ольшанский Д.* Спасибо нам: «День», эссеистический сборник Татьяны Толстой // Независимая газета. 2001. № 140. С. 7.
- Осьмухина О. Ю.* Литература как прием. Татьяна Толстая // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 41–53.
- Плотникова А. А.* Перекрёсток // Славянская мифология : энциклопедический словарь / науч. ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. М. : Эллис Лак, 1995. С. 302–303.
- Сурат И. З.* Иногда любовь — новая проза Татьяны Толстой // Знамя. 2014. № 8. С. 188–201.
- Финк Э. Л.* Мифология нашего времени и позиции писателя: о книге Татьяны Толстой «День: личное» // Третий Толстой и его семья в русской литературе / сост. С. А. Голубков, М. А. Перепелкин, В. П. Скобелев. Самара : Изд-во Администрации Самарской области, 2003. С. 231–137.
- Элиаде М.* Аспекты мифа. М. : Академический проект, 2014.

References

- Abasheva, M. P. (2001). *Literatura v poiskakh litsa (Russkaia proza kontsa XX veka: stanovlenie avtorskoi identichnosti)* [Literature in Search of a Face (Russian Prose of the Late Twentieth Century: The Formation of an Author's Identity)]. Perm: Perm University Press.
- Babenko, N. G. (2016). Lingvopoetika modalnosti v tekstovom prostranstve knigi Tat'iany Tolstoi "Legkie miry" [Linguopoetics of Modality in the Text Space of Tatyana Tolstaya's Book *Light Worlds*]. In I. Yu. Kuksa (Ed.), *Kategoriia modalnosti v rechevoi kommunikatsii* [The Category of Modality in Speech Communication] (pp. 217–222). Kaliningrad: Baltic University Press.
- Bryzgalova, M. D. (2020). Avtomif Tat'iany Tolstoi [Tatyana Tolstaya's Automyth]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniia, nauki i kultury*, 26, 4 (201), 52–59. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.4.069>
- Eliade, M. (2014). *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Fink, E. L. (2003). Mifologiiia nashogo vremeni i pozitsii pisatel'ia: o knige Tatiiany Tolstoi "Den': lichnoe" [The Mythology of Our Time and the Writer's Position: About Tatyana Tolstaya's Book *Day: Personal*]. In S. A. Golubkov, M. A. Perepelkin, & V. P. Skobelev (Eds.), *Tretii Tolstoy i ego sem'ia v russkoi literature* [The Third Tolstoy and his Family in Russian Literature] (pp. 231–137). Samara: Samara Region Administration Press.
- Genis, A. (2009). Kak rabotaet rasskaz Tolstoi [How T. Tolstaya's Story Works]. *Zvezda*, 9, 213–217.
- Goscilo, H. (2000). *Vzryvoopasnyi mir Tatyany Tolstoi* [TNT: The Explosive World of Tatyana N. Tolstaya's Fiction]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Grafova, M. D. (2022). *Novaia proza T. Tolstoi: osobennosti tvorcheskoi strategii* [New Prose by T. Tolstaya: Features of Creative Strategy] (doctoral dissertation). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Greshilova, A. V. (2018). *Mifologizatsiia i demifologizatsiia v proze T. N. Tolstoi* [Mythologisation and Demythologisation in T. N. Tolstaya's Prose] (doctoral dissertation). Moscow State University, Moscow.
- Kryzhanovskaja, O. E. (2005). *Antiutopicheskaia mifopoeticheskaia kartina mira v romane Tat'iany Tolstoi "Kys"* [The Dystopian Mythopoetic Picture of the World in Tatyana Tolstaya's Novel *The Slynx*] (doctoral dissertation abstract). Tambov State University, Tambov.
- Leiderman, N. L., & Lipovetsky, M. N. (2003). *Sovremennaia russkaia literatura: 1950–1990-e gody: posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Modern Russian Literature: 1950s–1990s: A Handbook] (Vols. 1–2). Moscow: Academia.
- Lipovetsky, M. N. (1997). *Russkii postmodernizm (očerki istoricheskoi poetiki)* [Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics)]. Ekaterinburg: Ural Pedagogical University Press.
- Lipovetsky, M. (2010). *Paralogii: transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoi kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations (Post)Modernist Discourse in the Russian Culture of the 1920s–2000s]. Moscow: New Literary Review.
- Meletinsky, E. M. (2012). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Ol'shansky, D. (2001). Spasibo nam: "Den", esseisticheskii sbornik Tat'iany Tolstoi [A Thank You to Us: *Day*, an Essay Collection by Tatyana Tolstaya]. *Nezavisimaia gazeta*, 140, 7.
- Os'mukhina, O. Yu. (2012). Literatura kak priem. Tat'iana Tolstaya [Literature as a Technique. Tatyana Tolstaya]. *Voprosy literatury*, 1, 41–53.
- Plotnikova, A. A. (1995). Perekrestok [Crossroads]. In V. Ya. Petrukhin, T. A. Agapkina, L. N. Vinogradova, & S. M. Tolstaya (Eds.), *Slavianskaia mifologiiia: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: Encyclopaedic Dictionary] (pp. 302–303). Moscow: Ellis Luck.

Surat, I. Z. (2014). Inogda liubov' – novaia proza Tat'iany Tolstoy [Sometimes Love is the New Prose by Tatyana Tolstaya]. *Znamia*, 8, 188–201.

Радько Елена Вячеславовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: evrad@yandex.ru

Radko, Elena Vyacheslavovna

PhD (Philology), Associate Professor
Department of Russian for Foreign Students
Ural Federal University
51, Lenin Ave, 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: evrad@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0008-1946-5365>

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
DEVELOPMENT OF EDUCATION
IN THE RUSSIAN EMPIRE

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.006
УДК 349.951:622(571.5) + 622.831.3:37 +
+ 371.2 + 371.12 + 371.212

А. М. Сафронова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**ШКОЛА ПРИ ЛУКАЗСКОМ ЗАВОДЕ
КРАСНОЯРСКОГО ГОРНОГО НАЧАЛЬСТВА (1738–1746):
ОСОБЕННОСТИ ОТКРЫТИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В статье на основе архивных документов впервые рассматривается вопрос о деятельности первой школы на территории Красноярского горного начальства при казенном Луказском заводе. Раскрываются особенности ее открытия в связи с переселением всех служилых людей с Колывано-Воскресенского завода после возвращения его А. Н. Демидову в 1737 г. в Красноярский уезд. Уникальным явлением стало начало ее деятельности еще в период строительства Луказского завода, за два года до пуска его в строй. Освещаются вопросы назначения учителей, обеспечения школы пособиями, состава учащихся. Раскрываются трудности обучения в школе детей, взятых с Ирбинского завода за 95 верст и дальних рудников; недостаточность казенного жалованья (3 руб. в год) даже на питание учащихся в условиях дороговизны цен в Сибири и низких окладов отцов, большинство которых не могло материально помогать детям, обучавшимся вдали от домов, и просило открыть школы по месту жительства. Вынужденное отчисление этих детей из школы в 1740 г., назначение с 1743 г. казенного жалованья лишь сиротам, детям отставных от дел, солдат и рекрут привело к сокращению более чем наполовину числа учащихся. Дети мастеровых и заводских работников стали зачисляться в школу лишь с согласия отцов содержать их за свой счет. Раскрываются причины перевода учеников в 1746 г. в школу при Нерчинском заводе. Отмечаются высокие показатели пространственной мобильности мастеровых и рабочих людей, переводившихся по воле начальства с семьями из Екатеринбурга в 1735 г. на Колывано-Воскресенский завод, оттуда в 1737 г. — на необжитые территории Красноярского уезда, в 1746 г. с Луказского — на Нерчинский завод; преодоление ими в течение десяти лет расстояний в 4 538 верст, в том числе и на последнем пути до Нерчинска — более 2 000 верст.

Ключевые слова: Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов; Красноярское горное начальство; Луказский завод; Ирбинский завод; школа; учителя; учащиеся

Цитирование: Сафронова А. М. Школа при Луказском заводе Красноярского горного начальства (1738–1746): особенности открытия и деятельности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 91–104. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.006>

Поступила в редакцию: 01.02.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Alevtina M. Safronova

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

SCHOOL AT THE LUKAZSKY PLANT OF KRASNOYARSK MINING DISTRICT (1738–1746): PECULIARITIES OF OPENING AND ACTIVITY

Based on archival documents, this article considers the activity of the first school on the territory of Krasnoyarsk mining district at the state Lukazsky Plant, which has never been done previously. The author examines the peculiarities of its opening in connection with the resettlement of all service class people from the Kolyvan-Voskresensky Plant after its return to A. N. Demidov in Krasnoyarsk Uyezd in 1737. A unique phenomenon was the beginning of its activity even during the construction of the Lukazsky Plant, two years before its commissioning. The article considers issues underlying the appointment of teachers, provision of the school with teaching aids, and composition of students. Also, the author examines the difficulties the school faced with teaching children from around Irbinsky Plant 95 versts away and from distant mining districts. It demonstrates the insufficiency of the state salary (3 roubles a year) which was not enough even to feed pupils due to the high prices in Siberia and their fathers' low salaries. Most of them could not financially sustain children studying far from their homes and asked for schools to be opened at their places of residence. Forced expulsion of these children from school in 1740, assignment of state wages from 1743 only to orphans, children of retired men, soldiers, and recruits caused the number of students to shrink two times. The children of craftsmen and factory workers were enrolled in school only with the consent of their fathers to support them at their own expense. Additionally, the author describes the reasons for the transfer of pupils in 1746 to the school at the Nerchinsk Plant. She mentions the high indicators of spatial mobility of craftsmen and labourers who were transferred from Ekaterinburg with their families and at the will of their superiors in 1735 to the Kolyvano-Voskresensky Plant, from there in 1737 to the uninhabited territories of Krasnoyarsk Uyezd, and in 1746 from Lukazsky Uyezd to the Nerchinsk Plant; they covered a distance of 4,538 versts during ten years, including more than 2,000 versts to their final destination in Nerchinsk.

Key words: Office of the Main Board of the Siberian and Kazan Plants; Krasnoyarsk Mining Department; Lukazsky Plant; Irbinsky Plant; school; teachers; students

For citation: Safronova, A. M. (2025). Shkola pri Lukazskom zavode Krasnoiarskogo gornogo nachal'stva (1738–1746): osobennosti otkrytiia i deiatel'nosti [School at the Lukazsky Plant of Krasnoyarsk Mining District (1738–1746): Peculiarities of Opening and Activity]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 91–104. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.006>

Submitted: 01.02.2024

Accepted: 28.01.2025

Введение

В горном ведомстве первые школы были открыты по инициативе начальников заводов: при Олонецких — В. И. Генниным в 1716 г., на Урале — В. Н. Татищевым в 1721 г. Когда Татищев второй раз возглавил казенные заводы Урала и Сибири (1734–1739), он начал активно открывать школы как при Уральских, так и при Сибирских заводах. Казне принадлежал ряд заводов на территории Сибири: Нерчинский сереброплавильный, основанный в 1704 г.; Кольвано-Воскресенский медеплавильный, основанный А. Н. Демидовым в 1729 г., взятый в казну в 1734 г. и возвращенный Демидову в 1737 г.; Тамгинский металлургический (1735); Луказский медный и Ирбинский железодельный (1740). При трех из пяти заводов Сибири — Кольвано-Воскресенском, Луказском и Нерчинском — были открыты школы, в которых обучались дети заводских жителей.

История этих учебных заведений представляет большой интерес как в плане изучения политики уральской горнозаводской власти в отношении развития социальной инфраструктуры при этих предприятиях, так и в плане изучения истории просвещения в Сибири первой половины XVIII в. В литературе широко представлены сведения о других видах учебных заведений края — школах геодезических, навигацких, гарнизонных, духовного ведомства, изучения восточных языков и др. [Копылов; Белоглазова; Катионов, Катионова; и др.] Накопление данных о горнозаводских школах, действовавших в Сибири, в литературе шло медленно, до сих пор дискуссионными остаются вопросы о дате их открытия.

А. В. Смолин, посвятивший кандидатскую диссертацию горнозаводским школам Алтая, датировал открытие первой школы при Кольвано-Воскресенском заводе 1753 г. на основании решения Кабинета от 4 ноября 1752 г. и определения Канцелярии правления Кольвано-Воскресенского горного начальства от 18 января 1753 г. [Смолин, с. 231]. Но эта школа принадлежала Кабинету Е. И. В., а не казне. По данным В. Б. Бородаева и А. В. Контева, первая школа на Алтае могла появиться в 1735 г. при Кольвано-Воскресенском заводе, когда туда прибыла команда во главе с майором Л. Угримовым и завод был взят

в собственность казной. После возвращения завода А. Н. Демидову, переноса горного начальства на Енисей, где начали строить Красноярские заводы, туда же были перевезены и семь десятков учебных книг, приобретенных в 1735 г. для Колывано-Воскресенской школы [Бородаев, Контев]. Б. В. Бабарыкин и В. А. Скубневский пояснили: «Единственным документальным подтверждением деятельности словесной школы при Томском Колывано-Воскресенском медном заводе является счет расходования казенных средств на 1737 г.», в котором указано 8 печатных псалтирей на 7 руб. 25 коп., 27 часословов на 17 руб. 55 коп., 36 азбук на 1 руб. 8 коп. (71 экземпляр). В счете упомянуто, что книги приобрел и доставил поручик И. Лукашов, отправленный из Екатеринбурга в 1735 г. [Бабарыкин, Скубневский, с. 49]. Данные о книгах важны и для изучения истории Луказской школы, унаследовавшей их. Г. Ф. Быконя раскрывает историю строительства Луказского и Ирбинского заводов и приводит данные Г. Ф. Миллера о количестве их работников и существовании школы при Луказском заводе на 1739 г. [Быконя, с. 100–107]. Н. С. Корепанов полагает: «В обоих заводах действовали словесные школы» [Корепанов, с. 131].

Поскольку заводы Сибири подчинялись Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, располагавшейся в Екатеринбурге, значительный комплекс документов отложился в делах фонда 24 «Уральское горное управление» в Государственном архиве Свердловской области. Мы поставили целью выявить и проанализировать документы, отложившиеся в ГАСО о первой школе, открытой уральской администрацией на территории Красноярского горного начальства при Луказском заводе, установить время ее деятельности, выяснить, как решался вопрос с учителями, изучить количественный и социальный состав учащихся, судьбу этих учеников.

Основным источником для реконструкции организации этой школы послужила переписка Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов с Красноярским горным начальством, протоколы заседаний Канцелярии, ее указы, отправленные в начальство, доношения начальства в Екатеринбург, ведомости учащихся, их «росписи». Были использованы также ведомости о цене заводов и расстояниях между ними, составленные по указам Сената и Берг-коллегии в марте 1745 г., хранящиеся в фонде 248 Сената в РГАДА.

Автор исходит из теории модернизации, в соответствии с которой уральское начальство во главе с В. Н. Татищевым стремилось развивать промышленное производство на новых просторах Сибири, одновременно прилагая усилия по распространению грамотности среди молодого населения края. Использовался историко-сравнительный метод, позволивший сопоставить условия развития школ при заводах Урала и Сибири, дискурсивный анализ, связанный с интерпретацией текста источников, и историко-антропологический подход, предусматривающий осмысление жизненных проблем, стоявших перед учащимися и их родителями в условиях огромных сибирских пространств, передвижения по ним и освоения новых мест.

Школа при Колывано-Воскресенском заводе (1736–1737) как предшественница школы Луказского завода

В марте 1734 г. В. Н. Татищев вторично был назначен начальником казенных заводов Урала и Сибири и в именной инструкции, регламентировавшей его деятельность (п. 10), предусматривалась возможность передачи Колывано-Воскресенского завода А. Н. Демидова в казну [ПСЗРИ, 1830, т. 9, № 6559]. В декабре 1734 г. туда отправилась команда специалистов «для свидетельства» завода [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 267–269 об.]. В апреле 1735 г. принято решение об отправлении на Колывань команды во главе с поручиком Лукашовым, и впервые упомянуто о книгах: «Книг учебных, азбук и других, хотя отправить туда на пятьдесят человек и надлежит, но по справке здесь, кроме арифметиков, излишних книг нет и для того оные купить в Тобольске или где сыскать можно, а арифметик один из наличных отпустить отсюда» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 219, л. 28 об.]. Так, между прочим, речь шла о заведении школы на Колывани. На основе этого решения Лукашов и приобрел книги для обучения грамоте, по-видимому, в Тобольске. Согласно данным Нерчинского горного начальства за 1735 г., от Екатеринбурга до Тобольска «сухим путем» расстояние составляло 485 верст, от Тобольска до Тары — 435 верст, от Тары до Томска — 853 версты, т. е. путь от Екатеринбурга до Томска занимал почти 2 000 верст [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 562, с. 1303]. Люди отъезжали на Колывань отдельными партиями.

Среди доношений, регулярно поступавших из Томского и Кузнецкого горного начальства и заслушивавшихся в Екатеринбурге, только в доношении от 1 июня 1736 г. впервые сообщалось об открытии школы: «о мастерских и житейских детях, которых по выписке при Колыванских заводах нашлось дватцать три, из них годных в школу при смотре явилось двенатцать, да негодных четыре, итого шеснатцать, а достальных пяти человек не явилось. И тех годных словесному и писать обучать тамо определено ссыльному Ивану Бастрыгину, потому что кроме его, Бастрыгина, иного нет, и давать ему правянт и по алтыну на день против других ссыльных» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 624, т. 2, л. 426–426 об.]. Таким образом, школа начала действовать в 1736 г. в составе 12 учеников. Учителем грамоты, как и на заводах Урала в 1735–1736 гг., был определен ссыльный. Заметим, в школах при Уральских заводах 15 ссыльных с 1735 г. получали 18 руб. в год, с 1738 г. — 12 руб., на уровне начинавших заводских учеников, вахтмистров, сторожей [см.: Сафронова, с. 292–304]. Но учителю на Колывано-Воскресенском заводе жалованье определили минимальное, как и всем ссыльным, помимо провианта, по 3 коп. в день.

Открытие словесной школы при строящемся Луказском заводе (1738)

Поскольку в 1737 г. завод на Алтае был возвращен А. Н. Демидову, специалисты, откомандированные из Екатеринбурга, были перемещены на территорию Красноярского уезда. Отправленный туда с Колывани горный надзиратель

Егор Арцыбашев обнаружил признаки богатых запасов меди и железной руды, наметил места для строительства медного завода на речке Луказахе, правом притоке Енисея, в 65 верстах ниже рудника; на другом притоке, реке Ирбе, — для железоделательного завода. В. Н. Татищев в 1737 г. добился разрешения центра на строительство этих заводов. Уже 16 декабря 1737 г. Е. Арцыбашев докладывал в Екатеринбург, что из Томского горного начальства на Луказаху прибыли с казной 27 человек команды, а солдаты, рекруты, мастеровые и ссыльные 268 человек размещены из-за нехватки провианта в Абаканском остроге и деревнях при нем, в 45 верстах. Весной 1738 г. из Кузнецка прибыли 57 рекрутов и 200 ссыльных, в 1739 г. новая партия из 200 ссыльных [Быконя, с. 100–101]. Усиленными темпами шла добыча на рудниках медной и железной руды для будущих заводов. В мае 1738 г. начали строить Ирбинский завод, на Луказахе возвели командирский дом, канцелярию, где расположилось новое Красноярское начальство, госпиталь. По указу Генерал-берг-директориума член Канцелярии Главного заводов правления Никифор Клеопин в мае 1739 г. был отправлен главой Красноярского горного начальства, расположившегося при строящемся Луказском заводе. Оба завода были окончательно пущены в строй в 1740 г. [Корепанов, с. 122–124, 130].

Академик Г. Ф. Миллер в сентябре 1739 г. получил ответ из Красноярского начальства на свою анкету, выявленную Быконей в РГАДА: по «Табели служителей и работных людей» на Луказском заводе числилось 529, а на Ирбинском — 417, всего 946 чел. Из них 83 — члены администрации с лекарем, учителем и учениками; 71 солдат во главе с сержантом, 76 рекрутов, 154 заводских служителя и 562 ссыльных. Некоторым штейгерам, мастерам, работникам, солдатам и рекрутам разрешили прибыть с семьями, другие перевезли их позже. Была открыта школа, в которой к 1739 г. обучалось «словесным и письму» 53 ученика от 7 до 15 лет [Быконя, с. 102].

Примечательно, что решение об открытии школы было принято уральской администрацией 12 августа 1736 г., еще до решения о начале строительства новых предприятий. Об этом сообщает Н. Клеопин в своем доношении в Екатеринбург от 19 февраля 1740 г.: при указе Канцелярии от 12 августа 1736 г. сообщена копия с ее определения от 8 февраля 1735 г., касающаяся открытия школ при всех казенных заводах Урала: «...на заводах, собрав детей от 7 лет, всех обучать в школах словесному, писать, петь, арифметика и геометрии. И по силе оного указа здешних заводов служительские дети здесь обучаются словесному, писать и петь» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 857, л. 392]. При этом указе была отправлена и копия определения уральского начальства от 8 февраля 1735 г. о порядке назначения казенного жалованья школьникам, по 3 руб. в год в словесной школе, по 4 руб. в год в арифметической. Так нормы, касающиеся организации школ при заводах Урала, были продублированы и для будущих Красноярских.

Первые шаги по организации школы при Луказском заводе раскрываются в доношении из Томского и Красноярского начальства (так в тексте!) от 11 сентября 1738 г. (пункт третий) [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 777, л. 28 об.–30 об.].

Сообщается, что конторе Ирбинского завода поручалось набрать в школу мастерских детей от 7 до 13 лет, а прислали молотового мастера Горнова сына 7 лет, плавильщика Кулемина — 6 лет, грубенюнга Меньшенина — 9 лет, берггаура Кирьянова — 6 лет. Красноярское начальство решило: только сына грубенюнга 9 лет «отдать для обучения словесному из сыльных роздьякону Прокофью Алексееву» с жалованьем. Других «за малолетством, и что они и говорить еще мало смыслят», отдать отцам до 15 июля 1739 г., потом взять в школу. «Означенному учителю» поступать в обучении по присланному при указе 26 марта 1737 г. «Учреждению» — инструкции, сочиненной В. Н. Татищевым. Далее шла нечеткая формулировка: «...как прибудет из Енисейска — казначею Ярцову, понеже он и прежде при Екатеринбурхе учителем бывал».

При этом Красноярское начальство докладывало, что некоторые отцы получают жалованье по 12–14 руб., ссыльные на работный день имеют по 3 коп. «да указной провиант», «и оные не токмо детей своих при школах пропитать могут, но и сами едва пищу себе имеют, да и они ж не при самих школах живут». И этим школьникам жалованьем «при здешних пустых местах за дальностию от жила нежели платье и обувь на себя завести, но и в пропитании будет их не без нужды». Мука ржаная стоит по 19 и 25 коп. пуд, временами и дороже, жалованья ученикам хватит только на один пуд муки в месяц. Поэтому Красноярское начальство представляло: не повелит ли уральская Канцелярия жалованье прибавить или сверх него давать школьникам провиант.

К доношению от 11 сентября 1738 г. прилагалась «Роспись школьникам, кои набраны в школу в Томском и Красноярском горном начальстве». В ней учтено всего 6 учеников: плавильщика Филинкова, штейгера Парначева, двух ссыльных, горного ученика, грубенюнга. Указывалась дата поступления в школу: 15 мая 1738 г. у Филинкова и 5 июня — у пяти остальных [Там же, л. 31]. Таким образом, школа начала действовать с середины мая при одном ученике, с 5 июня — при шести учениках. Учитель — ссыльный, бывший дякон Прокофий Алексеев; предполагалось, что он передаст детей Сергею Ярцеву, дворянину, бывшему учителем Екатеринбургской словесной школы в 1730–1734 гг. [см.: Сафронова, с. 291]. 9 января 1739 г., слушая это доношение, уральское начальство предписало: «у ссыльных детей в школу не брать, понеже ни при которых здешних заводах таковые в ту науку не берутся, а определять... служасчих и мастерских детей». Школьникам провианта не давать, «а быть довольным одним денежным жалованьем» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 777, л. 32].

Распоряжение об открытии школы датировалось 12 августа 1736 г., а действовать она начала весной-летом 1738 г. Затягивание с ее открытием неудивительно: и на заводах Урала этот процесс растягивался на месяцы, год из-за отсутствия помещений, учителей, ожидания присылки книг. В 1737 г. только наметили места под заводы, с 1738 г. начали их возведение, на первых порах надо было обзаводиться и жильем, нужно было время на проведение переписи детей, поиски учителя, помещения для занятий. Заметим, школа начала действовать почти одновременно с началом строительства обоих предприятий, почти

за два года до пуска их в строй. Это уникальное явление, на заводах Урала такие случаи отсутствовали.

Назначение ссыльных на должности учителей чтения и письма широко практиковалось на Урале с 1735 г. в условиях острой нехватки грамотных для более важных заводских нужд. Ссыльные обучали грамоте детей при Верх-Исетском, Уктусском, Сысертском, Алапаевском, Полевском, Егошихинском, Кушвинском заводах, а при Екатеринбургском трудилась целая группа ссыльных, сменяя друг друга — 8 человек [см.: Сафронова, с. 292–304]. Не удивительно, что и в Луказскую школу, как и в Кольвано-Воскресенскую ранее, учителями были назначены ссыльные.

Изменения в организации школы в октябре 1739 — 1740 г.

В октябре 1739 г. из Екатеринбурга на Луказский завод прибыл новый глава Красноярского начальства Никифор Клеопин. В доношении в Екатеринбург от 19 февраля 1740 г. он поставил вопрос о присылке учителя арифметики, сообщил, что обучает в словесной школе учитель «из ссыльных, назначенных на поселение, Алексей Третинской, которой арифметики и геометрии ни малого не умеет, и других умеющих арифметики и геометрии, кого б ко обучению школьников определить было можна, никого здесь нет». Клеопин просил «для обучения школьников арифметика и геометрии прислать сюда знающего человека, если же там (в Екатеринбурге. — А. С.) свободных нет, то уповаемо таковым быть в Тобольском из присланных в сылку» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 857, л. 227].

К доношению прилагалась ведомость учеников Луказской школы за сентябрьскую треть 1739 г. [Там же, л. 227 об.–228]. В ней уже 19 учащихся, среди них — фамилии четырех учеников, числившихся в первой ведомости, но датой их поступления указано 9 октября 1738 г. Отсюда следует, что в мае-июне 1738 г. они начинали учиться у ссыльного Алексеева, бывшего дьякона, учение по какой-то причине прервалось и продолжилось у ссыльного Третинского с 9 октября. Постепенно в школу зачислялись дети в декабре 1738 г., в январемарте, июне, 30 июля приняли пятерых, в августе и октябре 1739 г. — по два человека. Среди учащихся 4 — дети подьячих, 8 — горных служителей, прибывших с рудников, 6 — заводских работников, сын солдата. Солдатскому сыну всего 5 лет, троим — 6 лет, четверым — 7 лет, причем шестеро из них, включая сына солдата, от азбуки уже перешли к часослову; остальным от 8 до 14 лет. Дети штейгера и плавильщика 11 и 14 лет, подьяческие 13 лет пишут прописи (видимо, начали учиться еще в школе на Кольвани), двое от часослова перешли к псалтири (8 и 11 лет), остальные учат азбуку и начинают часослов. Поскольку учебные книги (8 псалтирей, 27 часословов, 36 азбук) прибыли вместе с людьми с Кольвано-Воскресенского завода, ученики Луказской школы были обеспечены книгами даже с излишком.

Хотя учитель располагает текстом «Учреждения» Татищева, предписывавшего начинать параллельное обучение чтению и письму, в Луказской школе,

судя по ведомостям, это не практиковалось, в отличие от школ при заводах Урала. Ведомость опровергает данные Г. Ф. Миллера об обучении в сентябре 1739 г. 53 чел. от 7 до 15 лет, представленные Быконею. По-видимому, эти данные касались наличия детей школьного возраста при обоих заводах и рудниках осенью 1739 г. согласно переписи. Только так можно расценить их, имея точные данные ведомости о числе школьников.

Уральское начальство получило это доношение Клеопина от 19 февраля 1740 г. 3 апреля, лишь 21 мая предписало: «обретающихся тамо школьников арифметики и геометрии обучать имеющимся тамо ундер-афицером и подьячим, которые те науки знают, и сверх того им и положенные на них по их должности дела исправлять без задержания» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 857, л. 226]. Если на некоторых заводах Урала обучение математике и поручали офицерам, то о привлечении подьячих речь шла впервые. Более полугода пришлось ждать этого решения в Красноярском начальстве — переписка велась через огромные пространства, при плохих дорогах, да и уральское начальство явно не торопилось с ответом.

Судя по ведомости Луказской школы за $\frac{2}{3}$ 1740 г., в апреле 1740 г. в школу пришло 5 детей нового набора: сыновья угольного мастера (11 лет), подмастерья (6, 8 лет), плавильного ученика (9 лет), рекрута (6 лет). Число учащихся к сентябрю увеличилось до 23. Четверо учащихся, хорошо усвоив письмо, были готовы перейти к арифметике, но из-за отсутствия учителя писали «при школе». Первый по успехам, сын штейгера Никита Парначев, 31 мая 1740 г. был отправлен «на Саянской рудник для записок». Семеро школьников были отпущены на сенокос с 1 июля до 1 августа, т. е. их семьи обзавелись скотом [Там же, л. 224–225].

По прошествии двух лет работы школы, в октябре 1740 г. Красноярское начальство поставило перед Канцелярией вопрос об увольнении детей, взятых в школу из дальних мест [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 6–7]. В доношении начальства в Екатеринбург содержится ценная информация о месте жительства учеников. Трое детей — плавильщика и работавшего за надзирателя Кулемина, доменного мастера Котугина, бергаура Кирьякова — в возрасте 6–7 лет взяты с Ирбинского завода, находившегося от Луказского на расстоянии 95 верст. «Взятых с рудников горных служителей» детей было шестеро: грубенюнга, двух горных учеников, подштейгера двое, в возрасте от 7 до 12 лет. Еще один ученик, сын горного работника 10 лет, был уволен из школы в июне «за болезнь». Рудники, как и Ирбинский завод, находились на далеком расстоянии от Луказского завода — лучший Базинский, объединивший 11 небольших, — в 107 верстах.

Красноярское начальство так объяснило причину сбора этих детей в Луказскую школу: хотя на Ирбинском заводе и Базинском руднике «по немалому отсюда разстоянию» полагалось бы иметь свои школы, «токмо тамо служительских детей, приспевших в указные лета к обучению еще малое число... и за тем ныне тамо школ заводить не для чего». Начальство так характеризовало положение этих детей: «...за дальнюю отлучкою терпят голод и безодежны, отцы же им в том, дальности ради и малого им самим жалованья, от коего едва

ли сами дневную пищу имеют, помогать не могут, о чем, как *онье робятишка, так и отцы их некоторые непрестанно и просят, чтоб обучать детей их при тех местах, где они сами обращаются*» (курсив наш. — А. С.). Само начальство констатировало явный недостаток казенных сумм (3 руб. в год), выдаваемых школьникам: «...таким малым жалованьем питаться им нечем, ибо в здешних местах, по удалению от городов, сел и деревень, хлеб и потребное к одежде и обуви, не в пример другим местам, дорого».

Поэтому Красноярское начальство «в общем собрании с имеющимися здесь афицеры» (т. е. с общего совета!) предложило Канцелярии взятых с Ирбинского завода и рудников детей из-за «нужды в пропитании и одежде» из школы отпустить по домам. Если кто из отцов пожелает добавлять к казенному жалованью свое содержание, таких детей обучать в школе по-прежнему. Одновременно Красноярское начальство потребовало от Канцелярии ответа на другой вопрос — сколько заводских средств можно употреблять на содержание школ? Отмечалось, что вопрос этот задавался еще в доношении от 29 мая 1740 г. В деле отсутствуют следы какой-либо реакции уральской Канцелярии на полученные запросы, она отмолчалась.

В итоговой ведомости всех школ Урала и Сибири за 1741 г., отправленной в Берг-коллегию, в Луказской школе после увольнения детей, взятых из дальних мест, осталось 18 человек, один начал изучать арифметику [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 952, л. 198 об.]. Судя по данным сводной ведомости школ, составленной в 1746 г. на основе ведомостей предшествующих лет, в 1741 г. состоялось первое распределение учащихся Луказской школы: сыновья подъячего и заводского работника были распределены «к приказным делам», сын работника — «в рудные писари». В 1742 г. 6 учащихся из-за сокращения заводских работ были возвращены с отцами в Екатеринбург [ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 325, л. 6].

Резко сократилось число учеников в 1743 г. в результате проведения их «разбора». 11 сентября 1742 г. уральская Канцелярия постановила: из-за хронического перерасхода сумм штатов на содержание школ закрыть их при 7 заводах. Сократить и состав учащихся на жалованье: назначать его лишь сиротам, детям отставных от дел, солдат и разночинцев. Детей мастеров, подмастерьев, заводских работников, подъячих учить в школах, если отцы согласятся содержать на своем пропитании [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 308, л. 84–91]. 10 декабря 1742 г. указ Канцелярии «о разборе» учащихся Луказской школы был отправлен в Сибирь, 26 января 1743 г. получен, 24 февраля состоялось решение о проведении «разбора». Лишь в августе 1744 г. рапорт о его результатах отправили в Екатеринбург [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 87–88]. В школе оставили на жалованье лишь 7 учащихся из 17: детей двух солдат, двух сыновей рекрута, сына умершего мастера. Унтер-штейгер Бродовиков и угольный мастер Старков согласились обучать детей за свой счет. Таким образом, продолжили пребывание в школе только 41 % учившихся.

Как была решена судьба 10 подростков, уволенных из школы? Шестерых в возрасте 15–16 лет начальство определило к делам, причем четверых направило по стопам отцов: в июле 1744 г. сын подъячего Д. Пономарев был записан при

начальстве писчиком, старший сын угольного мастера А. Старков определен к угольному делу в ученики; сына горного служителя С. Меньшенина велели определить к горной работе с 1744 г.; В. Степанова, 16-летнего сына молотового мастера, по достижении 20 лет определить в молотовую работу. Четверо учащихся были отпущены по домам к родителям: взятые с Ирбинского завода Т. Кулемин и В. Кирьяков, с рудника — В. Черняев и местный житель М. Сизиков. По нашим подсчетам, им в 1743 г. было 9–10–13 лет, к работе они, видимо, были негодны. «Отпущенным» можно считать и Степанова — до 20 лет [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 87–88].

По указу Канцелярии Главного заводов правления от 30 декабря 1743 г. предписывалось составлять ведомости о школьниках по полугодиям. Сохранились ведомости Луказской школы за вторую половину 1744 г., оба полугодия 1745 г., первую половину 1746 г. В 1744 г. в школу вернулся сын плавильного ученика М. Сизиков 11 лет, без жалованья. Новеньким стал и солдатский сын С. Шудров 10 лет [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1128, л. 137 об.]. В 1745 г. «волею отцов» в школу были отданы дети штейгера Казанцева 7 лет, плавильного ученика Гутова 9 лет, сын исполнявшего должность протоколиста Серебряникова 6 лет. И с сентября 1745 г. число детей, учившихся на жалованье и на коште отцов, сравнялось, тех и других стало по 6 человек [Там же, л. 205 об.–206, 121–121 об.]. В первой половине 1746 г. количество учащихся дошло до 15 — новенькими были 8-летний сын горного служителя и принятые без жалованья 6-летний сын унтер-штейгера П. Филинков, 14-летний сын плавильщика И. Кулемин [Там же, л. 197 об.–198]. По нашим подсчетам, всего в Луказской школе за 1738–1746 гг. обучилось грамоте 34 человека. Некоторые ученики овладевали ею на протяжении 6 лет, другие — за 2 года.

Арифметике в Луказской школе обучались единицы: в 1741–1742 гг. один ученик, со второй половины 1745 г. к ней приступили 11-летний солдатский сын Г. Симанов и 12-летний сын штейгера А. Бродовиков, к середине 1746 г. они дошли до правил деления, а 15-летний сирота П. Горной начал учить сложение.

Закрытие Луказского завода и перевод учеников в школы Нерчинска (1746)

Из-за недостатка медной руды Луказский завод начал сворачивать работу, с сентября 1742 г. был законсервирован Ирбинский завод [Быконя, с. 107]. Указом Берг-коллегии от 28 января 1746 г. предписывалось по остановке производства заводское строение отдать в ведомство Красноярской воеводской канцелярии, пока кто-нибудь не приобретет его в частные руки, «имеющихся тамо мастеровых и работных, и всякого звания людей, и ссыльных, кои пашни не имеют, перевести на Нерчинские заводы, ибо при тех заводах в людях состоит нужда и при разведке серебряных руд в Якутском уезде нужда в людях». Якутская контора требовала двух бергауров, двух надзирателей, 24 горных ученика, пробователя или ученика, двух копиистов [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 359, с. 30–31].

Заслушав указ Берг-коллегии от 15 октября 1746 г. «о остановлении действием Красноярских заводов за пресечением руд», уральская Канцелярия 3 декабря постановила: сообщить его копию в Красноярское начальство, отправить людей на Нерчинский завод «немедленно и стараться, чтоб... в Нерчинск прибыть нынешним зимним путем, а ежели паче чаяния прибыть туда невозможно, то конечно Байкал море переехать нынешним путем». При отправке мастеровых людей в Нерчинск и на Якутские заводы, «если при коих имеютца дети, хотя б были и в мастерствах, от отцов не отлучать, а быть им с ними обще, где б кто ни был» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 359, с. 31–34]. Таким образом, большинство учащихся Луказской школы должны были перебраться с отцами на Нерчинский завод и продолжить там обучение в словесной и арифметической школах.

Заключение

Школа при Красноярском горном начальстве действовала немногим более 8 лет и внесла свой вклад в распространение грамотности среди детей мастеровых и работников Луказского и Ирбинского заводов и прилегающих к ним рудников. Особенность ее открытия заключалась в том, что она единственная из горнозаводских школ Урала и Сибири начала действовать еще в период строительства обоих заводов, за 2 года до пуска их в строй. Это единственный случай, не известный в истории заводов России на протяжении всего XVIII века. Уникальность ее истории и в том, что фактически она появилась в связи с возвращением Колывано-Воскресенского завода А. Н. Демидову в 1737 г. и перемещением всех служилых людей с Колывани в Красноярский уезд. Переместились отцы, их дети, материальные ценности, в том числе и учебные пособия.

В 1738–1740 гг. проводилась политика привлечения к обучению детей всех работников Луказского и Ирбинского заводов и рудников при них, за исключением ссыльных. В октябре 1740 г. были уволены дети, взятые учиться с Ирбинского завода и дальних рудников, оставлены лишь те, чьи отцы согласились содержать их за свой счет. Это единственный известный нам случай, когда власти пошли на освобождение от обучения группы детей, учитывая сложности пребывания их в школе вдали от родных домов. И хотя с 1743 г. прекратился обязательный набор детей мастеровых и заводских работников в школу, продолжили обучение 41 % учащихся, намного больше, чем в школах при уральских заводах.

Деятельность Луказской школы свидетельствует, как трудно было овладевать детям грамотой вдали от родных домов, не получая от отцов, имевших небольшое жалованье, никакой материальной поддержки. Обучение здесь давалось гораздо труднее, чем при заводах Урала, вблизи многочисленных деревень и развитых рынков торговли. К тому же дополнительные сложности создавал и переезд семей из Екатеринбурга до Колывани, оттуда — в Красноярский уезд, с территории этого уезда — в Нерчинск. Расстояние от Екатеринбурга до Томска — 1873 версты [ГАСО, ф. 24, оп. 1. д. 562, с. 1307], до Красноярска — 2421 верста,

до Нерчинского завода — 4538 верст [РГАДА, ф. 248, оп. 22, д. 1510, л. 335, 351 об.], следовательно, с Луказского завода семьи с детьми должны были снова преодолеть около 2000 верст пути. Как констатировал вице-адмирал Н. Ф. Головин в 1732 г., «...путь через Сибирь... весьма труден... ибо некогда надлежит ехать водою, а некогда — сухим путем; некогда же на лошадях, а в ыных местах люди имеют все материалы, правиант и багаж и протчее нести на себе; а в ыных местах летом притить и проехать невозможно, а надобно дожидаться зимнего пути, индеже зимним путем ехать ни иттить невозможно, а надобно дожидатся летнего времени...» [цит. по: Редин, с. 36]. Таким образом, одному юному поколению вместе с их родителями пришлось выдержать путь от Екатеринбурга до Колывани, от Колывани в Красноярский уезд, оттуда до Нерчинска. Это был самый высокий показатель пространственной мобильности уральцев на пути в Сибирь.

Источники

- ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 562, 624. Т. 2, 777, 857, 952, 1128, 2321; Оп. 12. Д. 215, 219, 308, 359; Ф. 101 (Уральское общество любителей естествознания). Оп. 1. Д. 385.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 9. № 6559.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 22. Д. 1510.

Исследования

- Бабарькин Б. В., Скубневский В. А.* Начальные школы при горнозаводских предприятиях Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. № 4. С. 48–55.
- Белоглазова С. Б.* История образования в Тихоокеанской России в XVIII веке // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 49–61.
- Бородаев В. Б., Контев А. В.* При каждом заводе иметь особливую школу // Ползуновские чтения 1996 года : сб. ст. / ред.-сост. А. Д. Сергеев. Барнаул ; Усть-Калманка, 1996. С. 54–56.
- Быконя Г. Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1981.
- Катионов О. Н., Катионова А. О.* Подготовка кадров специалистов в Сибири (XVIII — начало XIX вв.) // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 13–20.
- Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX века. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1974.
- Корепанов Н. С.* Никифор Клеопин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2014.
- Редин Д. А.* Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019.
- Сафронова А. М.* Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.
- Смолин А. В.* Из истории горнотехнического образования и педагогической деятельности В. В. Петрова на Алтае во второй половине XVIII века // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957. С. 228–255.

References

Babarykin, B. V., & Skubnevsky, V. A. (2015). Nachal'nye shkoly pri gornozavodskikh predpriiatiakh Kolyvano-Voskresenskikh gornykh zavodov v XVIII v. [Elementary Schools at Mining Enterprises of Kolyvan-Voskresensky Mining Plants in the 18th Century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologiya*, 4, 48–55.

Beloglazova, S. B. (2012). Istoriia obrazovaniia v Tikhookeanskoi Rossii v XVIII veke [History of Education in Pacific Russia in the 18th Century]. *Vestnik DVO RAN*, 4, 49–61.

Borodaev, V. B., & Kontev, A. V. (1996). Pri kazhdom zavode imet' osoblivuii shkolu [Each Factory Should Have a Special School]. In A. D. Sergeev (Ed.), *Polzunovskie chteniia 1996 goda* [Polzunovsky Readings 1996] (pp. 54–56). Barnaul; Ust'-Kalmanka.

Bykonya, G. F. (1981). *Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraia v XVIII v.* [Settlement of the Yenisei Region by Russians in the 18th Century]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.

Kationov, O. N., & Kationova, A. O. (2013). Podgotovka kadrov spetsialistov v Sibiri (XVIII – nachalo XIX vv.) [Training of Specialists in Siberia (18th – Early 19th Centuries)]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, 1, 13–20.

Kopylov, A. N. (1974). *Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII – nachala XIX veka* [Essays of the Cultural Life of Siberia of the 17th – Early 19th Centuries]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.

Korepanov, N. S. (2014). *Nikifor Kleopin* [Nikiphor Kleopin]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii.

Redin, D. A. (2019). *Etiudy po russkoi istorii Novogo vremeni (administrativnyi i sotsial'nyi aspekty)* [Essays on the Russian History of the New Time (Administrative and Social Aspects)]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Safronova, A. M. (2014). *Dokumenty organov upravleniia promyshlennost'iu Rossii kak istochnik o gornozavodskikh shkolakh Urala pervoi poloviny XVIII v.* [Documents of Russian Industrial Management Bodies as a Source on Mining Schools in the Urals in the First Half of the 18th Century]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Smolin, A. V. (1957). Iz istorii gornotekhnicheskogo obrazovaniia i pedagogicheskoi deiatel'nosti V. V. Petrova na Altae vo vtoroi polovine XVIII veka [From the History of Mining Education and Pedagogical Activity of V. V. Petrov in Altai in the Second Half of the 18th Century]. In *Trudy nauchnoi konferentsii po istorii chernoi metallurgii Kuzbassa* [Proceedings of the Scholarly Conference on the History of Ferrous Metallurgy in Kuzbass] (pp. 228–255). Kemerovo.

Сафронова Алевтина Михайловна

доктор исторических наук, профессор
кафедры документоведения, архивоведения
и истории государственного управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Safronova, Alevtina Mikhailovna

Dr. Hab. (History), Professor
Department of Document Management,
Archival Studies, and History of Public
Administration
Ural Federal University
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: alevtina.safronova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4692-3025>
Scopus AuthorID: 57220781089
WoS ResearcherID: AAG-3084-2021

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.007

УДК 94(470.54-25)“19/...” + 94(100)“1914/19” +
+ 352.071(1-21) + 377.1(470.54-25)

Л. А. Дашкевич

*Институт истории и археологии
УрО РАН
Екатеринбург, Россия*

ГОРОДСКИЕ ВЛАСТИ ЕКАТЕРИНБУРГА И РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЫСШИЕ НАЧАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА

В статье рассмотрено участие Екатеринбургской думы в развитии городского образования в годы Первой мировой войны. Выяснено, что, несмотря на сложные условия войны и смены власти, создание начальных училищ повышенного типа и профессиональных курсов при них было одной из приоритетных задач городской власти. В контингенте учащихся высших начальных училищ преобладали выходцы из семей мещан и крестьян. Высшие начальные училища давали им не только законченное начальное образование, но и возможность продолжить образование в средних учебных заведениях при условии сдачи экзамена по иностранным языкам. Городская дума одобрила введение в образовательный курс высших начальных училищ немецкого, французского и английского языков. В статье представлен план создания в городе и Екатеринбургском уезде особой сети высших начальных училищ, разработанный на уездном совещании по развитию начального образования повышенного типа. Совещание состоялось в Екатеринбурге 12 ноября 1915 г. Сделан вывод о том, что высокий уровень самоорганизации общества и культурный опыт городских элит позволил екатеринбургским властям привлечь государственные средства для организации в городе профессионально-технических курсов. Основной состав их воспитанников составляли выпускники высших начальных училищ. Городские власти добились создания при 1-м высшем начальном училище химико-технических курсов (1916), при 2-м высшем начальном училище — чертежно-строительных курсов (1915). Курсы были бесплатными для слушателей. Их работа финансировалась за счет средств казны, города и земства. Создание профессиональных курсов было определенным ответом на вызовы, которые встали перед городом и страной в годы Первой мировой войны. Химико-технические курсы заложили основу Уральской школы инженеров-химиков. Чертежно-строительные курсы дали начало специальному строительному и архитектурному образованию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал; начало XX века; Первая мировая война; городское самоуправление; профессиональное образование

Ц и т и р о в а н и е: Дашкевич Л. А. Городские власти Екатеринбурга и развитие образования в годы Первой мировой войны: высшие начальные училища // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 105–119. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.007>

Поступила в редакцию: 01.02.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Liudmila A. Dashkevich*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia***CITY AUTHORITIES OF EKATERINBURG
AND THE DEVELOPMENT OF EDUCATION
DURING THE FIRST WORLD WAR:
HIGHER PRIMARY SCHOOLS**

This article examines the participation of the Ekaterinburg City Duma in the development of urban education during the First World War. It is established that, despite the difficult conditions of the war and the change of government, the opening of higher primary schools and professional courses under them was one of the priorities of the city authorities. Most higher primary school students came from bourgeois families and peasants. Higher primary schools not only provided them with completed primary education but also gave them an opportunity to continue their education in secondary schools provided they passed an exam in foreign languages. The City Duma approved the introduction of German, French, and English into the curriculum of higher primary schools. The article presents a plan for the creation of a special network of higher primary schools in Ekaterinburg city and its uyezd, developed at a uyezd meeting on the promotion of advanced primary education. The meeting took place in Ekaterinburg on November 12, 1915. It is concluded that the high level of self-organisation of society and the cultural experience of the city elite allowed the Ekaterinburg authorities to attract public funds to organise professional courses in the city. They were mostly made up of graduates from higher primary schools. The city authorities achieved the creation of chemical and technical courses at the 1st Higher Primary School (1916) and drawing and construction courses at the 2nd Higher Primary School (1915). The courses were free for students. Their work was financed by funds from the treasury, city, and zemstvo. The creation of professional courses was a definite response to the challenges that the city and the country faced during the First World War. Chemical-technical courses laid the foundation for the Ural school of chemical engineers. Drawing and construction courses gave rise to special construction and architectural education.

Key words: Urals; early 20th century; World War I; city government; professional education

For citation: Dashkevich, L. A. (2025). Gorodskie vlasti Ekaterinburga i razvitie obrazovaniia v gody Pervoi mirovoi voiny: vysshie nachal'nye uchilishcha [City Authorities of Ekaterinburg and the Development of Education during the First World War: Higher Primary Schools]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 105–119. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.007>

*Submitted: 01.02.2024**Accepted: 28.01.2025*

Интерес исследователей к региональным и локальным темам, связанным с реформированием российского школьного образования в конце

XIX — начале XX в., вызван признанием значительной роли в этом процессе общественности и местных органов самоуправления [Акторы...; Днепров; Сысоева; Зубков; Поздняков]. Общественная активность в образовательной и культурно-просветительной сфере дореволюционного Екатеринбурга достаточно широко отражена в историографии [Казакова-Апкаримова; Микитюк, Яхно; Екатеринбургская городская дума; Благотворительность на Урале; и др.]. В работах уральских историков отмечено, что городское управление активно занималось решением различных проблем в деятельности начальных и средних школ, просветительских обществ, учреждений культуры, созданием в Екатеринбурге высшего учебного заведения. Настоящая статья посвящена теме, которая осталась пока вне зоны внимания исследователей — участию городских органов самоуправления в решении проблем доступности начального образования повышенного типа и развитии высших начальных училищ. Основным источником для наших наблюдений и выводов стали журналы заседаний Екатеринбургской городской думы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Свердловской области.

Высшие начальные училища были преемниками городских училищ, созданных по Положению 1872 г. Училища имели первоначально шестилетний образовательный курс, который начинался с обучения элементарной грамоте. Согласно утвержденному Министерством народного просвещения плану, в них преподавались: закон божий, чтение и письмо, русский язык и церковнославянское чтение, арифметика, практическая геометрия, черчение и рисование, отечественная история и география, естествознание. В качестве внеклассных занятий организовывались уроки по рисованию, черчению, пению, а также гимнастике [Очерки истории..., с. 103–104]. В 1896–1910 гг. большинство городских училищ были переведены на четырехлетнее обучение, при этом в первый класс стали принимать выпускников начальных народных школ, т. е., в целом, образовательный курс для учащихся вырос до семи лет [Зубков, с. 111]. Программа учебных заведений, обучавших в основном низшие слои городского населения, не совпадала с учебным курсом младших классов гимназий, поэтому их воспитанники не могли продолжить обучение в средней школе. В начале XX в. в Екатеринбурге действовали два городских училища, основой первого было уездное училище (1820–1881), второго — окружное училище горного ведомства (1848–1887).

Педагогическая общественность и многие политические партии, возникшие после издания Манифеста 17 октября 1905 г., неоднократно выдвигали требования установить преемственность между начальной и средней школой [Очерки истории..., с. 104]. Эти запросы общества были частично удовлетворены с изданием указа от 25 июня 1912 г. «О высших начальных училищах» [ПСЗ-III, т. XXXII, отд.-ние 1, № 36515]. Учебный план высших начальных училищ был приближен к программе младших классов общеобразовательных средних учебных заведений. В него включили алгебру, геометрию и физику, историю и географию выделили в самостоятельные предметы, а рисование,

черчение, пение и гимнастику из предметов внеклассных занятий сделали классными. Ученики-мальчики после окончания первого или второго классов высших начальных училищ получили право переходить во второй или третий классы средних учебных заведений, сдавая экзамены лишь по иностранным языкам. Девочки, успешно освоившие курсы первого, второго или третьего классов, могли на тех же условиях поступать во второй, третий или четвертый классы женских гимназий. Указ разрешил, с согласия попечителя учебного округа, включать в программу высших начальных училищ иностранные языки и другие дополнительные предметы и предоставил возможность министру народного просвещения ассигновать на эти цели «не свыше 500 рублей в год» [ПСЗ-III, т. XXXII, отд-ние 1, № 36515].

Преобразованная школа давала законченное начальное образование, но могла стать и связующим звеном со средней школой для тех, кто желал повысить образовательный уровень. Существенно повышенные казенные оклады содержания привлекли на службу в высшие начальные училища более качественный педагогический персонал. Согласно законодательно утвержденным штатам, в учебных заведениях работали 3 учителя с годовыми окладами в 960 руб. (для сравнения, жалованье учителя начальной народной школы составляло в то время около 350 руб.), законоучитель (оклад — 500 руб.) и учитель графических искусств (оклад — 500 руб.) [Там же]. Преподавателями общеобразовательных дисциплин стали лица с высшим или средним образованием, окончившие учительский институт или сдавшие экзамен на знание его курса. Программа, по которой экзаменовались будущие учителя, включала все предметы, изучаемые в высших начальных училищах, так как в этих учебных заведениях была принята классная система преподавания, она, в отличие от более дорогой, предметной, обязывала одного учителя вести в классе все предметы курса [Сысоева, с. 91].

Городские училища Екатеринбурга были реорганизованы, согласно новым штатам высших начальных училищ, в январе 1914 г. Гласные Екатеринбургской городской думы поддержали решение правительства о расширении образовательного курса начальной школы и постарались использовать все возможности нового закона для привлечения в город государственных средств. 10 января 1914 г., на заседании Городской думы, гласные согласились с предложением инспектора 2-го высшего начального училища А. И. Семенова ввести в подчиненном ему учебном заведении преподавание одного или двух иностранных языков, причем, не только в четырех основных, но и в двух параллельных отделениях училища для того, «чтобы дать возможность более даровитым ученикам переходить в среднюю общеобразовательную школу» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1990, л. 5]. Городская управа, по поручению думы, составила ходатайство в Министерство народного просвещения об ассигновании 500 руб. для оплаты труда учителя иностранных языков в основных классах училища (в соответствии со ст. XV Закона от 25 июня 1912 г.) и принятии полностью на счет казны (в соответствии со ст. XI Закона от 25 июня 1912 г.) содержания учителя графических искусств. Помимо того, дума обязалась выделить из городских средств 550 руб. в оклад

учителю иностранных языков в параллельных отделениях школы и дополнить казенное жалование учителя основных классов еще на 460 руб. для того, чтобы оплата его труда не уступала жалованию других штатных преподавателей и составляла 960 руб. в год [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1990, л. 5].

Во время визита министра народного просвещения Л. А. Кассо в Екатеринбург летом 1914 г. городской голова А. Е. Обухов представил ему городское ходатайство. Министр высказался за желательность введения во 2-м высшем начальном училище немецкого языка, на что обещал выделить 500 руб., вопрос же о преподавании французского языка отнес на решение педагогического совета училища [Там же, л. 183 об.]. Педагоги сочли необходимым ввести в образовательный курс изучение и французского, и немецкого языков, так как они преподавались в мужской гимназии и реальном училище, и знание этих языков позволило бы воспитанникам училища поступить в средние учебные заведения. Выполнение этого решения, однако, затянулось — из-за осложнившихся с началом мировой войны финансовых условий обещанные казенные ассигнования были задержаны. Об этом свидетельствует отчет о деятельности 2-го высшего начального училища за 1915 г., в котором нет никаких сведений о преподавании иностранных языков. Согласно отчету, в основных классах учебного заведения в это время работали три учителя общеобразовательных предметов (Н. П. Долгушин, Н. Я. Ложкин и А. И. Пушкина), законоучитель (протоиерей П. И. Протопопов) и преподаватель графических искусств (известный в будущем уральский художник И. К. Слюсарев). В параллельных отделениях училища, в качестве сверхштатных, числились два учителя общеобразовательных предметов (М. М. Широков и Н. И. Мотрохин), законоучитель (священник А. Д. Вышегородский) и преподаватель графических искусств (А. М. Иванов). С сентября 1915 г. временно исполнял обязанности учителя, вместо мобилизованных на войну Н. Я. Ложкина и Н. И. Мотрохина, выпускник Петроградского университета А. Н. Макеев. Все штатные преподаватели училища содержались за счет казны, сверхштатные — из городских и земских средств.

Изучение иностранных языков во 2-м высшем начальном училище началось лишь в 1916 г. В журнале думского заседания от 31 июня 1916 г. сообщалось, что в смету городских расходов на вторую половину года были внесены 755 руб. для оплаты учителей иностранных языков [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1992, л. 428]. На этом же заседании было зачитано ходатайство инспектора 1-го высшего начального училища И. И. Иванова о включении в программу учебного заведения английского языка. Инспектор писал: «Война кончится, и с Англией неминуемо усилятся торговые и иные сношения. Переживаемые события и заботы о будущем настоятельно указывают на необходимость изыскать все средства, чтобы нарождающееся усиленное сближение с могущественной союзницей нашей Англией для русского народа дало наиболее плодотворные результаты. К таким средствам нельзя не отнести изучения нашей молодежью, готовящейся к практической жизни, английского языка. Нет сомнения, что в Екатеринбурге, как в столице Урала, по окончании войны откроется целый ряд английских

контор, для которых потребуется кадр служащих с знанием английского языка» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1992, л. 430]. Гласные согласились с этим мнением. Большую дискуссию, однако, вызвало предложение инспектора сделать английский язык предметом, обязательным для изучения. Известный общественный деятель, председатель уездной земской управы А. М. Симонов высказался за необязательность предмета, так как «ребятам он не дастся легко» [Там же]. Симонов привел успешный пример работы курсов по преподаванию английского языка в Кыштымском заводе, но подчеркнул, что там его изучали люди взрослые, сознательные и «заинтересованные перспективой хороших окладов» [Там же]. С этим мнением согласились и другие «думцы», известные активным участием в общественно-просветительской работе: Д. М. Веселов, Г. А. Олесов, священник Ф. Коровин. Решающим стало заявление инспектора 2-го высшего начального училища А. И. Семенова о том, что иностранные языки в высших начальных училищах нельзя делать обязательными, так как придется увольнять учеников, которые по семейным обстоятельствам или «ввиду слабых способностей» не в силах будут освоить сложные предметы. Он предложил дать право педагогическим советам училищ освобождать от изучения иностранных языков слабоуспевающих учеников для того, чтобы те имели возможность полностью окончить курс учебных заведений. Городская дума признала мнение высказавшихся гласных и постановила сделать изучение иностранных языков обязательным для высших начальных училищ, но необязательным для учеников. Для введения английского языка в 1-м высшем начальном училище дума выделила из городских средств 100 рублей на вторую половину 1916 г. и поручила управе направить ходатайство в министерство о финансировании вводимого предмета. Помимо того, думские гласные прислушались к предложению В. П. Аничкова о том, что оба училища могли бы открыть двери для взаимного посещения уроков иностранных языков: английского — в 1-м училище, немецкого и французского — во 2-м. Инспекторам высших начальных училищ поручили составить такое расписание, которое дало бы ученикам такую возможность [Там же, л. 431 об.].

Согласно отчету 2-го высшего начального училища, в 1915 г. в нем действовали четыре основных класса и два параллельных отделения — при втором и третьем классах. В них обучались 238 воспитанников. Подробных сведений о составе учащихся 1-го высшего начального училища нам найти не удалось. В журналах Екатеринбургской городской думы есть лишь упоминание о том, что в 1914 г. в этом учебном заведении числилось около 200 человек [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1990, л. 72 об.].

подавляющее большинство учащихся, как свидетельствуют данные табл. 1, принадлежали к городским низам. Дети мещан и крестьян составляли 94,5 % воспитанников. Во 2-м высшем начальном училище обучались дети разных вероисповеданий, преобладали же выходцы из православных семей (94,5 %).

Обучение в высшем начальном училище было платным. В 1915 г. годовая стоимость обучения для каждого ученика составляла 10 руб. Эти специальные средства (оплата за обучение) составляли лишь 14 % всех ассигнований

на содержание училища. Основные училищные расходы несли казна, уездное земство и городское общество (см. табл. 3).

Таблица 1

**Численность и состав (по происхождению) учащихся
Екатеринбургского 2-го высшего начального училища в 1915 г.***

Состав учащихся						Общее кол-во учащихся
Потомственные дворяне	Личные дворяне и чиновники	Духовенство	Почетные граждане и купцы	Мещане	Крестьяне	
1	8	1	3	86	139	238

* Сост. по: Журнал экстренного заседания Екатеринбургской городской думы за 25 октября 1916 г. [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1992, л. 747 об.].

Таблица 2

**Численность и состав (по вероисповеданию) учащихся
Екатеринбургского 2-го высшего начального училища в 1915 г.***

Состав учащихся						Общее кол-во учащихся
Православные	Католики	Старообрядцы	Единоверцы	Иудеи	Мусульмане	
225	1	5	3	3	1	238

* Сост. по: Журнал экстренного заседания Екатеринбургской городской думы за 25 октября 1916 г. [Там же].

Таблица 3

**Ассигнования на содержание
Екатеринбургского 2-го высшего начального училища в 1915 г.***

Источник финансирования	Кол-во израсходованных средств, руб.	Доля израсходованных средств
Государственное казначейство	6 871,50	55,3 %
Городское общество	2 803,00	22,6 %
Екатеринбургское уездное земство	1 050,00	8,4 %
Оплата за обучение	1 702,12	13,7 %
ИТОГО	12 427,12	100,0 %

* Сост. по: Журнал экстренного заседания Екатеринбургской городской думы за 25 октября 1916 г. [Там же].

Количество учащихся высших начальных училищ было существенно меньше количества желающих получить семилетнее образование. Вопрос о доступности начального образования повышенного типа в стране попытался решить либеральный политик, бывший «земец» П. Н. Игнатъев, пришедший в январе 1915 г. на смену министру народного просвещения М. А. Таубе. Игнатъев разработал обширный проект преобразования российской школьной системы, затрагивавший и начальную школу. Городской голова Екатеринбурга А. Е. Обухов на заседании Городской думы 29 мая 1915 г. передал гласным те сведения, которые он получил от попечителя Оренбургского учебного округа Н. И. Тихомирова. Попечитель сообщал в своем отношении, что министерство планирует создать особую сеть высших начальных училищ и осуществить работы по введению ее в действие в течение десяти лет. Для реализации этих планов он предлагал, по образцу прежних работ по составлению школьных сетей из начальных народных школ, предварительно собрать уездные и губернские совещания из окружных инспекторов, директоров народных училищ, представителей городских и земских учреждений и других лиц. Н. И. Тихомиров просил Екатеринбургское городское управление указать ему тех «местных деятелей, близко знающих местные нужды и условия жизни населения» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1991, л. 245 об.], которых городские власти желали бы видеть на этом совещании. Городская дума единогласно выбрала своим представителем К. М. Гавриленко. Присяжный поверенный, юрисконсульт Екатеринбургского городского самоуправления Константин Михайлович Гавриленко был известен в городе как благотворитель, сторонник либеральных взглядов. Он входил в попечительный совет 2-го высшего начального училища и хорошо знал проблемы преобразованных учебных заведений.

На совещании, которое состоялось в Екатеринбурге 12 ноября 1915 г., К. М. Гавриленко осветил те проблемы, с которыми столкнулся город при расширении потребности в начальном образовании повышенного типа. Гласный сообщил, что в Екатеринбурге действуют четыре высших училища (школа железнодорожного ведомства, образцовая школа при учительском институте, два высших начальных училища), но они не дают возможности получить образование всем желающим. В 1915 г. из-за недостатка мест 1-е высшее начальное училище отказало в приеме на обучение 90 ребятам, 2-е училище — 118. Совещание признало эту ситуацию нежелательной и предложило включить в сеть высших начальных училищ города в течение 10 лет пять новых начальных учебных заведений повышенного типа [Там же, л. 612 об.]. 13 ноября 1915 г. К. М. Гавриленко доложил Городской думе об итогах работы совещания и представил в табличной форме перспективы расширения школьной сети в Екатеринбурге (см. табл. 4).

Городская дума поблагодарила Константина Михайловича за работу в уездном совещании и поручила городской управе возбудить ходатайство перед Министерством народного просвещения об осуществлении намеченных работ по созданию сети высших начальных училищ. Реализовать эти планы, однако, городское управление не смогло. После увольнения в декабре 1916 г. министра народного просвещения П. Н. Игнатъева почти все его реформы были свернуты.

У городских властей хватило средств на организацию лишь одного начального учебного заведения повышенного типа. 3-е высшее начальное училище было открыто в Екатеринбурге в октябре 1917 г. [Бахтина, Попов, с. 127].

Таблица 4

План развития школьной сети в Екатеринбурге на 1915–1920 гг.*

Годы	Кол-во низших начальных школ	Кол-во выпускников низших начальных школ, чел.	Кол-во высших начальных училищ	Численность учащихся, поступающих в высшие начальные училища, чел.
1915	12	300	3	150
1916	14	350	3	150
1917	15	375	4	200
1918	16	400	5	250
1919	16	400	6	300
1920	20	500	7	350

* Сост. по: Журнал очередного заседания Екатеринбургской городской думы за 13 ноября 1915 г. [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1991, л. 614].

Особый интерес у екатеринбургских властей вызвала возможность использовать казенные средства для создания в городе курсов дополнительного технического обучения. Согласно указу от 25 июня 1912 г., Министерство народного просвещения имело право отпускать на содержание профессиональных классов при высших начальных училищах по 2 100 руб. в год при одной специальности и по 2 500 руб. в год при двух специальностях. 23 декабря 1913 г. на заседании Городской думы была создана специальная комиссия «для выяснения вопроса о том, каких специальностей должны быть, по местным условиям, профессиональные классы при городских училищах Екатеринбурга» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1990, л. 3]. Комиссия предложила организовать одногодичное обучение в счетоводном классе при 1-м городском училище и на чертежно-строительных курсах — при 2-м. 10 января 1914 г. эти предложения были утверждены на заседании Городской думы. Управа попросила Министерство народного просвещения и уездное земство выдать необходимые пособия для работы создаваемых курсов.

Городское ходатайство, однако, задержалось в министерстве больше, чем на год. В сентябре 1915 г. выяснилось, что при проектировании счетоводного класса при 1-м высшем начальном училище необходимо было «соблюсти требования специальных руководящих указаний по организации бухгалтерских классов» [Там же]. Согласно этим требованиям, для получения удовлетворительных знаний по бухгалтерии необходимы были не одногодичные, а двухгодичные курсы. Городская управа вынуждена была отправить проект и смету дополнительного класса 1-го высшего начального училища на переработку. 13 октября 1915 г. на специальном совещании, собранном управой для обсуждения вопроса

о создающихся профессиональных курсах, руководитель 1-го высшего начального училища И. И. Иванов предложил полностью поменять направление их работы. Он заявил, что в условиях войны городу необходимы не бухгалтерские, а химико-технические или электротехнические курсы, способные подготовить «сотрудников нашей возрождающейся промышленности, которая твердо решила сбросить с себя тяжелую германскую опеку» [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1991, л. 573]. Это предложение поддержал председатель химической секции Екатеринбургского комитета военно-технической помощи В. А. Кенигсон. Он описал тяжелое положение, в котором оказалась после начала войны российская промышленность, лишенная поступающих ранее из Германии «простейших химических продуктов» [Там же]. После консультаций с членами комитета военно-технической помощи управа подготовила и вынесла на обсуждение в Городскую думу доклад о необходимости создания в городе химико-технических курсов.

На думском заседании 12 ноября 1915 г. предложение управы встретило лишь одно возражение — от присяжного поверенного Д. М. Веселова. Он был убежден в том, что создаваемые курсы «едва ли принесут пользу» [Там же], так как их воспитанники не будут иметь спроса — в стране не развита химическая промышленность, и даже химики со средним образованием работают по акцизу. Вопреки этому мнению, дума решила организовать в городе двухгодичные химико-технические курсы с двумя отделениями: по обработке неорганических материалов и органических веществ [Там же, л. 582]. Курсы начали работать при 1-м высшем начальном училище 1 сентября 1916 г. Средства на их оборудование и содержание были выделены от Министерства народного просвещения, уездного земства и города (см. табл. 5).

Таблица 5

Ассигнования на оборудование и содержание химико-технических курсов при 1-м высшем начальном училище в 1916 г.*

Источник финансирования	Кол-во выделенных средств, руб.	Доля выделенных средств
Министерство народного просвещения:		
— на оборудование	5 000,00	46,7 %
— на содержание	2 500,00	23,4 %
Екатеринбургское уездное земство:		
— на оборудование	1 100,00	10,3 %
— на содержание	750,00	7,0 %
Екатеринбургское городское общество:		
— на содержание	2 100,00	19,6 %
ИТОГО	11 450,00	100,0 %

* Сост. по: Журнал очередного заседания Екатеринбургской городской думы за 3 мая 1916 г. [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1992, л. 324 об.].

Согласно «Положению о химико-технических курсах», они принимали на обучение в каждое отделение по 30 учащихся мужского и женского пола всех сословий и вероисповеданий, имевших аттестат об окончании курса высших начальных училищ и других равных им по программам учебных заведений. Возраст воспитанников не должен был превышать 19 лет. Теоретическая часть обучения включала следующие дисциплины: химия (неорганическая, органическая, аналитическая), прикладная минералогия, черчение, дополнительные к курсу высших начальных училищ сведения по физике, краткие сведения по электротехнике, сведения о технологии топлива, устройстве машин, технологии изготовления минеральных солей и кислот, металлургии, технологии получения соды, минеральных красок, вяжущих веществ, цемента, глины, стекла, технологии органических веществ (сухая перегонка дерева), мыловарения, обработки кожи и отбросов, о первой помощи при несчастных случаях. Теоретические занятия длились с 1 сентября по 1 мая, затем слушатели курсов отправлялись на казенные и частные фабрики и заводы для прохождения практики [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1992, л. 325–328].

Работа чертежно-строительных курсов при 2-м высшем начальном училище началась 8 ноября 1915 г. Условия их деятельности в течение первого учебного года подробно отражены в отчете, составленном инспектором училища А. И. Семеновым [Отчет...]. Согласно данным, приведенным в этом документе, обучение слушателей на курсах было бесплатным. Все расходы по их содержанию брали на себя казна и городское общество. Положение о чертежно-строительных курсах предусматривало прием на обучение 30 учащихся мужского и женского пола в возрасте не старше 19 лет с уровнем знаний, соответствующим высшему начальному училищу. На первый курс в 1915 г. поступили 20 юношей и 1 девушка. Почти все учащиеся были православными (75 %), выходцами из семей мещан, цеховых ремесленников и крестьян (95 %) [Отчет..., с. 12].

Учебная программа чертежно-строительных курсов была достаточно объемной. Она включала следующие предметы: химия, специальное законоведение, гражданская архитектура, теория архитектурных ордеров и форм, составление проектов по архитектуре и строительному искусству «в применении к зданиям и дорожным сооружениям», черчение (техническое, архитектурное, ситуационное, инженерное), рисование, отопление и вентиляция, технология строительных материалов, дополнительные к курсу высших начальных училищ сведения по алгебре, тригонометрии, физике, краткие сведения по электротехнике, сведения о строительном искусстве, строительстве мостов, дорог, мостовых, водопроводов и канализации, элементарные сведения из практической и строительной механики, составление смет, каллиграфия (надписи на планах), геодезия, первая помощь при несчастных случаях. Высокий уровень подготовки слушателей обеспечивали привлекавшиеся к преподавательской деятельности специалисты-практики [Там же, с. 10]. Инспектор А. И. Семенов докладывал Городской думе 16 августа 1916 г. о том, что на курсах преподают 12 инженеров, занимающихся

видное общественное положение [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1992, л. 626 об.]. Среди них можно отметить инженеров путей сообщения Н. А. Врангеля, В. Г. Евреинова, С. В. Поплавского, инженера-технолога П. П. Вязельщикова, горного инженера К. Н. Петрова, гражданского инженера И. М. Питона, инженеров-строителей Е. И. Рыбакова, В. В. Сергеева, Ф. Ф. Холодилова. Большой преподавательский опыт на курсах получил основатель архитектурной школы Урала Константин Трофимович Бабыкин. Молодой инженер-строитель, начальник 13-го участка службы пути Пермской железной дороги давал учащимся знания по гражданской архитектуре, теории архитектурных ордеров и форм и архитектурному проектированию.

Рост контингента учащихся высших начальных училищ поставил перед городскими властями вопрос о расширении площадей учебных заведений. Особые трудности представляла реконструкция здания 1-го высшего начального училища, располагавшегося по адресу Механическая улица, 6 (ныне улица Максима Горького). Министерство народного просвещения, которому принадлежало здание училища и его усадьба, решило ассигновать средства на перестройку учебного заведения, но получило протест от владельца соседнего участка — Кабинета Его Императорского Величества. Кабинет не соглашался с проведением строительных работ на южной меже земельного участка. Попечитель Оренбургского учебного округа, в порядке частной инициативы, обратился к Екатеринбургскому городскому управлению с предложением обменять усадьбу 1-го высшего начального училища на свободный участок городской земли для того, чтобы можно было построить более обширное училищное здание. Это предложение нашло понимание у думских гласных. На заседании 27 февраля 1914 г. они решили выделить училищу 1 500 кв. саженей городской земли в районе Щепной площади с компенсацией казне 12 тыс. руб. за уступленное ею в пользу города здание и постройки [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1990, л. 72–73]. Это решение, однако, осталось в планах, с началом войны городу пришлось решать иные задачи.

Не было осуществлено и постановление Городской думы от 27 февраля 1914 г. об обмене помещениями 2-го высшего начального училища и 12-й и 15-й начальных народных школ [Сборник постановлений..., с. 38]. 2-е высшее начальное училище располагалось в здании на улице Уктусской, 43 (ныне улица 8 Марта), для размещения начальных народных школ было построено довольно просторное помещение на Вознесенском проспекте. С началом войны во многих начальных народных школах были расквартированы солдаты, а здание на Вознесенском проспекте отдали под общественный лазарет. По решению думы, для того чтобы не прерывать занятия школьников, учебные заведения перевели на съемные квартиры [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1990, л. 297 об.–298]. Потеснили и высшие начальные училища. Инспектор А. И. Семенов сообщал о том, что с сентября 1914 г. в подведомственном ему учебном заведении занимались учащиеся двух школ: 2-е высшее начальное училище занимало учебные помещения с 8:00 до 12:00, Тихвинская народная школа в составе шести отделений — с 13:00

до 18:00. В зимние месяцы занятия приходилось вести при электрическом освещении [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1992, л. 747 об.].

Несмотря на необходимость решения ряда чрезвычайных проблем, вызванных войной, Городская дума уделяла значительное внимание деятельности профессиональных курсов при высших начальных училищах. Думские гласные считали их создание первым шагом к организации в Екатеринбургe политехнического училища. Этот вопрос не сходил с повестки дня даже в условиях частой смены власти (Временное правительство, советская власть, Уральское областное временное правительство, Всероссийское правительство А. В. Колчака). 27 мая 1919 г. на заседании Городской думы был заслушан доклад комиссии по техническому и профессиональному образованию об открытии в Екатеринбургe среднетехнического учебного заведения с семью отделениями: строительным, химико-техническим, горным, механико-электротехническим, экономическим и лесным. Решено было ежегодно, в течение двух лет (1919–1920), ассигновать из средств города на устройство и оборудование политехнического училища по 150 тыс. руб. [ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1995, л. 297]. Через два месяца, в июле 1919 г., власть в городе перешла к большевикам, и Екатеринбургская городская дума прекратила работу. Новые органы управления отказались от многих решений прежних правительств, но постарались сохранить созданный в дореволюционный период образовательный потенциал города.

Приведенные в статье материалы свидетельствуют о том, что в начале XX в. городские органы самоуправления являлись активным актором образовательных реформ. Высокий уровень самоорганизации общества и культурный опыт городских элит позволили екатеринбургским властям привлечь государственные средства для преобразования городских училищ и создания при них профессионально-технических курсов. Деятельность городских властей в сфере образования Екатеринбургa не прекращалась и в годы Первой мировой войны. Создание курсов было определенным ответом на вызовы, которые встали перед городом и страной в то сложное время. Химико-технические курсы заложили основу Уральской школы инженеров-химиков. Чертежно-строительные курсы дали начало специальному строительному и архитектурному образованию.

Источники

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1990, 1991, 1992, 1995.

Отчет о состоянии чертежно-строительных курсов при Екатеринбургском 2-м высшем начальном училище за 1915–1916 учебный год (Первый год существования училища). Екатеринбург, 1917.

ПСЗ-III — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е : в 33 т. СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. XXXII.

Сборник постановлений Екатеринбургской городской думы за 1914 год. Екатеринбург, 1915.

Исследования

Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016.

Бахтина И. Л., Попов М. В. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы российской революции (февраль 1917 — июнь 1918 гг.) // Педагогическое образование в России. 2016. № 9. С. 123–135.

Благотворительность на Урале / отв. ред. Ю. А. Дорохов. Екатеринбург : СВ-96, 2001.

Днепров Э. Д. Российское образование в XIX — начале XX века. М. : Мариос, 2011.

Екатеринбургская городская дума. 225 лет: история и современность / отв. ред. А. М. Букин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012.

Зубков И. В. Система начальных и средних учебных заведений в России (1890–1916 годы) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы) : сб. ст. / ред. А. Т. Дмитриев. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 88–149.

Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские словесные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX — начало XX в.). Екатеринбург : УрО РАН, 2008.

Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: очерки городского быта. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2014.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX — начало XX в. / отв. ред. Э. Д. Днепров. М. : Педагогика, 1991.

Поздняков А. Н. Власть, общество и школьные реформы в России (конец XIX — начало XXI веков). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005.

Сысоева Е. К. Школа в городе // Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX века. Т. 1 : Общественно-культурная среда. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 78–156.

References

Bakhtina, I. L., & Popov, M. V. (2016). *Obshcheobrazovatel'nye shkoly i uchitel'stvo Ekaterinburga v gody rossiiskoi revoliutsii (fevral' 1917 — iun' 1918 gg.)* [Comprehensive Schools and Teachers in Ekaterinburg During the Years of the Russian Revolution (February 1917 — June 1918)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 9, 123–135.

Bukin, A. M. (Ed.). (2012). *Ekaterinburgskaia gorodskaia дума. 225 let: istoriia i sovremennost'* [Ekaterinburg City Duma. 225 Years: History and Modernity]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii.

Dneprov, E. D. (2011). *Rossiiskoe obrazovanie v XIX — nachale XX veka* [Russian Education in the 19th — Early 20th Centuries]. Moscow: Marios.

Dneprov, E. D. (Ed.). (1991). *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR. Konets XIX — nachalo XX v.* [Essays on the History of School and Pedagogical Thought of the Peoples of the USSR. Late 19th — Early 20th Centuries]. Moscow: Pedagogika.

Dorokhov, Yu. A. (Ed.). (2001). *Blagotvoritel'nost' na Urale* [Charity in the Urals]. Ekaterinburg: SV-96.

Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2008). *Formirovanie grazhdanskogo obshchestva: gorodskie soslovnye korporatsii i obshchestvennyye organizatsii na Srednem Urale (vtoraiia polovina XIX — nachalo XX v.)* [Formation of Civil Society: Urban Class Corporations and Public Organisations in the Middle Urals (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. Ekaterinburg: UrO RAN.

Mikityuk, V. P., & Yakhno, O. N. (2014). *Povsednevnaia zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX–XX vekov: ocherki gorodskogo byta* [Everyday Life of Ekaterinburg at the Turn of the 20th Century: Essays on Urban Life]. Ekaterinburg: AMB.

Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2016). *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian Imperial Modernisation (18th – Early 20th Centuries): Regional Dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii.

Pozdnyakov, A. N. (2005). *Vlast', obshchestvo i shkol'nye reformy v Rossii (konets XIX – nachalo XXI vekov)* [Power, Society and School Reforms in Russia (Late 19th – Early 21st Centuries)]. Saratov: Saratov University Press.

Sysoeva, E. K. (2011). Shkola v gorode [School in the City]. In *Ocherki russkoi kul'tury. Konets XIX – nachalo XX veka. T. 1: Obshchestvenno-kul'turnaia sreda* [Essays on Russian Culture. Late 19th – Early 20th Centuries. Vol. 1: Social and Cultural Environment] (pp. 78–156). Moscow: Moscow University Press.

Zubkov, I. V. (2012). Sistema nachal'nykh i srednikh uchebnykh zavedenii v Rossii (1890–1916 gody) [The System of Primary and Secondary Educational Institutions in Russia (1890–1916)]. In A. T. Dmitriev (Ed.), *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody): sbornik statei* [Schedule of Changes. Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire – USSR (Late 1880s – 1930s): Collection of Articles] (pp. 88–149). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Дашкевич Людмила Александровна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра методологии и историографии
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: ldash54@mail.ru

Dashkevich, Liudmila Aleksandrovna

Dr. Hab. (History)
Leading Researcher
Centre for Methodology and Historiography
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya St.,
620990 Ekaterinburg, Russia
Email: ldash54@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7634-2478>
Scopus AuthorID: 57195678022

ВЫСШАЯ ШКОЛА И НАУКА В СССР HIGHER SCHOOL AND SCIENCE IN THE USSR

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.008
УДК 001.32(470) + 001.8 + 061.6(470) +
+ 331.222 + 331.024 + 331.108.5

Е. А. Долгова
*Российский государственный
гуманитарный университет*
Москва, Россия

КАК ПЛАТИЛИ УЧЕНЫМ: ДИНАМИКА И ПРИОРИТЕТЫ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье характеризуется динамика оплаты труда в сфере науки на протяжении советского периода. Выдвигается гипотеза, что изменения заработной платы, закрепленные в нормативных документах, отражают долговременные тенденции научной политики и осознанные решения власти по распределению ресурсов между различными группами (квалификационными, территориальными, представителями академической, вузовской, отраслевой науки и т. п.). Характеризуя изменения, автор приходит к следующим выводам: 1) в советской науке доминировала линия не на индивидуальное поощрение конкретного научного работника, а на поддержку научных коллективов, аффилированных с сектором (академический, вузовский, отраслевой) и конкретной организацией (в зависимости от присвоенной научной категории); 2) процессы стратификации советского научного сообщества носили скрытый характер и предполагали отсутствие конкурентного распределения ресурсов — периодические попытки стимулирования индивидуальной эффективности ученых имели «наказующий», а не «поощрительный» характер; 3) регулирование заработной платы оказывалось не вполне эффективным инструментом научной политики в условиях несовпадения реальной и номинальной заработной платы в сфере науки, инфляционных процессов, разницы товарной стоимости рубля для различных групп, непрозрачности советской экономики. В этом отношении оценка принципа материального стимулирования труда в науке должна носить комплексный характер, учитывать весь спектр практик не только финансового, но и социально-бытового обеспечения науки. Исследование построено на широком круге источников из фондов Государственного

архива Российской Федерации и Российского государственного архива новейшей истории, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская наука; научные работники; оплата труда; сектор науки; тарифы; оклад; стратификация

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-78-10095-П «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Ц и т и р о в а н и е: *Долгова Е. А.* Как платили ученым: динамика и приоритеты советской научной политики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 120–137. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.008>

Поступила в редакцию: 18.02.2024

Принята к печати: 17.04.2024

Evgeniya A. Dolgova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

SALARIES IN SCIENCE: DYNAMICS AND PRIORITIES OF SOVIET POLICY

This article characterises the salary changes in the field of science during the Soviet period. The author puts forward a hypothesis that the changes in salaries fixed in regulatory documents reflect long-term trends in science policy and conscious decisions of the authorities to distribute resources between different groups (qualification, territorial, representatives of academic, university, and branch science, etc.). Characterising changes in salaries, the author concludes that 1) in Soviet science, the dominant line was not the individual economic motivation of a researcher, but the support of research teams affiliated with the sector (academic, university, branch science) or particular organisation; 2) the processes of stratification of the Soviet scientific community were of a hidden nature, implying the absence of a competitive distribution of resources, i. e. attempts to stimulate the individual efficiency of scientists were of a “punitive” rather than “incentive” nature; 3) wage regulation was an ineffective tool of scientific policy in conditions of the discrepancy between real and nominal wages in the field of science, inflationary processes, differences in the commodity value of the rouble for different groups, and the lack of transparency in the Soviet economy. In this respect, the assessment of the principle of material incentives for labour in science should be of a comprehensive nature, taking into account the whole range of practices of both financial and social and welfare support of science. The study draws upon a wide range of sources from the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Archive of Contemporary History, including those introduced into the academic circulation for the first time.

Key words: Soviet science; academic staff; remuneration; academia; tariffs; salary; stratification

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the *Russian Science Foundation* grant 20-78-10095-П “Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organisational and Management Practices (1920s–1970s)”.

For citation: Dolgova, E. A. (2025). Kak platili uchenym: dinamika i priorityety sovetской nauchnoy politiki [Salaries in Science: Dynamics and Priorities of Soviet Policy]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 120–137. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.008>

Submitted: 18.02.2024

Accepted: 17.04.2024

Материальное вознаграждение не имеет определяющего значения для ученого, однако показывает приоритеты научной политики на том или ином этапе исторического развития страны. В СССР сложилась особая система материального стимулирования научного труда, основанная на внешне декларируемом принципе эгалитаризма и скрытых иерархических процессах внутри научного сообщества. В основе поощрительных, стратификационных, контролирующих практик советской модели управления наукой лежал наряду с мощными внеэкономическими стимулами доступ к социально-бытовому обеспечению ученых, одним же из ее инструментов была оплата их труда.

Анализируя нормативные документы по изменению заработной платы в сфере науки, важно учитывать непрозрачность советских экономических отношений. В стране строившегося, а потом и «победившего» социализма оклады трудящихся не могли радикально дифференцироваться. Однако в делопроизводственных документах отмечалось, что по сути институты жили на два «бюджета»: госбюджет и хоздоговор [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 144, л. 31]. Доход советского ученого не состоял лишь из его оклада, а включал ряд дополнительных выплат — стимулирующих, доплат за выполнение хоздоговорных работ, доплат (иногда существенных) за выполнение работ по «специальной тематике» из средств, выделяемых целевым назначением. Второе, что нужно учитывать, — влияние экономики: инфляционных процессов, допускающих разрыв между номинальной и реальной заработной платой. Наконец, дифференциация зарплат в полной мере не отражала неравенства в доходах. Товарное наполнение рубля (доступ к ассортименту товаров и услуг) было обусловлено различиями должности, места работы, прописки, занятости в той или иной отрасли хозяйства [Водичев, с. 66, 70]. В этом отношении говорить о сколько-нибудь достоверной реконструкции материального состояния советского ученого без анализа широкого социально-экономического контекста (как минимум, изучения рынка цен, сопоставления с бюджетами иных трудящихся групп) нельзя. Учитывая эти

ограничения, можно все же наметить ряд тенденций, характерных для различных периодов советской научной политики.

Тарифицировать и индексировать: к довоенному уровню

Ключевой задачей постреволюционного десятилетия стало восстановление довоенного уровня экономики (за условную дату был принят 1913 год), в том числе — уровня заработной платы различных профессиональных групп. За основу была принята тарифная система дифференциации заработной платы работников различных категорий, определенных в зависимости от сложности работ и требований к квалификации работников с помощью тарифных коэффициентов.

Нормы, установленные для научных работников и преподавателей, конкретизируют Положения об оплате труда служащих по учено-учебной части в ученых и научно-технических учреждениях, высших учебных заведениях, библиотеках, музеях и архивах РСФСР, принятые друг за другом (по причине инфляции) в 1918, 1919 и 1922 гг. Текст первых двух документов приводит любопытные формулировки квалификационных требований к должностям. Показательна их неформализованность: подчеркивался «опыт» (стаж, в том числе в качестве «помощника»), «специальные знания», «незаменимость», «недопустимость совместительств»¹. Эти характеристики — примета времени в условиях отмены в 1918 г. ученых степеней и званий, когда единственным критерием стала длительность профессионального стажа, также имели значение отзывы лиц и учреждений, известных своей научной репутацией.

Весной 1922 г. был разработан и утвержден новый тариф Союза работников просвещения: он разделял ученых на три большие группы: ученые-специалисты научных учреждений и преподаватели вузов (оплачивались по высшим 17–15 разрядам), научные работники (15–14 разряд), научно-технические сотрудники и высококвалифицированные техники (по 12–10 разрядам). По данным Л. В. Ивановой, ставки 17–15 разрядов устанавливались в 150, 125 и 85 руб. соответственно [Иванова, с. 189], однако и внутри группы были различия в коэффициенте выплат. Так, по учреждениям Наркомпроса самой высокой была заработная плата сотрудников Института красной профессуры (33 золотых руб. в мес., ноябрь 1922 г.), далее с большим отрывом шли комвузы (11 золотых руб. в мес.), сотрудники Академцентра, вузы и другие учреждения Главпрофобра получали 6,5 и 6 золотых руб. в мес. соответственно [Там же, с. 191].

¹ К последнему было особенно негативное отношение ввиду возможного дублирования пайков и выплат: «Профессоры, состоящие на службе одновременно в нескольких учреждениях либо занимающие в одном высшем учебном заведении несколько должностей, получали штатное вознаграждение лишь по одной должности, предоставив заявление администрации учреждения с указанием должности, за которую они желали получать содержание» [Декрет 1918].

Вопрос материального обеспечения научных работников приобрел особую остроту в середине 1920-х гг., когда по итогам НЭПа произошло подорожание цен на свободном рынке. Весной 1924 г. Цекпрос и СНР провели обследование зарплаты в вузах. Оно показало, что по сравнению с учителями, получавшими 75 % довоенной зарплаты, профессора и преподаватели имели только 2 % [Сергиевский, с. 176–177, 179]. Средний оклад преподавателя составлял в Москве 100 руб. в мес., а в Ленинграде — 85 руб. По представлению Секции научных работников, в 1924 г. Совнарком создал Комиссию «по вопросу об улучшении материального положения профессуры и квалифицированных научных работников» во главе с А. Д. Цюрупой [Шальнев]. Важным мероприятием стало проведенное в мае 1925 г. бюджетное обследование научных работников, показавшее глубокие процессы дифференциации внутри сообщества [Мазур, Долгова]. Его результаты показали, что уровень жизни дисциплинарных, квалификационных, а также региональных (столичных, республиканских, провинциальных групп) отличался [Канчеев, 1927]. Так, проблематичным было приведение местных выплат в соответствие с общереспубликанскими тарифами (доходило до участия представителей местных секций научных работников в расценочно-конфликтных комиссиях по месту трудоустройства) [Канчеев, 1925]. Это неудивительно: местные бюджеты зачастую базировались на дотациях союзного Совнаркома, однако были вынуждены выполнять требования общетарифной политики.

По итогам обследования уровня жизни научных работников СНК СССР было принято решение повысить с 1 декабря 1925 г. ставки для профессоров вузов с 80 до 100 руб. в мес., работников научных организаций — до 80 руб. [Иванова, с. 194]. 25 июня 1927 г. газета «Известия» сообщила о решении СНК РСФСР «повысить зарплату профессорам вузов до 140 руб., а научным работникам в системе Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомзема на 15–30 %» (так. — Е. Д.) [Известия ЦИК СССР, 1927, 25 июня]. На II Всероссийском съезде научных работников сообщалось, что в 1927 г. зарплата профессора и научного работника составляла в среднем 200 червонных руб. (против 182 руб. в 1925 г.), что было равно 45 % довоенной [Канчеев, 1927, с. 30]. Наркомпросу поручалось приступить к разработке «твердой системы штатных должностей» в вузах и научных учреждениях — штатное расписание было введено в системе Главнауки с 1 июня 1924 г., а в учреждениях Главпрофобра (в вузах) — с 1927 г. [Иванова, с. 192–193].

Однако, несмотря на индексацию заработной платы и популяризацию властных решений по ее повышению в периодике, ученый в 1920-е гг. ощущал свое материальное неблагополучие. В письме профессора с уникальным сочетанием научных интересов — химика и историка искусства В. Я. Курбатова к Н. П. Горбунову² (1927) отмечалось:

² По просьбе Куйбышева было подготовлено для печати в газете «Правда» под названием «Необходимое условие расцвета науки в России». — *Прим. авт.*

...вопрос наиболее долгого использования наличного кадра... положение их сейчас почти катастрофическое, если данный ученый является заметной величиной. Как профессор он получает всего 110–140 руб., на что, конечно, ни одинокий, ни тем более семейный профессор жить не может. Поэтому ему приходится искать совместительство или побочных занятий в виде участия в разных комиссиях, консультантства в трестах, на заводах и фабриках, в лучшем случае работы в научно-исследовательском институте. В результате $\frac{9}{10}$ рабочего времени уходит на переезды со службы на службу. Нет времени ни прочесть новую книгу, ни обдумать новую теорию, ни написать статью или книгу. Положение, действительно, угрожает быстрым выбытием из строя наиболее ценных профессоров... и триста рублей жалования еще не устроят профессора ввиду целого ряда расходов, которых нет у рядового обывателя, например, покупка книг³, оплата перевода научных работ для помещения в иностранных журналах. Важно лишь то, чтобы по своему основному месту службы он был бы обеспечен своим прожиточным минимумом и чтобы тот ученый, который увлечен наукой, мог оставить все дополнительные заработки и работать только в своей лаборатории или своем кабинете [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 11–11 об.].

Опыт совместительства был: «...немало ученых, которые уже в 1918–1920 годах читали лекции в клубах, на образовательных курсах, получая за лекцию фунт хлеба и две конфеты, а позже работали в общественных организациях, например, Авиохиме, не получая ничего как вознаграждение, не окупающее часы, отнятые у отдыха после двенадцатичасового трудового дня» [Там же, л. 13]. В ответ на прямой вопрос Н. П. Горбунова, «что нужно сделать, чтобы Академия наук заработала?» Курбатов писал, что «этот вопрос относится ко всей русской науке» — говоря о химии, он подчеркивал, что из-за высокой нагрузки одни ученые «остановились на науке 1900-х гг., другие — на науке 1915 г.»:

Практика показывает, что семейный ученый должен тратить 500–600 рублей... Инженеры за участие в разного рода комиссиях и консультирование в трестах, доктора благодаря частной практике, выдающиеся ученые, получающие персональные ставки, зарабатывают часто значительно больше 600 руб. (у нас в институте многие зарабатывают в трестах, на заводах, в Гипромезе, в Комиссиях по изобретениям выше 1000 руб.). Но каково не инженеру и не доктору, а теоретику, хотя бы и близкому к производству? [Там же, л. 15–15 об.].

Расставить приоритеты: к отраслевой дифференциации

«Производственный» фактор резко вышел на первый план в годы индустриализации. В соответствии с приоритетами государственной политики в 1930-е гг. была принята установка на приоритетную поддержку групп ученых, аффилированных с определенными секторами науки — прежде всего отраслевых

³ Далее в письме отмечалось: «профессор, если он действительно работает, то он не может не покупать новых книг по своей специальности... должен выписывать и покупать не менее двух зарубежных книг в месяц, то есть тратить 25–35 рублей, и это — из получаемых 125. Вот в чем катастрофа» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 13].

учреждений. Но зарплаты и внутри сектора оказались дифференцированы. Высокую заработную плату (по условиям контракта — до 1932 г. с обязательной валютной частью⁴) по типовым и индивидуальным трудовым соглашениям получали иностранные специалисты, в значительном числе приезжавшие в СССР в годы двух первых пятилеток [Ермушин, Беляев, с. 39]. Различия в оплате иноземцев и советских работников промышленности старались демпфировать, периодически повышая заработную плату последним.

Однако принятые решения о повышении окладов работников отраслевого сектора отзывались диспропорцией выплат с другими организациями. В обращениях тех лет отмечался дисбаланс между зарплатами академических и отраслевых учреждений — в письме химика, академика Л. В. Писаржевского описывалась конкуренция между учреждениями академического и отраслевого сектора в Днепропетровске и практики «сманивания» сотрудников — кроме повышенной заработной платы (для сравнения: ставка доктора наук, старшего научного сотрудника в промышленности была не менее 900 руб. в мес., а в академическом учреждении не превышала 350 руб. в мес. [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 20, ед. хр. 2493, л. 25]) в отраслевых учреждениях квалифицированные сотрудники получали и руководящие должности [Там же, л. 8]. О том, что «ставки жалования в Академии наук УССР необыкновенно низки» свидетельствовало и письмо В. М. Молотову Президента АН УССР А. А. Богомольца от 26 декабря 1936 г., инициированное повышением окладов действительным членам и членам-корреспондентам АН СССР осенью 1936 г. [Там же, л. 25–26]. В коллективном письме сотрудников Института химии УССР от 1 мая 1937 г. в газету «Правда» (месяцем ранее они писали в приемную В. М. Молотова и не получили ответа) отмечалось, что в системе Академии наук УССР, «объединяющей 25 научно-исследовательских учреждений с общим бюджетом на 1917 г. около 20 млн руб., существуют мизерные ставки оплаты труда сотрудников... особенно малы ставки лаборантов и младших научных сотрудников» [Там же, л. 11]. Подчеркивалось, что лаборанты, работавшие в академических институтах, «все — люди с высшим образованием и фактически... являются младшими научными сотрудниками» [Там же].

В 1936 г. Академия наук СССР обратилась с ходатайством о повышении заработной платы сотрудникам, мотивируя обращение существенным отставанием от ставок зарплаты научных работников ведомственных научно-исследовательских институтов: если директора НКТПрома получали оклады

⁴ Заработная плата иностранных специалистов состояла из рублевой фиксированной части и подвижной, постоянно корректировавшейся, валютной. В начале 1931 г. ВСНХ, под давлением Наркомата финансов, выпустил секретную «Инструкцию по приглашению в СССР из-за границы инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих», где валютные выплаты ограничивались 40 % оклада, а сам оклад должен был составлять не более 1 200 рублей, за исключением особых случаев. С 1932 г. даже для высококвалифицированных специалистов была ликвидирована валютная часть оплаты, которая компенсировалась высокой рублевой частью [Коньшева, с. 30].

в 2 тыс. руб., директора институтов Академии — менее 1 тыс. руб. [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 28]. Эта просьба была поддержана: с 1 января 1937 г. оклад действительного члена АН СССР составил 1 тыс. руб. в мес., члена-корреспондента — 500 руб. в мес.; предусматривались и персональные оклады особо выдающимся академиком (по утверждению СНК СССР) в размере 3 тыс. руб. в мес.; тогда же были повышены оклады научному и научно-техническому персоналу⁵. Вслед за окладами сотрудников Всесоюзной академии были увеличены оклады для научных работников и членов АН УССР (они были на 15–30 % ниже — за звание действительного академика 750 руб. в месяц, члена-корреспондента — 400 руб., персональные оклады составляли 2 тыс. и т. д.) [Там же, л. 30–31]. Внимание к просьбам академических учреждений в эти годы объяснялось перестройкой их работы (плановый, прикладной характер исследований), учреждением и расширением в ее структуре Отделения технических наук, рядом компромиссов, включая важнейший — перевод учреждений АН СССР из Ленинграда в Москву в 1934–1936 гг.

«Заслуженная награда»: к привилегиям работников науки

Курс на дифференциацию обеспечения различных секторов был продолжен и в послевоенный период, однако был смягчен общим повышением окладов работникам науки и улучшением материально-бытовых условий их жизни. Специальным Постановлением СНК СССР от 6 марта 1946 г. были серьезно повышены должностные оклады всем категориям научных работников — академических учреждений (АН СССР, отраслевых и республиканских академий, республиканских филиалов и баз — именно зарплаты этой группы работников были поставлены на первое место по уровню выплат); научных сотрудников научно-исследовательских институтов наркоматов и ведомств (союзного и республиканского подчинения)⁶; профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений (в зависимости от стажа). Индексация затронула все категории — от ассистентов и преподавателей до членов Президиума АН СССР. Постановлением выплаты впервые были дифференцированы в соответствии с ученой степенью, а также — последнее стало ключевым — административной

⁵ Для директоров — от 1 500 до 2 000 руб. в месяц, для руководителей лабораторий, отделов и секторов институтов — от 750 до 1 500 руб., для старших научных сотрудников и специальных аспирантов АН СССР — от 600 до 800 руб., для младших научных сотрудников — от 400 до 600 руб. в месяц, для научно-технических сотрудников — от 250 до 400 руб. [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 27].

⁶ Важнейшие научно-исследовательские институты наркоматов и ведомств по списку, утверждаемому СНК СССР, приравнивались в отношении окладов к научным учреждениям АН СССР. В их числе были Центральный аэрогидродинамический институт Министерства авиационной промышленности, Государственный оптический институт Министерства вооружения и Физико-химический институт Министерства химической промышленности [Там же, л. 43, 59].

позицией сотрудника. Дополнительно документ регулировал снабжение ученых работников промышленными и продовольственными товарами (их отпуск также определялся должностью, ученой степенью и ученым званием научного работника), жилищное строительство, выделение легковых автомобилей в личное пользование отдельным ученым — членам-корреспондентам и действительным членам АН СССР [Долгова; Пушкарёва]. Особое внимание в те годы уделялось экономическому и социально-бытовому обеспечению «закрытых» научных коллективов, учитывая «большую значимость и ответственность работ, особые режимные условия и ограниченность выезда» [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 69–70; об обеспечении см.: Мельникова]⁷. Улучшение материального положения ученых в 1940-е гг. легло в основу мифологемы «заслуженной награды», транслируемой в кинематографе и художественной литературе тех лет. Образ «здоровой зажиточности и бытового изобилия», подчеркивающий особый статус ученых и их привилегированное положение, обусловленное значением их труда, нашел отражение в экспортной комедии Г. В. Александрова «Весна» (1947), интерьерах фильма «Суд чести» (1948) и др. Неслучайно и героями этих фильмов, наслаждающихся заслуженным почетом, являются администраторы — директор Института Солнца при Академии наук СССР (Никитина), директор НИИ экспериментальной медицины Добротворский и т. д.

Улучшение обеспечения всех категорий ученых (оклады еще дважды повышались, к середине 1950-х гг. они увеличились в четыре раза по сравнению с 1938 г. [РГАНИ, ф. 5, оп. 29, ед. хр. 40, л. 122]) имело и иные, негативные, эффекты — увеличение численности сотрудников, привлеченных в науку исключительно материальными стимулами, усиление духа «стяжательства» в научном сообществе в целом. В аналитической записке заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС по подбору и распределению кадров в 1955 г. отмечалось: «среди научных и научно-педагогических работников появилось немало лиц случайных, примазавшихся к науке, которые ученую степень и звание рассматривают лишь как средство получения различных материальных выгод. Примитивная философия таких “научных работников” выражается в распространенном изречении: “Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан”» [Там же, л. 113]. Широкое распространение получило совместительство, на которое в 1940-е гг. «закрывали глаза»: в документах указывалось, что отдельные академики и члены-корреспонденты АН СССР, доктора и кандидаты занимали по 6–8 должностей в различных учреждениях [Там же, л. 153–154]⁸.

⁷ Проблемы в материальном обеспечении работников Атомного проекта начались после перевода его в состав Министерства среднего машиностроения: распоряжением Совмина от 17 ноября 1955 г. было отменено увеличение должностных окладов, за исключением 20 самых высококвалифицированных ученых. Снижена была зарплата и сотрудникам Научно-исследовательского института № 1011 на Урале [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 69–70].

⁸ Специальным решением Президиума АН СССР от 5 июля 1946 г. было установлено, что педагогическая работа академиков в *объеме полной нагрузки по одной штатной должности* не требовала особого разрешения [РГАНИ, ф. 5, оп. 35, ед. хр. 14, л. 52].

Совместителей укоряли в низкой научной результативности вследствие распыления усилий, неэффективной работе с аспирантами, препятствовании выдвижению молодых научных и научно-педагогических кадров на занимаемые совместителями позиции, монополизации отдельных научных отраслей [РГАНИ, ф. 5, оп. 29, ед. хр. 40, л. 114].

Другой проблемой стала неравномерность оплаты труда работников разных секторов науки при очевидном различии интенсивности работы. В первую очередь это касалось научно-педагогических работников: в аналитической записке под названием «О крупных недостатках в подготовке, распределении и использовании научных и научно-педагогических кадров» (1955) отмечалось: «в настоящее время 6-часовой рабочий день преподавателей делится на две части, из них одна часть — на учебные занятия, и вторая — выполнение научно-исследовательской работы, которую фактически ведут немногие преподаватели» [Там же, л. 117]. Во-вторых, отсутствовали стимулы и в оплате труда научных работников промышленности, трудившихся в лабораториях, конструкторских бюро, на опытных заводах и участках: на них не распространялось действие Постановления 1946 г., и зарплата была существенно ниже, чем у сотрудников вузов и научных организаций, отсутствовали льготы и поощрения-надбавки (за знание иностранных языков, научную степень⁹). В связи с этим подавляющая часть специалистов-производственников после защиты переходила в научные учреждения и высшие учебные заведения, где наличие ученой степени автоматически приводило к повышению заработной платы (интересно, что в качестве меры предлагалось закреплять их на производстве на два года [Там же, л. 118]). В-третьих, установленный коэффициент стимулирования ученых степеней и званий не вполне учитывал стаж работы. В письме начальника Главного управления учебными заведениями Министерства здравоохранения СССР Г. Е. Островерхова (1955) отмечалась ненормальность распределения заработной платы, когда опытный специалист и хороший преподаватель с большим стажем работы получал зарплату в два раза меньше, чем кандидат наук с трехлетним стажем учебы в аспирантуре, зачисленный ассистентом [Там же, л. 108]. Наконец, не учитывалась текущая эффективность научных работников или отсутствие таковой — выплаты предполагали только окладную часть [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 127]. Однако, все эти недостатки политики по оплате научного труда в целом смягчались принятой установкой на приоритетное социально-экономическое обеспечение ученых.

⁹ В письме главного конструктора Кировского завода т. Козина от 1 июля 1955 г. Н. С. Хрущеву и Н. А. Булганину предлагалось распространить на докторов и кандидатов наук промышленности надбавки за степени [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, ед. хр. 103, л. 167–168].

**«Не за кусок хлеба, не за высокую оплату...»:
упорядочение заработной платы в 1950–1960-е гг.**

Изменения в политике по оплате труда работников науки и высшего образования произошли в годы оттепели. 1 марта 1955 г. в коллективном письме группы профессоров Ташкентских высших учебных заведений Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву отмечалась забота Партии и Правительства о повышении жизненного уровня всех трудящихся, особенно «сказывающаяся на научных работниках, получающих *очень* высокую оплату за свой труд» (курсив мой. — Е. Д.) и в ежегодном снижении цен [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 112]. Подчеркивалась высокая этика ученых, трудящихся «для радости творчества, для пользы, приносимой их трудом любимой Родине, а не за кусок хлеба, не за высокую оплату» [Там же, л. 112–112 об.]. В связи с необходимостью экономии средств, которые «могут и должны быть обращены на дальнейшее развитие промышленности, освоение целинных земель и другие цели, способствующие росту нашей Родины», научные работники Ташкента подчеркивали, что «труд людей науки во многих ее отраслях при современном развитии науки, промышленности и техники, не требует той высокой оплаты, которая сейчас существует, <...> т. е. и само овладение наукой становится легче», и призывали и других научных работников СССР поддержать их просьбу «снизить на 50 % оплату нашего труда» [Там же, л. 112 об.].

Процесс «упорядочения» заработной платы¹⁰ начался с отмены существовавших надбавок «за отдаленность» — их с 1938 г. получал профессорско-преподавательский персонал высших учебных заведений Узбекской, Туркменской, Таджикской, Казахской и Киргизской ССР, Дальневосточного края, Бурят-Монгольской и Якутской областей (30 %); отдаленных Иркутской области, Красноярского края, г. Ташкента (20 %), Архангельской, Омской, Новосибирской областей и Алтайского края (10 %) [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 74–75]. Введение этих надбавок в конце 1930-х гг. должно было способствовать привлечению работников высшей школы в регионы, однако спустя 17 лет было констатировано, что подготовка научно-педагогических кадров успешно осуществляется за счет местной аспирантуры. Кроме того, как повод для сокращения был использован и аргумент «выравнивания» — сотрудникам отраслевых НИИ в регионах эти надбавки не выплачивались. В связи с этим, с 1 сентября 1955 г. надбавку 15 % оставили только для высших учебных заведений Якутской АССР, Хабаровского и Приморского краев, Сахалинской и Амурской областей [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 123]. В начале 1960-х гг. региональные выплаты были частично возвращены — установлена урало-сибирская надбавка в размере 20 %. Так, например, в 1966 г. при рассмотрении в Госплане СССР и Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике проекта плана работ

¹⁰ Общим их вектором видится отмечаемый в историографии популизм: сокращение разницы в должностных окладах между специалистами низших и высших категорий [Водичев, с. 167].

по научно-исследовательским учреждениям РСФСР на 1966 г. фонд заработной платы по новому Сибирскому отделению АН СССР был определен в сумме 27 831 тыс. руб. (с учетом средней заработной платы на одного работника научно-исследовательского учреждения в размере 1497 руб.), запрашивался дополнительный фонд заработной платы в сумме 119 тыс. руб. на повышение заработной платы низкооплачиваемым работникам, 71 тыс. руб. — в связи с введением районного коэффициента к заработной плате работников научно-исследовательских учреждений отделений, расположенных в районах Крайнего Севера [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 100, ед. хр. 1040, л. 1–2]. Постановлением Совета Министров от 21 ноября 1964 г. повышенный коэффициент 1,3 был установлен для заработной платы в закрытых городах [РГАНИ, ф. 5, оп. 35, ед. хр. 215, л. 205].

В середине 1950-х гг. были предприняты меры по дифференцированию оплаты и стимулированию текущей эффективности научно-исследовательской работы сотрудников учреждений: были введены понижающие коэффициенты для руководящих работников, имеющих ученую степень не доктора, а кандидата наук, директорам было предоставлено право дифференцировать оклады сотрудников в зависимости от их научной результативности. Кроме того, с 1 января 1957 г. был утвержден конкурсный порядок замещения вакантных научных должностей и введены периодические конкурсы через каждые пять лет на право занимать соответствующую научную должность [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 140, л. 143]. В числе положительных для ученых нововведений было распространение надбавок за ученую степень кандидата (400–600 руб. в мес.) и доктора наук (800–1000 руб. в мес.) на сотрудников промышленных предприятий [Там же, л. 126–129].

5 июня 1957 г. было принято еще более радикальное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об оплате труда работников науки»¹¹. Были резко снижены выплаты за ученое звание действительного члена и члена-корреспондента АН СССР, должностные оклады руководящему составу академий наук, руководящему и профессорско-преподавательскому составу высших учебных заведений, руководящим и научным работникам научных учреждений. Примечательным было и иное нововведение: научные учреждения и высшие учебные заведения оказались разделены на три группы — по степени значимости

¹¹ Также с 1959 г. были ограничены и регламентированы выплаты членам семей умерших действительных членов Академии наук СССР (введены в 1943 г.): жена получала право на выплаты при условии достижения возраста нетрудоспособности (50 лет) или инвалидности, наличии несовершеннолетних детей (до 16 лет): при отсутствии детей 1 500 руб. в мес., при наличии одного ребенка 2 000 руб., двух и более детей — 2 500 руб.; круглые сироты имели право на выплаты 750 руб. в мес. на каждого ребенка. По сравнению: согласно Постановлению Совнаркома от 28 декабря 1943 г., жена академика имела право на пожизненную выплату в размере 50 % оклада мужа, при наличии несовершеннолетних детей — 75 %. Это пособие выплачивалось вне зависимости от возраста и состояния трудоспособности жены академика, а также — наличия других источников дохода [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 99–105].

проблематики. К первой группе были отнесены научные учреждения, разрабатывавшие особо важные научные проблемы, имевшие общегосударственное значение; ко второй — учреждения, разрабатывавшие проблемы, имевшие большое значение для ведущих отраслей народного хозяйства и развития культуры; к третьей — все остальные научные учреждения; вузы дифференцировались по «значению отрасли народного хозяйства и культуры, для которых готовит кадры данное высшее учебное заведение» и числу студентов [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 7]. Категории учреждений различались финансированием, в том числе оплатой труда сотрудников. Таким образом, данное постановление отменило жесткое государственное регулирование заработной платы научно-педагогических работников, ввело элементы ее гибкости.

Задачи и решения: корректирующие эффекты тарифной политики в 1960–1980-е гг.

Использование инструмента финансирования обеспечивало если не решение, то смягчение ряда проблем государственного управления наукой в позднесоветский период. Продемонстрируем, как, пользуясь им, предпринимались попытки скорректировать некоторые негативные черты — негативные эффекты разорванной сети научных организаций, межотраслевой разобщенности, старения научных кадров. Интересно, что порой использовался инструмент «исключения из правила».

Ключевой проблемой была неравномерность кадрового обеспечения — растянутость научной карты СССР требовала значительного числа сотрудников вузов и научных организаций. Решения начала 1960-х гг. создали затруднения для локальных, как правило узких, научных сообществ: постановлением Совета Министров от 10 декабря 1959 г. было принято решение о строгом запрете штатного совместительства — для профессорско-преподавательского состава оно разрешалось лишь на условиях почасовой работы; в случае совмещения суммарная заработная плата не могла превышать 1,5 оклада. В случае выявленного совместительства следовало увольнение со второго места работы без выплаты выходного пособия [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 141, л. 103]. В 1960 г. совместительство разрешили во вновь образованных вузах союзных республик и в районах с недостаточной сетью научно-исследовательских учреждений [Там же, л. 111]. Также в целях стимулирования межотраслевого взаимодействия было легализовано «перекрестное» совместительство: руководящим работникам и старшим научным сотрудникам НИИ, имеющим ученую степень или звание, разрешалось оплачиваемое совместительство в одном учреждении или вузе, а профессорам и доцентам вузов — в одном НИИ, с зарплатой не свыше 50 % оклада по совмещаемой должности [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 69, л. 72]. Межотраслевому взаимодействию должны были способствовать и меры привлечения в вузы и НИИ специалистов-практиков, имевших большой опыт работы на производстве, но не обладавших ученой степенью. В проекте Постановления

о мерах улучшения качества диссертационных работ и порядка присуждения ученых степеней и званий (1960) предлагалось назначать этим работникам на период до трех лет оклады в размерах, предусмотренных для кандидатов наук на соответствующих должностях [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 69, л. 71].

Обозначенную в начале 1960-х гг. проблему старения научных кадров должно было решить введение дополнительных гарантий пенсионного обеспечения — кроме увлечения профессией, длительную продолжительность рабочего стажа для возрастных научно-педагогических работников стимулировал резкий разрыв между должностными окладами и доходами после выхода на пенсию. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 июня 1961 г. «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» предусматривалось введение в вузах должности профессора-консультанта: она замещалась из числа вышедших на пенсию докторов наук. Выполняя 50 % установленной для штатных работников учебной нагрузки (это были 2–3 присутственных дня в неделю преимущественно для консультирования аспирантов), профессор-консультант получал 50 % оклада с сохранением пенсии (но не выше 350 руб. суммарно) [РГАНИ, ф. 3, оп. 33, ед. хр. 70, л. 28]. Постановлением 1962 г. аналогичные должности (научный консультант и старший научный сотрудник-консультант) были введены и в АН СССР для квалифицированных сотрудников старше 65 лет, продолжавших вести научную работу и работать с аспирантами. Для консультантов сохранялось 50 % оклада по основному месту работы [Там же, л. 47], но любая форма совместительства (внешнего либо внутреннего) для них запрещалась. В этом отношении дополнительные выплаты для консультантов, уступивших свои рабочие места новой когорте ученых, должны были обеспечить эффект «омоложения» профессионального научного сообщества в целом.

Еще одной осознаваемой проблемой советской науки было наличие значительного слоя научных работников с невысокой результативностью, усугубляемой уравнительностью заработной платы. В позднесоветский период были приняты нормативно-правовые акты, направленные на стимулирование индивидуальной инициативы работника. В частности, п. 30 Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 сентября 1968 г. «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» закреплял создание в научных учреждениях фондов материального поощрения — для премирования работников, вознаграждения их за годовые итоги работы, оказания единовременной помощи. Постановление Совета Министров СССР от 24 декабря 1969 г. «Об оплате труда работников научно-исследовательских учреждений, конструкторских и технологических организаций и вычислительных центров» установило должностные оклады не имеющим ученой степени руководящим, научным инженерно-техническим работникам, руководящим и инженерно-техническим работникам стратегически важных организаций — конструкторских, проектно-конструкторских, проектно-технологических и конструкторско-технологических организаций и вычислительных центров,

находящихся на самостоятельном балансе, а также служащим и младшему обслуживающему персоналу этих учреждений. Наконец, в Постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 мая 1985 г. «О совершенствовании оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности» была подтверждена гибкость зарплатообразования: руководителям научных организаций было предоставлено право изменять (повышать или понижать) должностные оклады указанных работников по результатам аттестации в пределах максимальных и минимальных размеров по соответствующей должности, без учета средних окладов, действующих в этих объединениях. Проблема заключалась в том, что критерии распределения добавочных средств оставались непрозрачными, во многом определялись спецификой иерархических отношений внутри научного направления и персонализмом. Последнее нашло отражение даже в советском кинематографе («Наш папа — майонез», «Дорогой Эдисон», 1986).

Заключение

Характеризуя динамику изменения заработной платы в сфере науки на протяжении советского периода, можно выделить несколько тенденций.

Во-первых, в советской науке доминировала линия не на индивидуальное поощрение конкретного научного работника, а на поддержку научных коллективов, аффилированных с сектором (академический, вузовский, отраслевой) и конкретной организацией (в зависимости от присвоенной научной категории). В этом отношении можно говорить об иерархии в оплате труда, в основу определения позиций была положена диспропорция ресурсного (в том числе финансового) обеспечения. Присутствовал некий отраслевой дисбаланс — в зависимости от приоритетов государственной политики по-разному финансировались секторы, постепенно в иерархии выкристаллизовался безусловный приоритет Академии наук СССР, признанной ведущим научным учреждением страны. Однако и внутри секторов существовала иерархия: например, оклады сотрудников республиканских академических учреждений были ниже окладов сотрудников АН СССР.

Во-вторых, скрытый характер процессов стратификации советского научного сообщества предполагал отсутствие конкурентного распределения ресурсов — периодические попытки стимулирования индивидуальной эффективности ученых носили «наказующий», а не «поощрительный» характер. Объем материальных гарантий зависел не только от квалификации конкретного научного работника, но и (порой это становилось определяющим) от его административных позиций в конкретной организации (происходит сращивание административного и научного капитала), имели место персонализм и непрозрачность стимулирования. Гарантированность же базовых окладных выплат вела к образованию в организациях значительного слоя неэффективных и слабо мотивированных работников. Привычка к материально-экономическим гарантиям

болезненно отозвалась уже в 1990-е гг., в условиях перехода к модели рынка научных знаний.

В-третьих, можно утверждать, что регулирование заработной платы оказывалось не вполне эффективным инструментом научной политики в условиях несовпадения реальной и номинальной заработной платы в сфере науки. Его применение в 1920-е гг. носило характер индексации (выдаваемой за повышение) и не успевало за инфляционными процессами. В годы индустриализации и развертывания военно-промышленных программ распределение средств было дифференцировано в соответствии с приоритетными задачами научно-технического комплекса, однако зависело от субъективных факторов и сопровождалось конкурентными процессами внутри научного сообщества. Резкое снижение окладов в годы хрущевских реформ не совпадало с реальными процессами в экономике и было продиктовано задачей перераспределения ресурсов. Наконец, показательное использование инструмента точечной корректировки властных решений (частичного разрешения совместительства, стимулирования индивидуальной инициативы на отдельных мероприятиях и т. д.) в зрелый и позднесоветский период.

Таким образом, заработная плата в сфере науки в силу скрытых процессов экономики и негибкости тарифной политики является не самой показательной переменной для анализа материального обеспечения советских ученых, реконструкции их повседневной жизни. Учитывая непрозрачность советской экономики в целом, оценка принципа материального стимулирования труда в науке должна носить комплексный характер, учитывать весь спектр практик не только финансового, но и социально-бытового обеспечения науки. Однако изменения оплаты труда, закреплённые в нормативных документах, отражают долговременные тенденции научной политики и осознанные властные решения по распределению ресурсов между различными группами (квалификационными, территориальными, отраслевыми) в составе советского научного сообщества.

Источники

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 20. Ед. хр. 2493; Оп. 100. Ед. хр. 1040.

Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР» // СУ РСФСР. 1918. № 72. Ст. 789. Пункт 6.

Известия ЦИК СССР. 1927. 25 июня.

Канчев А. А. Итоги и перспективы экономической работы Секции научных работников на местах // Научный работник. 1925. № 3. С. 161–166.

Канчев А. А. Материальное положение научных работников и системы оплаты их труда // Научный работник. 1927. № 1. С. 22–35.

Мазур Л. Н., Долгова Е. А. База данных «Бюджетное обследование научных работников СССР. 1925». Номер свидетельства о государственной регистрации базы данных 2022620352, дата регистрации 28 февраля 2022 г.

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 33. Ед. хр. 69, 70, 140, 141, 144; Ф. 5. Оп. 29. Ед. хр. 40; Оп. 30. Ед. хр. 103; Оп. 35. Ед. хр. 14, 215.
Сергиевский Ю. В. Материальное положение научных работников // Научный работник. 1925. № 1. С. 169–179.

Исследования

Водичев Е. Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 63–71. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71)

Долгова Е. А. Дачи для академиков: практики распределения и организация пространства, 1930–1980-е гг. // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 142–166. <https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.1.9>

Ермушин М. В., Беляев Г. В. Советская политика по оплате труда иностранных инженеров в 20-е гг. XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 1. С. 39–41.

Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980.

Коньшева Е. В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток: Документы и материалы. М.: БуксМАРТ, 2017.

Мельникова Н. А. Советский атомный проект: опыт кадрового обеспечения. М.: Российская политическая энциклопедия, 2022.

Пушкарёва Н. В. Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских ученых в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82.

Шальнев Е. В. Проблема денежного обеспечения научных работников советского государства в 1920–1930-х гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 617–621.

References

Dolgova, E. A. (2023). Dachy dlia akademikov: praktiki raspredeleniia i organizatsiia prostranstva, 1930–1980-e gg. [Dachas for Academicians: Practices of Distribution and Organisation of Space, 1930s–1980s]. *Upravlenie naukoj: teoriia i praktika*, 5(1), 142–166. <https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.1.9>

Ermushin, M. V., & Belyaev, G. V. (2016). Sovetskaia politika po oplate truda inostrannykh inzhenerov v 20-e gg. XX veka [Soviet Policy on Remuneration of Foreign Engineers in the 1920s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 1, 39–41.

Ivanova, L. V. (1980). *Formirovanie sovetskoi nauchnoi intelligentsii (1917–1927 gg.)* [Formation of the Soviet Scientific Intelligentsia (1917–1927)]. Moscow: Nauka.

Konysheva, E. V. (2017). *Evropeiskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh piatiletok: Dokumenty i materialy* [European Architects in Soviet Urban Planning of the Era of the First Five-year Plans: Documents and Materials]. Moscow: BooksMART.

Mel'nikova, N. A. (2022). *Sovetskii atomnyi projekt: opyt kadrovogo obespecheniia* [The Soviet Nuclear Project: The Experience of Staffing]. Moscow: ROSSPEN.

Pushkareva, N. V. (2016). *Kogda zarplaty byli bol'shimi: material'noe pooshchrenie sovetskikh uchenykh v 1921–1953 gg.* [When Salaries were High: Financial Incentives for Soviet Scientists in 1921–1953]. *Rossiiskaia istoriia*, 6, 69–82.

Shal'nev, E. V. (2011). *Problema denezhnogo obespecheniia nauchnykh rabotnikov sovetskogo gosudarstva v 1920–1930-kh gg.* [The Problem of Monetary Support for

Scientists of the Soviet State in the 1920s and 1930s]. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 23, 617–621.

Vodichev, E. G. (2022). Ekonomicheskoe neravenstvo i sovetskii egalitarizm: idei i idealy ot Stalina do Khrushcheva [Economic Inequality and Soviet Egalitarianism: The Ideas and Ideals from Stalin to Khrushchev]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 1 (74), 63–71. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1\(74\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-1(74)-63-71)

Долгова Евгения Андреевна

доктор исторических наук, профессор
Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: medievalis@list.ru

Dolgova, Evgeniya Andreevna

Dr. Hab (History), Professor
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
Email: medievalis@list.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3902-7142>
Scopus AuthorID: 57195965998
WoS ResearcherID: E-7791-2017

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.009

УДК 378.4(470.53-25) + 378.4(470.54.25) +
+ 378.126(470.54.25) + 378.14**Л. Н. Мазур**¹Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия²Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия

УНИВЕРСИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ (ЗАДАЧИ, СТРУКТУРА, КАДРЫ)

В статье анализируются процессы перестройки классических университетов в советские, а также особенности становления новых университетов, образованных в раннесоветский период. В основе анализа лежит сравнение двух университетов — Пермского государственного университета, образованного в 1916 г., и Уральского государственного университета, созданного в 1920 г. Пермский университет стал последним императорским университетом и вплоть до конца 1920-х гг. сохранял традиции и культуру российских классических университетов. Уральский государственный университет был одним из первых советских университетов, построенных на новых классовых принципах и идеях социалистического вуза.

Сравнение проводилось по трем позициям — задачи, структура, кадры. Для изучения кадрового состава двух университетов были использованы биографические справочники. Они послужили основой для создания базы данных сотрудников университетов с датой рождения до 1920 г. База данных позволила изучить динамику и особенности смены поколений преподавателей университетов, а также их роль в обеспечении преемственности университетских традиций и культуры.

Два уральских университета, созданных по старому (классическому) и новому (советскому) лекалам, демонстрируют два варианта становления советского университета: в первом случае мы имеем дело с преемственным вариантом развития, во втором — с эволюцией политехнического вуза (втуза) в советский университет. Преемственная модель характеризуется ведущей ролью первого поколения ППС в сохранении идеи и традиций классического университета. Для преемственной модели свойственна значимая гуманитарная составляющая и более тесный контакт между поколениями. Раннесоветская модель перехода отличается принципиальными разрывами, определяемыми спецификой технического (прикладного) и классического образования и дополненными институциональными реформами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: университет; структура; классический университет; советский университет; кадры; академическая мобильность

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-78-10095-П «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Ц и т и р о в а н и е: *Мазур Л. Н. Университеты в системе высшего образования СССР: от классической к советской модели (задачи, структура, кадры) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 138–154. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.009>*

Поступила в редакцию: 20.03.2024

Принята к печати: 22.04.2024

Liudmila N. Mazur

¹*Ural Federal University*

Ekaterinburg, Russia

²*Russian State University for the Humanities*

Moscow, Russia

UNIVERSITIES IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION IN THE USSR: FROM CLASSICAL TO SOVIET MODEL (TASKS, STRUCTURE, PERSONNEL)

This article analyses the processes of restructuring classical universities into Soviet ones, as well as the features behind the formation of new universities established in the early Soviet period. The analysis refers to a comparison of two universities, i. e. Perm State University, founded in 1916, and Ural State University, established in 1920. Perm University was the last imperial university and until the end of the 1920s, it preserved the traditions and culture of Russian classical universities. Ural State University was one of the first Soviet universities based on the new class principles and ideas of a socialist university. In the study, the author compares three aspects – tasks, structure, and personnel drawing upon biographical directories to study the personnel of the two universities. They served as a basis for creating a database of university employees born before 1920. The database made it possible to study the dynamics and features of the change of generations of university teachers, as well as their role in ensuring the continuity of university traditions and culture.

The two Ural universities, created according to the old (classical) and new (Soviet) patterns, demonstrate two variants of the formation of a Soviet university: in the first case, we are dealing with a successive variant of development, in the second – with the evolution of a polytechnic university (HTU) into a Soviet university. The succession model is characterised by the leading role of the first generation of teaching staff in preserving the idea and traditions of the classical university. The successive model is characterised by a significant humanitarian component and a closer contact between generations. The early Soviet model of transition is characterised by fundamental gaps determined by the specificity of technical (applied) and classical education and augmented by institutional reforms.

К e y w o r d s: university; structure; classical university; Soviet university; personnel; academic mobility

Acknowledgements

The article was prepared with the support of the *Russian Science Foundation* grant 20-78-10095-II “Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organisational and Management Practices (1920s–1970s)”.

For citation: Mazur, L. N. (2025). University v sisteme vysshego obrazovaniia SSSR: ot klassicheskoi k sovetskoi modeli (zadachi, struktura, kadry) [Universities in the System of Higher Education in the USSR: From Classical to Soviet Model (Tasks, Structure, Personnel)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 138–154. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.009>

Submitted: 20.03.2024

Accepted: 22.04.2024

В советский период концепция университета претерпела заметные изменения. Наиболее активная перестройка классической модели университета приходится на раннесоветский период (1918–1936), когда было принято рекордное количество законодательных, нормативных и распорядительных актов по вопросам реформирования высшего образования, каждый из которых был связан с попыткой (удачной или неудачной) реализации идеи нового советского университета — сначала как очага культурной революции, и в итоге — как учреждения, нацеленного на обеспечение кадрами научных и образовательных учреждений [Каиль; Кодин, Каиль]. Для перестройки классического университета этапными стали решения власти, связанные с принятием Положения о вузах 1921 г., университетской реформой 1929–1934 гг. [Карпачев]; постановлением 1936 г. и Типового устава 1938 г. На месте старой классической модели университета возникла новая — советская [Дмитриев, с. 45–46]. По мнению исследователей, эта новая система «фактически была подсистемой плановой экономики» [Кузьминов, Семенов, Фрумин, с. 22]. Как и отраслевые институты, университеты были связаны плановыми заданиями и готовили не только научные, но и педагогические кадры. Но все же они представляли собой в некотором смысле альтернативную модель высшего образования, отличную от концепции вуза.

Структура советских университетов объективно копировала классический университет при отрицании имперского опыта и поиске новых пролетарских форм организации высшего образования. В целом, советская модель университета представляла собой разновидность классического варианта, но более бюрократического, управляемого и закрытого, ориентированного в большей степени на решение образовательных, нежели научно-исследовательских задач. Зигзаги политики в области высшего образования нашли отражение в динамике численности университетов в СССР: если в 1914 г. в империи насчитывалось 12 университетов; то в границах СССР в 1919 г. — 39; в 1920 г. — 46; в 1922 г. — 22; в 1927 г. — 15; в 1935 г. — 13 университетов и 2 института; в 1940 — 29 учреждений университетского типа [Статистический ежегодник, с. 143; Народное образование в СССР..., с. 47; Университеты..., с. 5–7; Народное образование,

наука и культура..., с. 158]. Их удельный вес в системе высшего образования оставался примерно одинаковым: в 1922 г. он составлял 7,9 % от общего числа вузов, в 1989 г. — 7,6 % [подсчитано по: Народное образование в СССР по данным..., с. 47; Народное хозяйство СССР..., с. 199–201].

Две столицы Урала — два университета

Общая логика институциональной трансформации не отрицает разнообразия путей перестройки: можно выделить как минимум четыре траектории развития старых (столичных и провинциальных) и новых университетов, созданных в имперский период, а также советских университетов, образованных в 1918–1922 гг. Структура последних объективно копировала классический университет при одновременном отрицании имперского опыта и поиске новых пролетарских форм организации высшего образования.

Интересно сравнить историю становления двух университетов, заложивших основы системы высшей профессиональной подготовки на Урале — это Уральский федеральный университет (УрФУ) и Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ). Пермский университет был образован в 1916 г., а создание Уральского государственного университета относится к 1920 г. Их разделяет всего несколько лет, но они заметно отличались по условиям и принципам организации, стартовому интеллектуальному капиталу. На примере этих двух кейсов есть возможность рассмотреть варианты развития университетов в условиях становления новой государственности — *преемственный* и *раннесоветский*. Пермский университет (ПГУ) стал последним императорским университетом и вплоть до конца 1920-х гг. сохранял традиции и культуру российских классических университетов. Уральский государственный университет (УрГУ) был одним из первых советских университетов, построенных на новых классовых принципах и идеях социалистического вуза. УрГУ создавался под запросы региональной экономики, ПГУ — регионального сообщества, что отразилось в факультетской структуре и номенклатуре направлений подготовки.

Хотя планы создания университета обсуждались уральской общественностью с конца XIX в., реальные шаги по открытию в Перми и Екатеринбурге высших учебных заведений были сделаны только накануне Первой мировой войны. 3 июля 1914 г. Николай II подписал Закон об учреждении в Екатеринбурге Горного института, но из-за войны занятия начались только в 1917 г. [50 лет..., с. 6–7].

1 октября 1916 г. состоялось открытие Пермского отделения Петроградского университета в составе традиционных для классического вуза факультетов — физико-математического, историко-филологического и юридического [Пермский государственный университет..., 1966, с. 6]. В 1917 г. Пермское отделение получило статус самостоятельного вуза, тогда же из состава физико-математического факультета был выделен медицинский факультет. В 1919 г. ПГУ

пережил эвакуацию в Томск, затем — структурные реорганизации. По состоянию на 1 декабря 1926 г. Пермский университет включал четыре факультета (агронимический, медицинский, педагогический и рабочий), на которых работали 45 профессоров, 98 преподавателей и 43 научных сотрудника [ПермГАНИ, ф. 1095, оп. 1, д. 259, л. 92, 97]. В 1929 г. в структуре ПГУ появился химический факультет. Но уже в 1930 г. университет был расформирован на пять отраслевых вузов: выделились химико-технологический (Березники), зооветеринарный (Троицк), сельскохозяйственный, медицинский и педагогический институты (Пермь). В 1931 г. университет в Перми был восстановлен в составе пяти отделений — физического, химического, геологического, ботанического, зоологического. В таком виде с небольшими реорганизационными преобразованиями университет проработал до Великой Отечественной войны.

Екатеринбург — второй по величине город Пермской губернии, административный центр горнозаводского Урала, — не уступал Перми по демографическим показателям, экономическому потенциалу и деловой активности, но его образовательный профиль имел свою специфику, связанную с горнозаводской промышленностью. Образование Уральского университета совпало с начальным этапом формирования советской системы высшего образования. Своеобразие исторического момента проявилось в неопределенности статуса нового вуза: классический университет или политехнический институт? По этому поводу первый ректор УрГУ А. П. Пинкевич констатировал: «Уральский университет строится иначе, чем строились другие русские университеты. ...Пожалуй, его можно назвать “политехническим университетом”» [Пинкевич].

Структура университета изначально включала институты прикладной направленности — общественных наук; медицинских знаний; педагогический; сельского хозяйства и лесоводства; горный; технический [ГАСО, ф. 227, оп. 1, д. 10, л. 4–8]. Почти сразу же началась реструктуризация вуза: в 1924 г. медицинский факультет был передан Пермскому государственному университету, а в 1925 г. Уральский университет в составе двух факультетов был преобразован в Уральский политехнический институт (УПИ). В последующие годы в институте были созданы геологоразведочный, рудничный, лесопромышленный, механический, строительный, химический и металлургический факультеты. В 1930 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) УПИ был разделен на несколько институтов, каждый из которых был подчинен профильному ведомству.

В 1931 г. было принято решение о создании Свердловского государственного университета¹ (СГУ) с отделениями — механико-математическим, химическим, геолого-минералогическим, астрономо-геодезическим и географическим [ГАСО, ф. 2110, оп. 2, д. 1, л. 158]. На момент образования СГУ профессорско-преподавательский состав насчитывал 21 человек. С 1933 г. в составе СГУ было три факультета — физико-математический, химический, геологический

¹ С 1945 г. — Уральского государственного университета.

[Университеты...], накануне войны образованы исторический (1938), филологический (1940) факультеты, в 1941 г. — факультет журналистики.

Таким образом, специфика становления Пермского и Уральского государственных университетов состояла в том, что первый создавался как классический императорский университет в ответ на запрос общества и прошел все стадии трансформации, сохраняя вплоть до 1930-х гг. традиции классического образования. Уральский университет изначально был ориентирован на удовлетворение кадровых запросов экономики региона и создавался как политехническое учебное заведение. Он имел более короткую траекторию становления, завершившуюся образованием двух вузов: политехнического института и классического университета советского образца.

Особенности формирования кадрового состава университетов

Носителями и хранителями университетской культуры и традиций выступают сотрудники и преподаватели университета. В этом смысле большое значение имеют каналы и источники формирования кадрового состава новых университетов, уровень мобильности и творческий потенциал (фундаментальное / прикладное образование), а также особенности смены поколений профессорско-преподавательского состава (ППС).

В качестве основного источника для характеристики процессов кадрового обеспечения ПГНИУ и УрФУ были использованы биографические справочные издания, подготовленные к юбилеям университетов [Пермский государственный университет..., 2016; Уральский государственный университет..., 2010]. Их особенностью является неполнота информации² и отбор персоналий определенного уровня — докторов наук, заведующих кафедрами, деканов, проректоров и ректоров, а также организаторов науки и ученых, внесших заметный вклад в развитие университета, т. е. справочники содержат сведения об университетской научной и управленческой элите. Тем не менее, имеющийся массив данных позволяет выделить некоторые тенденции и особенности процессов формирования кадрового состава в рамках преемственной и раннесоветской модели перехода университета в новое качество.

Для анализа были отобраны сотрудники университетов, рожденные до 1920 г. включительно — *первое* и *второе* поколения преподавателей высшего звена. Первое поколение (дата рождения до 1900 г.) получило профессиональное образование в досоветский период и было носителем традиций и культуры классического университета, второе поколение (дата рождения с 1901 до 1920 г.) — выпускники советских вузов и носители новой культуры. Всего были изучены биографии 141 сотрудника ПГУ и 140 сотрудников УрФУ.

² В пермском справочнике, например, отсутствуют статьи об И. М. Виноградове, Г. В. Вернадском, Н. В. Устрялове, Л. В. Успенском и ряде других ученых.

Формирование кадрового состава **Пермского университета** опиралось на два основных источника: «приезжих» специалистов и «местные» кадры. В числе преподавателей первого поколения были уроженцы Пермской губернии, среди них этнограф П. С. Богословский, агроном В. Н. Варгин, химик М. Н. Полукаров [Пермский государственный университет..., 2016, с. 60–61, 73–74, 368–369]. Но не они определяли процессы кадрового обеспечения молодого университета. Коллектив формировался преимущественно за счет приезжих специалистов: по распоряжению Министерства народного просвещения в 1916 г. в Пермский университет были командированы около 30 преподавателей Петроградского университета, а также приват-доценты и профессора из Казанского, Московского, Дерптского университетов. Всего в 1916–1917 гг. в Пермь для работы в университете прибыли по неполным данным более 40 человек уже состоявшихся ученых, впоследствии внесших заметный вклад в развитие отечественной науки. Среди них — биологи Д. М. Федотов и А. Г. Генкель, историки Б. С. Греков, А. П. Дьяконов и Б. С. Богаевский, экономист М. В. Птуха, доктор права В. Ф. Матвеев и юристы В. Н. Дурденевский, В. С. Глушков [Там же, с. 109, 119, 125, 136, 292, 380, 435].

Пополнение университета кадрами с классическим университетским образованием продолжалось и в 1920–1930-е гг. (табл. 1 и 2). В 1920-е гг. 26 человек были приняты в ПГУ на должности профессоров, заведующих кафедрами и деканов, из них 76,9 % были выпускниками классических университетов (Московский — 5 человек, Петербургский — 4 человека, Казанский — 4 человека).

Таблица 1

**Характеристики трудоустройства в ПГУ
первого и второго поколения преподавателей***

Даты	Поступили на работу в ПГУ, чел.	Уволились из ПГУ, чел.	Стаж работы в ПГУ, лет	Количество чел.
Первое поколение преподавателей (рожд. до 1900 г.)				
1916–1919	49	17	<i>До 1</i>	10
1920–1924	16	24	<i>2–5</i>	42
1925–1929	10	12	<i>6–10</i>	15
1930–1939	8	19	<i>11–15</i>	14
1940–1949	8	8	<i>16–20</i>	5
1950–1959	3	9	<i>21–25</i>	2
1960 и более	0	5	<i>26 и более</i>	6
Итого	94	94		94
Второе поколение преподавателей (рожд. с 1901 по 1920 г.)				
1925–1929	6	0	<i>До 1</i>	2
1930–1939	11	3	<i>2–5</i>	8

Окончание табл. 1

Даты	Поступили на работу в ПГУ, чел.	Уволились из ПГУ, чел.	Стаж работы в ПГУ, лет	Количество чел.
1940–1949	14	5	6–10	5
1950–1959	12	6	11–15	5
1960–1969	3	10	16–20	2
1970–1979	1	8	21–25	5
1980–1989	0	11	26–30	6
1990 и более	x	4	31 и более	14
Итого	47	47		47
Всего	141	141		141

* Сост. по: [Пермский государственный университет..., 2016].

Таблица 2

Профессорско-преподавательский состав ПГУ на начальном этапе*

Научные направления подготовки	Первое поколение		Второе поколение	
	Получили высшее образование до 1917 г.	Получили высшее образование в советском вузе	Получили высшее образование в университете	Получили высшее образование в отраслевом институте
<i>Естественно-научные</i>	22	5	19	2
<i>Технические</i>	6	2	3	2
<i>Математика</i>	6	0	3	3
<i>Медицина</i>	8	1	1	0
<i>Журналистика</i>	0	0	0	0
<i>Гуманитарные и общественные</i>	35	6	8	5
<i>Педагогика</i>	0	0	0	0
<i>Общественно-политические</i>	0	3	1	0
Итого	77	17	35	12
Всего	94		47	

* Сост. по: [Там же].

Преимущественно университетское образование имели и представители второго поколения преподавателей (74,4 %). Среди них есть выпускники Московского, Ленинградского, Киевского университетов (8 человек, 22,8 %) — носители университетских традиций. 19 человек (40,4 %) учились в Пермском университете, окончив его в 1929–1949 гг. Есть также выпускники вузов Свердловска, Симферополя, Днепропетровска, Саратова.

Следует обратить внимание на средний стаж работы профессоров, заведующих кафедрами и деканов в Пермском университете: для первого поколения он составил 7,9 лет, для второго поколения — 22,7 лет (средний показатель для обоих поколений — 12,9 лет), что свидетельствует о снижении уровня академической мобильности и формировании в 1930–1940-е гг. закрытой системы ротации преподавательских кадров, в том числе элитного уровня. При этом больше половины преподавательских кадров первого поколения имели стаж работы в ПГУ до пяти лет — 55,3 %; и, напротив, 51 % — заведующих кафедрами и деканов второго поколения проработали в вузе более 20 лет (см. табл. 1).

Из состава приехавших в 1916–1917 гг. преподавателей каждый пятый (20 %) уехал из Перми через 1–2 года, еще 11 человек уволились из ПГУ в 1919–1921 гг. По разным причинам покинули или не вернулись в Пермь после эвакуации Б. Д. Греков, К. Д. Покровский, И. М. Виноградов, Г. В. Вернадский, Н. В. Устрялов, Л. В. Успенский и др. Тем не менее, академический потенциал университета сохранялся до конца 1920-х гг. Из первого состава 13 человек проработали в ПГУ до 1922–1929 гг., и еще пять человек — П. С. Богословский, А. П. Дьяконов, Н. И. Кромер, Н. П. Обнорский, В. К. Шмидт — имели стаж работы в Пермском университете свыше 15 лет.

1920-е годы характеризуются несколькими тенденциями: высоким уровнем мобильности (32 человека поступили на работу в ПГУ и 36 человек уволились) и началом смены поколений, в частности 6 человек, получивших университетское образование в 1925–1927 гг. (4 человека окончили ПГУ), были приняты на химический и медицинский факультеты. Смена поколений преподавателей в старых университетах страны, в том числе и в ПГУ, проходила в ускоренном порядке и сопровождалась кампанией по дискредитации «старой профессуры». Значительная часть профессоров была уволена или репрессирована [Обухов, с. 148–149]. Резкой критике на общих собраниях и в печати с обвинениями в контрреволюционной пропаганде подверглись профессора В. Н. Беклемишев, П. С. Богословский, А. П. Дьяконов, А. В. Миртов, П. А. Генкель, М. Дыхно, Шумков [Там же, с. 152]. Борьба против «старой профессуры» и изменение соотношения между представителями старой и новой университетской интеллигенции в 1930–1940-е гг. создавали угрозу разрыва преемственности. Однако, по замечанию В. С. Парсамова, «университетское пространство оказалось сильнее большевистских экспериментов, и со временем возрастная логика поколений была восстановлена» [Парсамов, с. 142].

В 1930-е гг. число представителей первого поколения, пришедших на работу в ПГУ, снижается, что компенсируется приходом в профессию представителей

второго поколения. Из них 53,1 % начали работать в ПГУ в 1930–1940-е гг., причем из 11 человек, пришедших на работу в 1930-е гг. и достигших руководящих постов, 8 человек были выпускниками самого ПГУ, в том числе А. И. Букирев, возглавлявший университет в 1939–1941 и в 1946–1951 гг. Кадровые ротации в годы Великой Отечественной войны были непосредственно связаны с процессами эвакуации и реэвакуации столичных вузов. В Пермь (Молотов) были переведены Московский фармацевтический институт, Ленинградский сельскохозяйственный институт, курсы при Ленинградском педагогическом институте, Ленинградский военно-механический институт [Нечаев]. Привлечение столичных ученых к преподаванию в пермских вузах способствовало академической капитализации университета и росту его научного потенциала, что в некоторой степени компенсировало уход «старой» профессуры.

В 1950-е гг. на работу в ПГУ поступили три человека из первого поколения и 12 — из второго. Представители первого поколения привлекались на руководящие должности в связи с открытием новых направлений подготовки и кафедр. В условиях отсутствия реальной конкурсной системы отбора кадров распространение получают механизмы рекрутинга, основанные на личных связях и рекомендациях коллег.

Если сравнить научные направления, к которым принадлежали ППС первого и второго поколений (см. табл. 2), то очевидно преобладание в первом из них представителей гуманитарных и общественных наук — историков, филологов, философов, юристов, экономистов, их удельный вес составил 53,2 %, что было обусловлено потребностями учебного процесса на юридическом и историко-филологическом факультетах Пермского отделения Петербургского университета. Представители естественно-научных и точных дисциплин (физики, биологи, химики, математики, географы) составили в первом поколении 42,8 %. Второе поколение преподавателей ПГУ характеризуется другой пропорцией — 57,4 % составляли представители естественно-научных и точных дисциплин, а удельный вес гуманитариев сократился почти в два раза, до 27,5 %.

Формирование коллектива преподавателей и профессоров **Уральского госуниверситета** шло несколько иным путем. Из 140 сотрудников УрГУ, представленных в справочнике, 72 человека относились к первому поколению ППС (родившиеся до 1900 г.) и 68 человек — ко второму поколению (родившиеся до 1920 г.). Из числа преподавателей первого поколения больше половины (61,1 %) имели классическое университетское образование и треть (38,3 %) — прикладное либо политехническое. В Пермском университете данный показатель составил, соответственно, 81,9 % и 18 %, что свидетельствует о разных подходах к комплектованию кадров: в ПГУ за счет приезда преподавателей из императорских университетов, в УрГУ — путем привлечения к преподаванию местных «командиров производства», а также выпускников отраслевых институтов.

К. Д. Бугров и А. А. Сафронов выделяют три основных источника комплектования кадров УрГУ: профессора Горного института, столичные специалисты, уральские инженеры и врачи [Бугров, Сафронов, с. 13–14]. Важную роль играл также советский и партийный аппарат, который в значительной степени определял процессы комплектования высшего управленческого звена университета. Так, первыми ректорами УрГУ стали А. П. Пинкевич, Б. В. Дидковский, С. А. Бессонов, имевшие опыт партийной и советской работы. В свою очередь они внесли вклад в комплектование кадров университета — например, А. П. Пинкевич пригласил на работу в Уральский университет экономиста А. И. Буковецкого, педагога Е. Н. Медынского, историка Н. А. Рожкова [Уральский государственный университет..., 2010, с. 508].

Таблица 3

Характеристики трудоустройства в УрГУ первого и второго поколения преподавателей*

Даты	Поступили на работу в УрГУ, чел.	Уволились с работы в УрГУ, чел.	Стаж работы в УрГУ, лет	Количество чел.
Первое поколение преподавателей (рожд. до 1900 г.)				
1920–1924	43	26	До 1	15
1925–1929	3	6	2–5	25
1930–1939	9	11	6–10	15
1940–1949	11	18	11–15	6
1950–1959	5	5	16–20	4
1960 и более	1	6	21 и более	7
Итого	72	72		72
Второе поколение преподавателей (рожд. с 1901 по 1920 г.)				
1930–1939	13	1	До 1	1
1940–1949	40	10	2–5	5
1950–1959	9	6	6–10	7
1960–1969	3	16	11–15	5
1970–1979	3	18	16–20	13
1980 и более	0	17	21–25	11
X	x	X	26–30	7
X	x	X	31 и более	19
Итого	68	68		68
Всего	140	140		140

* Сост. по: [Уральский государственный университет..., 2010].

Таблица 4

Профессорско-преподавательский состав УрГУ на начальном этапе*

Научные направления подготовки	Первое поколение		Второе поколение	
	Получили высшее образование до 1917 г.	Получили высшее образование в советском вузе	Получили высшее образование в университете	Получили высшее образование в отраслевом институте
<i>Естественно-научные</i>	9	7	20	12
<i>Технические</i>	21	2	0	5
<i>Математика</i>	2	0	5	2
<i>Медицина</i>	12	0	0	0
<i>Журналистика</i>	0	1	0	2
<i>Гуманитарные и общественные</i>	11	4	13	7
<i>Педагогика</i>	2	0	0	1
<i>Марксизм-ленинизм</i>	1	0	0	1
Итого	58	14	38	30
Всего	72		68	

* Сост. по: [Уральский государственный университет..., 2010].

Мобилизационные мероприятия по привлечению профессоров не давали должного эффекта и сопровождалась возвратными процессами. В 1920–1924 гг. на должности преподавателей, профессоров, заведующих кафедрами и деканов было принято 43 человека, в том числе 18 инженеров, геологов, металлургов, врачей (см. табл. 3). Из них 5 человек закончили Петербургский горный институт, имели опыт практической деятельности на заводах Урала и преподавания в Горном институте — это металлурги А. Ф. Головин и В. Е. Грум-Гржимайло, химик В. С. Сырокомский. Очевидно, что ставка была сделана на привлечение специалистов-практиков. По этой же причине наблюдается повышенная мобильность преподавателей университета.

В конце 1920-х гг. университет был переименован в политехнический институт, а затем раздроблен на отдельные вузы, однако уже в 1931 г. было принято решение о создании Свердловского государственного университета. Фактически это был новый университет, коллектив преподавателей которого формировался заново — на работу были приняты молодые специалисты

(физики, астрономы, геологи, химики, математики, всего 13 человек), получившие высшее образование в 1920-е гг. в Ленинградском, Казанском, Томском, Московском университетах, а также в старом Уральском университете (2 человека) и имевшие опыт преподавания в вузах. Кроме того, источником кадров стал Уральский филиал АН СССР, формирование которого также относится к 1932 г.

В период с 1941 по 1943 г. в СГУ в должности профессоров и заведующих кафедрами работали академик В. П. Волгин, М. Н. Тихомиров, профессора МГУ А. И. Неусыхин и Р. Я. Левина, профессор ЛГУ А. А. Введенский, прибывшие в Свердловск вместе с эвакуированными вузами. Всего в 1941–1945 гг. поступили на должности доцентов, профессоров, заведующих кафедрами 31 человек. С другой стороны, в 1942–1945 гг. уволились из УрГУ 13 человек, а всего за 1940-е гг. университет потерял 38 человек (28 представителей первого поколения и 10 — второго), что привело к кадровому кризису [Уральский государственный университет..., 1980, с. 35]. В 1950-е гг. коллектив УрГУ пополнили девять специалистов первого поколения, с именами которых связано создание новых научных и образовательных направлений, в их числе философ М. Н. Руткевич и историк В. Я. Кривоногов — основатель кафедры архивоведения. Кроме того, на высшие должности пришли 6 человек из второго поколения, карьера которых была сопряжена с партийной активностью.

Таким образом, в силу ряда причин новый коллектив СГУ формируется как за счет привлечения специалистов из других вузов, так и за счет собственных выпускников (17 человек из 68 — 25 %). Среди второго поколения сохраняется высокий удельный вес преподавателей, закончивших отраслевые институты (44,1 %), что почти в два раза выше, чем в Пермском университете. Заметную роль в наращивании академического потенциала в области естественно-научных дисциплин УрГУ в послевоенный период сыграла Академия наук — 19,2 % преподавателей первого и второго поколений совмещали работу в академии с преподаванием в УрГУ.

Анализ средних показателей стажа работы первого и второго поколений преподавателей в УрГУ отражает те же тенденции, что и в ПГУ: в среднем преподаватели первого поколения отработали в УрГУ 5 лет; второго поколения — 22,5 года; общий средний стаж — 13,5 лет. Причем 55 % представителей первого поколения проработали в УрГУ меньше 5 лет, а 54,4 % преподавателей второго поколения имели стаж работы больше 20 лет. Отличие состоит в показателях среднего стажа первого поколения: он меньше, чем в ПГУ.

В 1920–1924 гг. было принято на работу 43 человека и уволились 26 человек, 8 из них проработали в университете 1 год, 18 человек — 2–4 года. Большинство преподавателей УрГУ / УПИ помимо работы в университете имели совместительство. В отчете свердловской секции СНК за 1927 г. отмечено: «значительная часть научных работников подрабатывали в хозяйственных организациях. Нередко плата за работу по совместительству превышала основной заработок по институту. Были случаи, когда научные работники во время

разгара академической работы прекращали ее, уезжая в командировки по линии хозяйственных органов» [Канчеев, с. 33].

В 1930-е гг. социальный портрет коллектива университета определяют уже представители второго поколения. Из 22 человек, поступивших на работу в СГУ, половина закончила в 1927–1932 гг. Казанский, Ленинградский, Московский, Томский университеты и имела небольшой стаж преподавания. В 1941–1945 гг. на работу в университет пришло 31 человек, 8 человек уволились — проработав в УрГУ 1–2 года, они вернулись в Москву и Ленинград вместе с эвакуированными в Свердловск столичными вузами. Еще 16 человек были приняты на работу в УрГУ в 1946–1949 гг., абсолютное большинство этих специалистов (87,5 %) проработали в университете более 20 лет, достигнув высоких должностей и научных результатов.

Политехническая специализация университета на начальном этапе его становления видна по структуре ППС. Так, почти треть преподавателей первого поколения (31,9 %) имела геологическую, металлургическую, инженерную подготовку, еще 16 человек (22,2 %) — естественно-научную. Представители гуманитарных и общественных наук, включая педагогику, составили в первом поколении всего 19 человек — 26,3 % (см. табл. 4).

Второе поколение преподавателей и сотрудников УрГУ также характеризуется преобладанием представителей естественно-научных фундаментальных направлений подготовки, к нему относятся 39 человек (57,3 %) и наращиванием гуманитарной составляющей — 35,2 %. Одновременно наблюдается сокращение удельного веса носителей университетского образования. Во втором поколении они составили 55,8 % (в первом — 80,5 %).

В целом, распределение руководящего звена ППС по направлениям научной специализации соответствует этапам становления Уральского университета — политехническому (1920-е гг.) и классическому (1930–1940-е гг.).

Смена поколений преподавателей в УрГУ приходится на 1930–1950-е гг. в более растянутом режиме и несколько позднее, чем в ПГУ. Этот процесс сопровождали репрессии конца 1930-х гг. и послевоенного времени. Были расстреляны ректор госуниверситета З. Ф. Торбакова, десятки преподавателей, сотрудников, студентов [Бугров, Сафронов, с. 88]. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в рамках кампании борьбы с космополитизмом критике подверглись химики И. Я. Постовский и З. В. Пушкарева, биолог В. И. Патрушев — сторонник идей генетиков [Там же, с. 101].

Выводы

Две модели высшего образования (классический университет и технический вуз) сложились в России в XIX в. и развивались параллельно, реализуя различные цели: университеты были ориентированы на подготовку элиты (научной, управленческой и политической), технические институты — на обеспечение профессиональными кадрами различных сфер жизни общества, в первую

очередь экономики. Сложившийся в системе высшего образования баланс нарушила революция 1917 г. В рамках советского проекта втуз стал основной образовательной концепцией. Ее приоритет в дальнейшем несколько поколебала индустриализация и научно-техническая революция, выдвинув на первый план фундаментальную науку, без которой невозможно поступательное развитие современного общества.

Два уральских университета демонстрируют два варианта становления советского университета: в первом случае мы имеем дело с преемственным вариантом развития, во втором — с эволюцией политехнического вуза (втуза) в советский университет. Преемственная модель характеризуется ведущей ролью первого поколения преподавателей в сохранении идеи и традиций университета, в том числе в формировании научных школ, создание которых относится к 1920-м гг. и определяет статус ПГУ не только как учебного, но и научного центра российского масштаба. Для такой модели свойственна значимая гуманитарная составляющая — необходимый элемент классического образования.

Раннесоветская модель перехода отличается принципиальными разрывами, определяемыми спецификой технического (прикладного) и классического образования и дополненными институциональными реформами. В Свердловске в 1931 г. появилось два вуза — Уральский индустриальный институт (преемственная модель технического института) и Свердловский государственный университет (советская модель классического образования). Кадровый состав СГУ формировался преимущественно из представителей второго поколения — носителей революционной культуры. Тем не менее, передача университетских традиций и идеи университета опосредованно осуществлялась через носителей университетского образования.

Источники

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 227. Оп. 1. Д. 10; Ф. 2110. Оп. 2. Д. 1.

Канцеев А. А. Работа уральских отделений секции научных работников: впечатления от обследования // Научный работник. 1928. № 3. С. 30–37.

Народное образование в СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. и краткий свод статистических данных за пятилетие 1921–1925 гг. : стат. сб. М. : Труды Центрального статистического управления, 1926. Т. XXVIII, вып. 1.

Народное образование, наука и культура в СССР : стат. сб. М. : Статистика, 1971.

Народное хозяйство СССР в 1989 г. : стат. сб. М. : Финансы и статистика, 1990.

ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 259.

Пермский государственный университет им. А. М. Горького. Исторический очерк. 1916–1966. Пермь, 1966.

Пермский государственный университет: история в лицах [Электронный ресурс] / авт.-сост. А. В. Пустовалов. Пермь : Маматов, 2016.

Пинкевич А. П. Что же даст Уралу Уральский университет // Уральский рабочий. 1920. 12 авг.

- Статистический ежегодник. 1918–1920. Т. VIII, вып. I. М. : ЦСУ, 1921.
- Университеты и научные учреждения. М. ; Л. : Обьединенное науч.-техн. изд-во, 1935.
- Уральский государственный университет в биографиях / сост. В. А. Мазур ; редкол.: В. В. Блажес [и др.] ; под общ. ред. А. В. Подчиненова. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.
- Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.

Исследования

- 50 лет Свердловскому горному институту / Д. А. Бобылева и др. М. : Недра, 1967.
- Бугров К. Д., Сафронов А. А. Уральский федеральный университет: 100 лет истории. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020.
- Дмитриев А. Н. Переизобретение советского университета // Логос. 2013. № 1(91). С. 41–64.
- Каиль М. В. Первые университетские центры Советской России (Тамбов, Кострома, Смоленск): общее и особенное в контексте эпохи и исторической памяти // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 3(39). С. 220–233.
- Карпачев М. Д. Коренная реорганизация университетов в СССР в 1929–1933 гг. (по материалам Воронежского государственного университета) // НП/НР. 2016. № 2. С. 121–136.
- Кодин Е. В., Каиль М. В. Реформирование университетской системы в советской России 1918 — начала 1920-х годов: государственная политика и социальные практики // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 322–329.
- Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фруммин И. Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.
- Нечаев М. Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–39. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40>
- Обухов Л. А. Власть и профессура (из истории Пермского университета в 1917–1931 гг.) // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2011. № 2 (16). С. 145–153.
- Парсамов В. Борьба за университет в большевистской России. 1917–1921 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2018. № 6 (39). С. 121–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

References

- Bobyleva, D. A. et al. (1967). *50 let Sverdlovskomu gornomu institutu* [50 years of the Sverdlovsk Mining Institute]. Moscow: Nedra.
- Bugrov, K. D., & Safronov, A. A. (2020). *Ural'skii federal'nyi universitet: 100 let istorii* [Ural Federal University: 100 Years of History]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Dmitriev, A. N. (2013). *Pereizobretenie sovetskogo universiteta* [Reinvention of the Soviet University]. *Logos*, 1(91), 41–64.
- Kail', M. V. (2017). *Pervye universitetskie tsentry Sovetskoi Rossii (Tambov, Kostroma, Smolensk): obshchee i osobennoe v kontekste epokhi i istoricheskoi pamiatii* [The First University Centres of Soviet Russia (Tambov, Kostroma, Smolensk): Common and Peculiar Features in the Context of the Era and Historical Memory]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(39), 220–233.
- Karpachev, M. D. (2016). *Korennaiia reorganizatsiia universitetov v SSSR v 1929–1933 gg. (po materialam Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Radical Reorganisation

of Universities in the USSR in 1929–1933 (Based on Materials from Voronezh State University)]. *NP/NP*, 2, 121–136.

Kodin, E. V., & Kail', M. V. (2016). Reformirovanie universitetskoi sistemy v sovetskoj Rossii 1918 – nachala 1920-kh godov: gosudarstvennaia politika i sotsial'nye praktiki [Reforming the University System in Soviet Russia in 1918 – Early 1920s: State Policy and Social Practices]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(36), 322–329.

Kuz'minov, Ya. I., Semenov, D. S., & Frumin, I. D. (2013). Struktura vuzovskoi seti: ot sovetskogo k rossiiskomu “master-planu” [The Structure of the University Network: From the Soviet to the Russian “Master Plan”]. *Voprosy obrazovaniia*, 4, 8–69.

Nechaev, M. G. (2022). Evakuatsiia nauchnykh, uchebnykh i kul'turnykh uchrezhdenii v gorod Molotov (Perm') vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation of Scientific, Educational and Cultural Institutions to the City of Molotov (Perm) during the Great Patriotic War]. *Gumanitarnye issledovaniia. Istorii i filologii*, 5, 16–39. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40>

Obukhov, L. A. (2011). Vlast' i professura (iz istorii Permskogo universiteta v 1917–1931 gg.) [Power and the Professorate (from the History of Perm University in 1917–1931)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istorii*, 2 (16), 145–153.

Parsamov, V. (2018). Bor'ba za universitet v bol'shevistskoj Rossii. 1917–1921 gg. [The Struggle for the University in Bolshevik Russia. 1917–1921]. *Vestnik RGGU. Serii: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 6(39), 121–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-6-121-146>

Мазур Людмила Николаевна

доктор исторических наук

¹ заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

² ведущий научный сотрудник

Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: LN.Mazur@urfu.ru

Mazur, Lyudmila Nikolaevna

Dr. Hab (History)

¹ Head of the Department of Documentation, Archival Studies and History of Public Administration

Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

² Leading Researcher

Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125047 Moscow, Russia
Email: LN.Mazur@urfu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

Scopus AuthorID: 56625686000

WoS ResearcherID: B-3622-2016

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.010
УДК 930(470.54-25)“20” + 378.4(470.54-25):930 +
+ 378.4(470):94 + 378.1(470.54-25) +
+ 929 Юшков С. В.

А. А. Кулинский
Уральский
федеральный университет
Екатеринбург, Россия

С. В. ЮШКОВ В СВЕРДЛОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1935–1938 гг.

Статья посвящена проблеме влияния ведущих ученых на формирование высшего исторического образования в регионах на примере деятельности профессора, доктора исторических наук Серафима Владимировича Юшкова (1888–1952). Несмотря на существование отдельных исследований, посвященных биографии Юшкова в Свердловске, в большинстве из них Серафим Владимирович рассматривается в качестве историка права, работавшего в Свердловском юридическом институте в 1936–1938 гг. Однако профессор параллельно работал и на историческом факультете Свердловского государственного педагогического института.

В середине 1930-х гг. произошел «резкий поворот» к преподаванию истории как в средней, так и в высшей школе. Для обеспечения обширных территорий Урала квалифицированными учителями в 1934 г. на базе Свердловского государственного педагогического института был учрежден один из первых исторических факультетов. Коллектив молодого исторического подразделения состоял из историков партии, мобилизованных в институт для педагогической и административной работы, специалистов, окончивших высшие учебные заведения центральной части СССР, и опытных ученых, получивших высшее образование еще до революции, к которым и относился Юшков. На основе архивных материалов, периодических изданий, мемуаров и писем восстановлена хронология преподавательской, научной, организационной и общественной деятельности Юшкова как историка в Свердловске. Показано, что профессор в том числе выступал на открытых городских лекциях, принимал участие в создании общественных исторических организаций. На основе проведенного анализа были сделаны выводы о значительном вкладе С. В. Юшкова в развитие высшего исторического образования в Свердловске.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская историческая наука; высшее историческое образование; С. В. Юшков; Свердловский государственный педагогический институт; Уральский государственный университет; исторический факультет; историческое наследие; региональные научные школы

Ц и т и р о в а н и е: *Кулинский А. А.* С. В. Юшков в Свердловском государственном педагогическом институте в 1935–1938 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 155–170. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.010>

Поступила в редакцию: 22.07.2023
Принята к печати: 28.01.2025

Andrei A. Kulinsky

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

S. V. YUSHKOV AT THE SVERDLOVSK STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN 1935–1938

This article studies the influence of leading scholars on the formation of higher education in history in the regions of the country. The author refers to the activity of Serafim Vladimirovich Yushkov (1888–1952), Professor, Dr. Hab. (History). Despite the existence of separate studies devoted to Yushkov's biography in Sverdlovsk, most of them consider Serafim Vladimirovich as a law historian who worked at the Sverdlovsk Law Institute between 1936 and 1938. However, the professor simultaneously worked at the History Department of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute.

In the mid-1930s, there was a 'U-turn' to teaching history in both secondary and higher educational establishments. To provide the vast territories of the Urals with qualified teachers, a history department was established at the Sverdlovsk State Pedagogical Institute in 1934. The staff of the newborn historical department consisted of Party historians mobilised to join the Institute for pedagogical and administrative work, young specialists who had graduated from higher educational institutions in the central part of the USSR, and experienced scholars who had received higher education before the revolution. Yushkov was one of those scholars. Drawing upon archival materials, periodicals, memoirs and letters, the study restores the chronology of Yushkov's teaching, scholarly, organisational, and social activities as a historian in Sverdlovsk. It is demonstrated that the professor, among other things, spoke at open city lectures and took part in the establishment of public historical entities. Based on the analysis, the author concludes that S. V. Yushkov made a significant contribution to the development of higher education in history in Sverdlovsk.

Key words: history of Soviet historical studies; higher education in history; S. V. Yushkov; Sverdlovsk State Pedagogical Institute; Ural State University; department of history; historical heritage; regional academic schools

For citation: Kulinsky, A. A. (2025). S. V. Yushkov v Sverdlovskom gosudarstvennom pedagogicheskom institute v 1935–1938 gg. [S. V. Yushkov at the Sverdlovsk State Pedagogical Institute in 1935–1938]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 155–170. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.010>

Submitted: 22.07.2023

Accepted: 28.01.2025

Судьба гуманитариев, получивших высшее образование в Российской империи и в последующем работавших при советской власти, была непростой. Даже принятие социалистической идеологии не гарантировало ученым спокойной жизни и свободы в научном творчестве. Тем не менее, некоторым из них удалось

построить относительно успешную карьеру, хотя и не без проблем, связанных с идеологизированной критикой. Одним из таких ученых был Серафим Владимирович Юшков (1888–1952) — профессор, доктор исторических наук (с 1935 г.), член-корреспондент АН УССР (с 1939 г.), академик АН Казахской ССР (с 1946 г.), Заслуженный деятель науки РСФСР.

В биографии С. В. Юшкова выделяют несколько периодов, при этом поворотным в плане выстраивания научной карьеры является время его работы в Свердловске (совр. Екатеринбург) в 1935–1938 гг. Деятельность профессора в столице советского Урала рассмотрена лишь с точки зрения вклада в правоведческую науку. Еще в советское время Серафим Владимирович был провозглашен основателем дисциплины «История государства и права СССР». Если говорить о свердловском периоде жизни, то С. В. Юшков фигурировал и фигурирует прежде всего как создатель кафедры истории государства и права в Свердловском юридическом институте [Смыкалин].

В то же время в историографии научно-педагогическая деятельность профессора на историческом факультете Свердловского государственного педагогического института (далее — СГПИ) и связанная с ней работа по организации изучения и популяризации истории в Свердловске описана весьма кратко и скупо, на уровне упоминания отдельных фактов [Кулагина, 1998; Корнилов, Кулагина]. Как представляется, это связано с тем, что С. В. Юшков закрепился в историографии как представитель смежной дисциплины. Соответственно, для объективного изучения истории исторической науки необходимо учитывать ученых как из числа «профессиональных — дипломированных — историков», так и специалистов по истории из других общественных и гуманитарных наук [Киселев, с. 5–7]. В настоящей работе будет предпринята попытка закрыть имеющуюся историографическую лакуну и рассмотреть роль Юшкова в становлении высшего исторического образования в Свердловске.

Серафим Владимирович Юшков, окончивший в 1910 г. юридический и в 1912 г. историко-филологический факультеты Петербургского университета, был оставлен для «подготовки к профессорскому званию, как студент, проявивший исследовательский потенциал» [Кострюков, с. 16]. В 1916 г. Юшков стал приват-доцентом кафедры церковного права Петроградского университета. После установления советской власти он переехал в Саратов, где работал профессором при кафедре истории и методологии Саратовского университета [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 5, л. 134]. Кроме того, в 1921 г. С. В. Юшкова избрали ректором Саратовского института народного образования [Там же].

В конце 1920-х гг. начались гонения на представителей дореволюционной школы, которые отразились и на карьере Серафима Владимировича. Начиная с 1926 г. ученый работал в Ленинграде, однако после начала печально известного «Академического дела», опасаясь возможных репрессий, покинул его и, по воспоминаниям Н. Ю. Фиолетовой, «растерянный и напуганный, приехал в Ташкент» [Киселев, с. 85–86]. С 1930 по 1935 г. Серафим Владимирович успел поработать в Узбекской педагогической академии, а затем и в Дагестанском

педагогическом институте. Уже в 1935 г. Юшков перебрался в Свердловск. Как утверждалось в одном из официальных документов, «в 1935 г. Народный комиссариат просвещения командировал профессора в Свердловский педагогический институт» [ЦДОСО, ф. 240, оп. 1, д. 5, л. 134].

С. В. Юшкову переезд дался нелегко: ученый крайне тяжело воспринимал свою жизнь в провинции. Называя Свердловск «дырой» и утверждая, что в нем «поговорить по специальности не с кем», в письмах своему учителю В. Н. Бенешевичу просил его о «какой-либо возможности» трудоустройства в Ленинграде [Киселев, с. 88–89]. Дело в том, что к этому времени произошли известные изменения в политике по отношению к истории, закрепленные постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» 1934 г., в связи с чем в научную жизнь стали возвращаться уцелевшие представители дореволюционной профессуры. В. Н. Бенешевич, осужденный ранее по «Академическому делу», в 1934 г. вернулся к преподаванию в Ленинградский университет. Соответственно, Юшков рассчитывал на возможность возобновить карьеру в том же Ленинграде. Тем не менее, такой перспективы не намечалось, поэтому Серафим Владимирович был вынужден продолжать обустриваться в Свердловске, где стал заведующим кафедрой истории государства и права Свердловского юридического института, а также был принят на исторический факультет Свердловского государственного педагогического института в качестве профессора, с сентября 1936 г. — заведующего кафедрой истории [Уральский государственный педагогический университет].

В 1933 г. на базе Уральского индустриально-педагогического института (УРИПИ) был образован Свердловский государственный педагогический институт, в составе которого было историческое отделение, преобразованное позднее в факультет [Кулагина, 1998]. К середине 1930-х гг. в состав пединститута входили следующие сектора: «Дневной с факультетами: историческим, физико-математическим и педагогическим; вечерний с факультетами: историческим, литературным, физико-математическим и педагогическим; заочный с факультетами: историческим и физико-математическим» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 14, л. 2]. Согласно сохранившимся зачетным книжкам студентов исторического факультета, в учебный план первого курса входили следующие дисциплины: история древнего Востока и Греции, история древнего Рима, лекции по диалектическому материализму, политэкономии, экономической географии, истории литературы, русского и немецкого языков [Кулагина, 1998]. Исторический факультет не располагал широкой материальной базой и высококвалифицированными профессорско-преподавательскими кадрами. В 1935 г. в СГПИ имелось два утвержденных профессора — С. В. Юшков и С. З. Каценбоген [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 14, л. 2], а также исполняющий обязанности профессора Н. П. Руткевич [Уральский государственный педагогический университет]. При этом только Юшков имел степень доктора наук [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 14, л. 2].

Галина Александровна Кулагина, обучавшаяся на историческом факультете СГПИ в 1933–1937 гг. и работавшая ассистентом на кафедре истории до 1938 г.

[Овчинникова, с. 352], следующими словами охарактеризовала преподавательские навыки С. В. Юшкова: «Он блестяще знал содержание этих курсов и без видимого труда передал студентам фактическую историю, не стесняя себя никакими психолого-педагогическими требованиями. Его не касалось, что он читает будущим учителям, совершенно одинаково “академично” он прочел бы свои лекции в любой аудитории. Работа кафедры, в значительной степени — акт чисто формальный, его мало интересовала» [Музей УрГУ, ф. 61, д. 3, л. 49]. Из мемуаров Кулагиной следует, что студентам Серафим Владимирович в роли преподавателя нравился, они «ласково за глаза» называли его «Симушка» [Кулагина, 2005].

Студентка истфака СГПИ Ф. С. Гинзбург вспоминала: «Общее впечатление от лекций Серафима Владимировича настолько сильное и глубокое, что многое прочно осталось в сознании. Лекции профессора Юшкова отличались прежде всего исключительной глубиной, богатством фактического материала, образностью и свободой изложения, блестящей аргументацией на основе всестороннего использования первоисточников. Как лектора профессора Юшкова отличала необыкновенная простота и доступность изложения. Вместе со звонком он входил в аудиторию и прямо с порога начинал читать лекцию» [Музей истории УрГПУ, инв. № 1588, л. 1]. Из воспоминаний студента исторического факультета СГПИ К. В. Попова: «На последнем курсе практические занятия по истории СССР вел проф. С. В. Юшков. ...он... поразил меня колоссальной эрудицией. Запомнилась мне и такая существенная деталь: он вел себя на лекциях очень непринужденно — придет в аудиторию, сядет на стол и почесывая приоткрытую грудь (весьма мохнатую), без никаких конспектов излагает СВОЮ точку зрения на обсуждаемый вопрос» [Музей истории УрГПУ, ПФХ № 125, л. 31].

Подтверждением подобных мемуарных зарисовок можно назвать выступления студентов на производственном совещании исторического факультета СГПИ от 25 февраля 1937 г. Студентка первого курса Алимбиева утверждала: «Я вся изнервничалась на уроке политэкономии, а другие лекции т. Юшкова, Захаровой записываю хорошо, можно обойтись без учебников» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 11, л. 45]. На заседании кафедры истории 2 декабря 1938 г. преподаватель Я. С. Юферев высказался о коллеге, как о «влиятельном исследователе периода Киевской Руси с чуйкой педагога» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 25, л. 39]. Правда, встречались и критические замечания: «Я (тов. Грачев. — А. К.) нахожу материал о древней истории и не могу свести концы с концами. По-моему, то, о чем говорит тов. Юшков относится ко второй войне, а он преподносит как первую» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 19, л. 113]. Среди некоторых преподавателей и студентов было принято критически оценивать деятельность старой профессуры: «В 30-х годах, на начальных этапах пролетаризации высшей школы, в вузы хлынула пролетарская молодежь. В педагогические вузы пришли многие учителя, партийные работники, имевшие опыт практической работы, но без высшего образования. Постигнув некоторые азы марксизма, они пытались воздействовать на старую профессуру, критиковали ее, поправляли, подкидывали каверзные

вопросы, чтобы привить ей марксистскую методологию» [Музей истории УрГПУ, инв. № 1588, л. 2–3]. Несмотря на опасность быть обвиненным в идеологических преступлениях, критика «пролетарской молодежи» выглядела «курьезной и по меньшей мере смешной» [Музей истории УрГПУ, инв. № 1588, л. 2–3].

В период 1937–1938 гг. на очном отделении исторического факультета СГПИ за С. В. Юшковым числилось наибольшее количество преподаваемых дисциплин: история СССР, специальный семинар по Русской Правде, специальный курс по истории Киевской Руси, специальный курс по истории Московского государства и руководство архивной практикой [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 22, л. 8–9]. В учебном плане заочного сектора института за Серафимом Владимировичем числилась история народов СССР [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 11, л. 46–67]. Согласно заключению инспектора Народного комиссариата просвещения Васнецова, в марте 1936 г. «работа Заочного сектора была в развале» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 18, л. 103]. При анализе отчетов исторического факультета было установлено, что уже к 1937 г. количество студентов, показатели успеваемости и внеучебной деятельности возросли. Профессор также входил в экзаменационную комиссию пединститута: «Председатель А. В. Козырев, директор, члены комиссии — В. К. Ансвесул, В. А. Курбатов, С. В. Юшков, И. Г. Факидов, Н. С. Дмитриев, Д. Г. Пайков» [Уральский государственный педагогический университет, с. 41].

Влияние на преподавательскую деятельность С. В. Юшкова оказал «Большой террор». «Врагами народа» были объявлены директор педагогического института доцент В. Е. Семенов, а затем и бывший декан истфака В. К. Ансвесул [Музей УрГУ, ф. 61, д. 3, л. 48; Попов, Клименко]. Примечательно, что В. Е. Семенов, В. К. Ансвесул и большинство других преподавателей, репрессированных во второй половине 1930-х гг., являлись мобилизованными партийцами, прошедшими обучение в коммунистических вузах. После неожиданного исчезновения 3 февраля 1938 г. лектора по истории Древней Греции и Древнего Рима В. К. Ансвесула Серафим Владимирович взял на себя ведение этих курсов [Музей УрГУ, ф. 61, д. 3, л. 47]. Еще в Свердловском юридическом институте профессор проводил курс лекций по римскому праву, помимо этого, он владел шестью языками — латинским, французским, итальянским, греческим, немецким и украинским [Смыкалин, с. 107], так что, стоит полагать, студенты исторического факультета могли рассчитывать на хороший уровень преподавания и этих дисциплин.

Г. А. Кулагина утверждала, что С. В. Юшков и Н. П. Руткевич занимались организацией исторического кабинета, «фактически научной лаборатории». Н. П. Руткевич, как и С. В. Юшков, прибыл в Свердловск в середине 1930-х гг. После учреждения в 1938 г. исторического факультета Свердловского государственного университета (далее — СГУ) Н. П. Руткевич совмещал должности в институте и университете. В первые годы своего существования исторический кабинет «представлял собой комнату, оборудованную для вечерних самостоятельных занятий студентов» [Музей УрГУ, ф. 61, д. 3, л. 49]. Правда, после

слияния исторических факультетов Свердловского государственного педагогического института и переименованного в 1945 г. Уральского государственного университета (далее — УрГУ) «выяснилось полное несовпадение взглядов на сохранение традиций» и «накопленные кабинетом материалы в значительной их части стали не востребованными» [Кулагина, 2005, с. 57].

Кроме преподавательской деятельности Серафим Владимирович занимался научными изысканиями. Между профессором и дирекцией СГПИ был заключен договор на выполнение научно-исследовательских работ, результатом которых стали статьи, опубликованные в периодических изданиях: «Историк-марксист» и «Ученые записки СГПИ». Из отчета о выполнении научно-исследовательской работы за 1936/1937 учебный год следует, что профессор опубликовал такие статьи: «Эволюция дани в феодальную ренту», «А. С. Пушкин о феодализме в России», «А. С. Пушкин как историк», «О развитии крепостного права в России XIV–XV вв.», «Общественно-экономический строй Киевской Руси в дофеодальный период» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 15, л. 8–9]. По итогам учебного года Серафим Владимирович предоставил отчет с планом научно-исследовательской работы: «Кафедра истории имеет план научно-исследовательской работы. План выполнен только двумя тт. профессором Юшковым и преподавателем Ивашиным» [Там же, л. 129].

Интересен тот факт, что профессор активно привлекал к научной деятельности студентов исторического факультета. Так, при кафедре истории был организован студенческий научный кружок под его руководством [Там же, л. 7–8]. Им были организованы курсы по архивоведению, практика в фондах Свердловского областного архива: «Программой намечается разработка архивных материалов по восстанию крестьян бывшего Шадринского и Камышловского уездов в 1848 году, возмущения мастеровых Кыштымского и Каслинского заводов против заводоуправления и заводского исправника в 1843 году» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 22, л. 22]. По воспоминаниям Г. А. Кулагиной, «на молодом периферийном истфаке С. В. Юшков смело и решительно заводил столичные порядки и традиции. Им была составлена программа и прочитан курс по архивоведению, проведена практика в Свердловском архиве» [Кулагина, 1998, с. 113]. При этом она отмечала, «все происходило впервые у нас на Среднем Урале: и сам истфак был первым... А в архиве тогда даже не было читального зала, и редкие посетители знакомились с делами прямо в хранилище» [Кулагина, 2005, с. 41]. Однако, «С. В. Юшков был новичком в нашем архиве, а тогдашний его заведующий старый большевик А. Д. Киселев, лично знавший автора книжечки о волнениях ревдинских углежогов В. Быкова, выступил инициатором в подборе архивных дел для студентов» [Там же, с. 46].

Деятельность Юшкова как историка не ограничивалась работой на историческом факультете СГПИ. Ученый выступал на городских мероприятиях. В газете «Уральский рабочий» сохранились сведения об организации лекций для учителей и студентов. 4 февраля 1937 г. Свердловским городским комитетом ВЛКСМ организована серия публичных лекций, где профессор выступил

с докладом на тему «История народов СССР» [Лекторий для молодежи]. 11 сентября 1937 г. Серафим Владимирович выступил на областном учительском семинаре, посвященном преподаванию истории по новому учебнику «Краткий курс истории СССР», с лекцией «Древнейшие государства в нашей стране» [Замечательный учебник]. Ученый высказывался о новом учебнике: «Появление его — одна из крупнейших побед на фронте преподавания истории» [Там же, с. 4]. Кроме этого, в ноябре 1937 г. в Свердловском государственном университете «профессор С. В. Юшков прочитал цикл лекций по истории народов СССР» [Хроника Уральского университета, с. 3].

Профессор принимал участие в организации уральского краеведения. В первой половине 1920-х гг. развитие краеведческого движения «явилось потребностью молодого Советского государства, где повсеместно шли процессы, преобразующие экономику и культуру...» [Тагильцева, 1987, с. 155]. Идеологическое давление на краеведов-гуманитариев началось с публикацией статьи М. Н. Лядова «В первую очередь — внимание краеведческому музею» в газете «Комсомольская правда» от 24 апреля 1929 г. [В первую очередь — внимание краеведческому музею]. Статья М. Н. Лядова о замене «вчерашних помещиков» на «марксистски образованных общественников» была характерна для работ партийных историков того времени. Однако, по мнению специалиста по истории краеведческого движения на Урале в 1920–1930-х гг. Н. Н. Тагильцевой, руководство Уральского областного бюро краеведения (далее — УОБК) «не желало принимать никакого участия в травле краеведов. Возможно, именно благодаря такой позиции уральские краеведы в начале 1930-х гг. пострадали гораздо меньше, чем члены краеведческих организаций других регионов» [Тагильцева, 1996, с. 15]. Для деятелей УОБК (с 1935 г. Общества изучения Свердловской области — ОИСО) главной задачей стало восстановление бывшего масштаба исследовательской деятельности [Там же, с. 16]. В свою очередь, Серафим Владимирович активно содействовал краеведам.

23 января 1935 г. Президиумом Свердловского областного исполнительного комитета был принят устав ОИСО [Устав общества изучения Свердловской области], а 23 апреля 1936 г. учреждена историческая секция общества, которую возглавил С. В. Юшков. Сообщалось, что «секция будет изучать историю народов манси, пермяков, нагайбаков, русскую колонизацию XI–XVI веков, быт и др.» [Отовсюду, с. 4]. Однако Серафим Владимирович отказался от руководства секцией, что было зафиксировано в проекте постановления бюро ОИСО 1936 г.: «Оргбюро выражает сожаление по поводу отказа от руководящей работы секции С. В. Юшкова, считая мотивы этого отказа не основательными» [ГАСО, ф. Р-678, оп. 1, д. 15, л. 13]. Бюро исторической секции ОИСО было утверждено в следующем составе: «До момента созыва областного съезда общества, оргбюро утверждает временное бюро исторической секции в следующем составе: Председатель секции т. В. К. Ансвесул. Члены бюро: С. В. Юшков, Быстрых, Н. Н. Бортвин, Исетский, и кандидаты в члены бюро т.т. Евстифеев и Филатов» [Там же]. В качестве члена ОИСО С. В. Юшков занимался изучением истории

сел, деревень и колхозов: «Создание исторических краеведных ячеек в колхозах. Сбор воспоминаний. Изучение архивных материалов. Выявление отд[ельных] печ[атных] работ по истории возникновения, развития сел и деревень и колхозов» [ГАСО, ф. Р-678, оп. 1, д. 15, л. 8]. Вскоре постановлением Совнаркома РСФСР от 10 июня 1937 г. были ликвидированы краеведческие организации в стране [Историческое краеведение Урала], включая и ОИСО, так что каких-либо значимых результатов секция в составе с Серафимом Владимировичем, похоже, достичь не успела.

Во второй половине 1930-х гг. коллектив Уральского филиала Академии наук (далее – УФ АН) пытался организовать работу историков и биологов Урала [Колосова]. 16 июня 1936 г. Юшков направил докладную записку в Президиум УФ АН «Об организации исторической секции» [Киселев]. Руководящим органом было принято решение «просить Комитет по заведованию филиалами и базами поставить в Президиуме АН СССР вопрос о разрешении организации при УФ АНе с 1 января 1937 года историко-экономического сектора...» [Татаркин, Берсенева, с. 28]. Для организации академического подразделения требовалось «5 тысяч рублей, однако в тот момент создание сектора было признано нецелесообразным» [Там же]. Несмотря на инициативу С. В. Юшкова и других ученых Урала, создание исторической академической институции в УФ АН состоялось гораздо позже.

За два года научно-педагогической и организационной деятельности С. В. Юшков как историк получил признание не только в институтском сообществе, но и среди жителей Свердловска. В газете «Уральский рабочий» от 5 июля 1937 г. опубликована статья, посвященная 25-летию юбилею научно-педагогической деятельности Юшкова: «Сегодня советская общественность Свердловска отмечала 25-летний юбилей научной и педагогической деятельности проф. Педагогического института, доктора исторических наук С. В. Юшкова... Не только в педагогическом институте, но и на многочисленных курсах по повышению квалификации учителей, на конференциях учителей-историков работает ученый, тесно связывающий научную деятельность с серьезной общественной работой» [Юбилей профессора С. В. Юшкова, с. 4]. Историк права был награжден Почетной грамотой Свердловского облисполкома, а Свердловским педагогическим и Свердловским юридическим институтами в Наркомост и Наркомпрос представлено ходатайство о присвоении Юшкову звания Заслуженного деятеля науки РСФСР [Зипунникова].

Стоит сказать, что положительное отношение к профессору среди общественности Свердловска едва ли было возможно без поддержки со стороны местных властей. В фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) обнаружена характеристика Юшкова от Свердловского облисполкома, в которой жизнь профессора излагалась исключительно с положительной стороны, несмотря на его «буржуазное» происхождение. По всей видимости, Исполнительный комитет Свердловской области закрывал глаза на происхождение и биографию С. В. Юшкова, так как

спрос на «многофункциональных» профессоров был высок. Обоснованием для подобных предположений может послужить биография профессора Соломона Захаровича Каценбогена. В 1937 г. Соломона Захаровича трижды увольняли по обвинению в троцкизме. Однако в декабре того же года профессор был восстановлен в качестве действующего преподавателя: «Вместо заведования кафедрой ему было предложено чтение факультативных курсов по истории философии и организационное руководство НИР в Институте с сохранением персональной ставки» [Уральский государственный педагогический университет, с. 43].

В 1937 г. под руководством С. В. Юшкова была проведена историческая научно-исследовательская конференция, на которой сам ученый выступал с тремя докладами: «К вопросу о развитии крепостного права в Московском государстве в XIV–XV вв.», «Пушкин-историк», «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане». По утверждению Г. А. Кулагиной, публику поразила эрудированность Юшкова, «богатство привлекаемых источников и не просто самостоятельность, а смелость суждений по остро дискутируемым в те дни и позже вопросам истории России» [Кулагина, 2005, с. 128]. Доклад «Пушкин-историк» 6 февраля 1937 г. был размещен на страницах областной газеты «Уральский рабочий» [Юшков]. Итогом конференции стала публикация выступлений преподавателей и студентов в историческом сборнике «Ученые записки Свердловского государственного педагогического института».

Из-за материальных трудностей, связанных с дефицитом бумаги, первый выпуск «Ученых записок» СГПИ увидел свет лишь в 1938 г. [Очерки истории педагогического образования...]. Старший преподаватель исторического факультета СГПИ Н. А. Финкельштейн в журнале «Историк-марксист» (1940) констатировал: «Большое значение в развертывании научной работы на факультете имел факт разгрома так называемой школы Покровского и организация в 1937 г. по инициативе зав. объединенной кафедрой истории проф. С. В. Юшкова, работавшего тогда в Свердловском педагогическом институте, первой межобластной научно-исследовательской конференции по историческим наукам. Результатом работы этой конференции явился 1-й выпуск “Ученых записок Свердловского педагогического института”, изданных в 1938 году. Все статьи этого выпуска “Ученых записок” являются оригинальными научно-исследовательскими работами, написанными работниками исторического факультета» [Финкельштейн, с. 148].

Издание первого номера «Ученых записок» было действительно важным событием, так как научные работы принадлежали не только опытным преподавателям, но и «молодым научным работникам института, студентам-выпускникам, которые впервые выступают в печати» [Ученые записки..., с. 1]. В примечаниях к статьям студентов были указаны участники научной работы. В статье М. И. Ушакова написано: «В разработке материалов принимали участие студенты IV к. истфака тт. Золотавина, Симонова, Завьялов, Денисов, Ячменев, Пырьев. Общая редакция статьи принадлежит проф. С. В. Юшкову» [Ушаков, с. 199]. Кулагиной и Орловым также упоминались руководитель, участники научно-исследовательской группы: «Материалы по истории и описанию завода

написаны товарищами Ворониной и Шароновой, т. Добрынина писала о предпосылках событий 1841 г. в Ревде, ход событий с 14 по 17 апреля описан Кулагиной, раздел — суд и расправа над углежогами написан Орловым» [Кулагина, Орлов, с. 223]. Скорее всего, работа в Свердловском областном архиве и последующая обработка материалов проводилась в рамках функционирования научного кружка, организованного при кафедре истории в 1936 г. Самим Юшковым были опубликованы статьи, представленные на конференции в качестве докладов.

В том же году С. В. Юшков покинул Свердловск. Это было связано с «поворотом к истории в правоведении», происходившим в середине 1930-х гг. При этом в столице наблюдалась острая нехватка высококвалифицированных кадров, соответственно, Юшков вновь стал востребованным специалистом и был переведен в Московский юридический институт [Киселев, с. 86, 89].

Несмотря на то, что С. В. Юшков проработал в СГПИ относительно недолго, его научно-педагогическая деятельность не прошла бесследно. Г. А. Кулагина констатировала, что «спецсеминар профессора С. В. Юшкова на историческом факультете СГПИ в 1936–37 гг. принес богатые плоды. Получив вкус к исследовательской работе в архиве, трое из участников семинара (М. А. Золотавина, А. И. Иванов и Г. А. Кулагина) стали впоследствии кандидатами исторических наук» [Музей истории УрГПУ, инв. № 914/19, л. 9]. Г. А. Кулагина получила рекомендацию в аспирантуру от С. В. Юшкова еще в 1937 г., однако смогла поступить лишь в 1945 г., так как «аспирантуры по интересовавшему уральскому феодализму не было ни в институте, ни в УрГУ» [Кулагина, 2005, с. 43]. Защитить диссертацию ей удалось лишь в 1955 г. Именно в этом году «исторический факультет СГПИ был объединен с истфаком Уральского университета, и Галина Александровна, закончив свои дела в качестве зам. директора пединститута, вернулась в УрГУ доцентом кафедры истории СССР» [Чевтаев, Филиппова, с. 379].

М. И. Ушаков, который станет заслуженным деятелем науки УССР, профессором, доктором исторических наук, в 1937 г. также получил рекомендацию в аспирантуру от Юшкова [Кулагина, 2005, с. 19]. Учебные курсы С. В. Юшкова посещал будущий профессор, доктор исторических наук К. Д. Петряев, с благодарностью вспоминая занятия своего преподавателя [Музей истории УрГПУ, инв. № 914/19, л. 16–17]. Лекционные и практические занятия Юшкова посещала Ф. С. Гинзбург — впоследствии кандидат исторических наук и специалист по истории Урала.

Определенное влияние Юшков мог оказать на П. А. Вагину, окончившую в 1938 г. вечернее отделение СГПИ [Черноухов]. П. А. Вагина работала с Г. А. Кулагиной «четверть века», защитила кандидатскую на пять лет раньше (в 1950 г.), активно занималась научной деятельностью, будучи преподавателем УрГУ [Там же].

Правда, не стоит абсолютизировать влияние Юшкова на его студентов. Г. А. Кулагина в воспоминаниях называла своим основным учителем Н. П. Руткевича [Музей УрГУ, ф. 61, д. 3, л. 96].

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что С. В. Юшков внес существенный вклад в подготовку квалифицированных кадров-историков Свердловского государственного педагогического института. При этом сотрудники СГПИ принимали непосредственное участие в организации учрежденного в 1938 г. исторического факультета Свердловского (с 1945 г. — Уральского) государственного университета, а в 1955 г. преподавательский состав истфака пединститута стал частью исторического факультета УрГУ. Юшкова вполне можно причислить к преподавателям, стоявшим у истоков высшего исторического образования Свердловска и, соответственно, современного Екатеринбурга.

Влияние С. В. Юшкова распространялось не только на студентов. Накануне 20-летнего юбилея СГПИ преподаватель М. Я. Сюзюмов — в последующем известный византист и основатель собственной научной школы в Уральском государственном университете — писал Юшкову: «Обращаюсь к Вам с извещением о том, что 8 октября (1950 г. — А. К.) наш Педагогический институт празднует 20-летний юбилей своего существования. Мы, работники института, конечно, будем вспоминать Вас, глубокоуважаемый Серафим Владимирович. Здесь у нас еще много лиц, так хорошо знавших Вас. К сожалению, среди нас уже нет Вашего друга Николая Павловича (Пауловича. — А. К.) Руткевича, который умер в прошлом году». При этом Сюзюмов изложил в письме интересный пассаж о влиянии Юшкова на свою деятельность: «Хотя мне и не удалось работать вместе с Вами одновременно, но я часто посещал Ваши лекции и нередко разговаривал с Вами по вопросам древней Русской истории. В основном свою концепцию Византийской истории я разработал под влиянием Ваших лекций» [Музей истории УрГПУ, инв. № 1596, л. 1]. Сюзюмов, обращаясь к Юшкову, мог преувеличить его влияние на свою концепцию византийской истории. Более того, в историографии в принципе не поднимался вопрос о каком-либо концептуальном влиянии С. В. Юшкова на М. Я. Сюзюмова, так что его наличие или отсутствие еще предстоит выяснить.

Таким образом, в середине 1930-х гг. С. В. Юшков стремился трудоустроиться в одном из центральных научных учреждений СССР. Вопреки его желаниям, ему удалось стать ведущим историком в столице советского Урала. На наш взгляд, успешная научно-педагогическая и общественная деятельность Юшкова как историка обусловлена тем, что в середине 1930-х гг. в Свердловске не существовало развитого профессионального научного исторического сообщества. Юшков, являясь высококвалифицированным представителем историко-правовой науки, мог стать ученым, который определял и направлял вектор развития региональной исторической науки. Однако Серафима Владимировича не устраивала такая карьерная перспектива в провинции, поэтому профессор в скором времени покинул Свердловск.

Источники

В первую очередь — внимание краеведческому музею // Комсомольская правда. 1929. 24 апр.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 15; Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 11, 14, 15, 18, 19, 22, 25.

Замечательный учебник // Уральский рабочий. 1937. 14 сент.

Кулагина Г. А., Орлов В. [Г.] Волнение углежогов в Ревдинском заводе в 1841 г. // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. 1 / отв. ред. И. И. Шаров. Свердловск : ОГИЗ, 1938. С. 223–248.

Лекторий для молодежи // Уральский рабочий. 1937. 4 февр.

Музей истории УрГПУ — музей истории Уральского государственного педагогического университета. ПФХ № 125; инв. № 914/19; инв. № 1588; инв. № 1596.

Музей УрГУ — музей Уральского государственного университета. Ф. 61. Д. 3.

Отовсюду // Уральский рабочий. 1936. 24 апреля.

Устав общества изучения Свердловской области. Свердловск : УНКВД по Свердловской области, 1935.

Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. 1 / отв. ред. И. И. Шаров. Свердловск : ОГИЗ, 1938

Ушаков М. И. Кыштымское восстание 1822–1823 гг. // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. 1 / отв. ред. И. И. Шаров. Свердловск : ОГИЗ, 1938. С. 199–222.

Финкельштейн Н. А. Научная работа исторического факультета Свердловского педагогического института // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 148–149.

Хроника Уральского университета // Уральский университет. 1968. 6 янв.

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 240. Оп. 1. Д. 5.

Юбилей профессора С. В. Юшкова // Уральский рабочий. 1937. 5 июля.

Юшков С. В. Пушкин-историк // Уральский рабочий. 1937. 6 февр.

Исследования

Зитунникова Н. Н. Кафедре истории государства и права СЮИ — УрГЮА — УрГЮУ — 80: Эпоха становления. Часть 1. Первый заведующий — С. В. Юшков // Российский юридический журнал. 2016. № 4. С. 218–233.

Историческое краеведение Урала : учеб. пособие для студентов / под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург, 2015.

Киселев М. А. «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб. : Нестор-История, 2020.

Колосова Е. Н. История организации УФ АН СССР (1932–1937): человеческий фактор // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 7. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 157–176.

Корнилов Г. Е., Кулагина Г. А. Юшков Серафим Владимирович // Историки Урала, XVIII–XX вв. / ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : УрО РАН, 2003. С. 438–440.

Кострюков П. А. Государственно-правовые воззрения Серафима Владимировича Юшкова : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2009.

Кулагина Г. А. Истоки исторического образования на Среднем Урале // Вторые Уральские историко-педагогические чтения : материалы регион. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1998. С. 110–116.

Кулагина Г. А. Свидетель века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Овчинникова Б. Б. Г. А. Кулагина — «долгоиграющий доцент» // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 1998. С. 352–357.

Очерки истории педагогического образования в Екатеринбурге (1871–1930): к 140-летию педагогического образования на Урале / сост. Б. М. Игошев, М. В. Попов, М. К. Елисафенко и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2011.

Попов М. В., Клименко И. М. В. К. Ансвенсул — «латышский стрелок» и первый декан исторического факультета Свердловского пединститута // Педагогическое образование в России. 2020. № 2. С. 14–20. <https://doi.org/10.26170/po20-02-02>

Смыкалин А. С. Академик Юшков: Свердловский эпизод в научной жизни выдающегося ученого // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2004. № 4. С. 105–112.

Тагильцева Н. Н. Краеведческое движение и становление музейного дела на Урале (1924–1936 гг.) // Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР / ред. А. И. Фролов, А. А. Сундиева. М. : НИИК, 1987. С. 155–173.

Тагильцева Н. Н. «Золотой век» уральского краеведения // Уральское краеведение: историко-литературный альманах «Уральский областник» / ред. Н. Н. Тагильцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 8–18.

Татаркин А. И., Берсенева В. Л. Академическая экономическая наука на Урале: взгляд сквозь десятилетия // Экономика региона. 2007. № 4. С. 26–39.

Уральский государственный педагогический университет: Летопись-хроника, 1930–2000 / сост. А. М. Лушников. Екатеринбург : УрГПУ, 2000.

Чевтаев А. Г., Филиппова В. И. Свидетель века. Памяти Галины Александровны Кулагиной (1913–2008) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. № 59, вып. 16. С. 378–380.

Черноухов А. В. Исторический факультет Уральского государственного университета. 1956–1970. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013.

References

Chernoukhov, A. V. (2013). *Istoricheskii fakul'tet Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [The Faculty of History of Ural State University. 1956–1970]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Chevtayev, A. G., & Filippova, V. I. (2008). Svidetel' veka. Pamiati Galiny Aleksandrovny Kulaginoi (1913–2008) [Witness of the Century. In Memory of Galina Aleksandrovna Kulagina (1913–2008)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 59, 378–380.

Igoshev, B. M., Popov, M. V., & Elisafenko, M. K. (Eds.). (2011). *Ocherki istorii pedagogicheskogo obrazovaniia v Ekaterinburge (1871–1930): k 140-letiiu pedagogicheskogo obrazovaniia na Urale* [Essays of the History of Pedagogical Education in Ekaterinburg (1871–1930): Toward the 140th Anniversary of Pedagogical Education in the Urals]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press.

Kiselev, M. A. (2021). “Reguliarnoe” gosudarstvo Petra I v stalinskoj Rossii: Sud'by istorikov prava v kontekste nauchnykh i ideologicheskikh batalii sovetskogo vremeni [“Regular” State of Peter the Great in Stalinist Russia: Fates of Law Historians in the Context of Scientific and Ideological Battles of the Soviet Time]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Kolosova, E. N. (2007). *Istoriia organizatsii UF AN SSSR (1932–1937): chelovecheskii faktor* [History of the Organisation of the UB AS USSR (1932–1937): The Human Factor]. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'*, 7, 157–176.

Kornilov, G. E. (Ed.). (2015). *Istoricheskoe kraevedenie Urala: uchebnoe posobie dlia studentov* [Historical Local Lore of the Urals: Textbook for Students]. Ekaterinburg.

Kornilov, G. E., & Kulagina, G. A. (2003). Yushkov Serafim Vladimirovich [Serafim Vladimirovich Yushkov] (pp. 438–440). In V. V. Alekseev (Ed.), *Istoriki Urala, XVIII–XX vv.* [Historians of the Urals, 18th–20th Centuries]. Ekaterinburg: UrO RAN.

Kostriukov, P. A. (2009). *Gosudarstvenno-pravovye vozzreniia Serafima Vladimirovicha Yushkova* [State-legal Views of Serafim Vladimirovich Yushkov] (doctoral dissertation). St Petersburg.

Kulagina, G. A. (1998). *Istoki istoricheskogo obrazovaniia na Srednem Urale* [Origins of Historical Education in the Middle Urals]. In *Vtorye Ural'skie istoriko-pedagogicheskie chteniia: materialy regional'noi nauchnoi konferentsii* [Second Ural Historical and Pedagogical Readings: Materials of the Regional Scholarly Conference] (pp. 110–116). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press.

Kulagina, G. A. (2005). *Svidetel' veka* [Witness of the Century]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Lushnikov, A. M. (Ed.). (2000). *Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet: Letopis'-khronika, 1930–2000* [Ural State Pedagogical University: A Chronicle, 1930–2000]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Ovchinnikova, B. B. (1998). Kulagina — “dolgoigraushchii dotsent” [G. A. Kulagina, the “Long-running Associate Professor”]. In *Problemy istorii Rossii* [Issues of Russian History] (pp. 352–357). Ekaterinburg: Volot.

Popov, M. V., & Klimenok, I. M. (2020). V. K. Ansvensul — “latyshskii strelok” i pervyi dekan istoricheskogo fakul'teta Sverdlovskogo pedinstituta [V. K. Ansvensul — “Latvian Shooter” and the First Dean of the Faculty of History at the Sverdlovsk Pedagogical Institute]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2, 14–20. <https://doi.org/10.26170/po20-02-02>

Smykalin, A. S. (2004). Akademik Yushkov: Sverdlovskii epizod v nauchnoi zhizni vydaiushchegosia uchenogo [Academician Yushkov: The Sverdlovsk Period in the Academic Life of an Outstanding Scholar]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 4, 105–112.

Tagil'tseva, N. N. (1987). Kraevedcheskoe dvizhenie i stanovlenie muzeinogo dela na Urale (1924–1936) [Local Lore Movement and the Establishment of Museum Studies in the Urals (1924–1936)]. In A. I. Frolov, & A. A. Sundieva (Eds.), *Iz istorii okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediiia v RSFSR* [From the History of Protection and Use of Cultural Heritage in the RSFSR] (pp. 155–173). Moscow: NIIK.

Tagil'tseva, N. N. (1996). “Zolotoi vek” ural'skogo kraevedeniia [The “Golden Age” of the Ural Local Lore]. In N. N. Tagil'tseva (Ed.), *Ural'skoe kraevedenie: istoriko-literaturnyi al'manakh “Ural'skii oblastnik”* [Ural Local Lore: *Uralsky Oblastnik*, a Historical and Literary Almanac] (pp. 8–18). Ekaterinburg: Ural University Press.

Tatarkin, A. I., & Bersenev, V. L. (2007). Akademicheskaiia ekonomicheskaiia nauka na Urale: vzgliad skvoz' desiatiletiia [Academic Economic Science in the Urals: A Look Through Decades]. *Ekonomika regiona*, 4, 26–39.

Zipunnikova, N. N. (2016). Kafedre istorii gosudarstva i prava SIuI — URGIuA — URGIuU — 80: Epokha stanovleniia. Chast' 1. Pervyi zaveduiushchii — S. V. Yushkov [Department of the History of State and Law at SIL — USLA — USLU — 80: The Era of Formation. Part 1. S. V. Yushkov, the First Head]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal*, 4, 218–233.

Кулинский Андрей Андреевич

аспирант исторического факультета
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: Kulinsky@mail.ru

Kulinsky, Andrey Andreevich

Postgraduate Student
Ural Federal University
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: Kulinsky@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-8089-1604>

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.011
УДК 001.89(470)“20” + 378.09(470.53) +
+ 378.3(470.53) + 378.11(470.53)

И. К. Кирьянов
*Пермский федеральный
исследовательский центр УрО РАН*
Пермь, Россия

ПЕРМСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

В статье анализируется процесс институционализации в Перми первых академических учреждений — Отдела физики полимеров, Отдела селекции и генетики микроорганизмов Института экологии растений и животных и Лаборатории комплексных экономических исследований Института экономики, начавших свою деятельность в 1971 г. в системе Уральского научного центра Академии наук СССР. Методология исследования основывается на концептах «центр — периферия: диффузия инноваций» и «экономика согласований / торга», эффективность применения которых при изучении научно-технической политики и академического «строительства» в восточных регионах страны продемонстрирована в работах Е. Г. Водичева и Ю. И. Узбековой. Источниковую базу проведенного исследования составили распорядительные документы высших партийных и советских органов (решения съездов КПСС, постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР); делопроизводственные документы Пермского обкома КПСС, Президиума АН СССР, Уральского научного центра, подразделений Пермской группы научных учреждений (постановления, деловая переписка, проектная и отчетная документация); периодическая печать («Вестник АН СССР», «Наука Урала»); эго-документы (воспоминания о первых руководителях пермских академических учреждений, автобиографические и дневниковые записи М. Н. Степанова). Исследованы основания для формулирования пермского академического проекта (общий тренд в советской научно-технической политике; фактор «столичности» Перми для Западного Урала; достижения пермских ученых и формировавшиеся научные школы), показан сложный процесс согласования статусов и наименований конкретных учреждений, дана классификация типов основных акторов в соответствии с их ролями в проекте (заказчик, разработчик, «спонсор», «лоббист»).

Ключевые слова: научно-техническая политика в СССР; А. А. Поздеев; Р. А. Пшеничнов; М. Н. Степанов; Пермская группа научных учреждений

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания (тема № 124021400020-6, «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерение»).

Цитирование: *Кирьянов И. К.* Пермский академический проект: как все началось // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 171–184. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.011>

Поступила в редакцию: 18.11.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Igor K. Kiryanov*Perm Federal Research Centre
of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Perm, Russia***PERM ACADEMIC PROJECT: HOW IT ALL STARTED**

This paper considers the process of institutionalisation of the first academic establishments in Perm, i. e. the Department of Polymer Physics, the Department of Microorganism Breeding and Genetics of the Institute of Plant and Animal Ecology and the Laboratory of Complex Economic Research of the Institute of Economics, which began their activities in 1971 in the system of the Ural Scientific Centre of the USSR Academy of Sciences. The research methodology is based on the concepts of “center – periphery: the diffusion of innovations” and “economy of approvals / bargaining”, the effectiveness of which in studying scientific and technical policy and academic “construction” in the eastern regions of the country is demonstrated in the papers of E. G. Vodichev and Yu. I. Uzbekova. The study draws upon administrative documents of the supreme party and Soviet bodies (decisions of the CPSU congresses, resolutions of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers); office documents of the Perm Regional Committee of the CPSU, the Presidium of the USSR Academy of Sciences, the Ural Scientific Centre, divisions of the Perm group of scientific institutions (resolutions, business correspondence, project and reporting documentation); periodicals (*Vestnik AN SSSR, Nauka Urala*); ego-documents (memories of the first heads of Perm academic institutions, autobiographical and diary entries of M. N. Stepanov). The author examines the grounds for formulating the Perm academic project (the general trend in Soviet scientific and technical policy; the factor of Perm being the “capital city” of the Western Urals; the achievements of Perm scientists and the scientific schools that were being formed). Additionally, the article demonstrates the complex process of coordinating the statuses and names of specific institutions, giving a classification of the types of main actors in accordance with their roles in the project (customer, developer, “sponsor”, “lobbyist”).

Key words: scientific and technical policy in the USSR; A. A. Pozdeev; R. A. Pshenichnov; M. N. Stepanov; Perm group of scientific institutions

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of a state assignment (topic 124021400020-6, “Multi-level Policy in the Modern World: Institutional and Socio-cultural Dimensions”).

For citation: Kiryanov, I. K. (2025). Permskii akademicheskii proekt: kak vse nachinalos' [Perm Academic Project: How It All Started]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 171–184. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.011>

*Submitted: 18.11.2024**Accepted: 28.01.2025*

Когда в современной научной литературе затрагивается сюжет о начале академического «строительства» в Перми, то в качестве отправной точки, как правило, указывается 1 июля 1971 г. — дата официального открытия либо Отдела физики полимеров УНЦ АН СССР [см., например: Матвеев, с. 233; Личман, с. 138; Пермский край..., с. 15], либо Отдела селекции и генетики микроорганизмов Института экологии растений и животных УНЦ АН СССР [Ткаченко, Чудинова, с. 93]. Реже упоминается 1969 год, когда в работу по организации академической институции включился А. А. Поздеев [Роговой, с. 51]. Между тем, предыстория появления в 1971 г. трех пермских структурных подразделений в системе АН СССР охватывает события более длительного времени, углубленный анализ которых позволяет выявить комплекс причин, обусловивших данный процесс, определить его основных акторов и их взаимодействия в системе советской научно-технической политики.

Методология проведенного исследования основывается на двух концепциях. Первая концепция — это концепция диффузии инноваций в рамках модели «центр — периферия» (Э. Роджерс, Дж. Фридман, И. Валлерстайн), успешно примененной Е. Г. Водичевым и Ю. И. Узбековой при анализе развития отечественной науки во второй половине XX в. Эти исследователи подчеркивают, что при использовании данной модели для анализа социальной истории науки речь идет не о географических понятиях: «В мировой науке “центральность” определяется с точки зрения возможности национальных и локальных научных сообществ обеспечивать высококачественные результаты в наиболее “ценных” на данном историческом этапе научных дисциплинах» [Водичев, Узбекова, с. 12]. Вторая концепция — это концепция экономики согласований / торга как особенности советской экономики в постсталинское время, в которой, в отличие от «командной экономики», «отношения вышестоящих с нижестоящими представляют собой не только (да и не столько) отношения подчиненности, сколько отношения обмена» [Авен, Широнин, с. 34].

Итак, как же начинался пермский академический проект? В июне 1960 г. в Перми прошла объединенная сессия Уральского филиала Академии наук СССР и Совета народного хозяйства Пермского экономического административного района по изучению производительных сил Пермской области. Ни в выступлениях участников сессии, ни в принятых резолюциях об организации в Перми академической научной институции академического уровня речь не велась. В докладе первого секретаря Пермского обкома КПСС К. И. Галаншина была подчеркнута необходимость создания НИИ лесного хозяйства, лесной и деревообрабатывающей промышленности; НИИ стройматериалов и строительства; межотраслевого проектно-конструкторского института в силу того, что «ряд ведущих отраслей промышленности все еще в достаточной мере не охвачены деятельностью научных учреждений, что отрицательно сказывается на решении важных проблем, связанных с развитием хозяйства и повышением его технического уровня» [Народохозяйственные проблемы..., с. 26]. Однако уже через без малого пять лет пермский академический проект обрел свою

первичную формулировку. Что же изменилось к середине 1960-х гг., какие основания сложились для осуществления этого проекта?

Прежде всего следует указать на общий тренд в научно-технической политике советского руководства в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. Различные сюжеты темы «соединения науки с производством» нашли свое выражение в решениях XXI, XXII и XXIII съездов КПСС, постановлениях июльского (1960 г.), июньского (1961 г.), апрельского и ноябрьского (1962 г.), декабрьского (1963 г.) пленумов ЦК КПСС, совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета министров СССР от 9 января, 5 марта и 11 апреля 1963 г., 20 февраля 1964 г. и пр. На базе этих решений в Пермской области на протяжении первой половины 1960-х гг. был создан целый ряд отраслевых научных учреждений, среди которых Пермский научно-исследовательский институт управляющих машин и систем, Пермский научно-исследовательский и проектный институт нефти, Пермский научно-исследовательский технологический институт, Пермский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники, Камский филиал Всесоюзного научно-исследовательского геологического нефтяного института и др. Новые институции наряду с уже работавшими Пермским научно-исследовательским угольным институтом, Пермским проектным институтом, пермским Центром научно-технической информации, Пермским научно-исследовательским институтом вакцин и сывороток, а также пермскими вузами и организациями, имевшими до 1966 г. особый, номерной, статус — Моторостроительным конструкторским бюро (ОКБ № 19) и Научно-исследовательским институтом полимерных материалов (НИИ-130) — превращали Пермь в крупный научный центр. Это подчеркнула Р. А. Ошуркова в своей работе 1974 г., сравнив ситуацию 1959 г., когда по данным Пермского совнархоза в Пермском экономическом районе «функционировало всего три маломощных филиала институтов, в которых было занято 245 человек» (данные о номерных научных учреждениях в статистику совнархоза не входили. — *И. К.*), с тем, что в самом начале 1970-х гг. на территории Пермской области работали уже 30 научно-исследовательских, конструкторских и проектных организаций [Ошуркова, с. 396].

Второе из оснований, которое следует иметь в виду — формальное обретение Пермью «столичного» статуса. 26 декабря 1962 г. был образован Западно-Уральский совнархоз, объединивший Пермский и Удмуртский совнархозы, в результате чего Пермь официально стала центром Западного Урала. В сфере организации науки академические институции можно рассматривать как своеобразный атрибут «столичности», в отличие от полупериферии и тем более от периферии, где в лучшем случае функционируют учреждения отраслевой и вузовской науки.

Кроме того, свой вклад в осуществление пермского академического проекта внесли формировавшиеся пермские научные школы физики полимеров, физической гидродинамики и микробиологии [Живописцев, с. 64–66]. Эти школы специализировались именно в тех областях, об актуальности которых

говорилось в партийных документах, в частности, в решениях XXII и XXIII съездов КПСС, в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР в январе 1963 г. (микробиология), в постановлении пленума ЦК КПСС в декабре 1963 г. (полимеры) и др. В производственном отношении эти школы были ориентированы на научное сопровождение деятельности предприятий химической промышленности в Верхнекамье (Березниковский азотно-туковый завод, Березниковский содовый завод, Соликамский калийный комбинат) и самой Перми (Пермский нефтеперерабатывающий завод, введенный в эксплуатацию в 1958 г.). Истоки одной из академических инициатив можно связать с изданным в 1956 г. сборником статей, посвященных проблемам экономики предприятий химической промышленности Верхнекамья [Вопросы экономики...].

Триггером, вызвавшим к жизни пермский академический проект, стало событие в рамках другого академического проекта, предполагавшего преобразование Уральского филиала АН СССР в Уральское отделение по примеру организованного в 1957 г. Сибирского отделения. Несмотря на то, что Президиум Академии наук отложил решение вопроса в «долгий ящик», в Свердловске 15–18 февраля 1965 г. была проведена сессия Уральского филиала АН СССР, в работе которой участвовали не только сотрудники научных учреждений и вузов, но и представители Свердловского, Челябинского, Пермского, Оренбургского, Курганского, Удмуртского обкомов КПСС, облисполкомов, совнархозов, промышленных предприятий. Такой неординарный для академического мероприятия состав участников должен был продемонстрировать широкую поддержку инициативы свердловчан; на сессии было принято решение ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями — ЦК КПСС и Президиумом АН СССР — о создании на Урале научного центра в формате Отделения Академии наук [Рубежи созидания..., с. 209]. Последующие события показали, что оказанная поддержка обуславливалась выдвиганием руководством Пермской области встречных предложений. Впрочем, и Свердловск был заинтересован в создании сети структурных подразделений проектировавшегося академического центра.

18–19 марта 1965 г. состоялась встреча научно-технической общественности Перми с руководством и учеными УФ АН СССР, которая, как следует из письма второго секретаря Пермского обкома КПСС Б. Ф. Короткова председателю Президиума УФ АН СССР С. С. Спасскому от 15 апреля, с одной стороны, способствовала «установлению личных контактов научных сотрудников Перми и УФАНА», с другой — показала, что «научная тематика УФАНА СССР недостаточно учитывает актуальные задачи развития народного хозяйства Западного Урала. Многие проблемы, которые возникли в связи с быстрым развитием промышленности Пермской области, еще не находят отражения в планах научно-исследовательской работы институтов УФАНА. Определенным тормозом в решении целого ряда народнохозяйственных проблем <...> является отрыв научных организаций УФАНА СССР от Западного Урала, отсутствие таких организаций в Перми» [Там же, с. 206].

С середины февраля и до середины апреля 1965 г. происходило обсуждение различных вариантов по открытию академических институций в Перми. Результаты растянутого во времени «мозгового штурма» нашли свое выражение в конкретных формулировках, изложенных в письме Б. Ф. Короткова от 15 апреля, относительно организации Института нефти и нефтехимического синтеза, Института молекулярной биологии, Лаборатории физико-химических свойств полимеров и Лаборатории экономики химической промышленности [Рубежи созидания..., с. 207–208]. В ответном письме от 25 июня С. С. Спасский известил Короткова о том, что все эти предложения поддерживаются руководством УФ АН СССР, о чем будет доложено Президиуму Академии наук СССР [Там же, с. 211].

Однако путь до воплощения инициатив в реальность оказался неблизкий. Хотя Президиум АН СССР своим постановлением от 22 июля 1966 г. «О перспективах развития научных учреждений Академии наук СССР на Урале на 1966–1975 гг.» предусмотрел открытие в 1968–1969 гг. в Перми Института молекулярной генетики микроорганизмов и лаборатории физики прочности полимеров, а в 1970–1975 гг. — лаборатории экономики химической промышленности, не поддержав при этом идею создания Института нефти [Развитие научных учреждений..., с. 8], к осени 1968 г. стало очевидно, что процесс затормозился. В этих условиях Пермский областной комитет КПСС принял 4 октября 1968 г. постановление «О создании академических научных учреждений в г. Перми», в котором не только указывалось на необходимость выполнить постановление Президиума АН СССР, но и были сформулированы дополнительные предложения об открытии на базе ПГУ трех научных институтов двойного подчинения (Министерству высшего и среднего специального образования СССР и Академии наук СССР) — Института геологии, НИИ физики и Научно-исследовательского химического института [Рубежи созидания..., с. 217–220], не получившие, правда, дальнейшего развития.

Перечень ранних академических инициатив будет неполным, если не упомянуть еще о двух, оставшихся в силу разных причин без внимания со стороны пермских властей. Одна из них — попытка, предпринятая заведующим кафедрой основ научного коммунизма, руководителем лаборатории социологии Пермского политехнического института З. И. Файнбургом, заручиться поддержкой вице-президента АН СССР, председателя Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований при Секции общественных наук Президиума АН СССР, академика А. М. Румянцева для создания в Перми филиала Отдела конкретных социологических исследований Института философии АН СССР, о чем свидетельствует письмо от 17 июня 1967 г., подписанное им и тогдашним проректором ППИ по научной работе А. А. Поздеевым [ПермГАСПИ, ф. 3035, оп. 1, д. 363, л. 1].

Другая инициатива исходила от известного советского историка С. О. Шмидта, в 1968 г. возглавившего Археографическую комиссию при Отделении истории АН СССР. Вскоре после своего назначения в письме пермскому коллеге С. М. Томсинскому он высказал пожелание открыть в числе «дочерних

отделений комиссии» таковое и в Перми [Нуйкина, с. 1070], что встретило поддержку со стороны местного сообщества историков и краеведов. Бюро Отделения истории АН СССР 22 сентября 1970 г. постановило организовать в Перми Уральское отделение Археографической комиссии во главе с бывшим ректором ПГУ, заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода, доктором исторических наук Ф. С. Горовым [Уральский археографический ежегодник, с. 5]. В 1971–1974 гг. Отделению, включавшему 5 секций (Кировскую, Пермскую, Свердловскую, Удмуртскую, Челябинскую) и насчитывавшему 49 членов (на общественных началах), удалось наладить выпуск «Уральского археографического ежегодника», провести выездное заседание Археографической комиссии осенью 1973 г. и научную конференцию по археографии и источниковедению осенью 1974 г. Однако смерть Горового в июне 1973 г. и переход руководства Отделением к его заместителю — доктору исторических наук, заведующему кафедрой архивоведения УрГУ В. Я. Кривоногову привели к утрате Пермью лидерских позиций в данном академическом формате. Впрочем, еще в конце 1970 г. известие о состоявшемся решении по поводу преобразования Уральского филиала в Уральский научный центр АН СССР заставило некоторых членов Отделения предположить возможность такого перемещения функции управления, о чем, например, свидетельствует письмо челябинского историка В. Е. Четина Ф. С. Горовому от 8 декабря того же года [Батищев, с. 135].

Сложный процесс согласования статусов, наименований и основных научных направлений первых академических учреждений в Перми представлен ниже.

Пермский академический проект: инициативы и их результаты, 1965–1971

Предложения Пермского областного комитета КПСС	Поддержка Уральским филиалом АН СССР / Президиумом АН СССР	Результаты
Институт нефти и нефтехимического синтеза (1965)	Да (1965) / Нет (1966)	Не реализован
Институт молекулярной биологии (1965); Институт молекулярной генетики микроорганизмов (1968)	Да (1965) / Институт молекулярной генетики микроорганизмов УФ АН СССР (1966); Отдел селекции и генетики микроорганизмов ИЭРиЖ УФ АН СССР (1970)	Отдел селекции и генетики микроорганизмов ИЭРиЖ УНЦ АН СССР (1 июля 1971 г.)
Лаборатория физико-механических свойств полимеров (1965); Лаборатория физики прочности полимеров (1968)	Да (1965); Отдел физики полимеров (1970) / Лаборатория физики прочности полимеров (1966); Отдел физики полимеров УФ АН СССР (1970)	Отдел физики полимеров УНЦ АН СССР (1 июля 1971 г.)

Окончание таблицы

Предложения Пермского областного комитета КПСС	Поддержка Уральским филиалом АН СССР / Президиумом АН СССР	Результаты
Лаборатория экономики химической промышленности (1965, 1968); Лаборатория комплексных экономических исследований (1971)	Да (1965); Лаборатория комплексных экономических исследований ИЭ УНЦ (1971) / Лаборатория экономики химической промышленности (1966); Экономическая лаборатория ИЭ УНЦ (1971)	Лаборатория комплексных экономических исследований ИЭ УНЦ АН СССР (1 декабря 1971 г.)

Основные акторы пермского академического проекта на его начальной стадии могут быть классифицированы в соответствии со своими ролями на следующие типы: заказчик, руководитель подпроекта, «спонсор» и «лоббист».

Заказчиком, своего рода «генеральным менеджером» проекта выступил Пермский областной комитет КПСС. Учитывая реалии принятия решений в рамках советской политической системы, это вряд ли должно вызывать удивление. В свое время американский ученый П. Кокс, сравнивая американскую и советскую модели, отметил, что в США инновации в науке и их внедрение стимулировал рынок, а в СССР — «центральное политическое руководство» [Cocks, 1980a, p. 302–303; Самарин, с. 107], точнее, те звенья в партийной иерархии, которые формировались с середины 1950-х гг. и занимались «проблемами политики и производительности в области науки и технологий» [Cocks, 1980b, p. 64].

Первоначально базовые положения пермского академического проекта, как уже отмечалось, были сформулированы в письме Б. Ф. Короткова от 15 апреля 1965 г. Аргументация местной власти в пользу данного проекта, несмотря на региональный оттенок, вписывалась в модель советской научно-технической политики, исходившей из прикладного характера науки в ее связке с производством: был выдвинут тезис о том, что «Пермская область имеет высокоразвитую и разнообразную промышленность», затем указано на то, что в «предстоящее пятилетие в области предусматривается ускоренное развитие многих ведущих отраслей промышленности», а это, в свою очередь, требует от «научно-исследовательских организаций более интенсивной и согласованной работы по решению актуальных вопросов, стоящих перед народным хозяйством области» [Рубежи созидания..., с. 206]. Подобную логику демонстрировало руководство Свердловского обкома в феврале 1965 г., полагая рациональным предложение о создании «научного центра на Урале в виде Отделения АН СССР», во-первых, вследствие ведущего места уральской промышленности в «развитии народного хозяйства в нашей стране», во-вторых, в связи с тем, что Программой КПСС «предусматривается дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства Уральского экономического района», что «потребует в свою очередь и развития науки, постановки научных исследований на более высокий уровень,

развития поисковых исследований в перспективных направлениях» [Рубежи созидания..., с. 209–210].

О том, что Пермский областной комитет КПСС контролировал процесс академического строительства, сообщают заметки М. Н. Степанова, касающиеся создания лаборатории комплексных экономических исследований. Иницилируя организацию сектора размещения и комплексного развития производительных сил в составе Пермской лаборатории ИЭ УНЦ, 5 июля 1971 г. он заручился поддержкой заведующего отделом науки и учебных заведений Пермского ОК КПСС П. И. Кожевникова. Об этом Степанов известил московского коллегу: «...Наше пермское начальство вроде бы ухватилось за идею организации этого подразделения и у меня завязались соответствующие контакты с Обкомом КПСС» [ПермГАСПИ, ф. 6325, оп. 1, д. 12, л. 6]. С этого дня и до 29 ноября Степанов полтора десятка раз контактировал очно или по телефону с сотрудниками аппарата отдела, согласовывая тексты подготавливаемых документов, планы работы лаборатории, кандидатуры на должности сотрудников и «выбивая» для них жилплощадь, подробно информируя о предпринимаемых шагах и проведенных встречах [Там же, л. 1–5].

Разрабатывали и «пробивали» проекты создания конкретных академических учреждений в окончательных вариантах ученые, ставшие их первыми руководителями — доктор технических наук, заведующий кафедрой «Динамика и прочность машин» Пермского политехнического института А. А. Поздеев, доктор медицинских наук, заведующий риккетсиозной лабораторией Пермского НИИ вакцин и сывороток Р. А. Пшеничнов, кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической географии Пермского государственного университета М. Н. Степанов. Все они включились в процесс после 1968 г., но именно их усилия принесли результат. Более того, А. А. Поздеев фактически «вытащил» весь забуксовавший пермский академический проект.

У каждого из этих ученых были свои мотивы для участия. Поздеев вошел в проект ранее других, в 1969 г., чему в немалой степени поспособствовало налаженное сотрудничество институтской кафедры с заводом им. С. М. Кирова и НИИ полимерных материалов, а также освобождение от тяготивших его обязанностей проректора по научной работе, должности, которую он занимал в 1967–1968 гг. [Роговой, с. 50–51]. Ю. А. Поздеева в воспоминаниях о своем супруге отметила, что у того было «прекрасное свойство в характере — неуспокоенность. Как будто какой-то внутренний голос говорил ему: “Ты еще мало полезного сделал, ты можешь сделать больше”. И вот снова А. А. стал о чем-то задумываться. Поехал в Москву к своему бывшему оппоненту, члену-корреспонденту АН СССР А. А. Ильюшину. Когда вернулся, рассказал, что решил заниматься изучением механических свойств полимеров. Это дело новое, нужное современному производству, работы для ученого тут край непечатый» [Поздеева, с. 31].

Новые возможности открывала стезя академической науки, с одной стороны, для защитившего в 34 года докторскую диссертацию Пшеничнова [Пшеничнов; Ткаченко, Чудинова, с. 94–95], с другой — для Степанова,

стремившегося сосредоточиться на разработке теоретико-методологических основ территориально-производственных комплексов и обосновании представления о Верхнекамском ТПК [Шарыгин, Лучников, с. 203], а также на завершении работы над докторской диссертацией, первоначальный вариант которой потерял актуальность в связи с упразднением совнархозов и возвращением к отраслевой системе управления промышленностью в 1965 г., а переработанный вариант, представленный на кафедре экономической географии МГУ летом 1970 г., не был рекомендован к защите [ПермГАСПИ, ф. 6325, оп. 1, д. 12, л. 20].

С каждым из них была связана корректировка первоначальных академических инициатив. Поздеев отстаивал расширенный подход, предложив вместо лаборатории организовать отдел, в котором наряду с изучением физического поведения полимерных материалов под нагрузкой предполагалось заняться решением проблем физической гидродинамики. Пшеничнову, напротив, пришлось уменьшить амбиции после вынужденного отказа от явно опередившей время идеи создания в Перми института микробиологической направленности. Любопытная рокировка произошла при участии Степанова, инициировавшего организацию «под себя» сектора размещения и комплексного развития производительных сил в составе «подвисящей» лаборатории экономического профиля, но в результате возглавившего лабораторию комплексных экономических исследований, куда, наряду с «размещенческим» сектором, вошел и сектор экономики химической промышленности.

К «спонсорам» отдельных направлений проекта следует отнести руководство пермских вузов, гарантировавших выделение помещений для первоначального размещения создаваемых институций: Пермского политехнического института (ректор М. Н. Дедюкин), Пермского государственного университета (проректор по научной работе И. А. Печеркин), Пермского государственного медицинского института (проректор по научной работе / ректор Е. А. Вагнер). Следует также отметить вклад директора Пермского НИИ вычислительных машин и систем В. В. Пушкарева.

В число «лоббистов», которые использовали свое административное и научное влияние для продвижения отдельных направлений проекта в академических сферах, входили член-корреспондент, бессменный руководитель Научного совета АН СССР по проблемам прочности и упругости А. А. Ильюшин (по словам Ю. А. Поздеевой, именно Ильюшин посоветовал ее супругу «открыть в Перми отдел физики полимеров АН СССР и помог ему это сделать» [Поздеева, с. 31]), академик, председатель Президиума Уральского научного центра АН СССР С. В. Вонсовский, академик, директор Института математики и механики Уральского научного центра АН СССР Н. Н. Красовский [Роговой, с. 51]; академик, директор Института экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР С. С. Шварц; директор Института экономики Уральского научного центра АН СССР, первый заместитель председателя Президиума УНЦ АН СССР М. А. Сергеев. Важную роль сыграл отец В. А. Пшеничнова — глава кафедры микробиологии Пермского медицинского института,

заведующий вирусно-рикетсиозным отделом Пермского НИИ вакцин и сывороток А. В. Пшеничников [Пшеничников], в 1965 г. предложивший создать лабораторию генетики и селекции микробов [Уральская историческая энциклопедия, с. 444]. Поддержку академическому проекту оказывали председатель плановой комиссии Пермского областного исполнительного комитета (облплана) В. Ф. Хорошутин [Степанов], заведующий сектором Уральского района Отдела размещения производительных сил Центрального научно-исследовательского экономического института Госплана РСФСР О. А. Кибальчич. Многие из этих «лоббистов» были связаны с учеными Перми дружескими связями, возникшими в студенчестве. Так, влиятельный свердловский математик Н. Н. Красовский был близким другом Поздеева со студенческой скамьи в Уральском политехническом институте [Поздеева, с. 21]. Кибальчич дружил со Степановым, с которым они вместе учились в Московском государственном университете [Плюснина, с. 147] — неудивительно, что именно его Степанов в письме от 9 июля 1971 г. просил организовать письма поддержки от руководства Центрального научно-исследовательского экономического института в Президиум Уральского научного центра АН СССР, Президиум АН СССР и Пермский областной комитет КПСС, подчеркивая, что проектируемое учреждение явится «одним из основных “приводных ремней” для ЦЭНИИ на Урале» [ПермГАСПИ, ф. 6325, оп. 1, д. 12, л. 6].

Следует признать, что до осени 1972 г. созданные академические институты не представляли единого целого, чему препятствовало отсутствие общей юрисдикции и администрации, размещение на площадках трех вузов и Пермского НИИ вакцин и сывороток, многочисленные организационные трудности. Достаточно сказать, что денежные средства на заработную плату сотрудникам привозили «наличкой» из бухгалтерий разных структурных подразделений УНЦ [Чуракова, с. 103]. Лишь в сентябре 1972 г. состоялся переезд двух академических отделов и лаборатории в бывшее здание треста «Главзападуралстрой» (Комсомольский проспект, 20), что позволило оформить Пермскую группу научных учреждений и ее администрацию в составе А. А. Поздеева (руководитель группы), И. М. Кирко (академик АН Латвийской ССР, заведующий лабораторией физической гидродинамики [ПермГАСПИ, ф. 6325, оп. 1, д. 14, л. 40 об.]), Р. А. Пшеничнова и М. Н. Степанова, при этом последний возглавлял партийную организацию Пермской группы научных учреждений, созданную в октябре 1972 г. [ПермГАСПИ, ф. 105, оп. 354, т. 3, д. 1763, л. 34].

Первыми мероприятиями, организованными и проведенными совместными усилиями всех трех подразделений Пермской группы научных учреждений, стали академические чтения в декабре 1973 г. и мае 1974 г., посвященные 250-летним годовщинам, соответственно, Перми и АН СССР. Эти форумы, наряду с развертыванием исследований по утвержденным направлениям, а также инициативой по открытию отдела химии Уральского научного центра АН СССР, принципиальная договоренность по поводу чего между Пермью и Свердловском была достигнута в 1973 г., свидетельствовали о том, что пермский академический проект вступил в новую фазу своего развития.

Источники

Вопросы экономики предприятий химической промышленности / под ред. П. Л. Вишнеvsкой. Молотов : Кн. изд-во, 1956.

Народнохозяйственные проблемы Пермской области. Т. 1. Пермь : ЦБТИ, 1961.

ПермГАСПИ – Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 105. Оп. 354. Т. 3. Д. 1763; Ф. 3035. Оп. 1. Д. 363; Ф. 6325. Оп. 1. Д. 12, 14.

Поздеева Ю. Через тернии к звездам // Судьбу и жизнь воссоздавая...: воспоминания об Александре Поздееве. Екатеринбург : УрО РАН, 1997. С. 20–37.

Пишеничнов Р. А. Формула научного успеха // Наука Урала. 2004. № 18 (август). С. 3.

Развитие научных учреждений на Урале // Вестник АН СССР. 1966. № 11. С. 3–8.

Рубежи созидания: к 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002 гг. / сост.: А. В. Жук и др. Екатеринбург : УрО РАН, 2002.

Степанов М. А начиналось все так... // Наука Урала. 1991. № 33 (сентябрь). С. 4.

Уральская историческая энциклопедия / ред. кол.: В. В. Алексеев (гл. ред.) и др. Екатеринбург : Академкнига, 2000.

Уральский археографический ежегодник за 1970. Пермь : [б. и.], 1971.

Чуракова В. Глазами референта // Судьбу и жизнь воссоздавая...: воспоминания об Александре Поздееве. Екатеринбург : УрО РАН, 1997. С. 102–104.

Исследования

Авен П. О., Широкин В. М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1987. Вып. 3. № 13. С. 33–48.

Батищев С. Д. Уральское отделение Археографической комиссии Академии наук СССР: публикация источников из фонда историка В. Е. Четина // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 1. С. 133–152. <https://doi.org/10.24411/2542-0275-2020-0113>

Водичев Е. Г., Узбекова Ю. И. «Центр» и «периферия» в развитии отечественной науки второй половины XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20). С. 11–19.

Живописцев В. П. Пермь – город науки. Пермь : Кн. изд-во, 1976.

Личман Б. В. Научно-техническая политика КПСС // История науки и техники в современной системе знаний: Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники, 8 февраля 2016. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016. С. 130–140.

Матвеев В. П. Пермский научный центр УрО РАН: моменты истории, настоящего и будущего // Академическая наука Урала: стратегия и практика исследовательского поиска / ред. кол.: В. В. Алексеев (гл. ред.) и др. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН : Изд-во АМБ, 2012. С. 233–236.

Нуйкина Е. Ю. Обзор писем С. О. Шмидта к С. М. Томсинскому из фонда Государственного архива Пермского края. 1963–1982 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1067–1081. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-4-1067-1081>

Ошуркова Р. А. Партийное руководство развитием науки на Западном Урале (1961–1971 годы) // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества / ред. коллегия: В. Г. Чуфаров (отв. ред.) [и др.]. Свердловск : [б. и.], 1974. С. 390–396.

Пермский край и Российская академия наук: историко-биографические материалы / ред.-сост. И. К. Кирьянов. Пермь : Изд. центр «Титул» : УрО РАН, 2022.

Плюснина О. М. Экономико-географ Михаил Николаевич Степанов (к 95-летию со дня рождения) // Географический вестник. 2017. № 1 (40). С. 146–152. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2017-1-146-152>

Роговой А. А. Поздеев Александр Александрович — основатель академической науки в Перми и на западном Урале 28.03.1926–31.08.1986 гг. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2024. № 2. С. 44–54. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2024.2.4>

Самарин А. В. Научная политика СССР в 1950-е — начале 1980-х годов в исследованиях советских и американских ученых // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». 2024. № 1 (67). С. 100–107. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2024-1-100-107>

Ткаченко А. Г., Чудинова А. Р. Роберт Алексеевич Пшеничников, вклад в становление академической микробиологической науки в Перми // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2023. № 1. С. 93–99. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2023.1.10>

Шарыгин М. Д., Лучников А. С. Памяти Михаила Николаевича Степанова (1921–2007) // Географический вестник. 2007. № 1–2. С. 203–204.

Cocks P. M. Science Policy: USA/USSR. Vol. II : Science Policy in the Soviet Union. 1980a. URL: <https://books.google.ru/books?id=9sclAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (date of access: 25.09.2024).

Cocks P. The Role of the Party in Soviet Science and Technology Policy. National Council for Soviet and East European Research, 1980b. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/0000-620-4-Cocks.pdf> (date of access: 19.09.2024).

References

Aven, P. O., & Shironin, V. M. (1987). Reforma khoziaistvennogo mekhanizma: real'nost' namechennykh preobrazovaniy [Reform of the Economic Mechanism: Reality of the Planned Transformations]. *Izvestiia SO AN SSSR. Serija ekonomiki i prikladnoi sotsiologii*, 3(13), 33–48.

Batishchev, S. D. (2020). Ural'skoe otdelenie Arkheograficheskoi komissii Akademii nauk SSSR: publikatsiia istochnikov iz fonda istorika V. E. Chetina [Ural Branch of the Archaeographic Commission of the Academy of Sciences of the USSR : Publishing of the Sources from the V. E. Chetin Foundation]. *Magistra Vitae: Online Journal of Historical Sciences and Archaeology*, 1, 133–152. <https://doi.org/10.24411/2542-0275-2020-0113>

Cocks, P. M. (1980a). *Science Policy: USA/USSR. Vol. II: Science Policy in the Soviet Union*. Retrieved from <https://books.google.ru/books?id=9sclAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Cocks, P. (1980b). *The Role of the Party in Soviet Science and Technology Policy*. National Council for Soviet and East European Research. Retrieved from <https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/0000-620-4-Cocks.pdf>

Kiryanov, I. K. (Ed.). (2022). *Permskii krai i Rossiiskaia akademiia nauk: istoriko-biograficheskie materialy* [Perm Krai and the Russian Academy of Sciences: Historical and Biographical Materials]. Perm: Titul; UrO RAN.

Lichman, B. V. (2016). Nauchno-tekhnicheskaia politika KPSS [Scientific and Technical Policy of the CPSU]. In *Istoriia nauki i tekhniki v sovremennoi sisteme znaniy: Shestaia ezhegodnaia konferentsiia kafedry Istorii nauki i tekhniki, 8 fevralia 2016* [History of Science and Technology in the Modern System of Knowledge: Sixth Annual Conference of the Department of History of Science and Technology, February 8, 2016] (pp. 130–140). Ekaterinburg: UMTs UPI.

Matveenko, V. P. (2021). Permskii nauchnyi tsentr UrO RAN: momenty istorii, nastoiashchego i budushchego [Perm Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: Moments of History, Present and Future]. In V. V. Alekseev (Ed.), *Akademicheskaiia nauka Urala: strategiia i praktika issledovatel'skogo poiska* [Academic Science of the Urals: Strategy and Practice of Academic Search] (pp. 233–236). Ekaterinburg: IIA UrO RAN; Izd-vo AMB.

Nujkina, E. Yu. (2022). Obzor pisem S. O. Shmidta k S. M. Tomsinskomu iz fonda Gosudarstvennogo arkhiva Permskogo kraia. 1963–1982 gg. [Review of S. O. Schmidt's Letters from to S. M. Tomsinsky from the Fund of the State Archive of Perm Krai: 1963–82]. *Herald of an Archivist*, 4, 1067–1081. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2022-4-1067-1081>

Oshurkova, R. A. (1974). Partiinoe rukovodstvo razvitiem nauki na Zapadnom Urale (1961–1971 gody) [Party Leadership of the Development of Science in the Western Urals (1961–1971)]. In V. G. Chufarov (Ed.), *Kul'turnaia revoliutsiia v SSSR i dukhovnoe razvitiie sovetskogo obshchestva* [Cultural Revolution in the USSR and the Spiritual Development of the Soviet Society] (pp. 390–396). Ekaterinburg: [s. n.].

Plusnina, O. M. (2017). Ekonomiko-geograf Mikhail Nikolaevich Stepanov (k 95-letiiu so dnia rozhdeniia) [Economic Geographer Mikhail Nikolaevich Stepanov (to his 95th Birthday)]. *Geographical Bulletin*, 1(40), 146–152. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2017-1-146-152>

Rogovoy, A. A. (2024). Pozdeev Aleksandr Aleksandrovich – osnovatel' akademicheskoi nauki v Permi i na zapadnom Urale, 28.03.1926–31.08.1986 gg. [Pozdeev Alexander Alexandrovich – the Founder of Academic Science in Perm and the Western Urals, 28.03.1926–31.08.1986]. *Perm Federal Research Centre Journal*, 2, 44–54. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2024.2.4>

Samarin, A. V. (2024). Nauchnaia politika SSSR v 1950-e – nachale 1980-kh godov v issledovaniiah sovetskikh i amerikanskikh uchenykh [Scientific Policy of the USSR in the 1950s – Early 1980s in the Research of Soviet and American Scientists]. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*, 1 (67), 100–107. <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2024-1-100-107>

Sharygin, M. D., & Luchnikov, A. S. (2007). Pamiati Mikhaila Nikolaevicha Stepanova (1921–2007) [In Memory of Mikhail Nikolaevich Stepanov (1921–2007)]. *Geographical Bulletin*, 1–2, 203–204.

Tkachenko, A. G., & Chudinova, A. R. (2023). Robert Alekseevich Pshenichnov, vklad v stanovlenie akademicheskoi mikrobiologicheskoi nauki v Permi [Robert Alekseevich Pshenichnov, Contribution to the Formation of Academic Microbiological Science in Perm]. *Perm Federal Research Centre Journal*, 1, 93–99. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2023.1.10>

Vodichev, E. G., & Uzbekova, Yu. I. (2008). “Tsentr” i “periferiia” v razvitiie otechestvennoi nauki vtoroi poloviny XX v. [“Centre” and “Periphery” in the Development of Russian Science in the Second Half of the 20th Century]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 3 (20), 11–19.

Zhivopistsev, V. P. (1976). *Perm' – gorod nauki* [Perm, a City of Science]. Perm: Knizhnoe izdatel'stvo.

Кирьянов Игорь Константинович

доктор исторических наук, заведующий
Отделом по исследованию политических
институтов и процессов
Институт гуманитарных исследований
УрО РАН
Пермского федерального
исследовательского центра УрО РАН
614990, Пермь, ул. Ленина, 13А
E-mail: ikiryarov@yandex.ru

Kiryarov, Igor Konstantinovich

Dr. Hab. (History)
Head of the Research Department
of Political Institutions and Processes
Institute of Studies in the Humanities,
Ural Branch, RAS
Perm Federal Research Centre, Ural Branch,
RAS
13a, Lenin St., 614990 Perm, Russia
Email: ikiryarov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>
WoS ResearcherID: AАН-5458-2020

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.012

УДК 94(571.14)“1957/1959”:911.375 +
+ 001.89 + 342.553 + 061.1**Е. Г. Водичев**¹*Новосибирский государственный
технический университет*
Новосибирск, Россия²*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*
Томск, Россия

БЫЛ ЛИ ШАНС У «КРЕМНИЕВОЙ ТАЙГИ»? АКАДЕМГОРОДОК И ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В статье предпринята попытка расширить историографический дискурс по вопросу о предпосылках и факторах создания новосибирского Академгородка с учетом новых методологических подходов, а также релевантности его концепта вызовам времени. Организация научного центра рассматривается в корреляции с модернизационной парадигмой СССР послевоенных десятилетий, определяется его место в системе научно-организационных решений отечественной и мировой науки. Представлен макроэкономический контекст продвижения идеи Академгородка, в рамках которого концепт рассматривается в перекрестье двух глобальных трендов второй половины 1950-х — начала 1960-х гг.: феномена «Большой науки» и задачи формирования национальной инновационной системы. Концептуальная основа Академгородка — «Треугольник Лаврентьева» — представлена как советская версия модели «тройной спирали», в рамках которой Академгородок рассматривается как один из опорных элементов инновационной системы. Показаны риски и ограничения этой модели в условиях советской системы экономического администрирования. Сделан вывод, что Академгородок объективно мог претендовать на роль важнейшего сегмента постиндустриальной инновационной экосистемы, однако из-за фундаментальных проблем советской экономики, ее дисфункциональности и отказа от радикальных экономических реформ, ориентированных на разблокирование инновационного процесса, этот вектор не получил необходимого развития. При отсутствии спроса на инновации со стороны экономических акторов, процессы трансформации Академгородка в классический технополис оказались заблокированы. В итоге ни при советском режиме, ни позже ему так и не удалось стать российской «Кремниевой тайгой» и триггером экономического развития Сибирского макрорегиона и страны в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Академгородок; «Большая наука»; национальная инновационная система; «Треугольник Лаврентьева»; «Кремниевая тайга»

Ц и т и р о в а н и е: *Водичев Е. Г.* Был ли шанс у «Кремниевой тайги»? Академгородок и формирование постиндустриальной инновационной системы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 185–201. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.012>

Поступила в редакцию: 31.03.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Evgeny G. Vodichev¹*Novosibirsk State Technical University*
Novosibirsk, Russia²*National Research Tomsk State University*
Tomsk, Russia**DID “SILICON TAIGA” HAVE A CHANCE?
AKADEMGORODOK AND THE DEVELOPMENT
OF THE POST-INDUSTRIAL INNOVATION SYSTEM**

In this article, the author endeavours to expand the historiographical dialogue concerning the prerequisites and determinants of the formation of Novosibirsk Akademgorodok, incorporating novel methodological approaches and assessing its relevance within the contemporary milieu. The author examines the establishment of this scientific enclave in conjunction with the modernisation paradigm of the Soviet Union during the postwar era, positioning it within the framework of both national and global scientific and organisational structures. The author considers the macroeconomic context within which the propagation of the Akademgorodok concept took place, with particular emphasis on its intersection with two pivotal global trends prevalent in the latter half of the 1950s and 1960s: the emergence of Big Science and the imperative of fostering a national innovation system. The underlying conceptual framework of Akademgorodok, epitomised by “Lavrentiev’s Triangle,” is proffered as the Soviet analogue of the internationally recognised “triple helix” model. Furthermore, Akademgorodok is posited as a foundational component of the Soviet innovation ecosystem, while the associated risks and constraints inherent in this model within the confines of the Soviet economic governance structure are expounded upon. The article concludes that Akademgorodok could conceivably have assumed a pivotal role within the post-industrial innovation landscape; nonetheless, due to systemic deficiencies within the Soviet economy and the reluctance to embrace sweeping economic reforms, this trajectory failed to materialise. As a result, neither under the Soviet regime, nor later, did it manage to become Russia’s “Silicon Taiga” and a trigger for the economic development of the Siberian macro-region and the country as a whole.

Key words: Novosibirsk Akademgorodok; “Big Science”; national innovation system; “Lavrentiev’s Triangle”; “Silicon Taiga”

For citation: Vodichev, E. G. (2025). Byl li shans u “Kremnievoi taigi”? Akademgorodok i formirovanie postindustrial’noi innovatsionnoi sistemy [Did “Silicon Taiga” have a Chance? Akademgorodok and the Development of the Post-industrial Innovation System]. *Izvestiya Uralskogo federal’nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 185–201. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.012>

*Submitted: 31.03.2024**Accepted: 28.01.2025*

Постановка проблемы. Академгородок как проект

О формировании и развитии Сибирского отделения Академии наук СССР (СО АН СССР, ныне СО РАН) вообще и новосибирского Академгородка в частности написано немало, поскольку Академгородок (или просто Городок, как называют его обитатели) считается одной из наиболее ярких «историй успеха». Существует даже несколько историографических публикаций [Водичев, Узбекова; Кузнецов, 2013]. Однако сюжет представляется неисчерпаемым: по прошествии времени и с развитием методологии открываются все новые его грани. Об этом свидетельствует ряд недавних статей, где проблематика Академгородка вписана в широкий контекст историко-экономических, историко-научных и социально-антропологических и культурологических исследований [Артемов, 2024; Водичев, 2018а; 2018б; Пискунов; Кузнецов, 2011; 2019; Запорожченко, Шелегина; Bugaev, Piskunov, Rakov; и др.]. Но эти же публикации возвращают нас к первоосновам: как интерпретировать феномен Городка в контексте базовых трендов развития советской науки, экономики и общества в целом? Как сочетается его создание с общей модернизационной парадигмой послевоенных десятилетий? В какой мере концепт научного центра специфичен или тем более уникален и как его можно осмыслить в рамках глобальных и отечественных научно-организационных решений? И, наконец, в какой мере к созданию Академгородка можно относиться как к проекту и в широком смысле (с точки зрения его замысла и соответствия «духу времени»), и в более узком — с точки зрения опыта его реализации. В статье делается попытка предложить версии ответов на некоторые из этих вопросов.

Следует отметить, что призывы обратиться к истории формирования и развития Академгородка с «менеджеральной» точки зрения уже присутствуют в историографии. Однако, как утверждает один из авторов, при этом не хватает широкого контекста, идеи «социалистической Big Science» [Пискунов, с. 142]. Но сразу же возникает вопрос: можно ли вообще говорить о создании Академгородка как о проекте? По мнению некоторых исследователей, «как большой модернистский проект, он объединял в своем воплощении совокупность инноваций, начиная с концепции идеального “города-сада” английского социолога-утописта Э. Говарда рубежа XIX–XX вв. и заканчивая деятельностью различных академических и правительственных комиссий по развитию производительных сил Сибири, опытом работы М. А. Лаврентьева за рубежом, в Арзамасе-16, московском Физтехе до 1957 г.» [Запорожченко, Шелегина, с. 58]. Такая постановка вопроса могла бы польстить адептам уникальности и особой социокультурной роли и значения Академгородка, а также тем, кто считает, что в СССР было «все по плану».

В историографии вообще часто идеализируется плановость выдвижения и реализации советских экономических и научно-технических новаций. В реальности зачастую они не имели проектной формы и/или ограничивались лишь общими контурами и концептами. Многие из них создавались *ad hoc*, без проведения глубоких предплановых проектировок и не фиксировались

в документах стратегического планирования, осуществляясь «с листа». Даже в военно-технической сфере большую роль играли оперативные корректировки, а не стратегические планы [Артемов, 2021]. В полной мере это относилось и к научно-технической сфере, в которой параметры перспективного планирования практически или не работали, или могли быть пересмотрены в широких пределах. В этом смысле Академгородок — продукт «хрущевской оттепели» — создавался в русле парадигмы советского целеполагания, унаследовав многое из сталинского времени. Все это сформировало в Городке «гремящую смесь» типично советских практик и стремления вырваться из их хитросплетений, проявившуюся как на стадии продвижения концепта научного центра, так и в период его формирования и развития. Одной из таких практик стало, например, широкое использование мобилизационных подходов при создании инфраструктуры Академгородка [Кузнецов, 2011, с. 88].

Академгородок создавался в рамках парадигмы модернизации, которая и в послевоенные годы сочеталась с мобилизационным вектором развития [Водичев, 2012]. Индустриализация и развитие экономики на ее основе и при Хрущеве оставалось в стране глобальной целью, которую пытались достигать с опорой на инструменты и практики мобилизации, в том числе и в сфере науки и технологий. Представляется, что именно такой ракурс позволяет рассматривать формирование научного центра в одном ряду с другими советскими экономическими мегапроектами: строительство научного центра стало одной из последних «великих строек коммунизма». Он создавался по сталинским лекалам, но с поправкой на время «хрущевской оттепели», когда были устранены репрессии, снизилась роль принудительного труда, но в рамках политики популизма не уменьшилось, а даже возросло значение фактора индоктринации. К тому же, при создании академического комплекса проявилось немало нюансов, определяемых не только спецификой времени, но и характером и этосом «городка науки» как крупнейшего в стране локального узла концентрации интеллектуального потенциала.

Что касается «узкого» понимания термина «проект», то оно в приложении к научному комплексу выступает скорее как фигура речи, если не говорить о градостроительном генплане, существовавшем в нескольких итерациях. Рассуждения об Академгородке как о проекте используются безотносительно его проектных характеристик. С точки зрения менеджмента, проектный подход должен включать в себя анализ рисков и допущений, совокупности общих и конкретных целей, предполагаемых результатов, ресурсов и затрат, этапов реализации и принципов оценки. В советском планировании это было далеко не так. Ничего напоминающего матрицу проекта (*PLM*) также не существует. Создание Академгородка невозможно анализировать в современных категориях проектной деятельности. Поэтому, как и в случае с другими подобными феноменами, при их оценке понятие «проект» (как и сам термин «менеджерийальный» подход) может быть использовано лишь в самом общем смысле. Как правило, в качестве точки отсчета и предмета анализа и оценки выступает не проект,

а концепт, который по крупицам собирают на основе синтеза представлений их идеологов, а также постулатов партийно-правительственных постановлений. Соответственно то, что в одной из цитируемых работ названо «проектно-менеджеральным» подходом, определяет проблемное поле для анализа *концепта* Академгородка, но не *проекта*. И такой подход «работает» только в этом смысле, поскольку позволяет расставить акценты на релевантности идеи научного комплекса вызовам времени и места.

Макроэкономический контекст научно-организационных решений

Об актуальности концепта Академгородка можно судить на основании фиксации процессов в глобальной экономике и их отражении в советском планировании. Одним из них стал тренд на ускоренное развитие страны и ее восточных регионов с опорой на НТП, науку и современные технологии, что нашло отражение в проектировках шестой пятилетки. Стратегия приближения науки к производству была определена и зафиксирована в политическом курсе, однако там ничего не говорилось о формировании на востоке масштабных научных комплексов [Артемов, 2024; Водичев, 2021].

Вместе с тем в ведущих странах мира в послевоенные годы проявился ряд новых тенденций. Первая из них — быстрый рост наукоемких технологий и формирование новых технологических укладов. Происходили структурные сдвиги в экономике, связанные с сокращением доли промышленности и ростом доли сферы услуг в производстве национального дохода; возрастала скорость развития производства и новых технологий; происходил отход от стандартизации в пользу гибкости и способности к быстрой перенастройке производства в зависимости от спроса; обеспечивались повышение уровня жизни населения, насыщение рынка, ориентация на удовлетворение потребностей человека [Гайдар, с. 70–71]. Возникла системная связь между наукой, технологией, производством и потреблением. Эти годы стали рубежом начавшегося перехода к «новому индустриальному» (по Гэлбрейту) или «постиндустриальному» (по Беллу) обществу. Признавалось, что потенциал страны будет измеряться не материальными активами, а объемом информации и знаний.

Однако векторы развития передовых экономик и СССР не совпадали. В стране сохранялись институты довоенного времени, в силу чего она оставалась как с макроэкономической, так и с институциональной точки зрения на индустриальной стадии развития. К середине 1950-х гг. проблемы в экономике стали очевидными и для экспертного сообщества, и для политического и экономического истеблишмента [Водичев, Аблажей]. При этом говорить о технологической отсталости СССР можно лишь с высокой степенью условности: в стране были успешно решены задачи разработки и производства ядерного оружия [Артемов, 2017]. Но успехи ВПК не могли затмить того факта, что технологический трансферт из «оборонки» в «гражданскую» экономику был практически заблокирован, а заимствование технологий в виде репараций имело ограниченный ресурс.

Второй тенденцией стала «менеджеральная революция» — рост влияния тех, кто обеспечивал управление процессами развития, обладая для этого компетенциями стратегического характера. Однако в СССР говорить о «менеджеральной революции» также можно лишь с высокой долей условности. Конфигурация власти в стране при Хрущеве изменилась: интенсивно формировалась система «бюрократического торга», обеспечивавшая механизм принятия решений с участием представителей политической и экономической (главным образом, военно-промышленной) элиты. Значительно возросла роль и научного лобби по причине и в связи с его тесным сотрудничеством с ВПК. Данный процесс стал советским ответом на вызовы «менеджеральной революции», но ответом крайне специфическим и ограниченным по своим возможностям. С этим же связана и реконцептуализация роли науки. В СССР новые стратегии развития пытались увязать с НТП, но делалось это с сохранением верности базовым идеологическим принципам. Роль науки была переосмыслена, что выразилось, в частности, в переходе от технико-технологической к научно-технической политике и в реформах системы управления наукой [Водичев, 2021]. Однако ее рамки определялись идеологизированной теорией научно-технической революции (НТР). Предполагалось, что социализм сам по себе создает все необходимые условия для использования достижений НТП. В условиях постиндустриальных вызовов теория НТР, не учитывающая социальных изменений, фактически стала тормозом социально-экономического прогресса страны [Бокарев, с. 115–117].

Академгородок: «Большая наука» и задачи формирования инновационных систем

В глобальном мире системные изменения в экономике, технологиях и самой науке нашли отражение в явлении, получившем название «Большой науки», которое предполагало резкое усиление связей с государством и крупными корпорациями. В США «в десятилетие после окончания Второй мировой войны Министерство обороны (*Department of Defense, DOD*) стало крупнейшим патроном американской науки, главным образом в области физики и инжиниринга, но также оставаясь важной институцией и для других естественных и социальных наук» [Stuart, p. 1]. В 1950-е гг. до 80 % всех расходов на исследования и разработки там осуществлялось по линии *DOD*. Масштабно увеличивались затраты не только на прикладные, но и на фундаментальные исследования. «В 1958 г. 41 % фундаментальных исследований в университетах США велся на средства агентств и программ Пентагона» [Линди, с. 19]. Следствием стал ускоренный рост научного потенциала: количества научных учреждений и численности персонала, занятого в сфере исследований и разработок. Временами кривая прироста напоминала экспоненту.

Происходили изменения и в системе организации науки, главным из которых стал переход к индустриализированному труду в рамках крупных научных институций, где все шире использовался программно-целевой и проектный

подход. Формирование больших учреждений и увеличение финансирования создавало возможности для использования крупных установок, открывавших новые перспективы для исследований, но и требовавших больших затрат на их эксплуатацию. Начавшись в сфере физики и инжиниринга, эти тренды все активнее пробивали себе дорогу и в других областях науки. Необходимость доступа к современному оборудованию ускоряла интеграционные процессы, возникала проблема баланса между кооперацией и конкуренцией. Применительно к США используется понятие «золотого треугольника», который включает в себя военные ведомства, высокотехнологичную индустрию и исследовательские университеты [Stuart, p. 2]. Формирование структур «Большой науки» и отражение этого в научной политике означало качественный прорыв в формировании национальной инновационной системы (НИС), создание которой становилось одной из наиболее актуальных задач времени. И это еще один концепт, значимый с точки зрения релевантности образования Академгородка.

В послевоенные годы формирование НИС проявило себя как важнейшая предпосылка экономического роста. Под НИС обычно понимается совокупность субъектов и институтов, функцией которых является производство и реализация инновационной деятельности и/или поддержка в ее осуществлении в пределах национальных границ. Основу НИС составляет подсистема генерации знаний, которая представляет собой совокупность организаций, выполняющих исследования и разработки. НИС обычно рассматривается как слагаемое взаимодействующих друг с другом региональных и отраслевых инновационных систем (РИС и ОИС).

В СССР такие процессы не могли остаться незамеченными. Более того, то, что происходило в Советском Союзе, во многом было симметрично американским практикам. Именно в военно-технической сфере СССР, наряду с США, стал первопроходцем в создании инфраструктуры «Большой науки», что открывало широкое поле для научно-организационных экспериментов. В ходе этого тренда в стране создавались закрытые научно-технические и научно-производственные комплексы в ВПК. В своей совокупности они становились ключевыми элементами НИС, которая оставалась крайне сегментированной. При этом в экономике в целом отсутствовали внутренние стимулы к инновациям. Затраты на науку быстро возрастали, но с конца 1950-х гг. снижались отдачи от инвестиций в научно-техническую сферу.

На наш взгляд, именно перекрестье двух вышеупомянутых концептов — «Большой науки» и НИС — является принципиально важным для понимания релевантности СО АН СССР и Академгородка в моменте времени. Контекст, в котором возник новый научный центр, формировался смесью глобальных трендов научно-технического развития и советских идеологием и практик. Объективно создание нового «открытого» и мультидисциплинарного научного комплекса было направлено на масштабный апгрейд существовавшей в стране административно регулируемой НИС посредством формирования ее «продвинутого» территориального сегмента. Воплощение идеи наукограда могло

сформировать некую отправную модель РИС, создав прецедент для ее распространения на НИС в целом. Академгородок мог сыграть модельную роль для усовершенствования всей системы, в том числе и замыкая технологическую цепочку между ОИС ВПК и «гражданскими» отраслями экономики.

«Треугольник Лаврентьева»: советская версия «тройной спирали» и столкновение с реалиями

Идея Академгородка отражала советскую концептуализацию глобальных тенденций модернизации. В официальном пантеоне его «отцов-основателей» три имени — академиков М. А. Лаврентьева, С. А. Христиановича и С. Л. Соболева, а коллизии вокруг создания нового научного центра в Новосибирске детально представлены в литературе [см.: Сибирское отделение Российской академии наук. Создание; Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк, с. 117–172; и др.]. Но хорошо известно, что инициативы и концепты в СССР не имели хождения без предварительного одобрения на высшем уровне политического руководства. Справедливо мнение, что «замысел создания СО АН СССР возник, скорее всего, спонтанно и был ответной реакцией на множество разнородных проблем» [Артемов, 2024; 2011, с. 129]. То, как это решение было озвучено, говорило о растущей роли научного истеблишмента в системе власти.

В основу концепта был положен знаменитый «Треугольник Лаврентьева» [Лаврентьев, 2000], т. е. единство и системная связь между научными исследованиями, образованием исследовательского типа и производством, в которой востребованы инновации. На наш взгляд, в идее Академгородка нашли отражения советские представления о том, что впоследствии будет осмыслено в модели «тройной спирали» (*triple helix*) как ведущем принципе инновационного развития в постиндустриальных экономиках, т. е. о системном единстве университетов, бизнеса и власти, которое обеспечивает синергетический эффект для инновационного развития. В модели Лаврентьева место западных университетов оказалось замещено синтезом академических институтов в единстве с университетом исследовательского типа, бизнес — промышленностью и тесной коллаборацией с отраслями и предприятиями, а власть осталась властью, обеспечивающей «институциональный зонтик», который должен стимулировать и поддерживать инновационный процесс [Гордиенко, 2014, с. 234–273; 2015б, с. 93]. И уже поэтому попытки идеализации научно-организационной уникальности Академгородка находятся в одном ряду с другими сложившимися вокруг него мифологемами [Водичев, 2018а; 2018б]. Но, несомненно, заслуга акад. Лаврентьева и его коллег заключается в том, что они сумели уловить глобальные тренды в развитии «Большой науки» и инновационной системы, прежде всего — акценты на междисциплинарность исследований (или, по словам академика, на исследования «на стыках наук» [Лаврентьев, 1982, с. 17]), и предложили вариант их адаптации к советским условиям, а также применили знакомый им

опыт организации и функционирования научно-технических комплексов ВПК к задачам формирования центра фундаментальных исследований.

Вопрос, однако, заключался в том, на что конкретно в советской практике могли опереться идеологи Академгородка? То, что дальнейшее развитие вряд ли было возможно без эффективного инновационного процесса и широкого переноса результатов научных исследований в новые технологии стало очевидным для многих. В политикуме понимали необходимость решения обеих задач, но связывали их с укреплением научного потенциала и оптимизацией системы управления наукой. То, что они требовали радикального изменения экономической модели, истеблишмент признать был не готов, и надежды возлагались на перезапуск административного механизма. Такой подход, как представлялось, доказал свою эффективность при решении приоритетных военно-технических задач.

В контексте времени Городок не был уникальным явлением. Создание в регионах научных (научно-технических, научно-производственных) центров, которое с происходило в послевоенные годы, отражало доминирующее в советском истеблишменте понимание общих тенденций в организации науки. Ведущие ученые играли в этом значимую роль, в том числе и в плане утверждения самого термина «региональный центр». Тот же М. А. Лаврентьев подчеркивал, что «новый центр... ни в коем случае не должен был стать так называемым региональным» [Лаврентьев, 2000, с. 126], имея в виду профиль и характер будущих исследований. Те, кто принимал участие в шлифовке научно-организационного концепта Академгородка, были тесно связаны с ВПК и привносили в развитие научно-организационной мысли «оборонный» опыт. Справедливо мнение, что именно «в ВПК формировалась локальная инновационная система, опирающаяся не только на передовые зарубежные разработки, но и на собственные» [Калинов, с. 82–83]. В этом смысле Академгородок был далеко не одинок. Например, несколько ранее был образован и параллельно развивался глубоко засекреченный научный комплекс Челябинска-70 (Снежинск) [Атомные города Урала], в котором, как и в его предшественнике Арзамасе-16, сотрудничали многие будущие руководители СО АН СССР [Артемов, 2024]. Создавались и другие наукограды, в том числе и в сфере фундаментальных исследований, которые в отличие от Академгородка имели более профилированный характер. В любом случае СССР уже обладал некоторым опытом организации территориальных научно-технических кластеров. Проблема заключалась в том, что со времен «классического сталинизма» советская НИС формировалась как закрытая и сегментированная система в рамках ВПК. Однако теперь в условиях постиндустриализма она должна была распространяться на всю экономику, а не только на «оборонные» отрасли.

В силу этого в общем смысле говорить о принципиальной новизне Академгородка как одного из сегментов НИС с точки зрения отечественных практик вряд ли возможно — его формирование скорее свидетельствовало о попытках разблокировки научно-организационных решений, сложившихся в ВПК,

и развития НИС за счет новых территориальных сегментов. Но можно утверждать наличие новаций при достройке системы в плане мультидисциплинарности научного комплекса и его открытости для внешних коммуникаций, формирования коммуникативного пространства, способствующего исследованиям «на стыке наук», интеграции с исследовательским университетом «классического» типа, фактически функционирующего как часть Академгородка [Аблажей, Водичев, Красильников, 2019; 2021]. И это действительно были важные научно-организационные новеллы.

Городок создавался с учетом возможности переноса апробированных практик из ВПК в сектор условно гражданской науки. Условно, потому что Академгородок, в котором артикулировалась ориентация на фундаментальные исследования, также был теснейшим образом вовлечен в решение «оборонных» задач. По-другому и быть не могло. В условиях действовавшего хозяйственного механизма гарантированным заказчиком для продукции Городка могло быть только государство, главным образом ВПК. Но особенностью научного центра становилась его провозглашенная включенность в научное обеспечение экономического развития Сибирского макрорегиона, что было особенно значимо в условиях проведения «совнархозовской» реформы, с одной стороны, и крайней слабости «гражданской» отраслевой науки в регионе с другой. Однако в этом смысле первоначальные интенции формирования Академгородка как ядра РИС и как сегмента и модели не только для ВПК, но и для «гражданской экономики», т. е. для НИС в целом оказались нарушенными в самом начале и в своей первооснове. Городок, открытый миру и ставший «витринным» для советской науки, фактически функционировал как бы в отрыве от места локализации. Руководство СО АН СССР предпринимало шаги по установлению отношений с предприятиями региона и целыми отраслями промышленности, которые позднее воплотились в программе «Сибирь», но их эффективность оставляла массу вопросов. Все это воспроизводило специфику советского «народного хозяйства», где доминировал ВПК.

В условиях, когда экономика буксовала перед воротами постиндустриализма, оставаясь в рамках индустриализационной модели, «Сибирский наукоград» неизбежно сталкивался с ограниченной перспективой. Объективно создание Городка по модели, напоминавшей *triple helix*, было направлено на корректировку парадигмы развития не только науки, но и экономики в целом, возможно, даже вопреки замыслам его инициаторов. В то же время концепт с самого начала был подвержен рискам и ограничениям, которые определялись идеологией и экономической практикой. Существует мнение, что опыт создания Академгородка учитывался при организации таких центров как София Антиполис во Франции, Цукуба в Японии или Теджой в Южной Корее. Это, возможно, так, но лишь с учетом того, что Академгородок рассматривался в качестве одного из вариантов научно-организационных решений в приложении к условиям административных, а не рыночных НИС, а в этих странах НИС имела совершенно иной характер.

Академгородок как элемент советской НИС и глобальные практики

Модель Лаврентьева в теории выглядела стройной и сбалансированной, но она столкнулась с советской действительностью. Будучи принципиально готовым к решению задач для экономики постиндустриального типа, в реальности научный центр сталкивался с необходимостью их корректировки применительно к условиям нерыночной НИС и более низкого технологического уклада. Фундаментальное различие между индустриальной и постиндустриальной инновационными экосистемами заключается в том, что индустриальные НИС рассчитаны на производство отдельных технологий. Постиндустриальные — на производство высокотехнологичных наукоемких продуктов, включающих сами технологические системы, а также их информационное и инфраструктурное обеспечение и ноу-хау, задающие формат практического использования с учетом синергетического эффекта [Федоров, с. 116]. Последнее в качестве предварительных условий неизбежно предполагает открытость экономики, конкурентную среду, а главное — инновационный запрос со стороны реального сектора экономики.

Иными словами, как основа РИС (инновационной экосистемы) Академгородок хорошо вписывался в теоретические научно-организационные схемы, но не в советские реалии, в рамках которых он выглядел, скорее, институцией маргинальной. В общем смысле концепт Академгородка и тенденции развития РИС в развитых странах мира корреспондировали друг с другом, но отличия также были весьма существенными. В частности, в литературе отмечается определенная схожесть стартовых условий ядер РИС, представленных Городком и системой Стэнфорда: «Во-первых, они зарождались в схожее время. Во-вторых, они находились на периферии научного и технического мира своих стран... В-третьих, в обеих экосистемах был сильный руководитель-лидер, который эффективно проводил собственную... стратегию развития экосистемы» [Там же, с. 118]. Подчеркивается и общность концептуальных оснований, включающих в себя единство научных исследований, образования и производства. Но при этом недостаточно артикулируется, на наш взгляд, главное — принципиальные различия социетальных, экономических и политических условий формирования научных комплексов. В случае со Стэнфордом это было естественное развитие «снизу», которое произошло вполне органично, на основе предпринимательства в сфере наукоемкого бизнеса и высоких технологий при поддержке властей, что закладывало в инновационную систему механизмы саморазвития.

В случае с Академгородком, возникшим в рамках советской институциональной среды, это была модель развития по инициативе и при массовой поддержке «сверху». В последующие годы в Городке предпринимались попытки запуска механизма инновационного стимулирования в сочетании с традиционными методами управления, контроля и надзора на основе принципа мобилизации в рамках не подвергшейся значительным изменениям экономической модели. Эти противоречия, отразившиеся в неудачах реализованных в Академгородке инновационных проектов «пояса внедрения» или возникшего

по инициативе локального научного сообщества внедренческого предприятия «Факел», носили фундаментальный характер и относились к числу принципиально неразрешимых в конкретных исторических условиях.

Выводы

Вышесказанное и определило динамику процессов развития. Рыночная инновационная экосистема Стэнфорда быстро развивалась, возрастала количественно и изменялась качественно. В итоге на ее основе выросла Кремниевая долина, которая стала одной из основ НИС США и глобальным триггером постиндустриального развития. В то же время локальная инновационная система Академгородка как часть советской административной НИС, успешно решая некоторые задачи фундаментальной науки и ВПК, имела лишь ограниченное влияние на инновационные процессы в экономике в целом.

Академгородок может быть охарактеризован как феномен, в котором отразился транзитный характер советской научно-технической политики, научно-организационной мысли и инновационных практик второй половины 1950-х — 1960-х гг. Попытки экономических реформ потерпели неудачу, и вплоть до распада СССР сохранялась консервативная модель развития, сочетавшаяся с административной системой управления в экономике и препятствовавшая инновационному процессу. Она оставляла страну на индустриальной стадии развития и была способна обеспечить лишь точечные прорывы в постиндустриальную экономику в ограниченном спектре отраслей и производств. Создание научного комплекса, с одной стороны, отражало проводившийся в узком пространстве поиск новых подходов к повышению эффективности экономики с опорой на НТП при сохраняющихся критических ограничениях базовой идеологии и экономической модели, но с учетом некоторой либерализации режима. С другой стороны, формирование Академгородка свидетельствовало о возросшей связи советской науки с глобальным интеллектуальным пространством и понимании, что прогресс в экономике невозможен без науки, а в науке — без развития международных коллабораций.

Концептуально, с точки зрения заложенных в него возможностей, Академгородок опередил свое время. Он мог стать важнейшим звеном постиндустриальной НИС, ее модельным сегментом и драйвером технологического развития огромного макрорегиона и всей страны. Однако интенции постиндустриализма, заложенные в концепт Академгородка, пытались пробивать себе дорогу в условиях административно регулируемой НИС не постиндустриального, а индустриального типа, что существенно ограничивало такие перспективы. В итоге Академгородок в значительной мере оказался замкнут на ВПК и отторгался реализованной в стране моделью экономики, а его возможности остались невостребованными из-за вышеуказанной дихотомии. Не научный центр толкал экономику вперед, а экономическая система тянула Академгородок назад, что и отразилось в итоге в его исторической динамике. Развитие РИС на основе

научного комплекса уже в 1960-е гг. потеряло первоначальный импульс, а в дальнейшем начался процесс «периферизации» науки и обострились бытовые и социальные проблемы.

Академгородок так и не стал классическим технополисом, и в советских реалиях вряд ли имел шансы им стать. Его успех в решающей степени зависел от продолжения широкомасштабных инвестиций, которые в условиях СССР могли осуществляться исключительно государством. Однако после отставки Хрущева и ухода Лаврентьева возможности лоббирования в пользу Академгородка снизились, а у власти обозначились иные приоритеты. В то же время в условиях отсутствия спроса на инновации альтернативные механизмы развития, в отличие от Кремниевой долины, были заблокированы. В итоге «Сибирская Новая Атлантида» (по словам П. Джозефсона [Josephson, 1997]), при всех ее достижениях, так и не трансформировалась в «Кремниевую тайгу».

Источники

Атомные города Урала. Город Снежинск : энциклопедия / отв. ред. Е. Т. Артемов, Н. П. Волошин. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009.

Лаврентьев М. А. Опыты жизни. 50 лет в науке // Век Лаврентьева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. С. 126–128.

Лаврентьев М. А. ...Прирастать будет Сибирью. 2-е изд. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982.

Сибирское отделение Российской академии наук. Создание. 1957–1961 годы : сб. документов / отв. ред. Е. Г. Водичев. Новосибирск : Нонпарель, 2007.

Исследования

Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019.

Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 113–135. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11008>

Артемов Е. Т. Как принимались решения в советской системе управления (случай создания Сибирского отделения АН СССР) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 129–138.

Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М. : Политическая энциклопедия, 2017.

Артемов Е. Т. Экономическая политика позднесоветской эпохи: проблемы выбора приоритетов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 210–224. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.014>

Артемов Е. Т. «Двинуть большую науку на восток» // Воронцово поле. 2024. № 1. URL: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/vremya-sssr/dvinut-bolshuyu-nauku-na-vostok> (дата обращения: 31.03.2024).

Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М. : Наука, 2007.

Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск : Акад. изд-во «Гео», 2012.

Водичев Е. Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: Мифы // Идеи и Идеалы. 2018а. Т. 10, № 1(35). Ч. 1. С. 9–26. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26>

Водичев Е. Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья вторая: Реалии // Идеи и Идеалы. 2018б. Т. 10, № 2(36). Ч. 1. С. 28–50. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50>

Водичев Е. Г. В траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 135–144. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-135-144](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-135-144)

Водичев Е. Г., Аблажей Н. Н. Стратегический план «построения коммунизма» в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи // ЭКО. 2023. № 2. С. 137–151. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2023-2-137-151>

Водичев Е. Г., Узбекова Ю. И. Развитие академической науки в Сибири: историографический очерк // Советская региональная политика: Проблемы изучения / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : Сова, 2004. С. 116–169.

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории. 3-е изд. М. : Дело, 2005. С. 70–71.

Гордиенко А. А. Новосибирский Академгородок — реликт «утраченного мира», или «Силиконовая тайга». Кн. 1 : Социально-исторические и генетические предпосылки трансформации науки XXI века. Новосибирск : ИФИП, 2014.

Гордиенко А. А. Трансинституциональные взаимодействия и самоорганизация сообщества новосибирского Академгородка в контексте регионализации научно-инновационной деятельности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 90–96.

Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н. От «Золотой долины» к «Кремниевой тайге»: векторы культурной памяти // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 55–64. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-55-64](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-55-64)

Калинов В. В. Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период // Российский технологический журнал. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 73–87. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2018-6-1-73-87>

Кузнецов И. С. Создание новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Вып. 10 : История. С. 86–91.

Кузнецов И. С. Становление историографии новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 8: История. С. 12–22.

Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11. С. 172–192. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2019-11-172-192>

Линди С. Разум в тумане войны: Наука и технологии на полях сражений / пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2022.

Пискунов М. О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140–147. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/18>

Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин и др. Новосибирск : Наука, 2007.

Федоров В. С. Академгородок и Стэнфорд: наука и производство в инновационных экосистемах 50–70-х гг. XX века // Философия науки. 2017. № 1 (72). С. 114–130. <https://doi.org/10.15372/PS20170109>

Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary // *The Soviet and Post-Soviet Review*. November 2021. Vol. 48(3). P. 289–313. <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10043>

Josephson P. R. *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1997.

Stuart L. W. *The Cold War and American Science. The military-industrial-Academic complex at MIT and Stanford*. New York : Columbia Univ. Press, 1993.

References

Ablazhey, N. N., Vodichev, E. G., & Krasilnikov, S. A. (2019). *Novosibirskii gosudarstvennii universitet: sozdanie, stanovlenie, razvitie (1959–2019)* [Novosibirsk State University: Creation, Formation, Development (1959–2019)]. Novosibirsk: IPTs NGU.

Ablazhey, N. N., Vodichev, E. G., & Krasilnikov, S. A. (2021). Universitet i Akademiia nauk: pas de deux v ritmakh epokhi [University and the Academy of Sciences: pas de deux in the Rhythms of the Epoch]. *Sociologia Nauki i Tehnologij – Sociology of Science & Technology*, 12(1), 113–135. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2021-11008>

Artemov, E. T. (2011). Kak priminalis’ resheniia v Sovetskoii sisteme upravleniia (sluchai sozdaniia Sibirskogo otdeleniia AN SSSR) [How Decisions in the Soviet System of Government were Adopted (the Case of Creation of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences)]. *Ural Historical Journal*, 3(32), 129–138.

Artemov, E. T. (2017). *Atomnyi proekt v koordinatakh stalinskoi ekonomiki* [Nuclear Project in the Coordinates of Stalin’s Economy]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopedia.

Artemov, E. T. (2021). Ekonomicheskaiia politika pozdnesovetskoii epokhi: problemy vybora prioritietov [Economic Policy of the Late Soviet Period: The Problem of Setting Priorities]. *Izvestiia Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 210–224. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.014>

Artemov, E. T. (2024). “Dvinut’ Bol’shuiu Nauku na Vostok” [“To Move Big Science to the East”]. *Vorontsovo pole*, 1. Retrieved from <https://vorontsovopole.ru/rubriki/vremya-sssr/dvinut-bolshuyu-nauku-na-vostok>

Bokarev, Yu. P. (2007). *SSSR i stanovlenie postindustrialnogo obshchestva na Zapade* [The USSR and the Formation of a Post-industrial Society on the West]. Moscow: Nauka.

Bugaev, R., Piskunov, M., & Rakov, T. (2021, November). Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 48(3), 289–313. <https://doi.org/10.30965/18763324-bja10043>

Fedorov, V. S. (2017). Akademgorodok i Stanford: nauka i proizvodstvo v innovatsionnykh ekosistemakh 50–70-kh gg. XX veka [Akademgorodok and Stanford: Science and Industry in Innovation Ecosystems during the 1950s–1970s]. *Filosofia nauki*, 1(72), 114–130. <https://doi.org/10.15372/PS20170109>

Gaidar, E. T. (2005). *Dolgoe vremia. Rossiia v mire: ocherki ekonomicheskoi istorii* [The Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History]. Moscow: Delo.

Gordienko, A. A. (2014). *Novosibirskii Akademgorodok – relikt “utrachennogo mira”, ili “Silikonovaia Taiga”. Kniga 1: Sotsialno-istoricheskie i geneticheskie predposylki transformatsii nauki XXI veka* [Novosibirsk Akademgorodok as a Relic of the “Lost World”, or “Silicon Taiga”. Book 1: Social-Historical Background of the Transformation of Science in the 21st Century]. Novosibirsk: IFIP.

Gordienko, A. A. (2015). Transinstitutsionalnye vzaimodeistviia i samoorganizatsiia soobshchestva novosibirskogo Akademgorodka v kontekste regionalizatsii nauchno-innovatsionnoi deiatelnosti [Transinstitutional Interactions and Self-organisation of the Novosibirsk Akademgorodok's Community in the Context of the Regionalisation of Science and Innovation Activities]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiia*, 13(4), 90–96.

Josephson, P. R. (1997). *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton: Princeton University Press.

Kalinov, V. V. (2018). Dostizheniia i proschety gosudarstvennoi nauchno-tekhnikheskoi politiki SSSR v poslevoennyi period [The Achievements and Failures of the State Scientific and Technical Policy of the USSR in the Postwar Period]. *Russian Technological Journal*, 6(1), 73–87. <https://doi.org/10.32362/2500-316X-2018-6-1-73-87>

Kuznetsov, I. S. (2011). Sozdanie novosibirskogo Akademgorodka v kontekste “mobilizatsionnoi modeli” [The Creation of Novosibirsk Akademgorodok in the Context of “The Model of Mobilisation”]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiia*, 10: Istoriia, 86–91.

Kuznetsov, I. S. (2013). Stanovlenie istoriografii novosibirskogo Akademgorodka v kontekste mobilizatsionnoi i innovatsionnoi modelei [Formation of Historiography of Novosibirsk Akademgorodok in the Context of Mobilisation and Innovation Models]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiia*, 12(8: Istoriia), 12–22.

Kuznetsov, I. S. (2019). Novosibirskii Akademgorodok: “oasis svobody” ili “relikt stalinizma”? [Novosibirsk Akademgorodok: An “Oasis of Freedom” or a “Relic of Stalinism”?]. *ECO*, 1, 172–192. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-11-172-192>

Lindee, S. (2022). *Razum v tumane voiny: Nauka i tekhnologii na poliakh srazhenii* [Rational Fog. Science and Technology in Modern War]. Moscow: Alpina Non-fiction.

Piskunov, M. O. (2020). “Bolshaia” istoriia Akademgorodka: istoriograficheskoe pole i perspektivy kultural'noi istorii sovetskikh gorodov nauki [Akademgorodok's “Big” History: Soviet Science Cities Historiography and Prospects for Cultural History]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 459, 140–147. <https://doi.org/10.17223/15617793/459/18>

Stuart, L. W. (1993). *The Cold War and American Science. The Military-Industrial-Academic Complex at MIT and Stanford*. New York: Columbia University Press.

Vodichev, E. G. (2012). *Nauka na Vostoke SSSR v usloviakh industrialisatsionnoi paradigmy* [Science in the East of the USSR in the Paradigm of Industrialisation]. Novosibirsk: Geo.

Vodichev, E. G. (2018a). Vsegda li “Ponedel'nik nachinaetsia v subbotu”, ili Mify i realii sibirskoi “Novoi Atlantidy”. Statia pervaiia: Mify [Does “Monday always Begin on Saturday”? Or the Myths and Reality of the Siberian “New Atlantis”. Part 1: Myths]. *Ideas and Ideals*, 10, 1(35), Pt. 1, 9–26. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-9-26>

Vodichev, E. G. (2018b). Vsegda li “Ponedel'nik nachinaetsia v subbotu”, ili Mify i realii sibirskoi “Novoi Atlantidy”. Statia vtoraiia: Realii [Does “Monday always Begin on Saturday”? Or the Myths and Reality of the Siberian “New Atlantis”. Part 2: Reality]. *Ideas and Ideals*, 10, 2(36), Pt. 1, 28–50. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-2.1-28-50>

Vodichev, E. G. (2021). V traektorii ekonomicheskikh reform: nauka i nauchnaia politika v gody “khrushchevskogo desiatiletiia” [In the Trajectory of Economic Reforms: Science and Science Policy in the Years of the “Khrushchev Decade”]. *Ural Historical Journal*, 4(73), 135–144. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-135-144](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-135-144)

Vodichev, E. G., & Ablazhey, N. N. (2023). Strategicheskii plan “postroeniia kommunizma” v SSSR: ambitsii i ideologiia khrushchevskoi epokhi [The Strategic Plan for the “Building of Communism” in the USSR: The Economic Ambitions and Ideology of the Khrushchev Era]. *ECO*, 2, 137–151. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-2-137-151>

Vodichev, E. G., Krasilnikov, S. A., Lamin, V. A. et al. (2007). *Rossiiskaia akademiia nauk. Sibirskoe otdelenie. Istoricheskii ocherk* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Historical Essay]. Novosibirsk: Nauka.

Vodichev, E. G., & Uzbekova, Yu. I. (2004). Razvitie akademicheskoi nauki v Sibiri: Istoriograficheskii ocherk [The Development of Academic Science in Siberia: Historiographic Review]. In S. A. Krasilnikov (Ed.), *Sovetskaia regionalnaia politika: Problemy izucheniia* [Soviet Regional Policy: The Problems of Study] (pp. 116–169). Novosibirsk: Sova.

Zaporozhchenko, G. M., & Shelegina, O. N. (2022). Ot “Zolotoi doliny” k “Kremnievoi taige”: vektory kul’turnoi pamiati [From “The Golden Valley” to “Silicon Taiga”: Vectors of Cultural Memory]. *Ural Historical Journal*, 3(76), 55–64. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-55-64](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-55-64)

Водичев Евгений Григорьевич

доктор исторических наук

¹ профессор кафедры международных отношений и регионоведения

Новосибирский государственный

технический университет

630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

² профессор кафедры отечественной истории

Национальный исследовательский

Томский государственный университет

634050, Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: vodichev@mail.ru

Vodichev, Evgeny Grigoryevich

Dr. Hab. (History)

¹ Professor

Department of International Relations and Regional Studies

Novosibirsk State Technical University

20, K. Marx Ave., 630073 Novosibirsk, Russia

² Professor

Department of Russian History

National Research Tomsk State University

36, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russia

Email vodichev@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8266-1723>

Scopus AuthorID: 57207306604

WoS ResearcherID: HCH-5782-2022

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.013
УДК 502/504(571.1) + 502.56(571.1) +
+ 94(571.1)“1950/1970” + 94(571.14):001.89 +
+ 94(571.16):001.89 + 378.1(470)

М. О. Пискунов
*Тюменский
государственный университет*
Тюмень, Россия

«ОХРАНА ПРИРОДЫ» В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ НАУКИ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В НАУЧНЫХ ИНСТИТУТАХ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ СССР (1950–1970-е гг.)

Статья представляет собой очерки формирования экологических идей в позднем СССР как в союзном центре, так и на сибирской периферии. Автор обращает внимание на появление в союзных республиках на рубеже 1950–1960-х гг. законодательства об охране природы и деятельности специальных академических комиссий по этой теме. Опираясь на стенографический отчет III Совещания по охране природы в Новосибирске в 1961 г., автор реконструирует повестку этой деятельности, те организационные меры, с которыми было сопряжено внедрение охраны природы в СССР и возможную связь этого поворота с децентрализаторскими реформами Хрущева по управлению экономикой.

Поскольку Сибирское отделение АН СССР в своей деятельности придавало охране природы важную роль, то далее прослеживается работа соответствующей академической комиссии СО АН в течение 1960-х гг., когда охрана природы постепенно перестает быть приоритетной темой государственной политики, а обращение к ней провоцирует межведомственные конфликты (самый крупный — дискуссия о Байкальском ЦБК). Вероятно, в силу этих обстоятельств академическая комиссия как интегрирующий институт исчезает к началу 1970-х гг., а тема охраны природы остается интересом либо Президиума СО АН, либо отдельных энтузиастов. Усилия Президиума воплотились в социально-экономической программе «Сибирь», а энтузиасты сумели ввести охрану природы в учебные программы на биологических и географических факультетах университетов.

Отдельно рассматривается деятельность томского ихтиолога И. П. Лаптева, воспитавшего в ТГУ несколько поколений чувствительных к экологическим вопросам специалистов. Воспроизводство такой среды в советских университетах привело к возникновению профессионального движения Дружин охраны природы, участники которых уже на следующем этапе, в изменившейся политической обстановке 1980–1990-х гг., сумели заполнить собой образовавшуюся кадровую и административную нишу государственных органов по охране природы и многочисленных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: поздний СССР; экология; охрана природы; Сибирское отделение Академии наук; Новосибирский Академгородок; Томский университет; Лаврентьев; Крылов; Лаптев; Дружины охраны природы

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №22-78-00177 «Академгородки и наукограды: сравнительный аспект позднесоветских городов науки».

Ц и т и р о в а н и е: *Пискунов М. О.* «Охрана природы» в сибирских городах науки: экологические идеи в научных институтах и высшей школе СССР (1950–1970-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 202–221. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.013>

Поступила в редакцию: 24.09.2023

Принята к печати: 28.01.2025

Mikhail O. Piskunov

University of Tyumen

Tyumen, Russia

**“NATURE PROTECTION” IN SIBERIAN CITIES OF SCIENCE:
ENVIRONMENTAL IDEAS IN SCIENTIFIC INSTITUTES
AND HIGHER EDUCATION IN THE USSR (1950s–1970s)**

This article outlines the formation of ecological ideas in the late USSR, both in the union centre and in the Siberian periphery. The author focuses on the emergence of nature protection legislation and the activities of special academic commissions on this topic in the Union republics in the late 1950s and early 1960s. Relying on the verbatim report of the Third Meeting on Nature Protection in Novosibirsk in 1961, the author reconstructs the agenda of this activity, the organisational measures which the introduction of nature protection in the USSR was associated with and the possible connection of this turn with Khrushchev’s decentralisation reforms in economic management.

Since the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences attached a special role to nature protection in its activities, the work of the relevant academic commission of the Siberian Branch of the Academy of Sciences is traced in the 1960s, when nature protection gradually ceased to be a priority topic of state policy, and the appeal to it provoked interdepartmental conflicts (the largest one being the Baikal Pulp and Paper Mill discussion). It is likely that due to these circumstances, the Academic Commission as an integrating institution disappeared by the early 1970s, and the topic of nature protection remained the interest of either the Presidium of the Siberian Branch of the Academy of Sciences or individual enthusiasts. The efforts of the Presidium were embodied in the “Siberia” socio-economic programme, and enthusiasts managed to introduce nature conservation into the curricula of faculties of biology and geography at universities.

Additionally, the author considers the activities I. P. Laptev, a Tomsk ichthyologist, who brought up several generations of ecologically sensitive specialists at TSU. The reproduction of such an environment in Soviet universities led to the emergence of a professional movement of nature conservation groups. At the next stage and in the changed political environment of the 1980s–1990s, their members managed to fill the staff and administrative niche of state bodies and numerous non-profit organisations.

Key words: later USSR; ecology; nature conservation; Siberian Branch of the Academy of Sciences; Novosibirsk Akademgorodok; Tomsk University; Lavrentiev; Krylov; Laptev; Nature Conservation Groups

Acknowledgements

The results of the work were obtained in the framework of grant 22-78-00177 of the *Russian Science Foundation* “Akademgorodoks and Science Towns: A Comparative Aspect of Late-Soviet Science Cities”.

For citation: Piskunov, M. O. (2025). “Okhrana prirody” v sibirskikh gorodakh nauki: ekologicheskie idei v nauchnykh institutakh i vysshei shkole SSSR (1950–1970-e gg.) [“Nature Protection” in Siberian Cities of Science: Environmental Ideas in Scientific Institutes and Higher Education in the USSR (1950s–1970s)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 202–221. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.013>

Submitted: 24.09.2023

Accepted: 28.01.2025

Введение

Утверждение экологических идей и экологической чувствительности в мире происходит после Второй мировой войны. Как отмечает немецкий историк Иоахим Радкау, в Европе и США «великое ускорение», невиданные прежде темпы промышленного восстановления и экономического роста к концу 1950-х гг. постепенно сменяются страхом перед тем, что человечество высвободило силы, которые более не контролирует [Радкау, с. 329–336]. В Советском Союзе этот перелом конца 1950-х — начала 1960-х гг. также ощущался, но принимал специфические формы. Связанные с оттепелью внутриполитические тенденции, наоборот, способствовали оптимистическим ожиданиям будущего, которые дополнительно разгонялись присущей Коммунистической партии верой в научно-технический прогресс [Каспэ; Фокин].

Чувствительность к экологическим вопросам в позднем СССР принимала как минимум три идеологических формы: официальную, реформаторскую и консервативно-националистическую. Официальная советская позиция по вопросам охраны природы, рационального природопользования и затем защиты окружающей среды в целом носила комплиментарный, но по большей части декларативный характер [Собисевич, Фокин]. Советские лидеры признавали глобальные проблемы деградации окружающей среды, связывая их с иррациональными диспропорциями капитализма, но на практике оставались верны продуктивистской политике, предполагавшей экономический рост почти любой ценой. Консервативно-националистические идеи рождались в среде так называемой «русской партии» — политиков второго эшелона, журналистов и писателей, — которая в том числе через экологическую критику (почвенническая литература, разоблачающая индустриальные проекты как губительные для национальных культур) конструировала свою субъектность [Shlapentokh]. В этойвилке между официальными идеологами и националистическими кружками несколько теряется реформаторское отношение к проблемам окружающей среды, когда люди старались приспособить чувствительное отношение

к природе к советскому авторитетному дискурсу не только на уровне риторики, но и на практике.

Поскольку такие попытки происходили в основном из научной среды, а главными спикерами реформаторского подхода были крупные ученые, то мы вправе видеть за этой идеологической формой в том числе попытку усиления институционального веса науки в обществе и более внятное проговаривание своей субъектности. Данный текст посвящен рассмотрению институционального и социального контекста этих процессов в позднем СССР. Автор не претендует на исчерпывающее изложение интеллектуальной истории экологических идей, но скорее видит своей задачей продемонстрировать сложный советский институциональный комплекс, в который пытались встроиться академические и университетские сторонники охраны природы в 1950–1970-е гг.

Статья состоит из трех параграфов, посвященных двусмысленному положению наук о жизни и земле в продуктивистском советском государстве, повороту к охране природы во время хрущевской оттепели и сложному положению приверженных охране природы академических и университетских ученых в 1980-е гг. Особое внимание уделяется сибирскому измерению этих процессов, поскольку проект создания Сибирского отделения АН СССР был одним из наиболее ярких проявлений социальной субъектности советской науки, и ученые в Новосибирске, Томске и Иркутске зачастую имели больше идеологической свободы, чем их коллеги в столицах. Тем не менее, тезис статьи состоит в том, что возросшая субъектность советской науки по вопросам экологии так и не смогла переломить ведомственные интересы в экономике, а энергия приверженцев экологических подходов на излете существования Советского Союза ушла в основном в высшую школу.

В историографии интеллектуальной истории экологических идей на российской / советской почве отмечается озабоченность некоторых еще дореволюционных ученых-биологов и географов процессами индустриализации Российской империи — В. В. Докучаева, Г. А. Кожевникова, Д. Н. Кайгородова, Г. Ф. Морозова. Ускоряющееся капиталистическое развитие конца XIX — XX в. било в первую очередь по той таежной природной зоне Европейской России, которая не без оснований считалась колыбелью русской национальной культуры [Костлоу]. Поэтому задачи сохранения «русского леса» считывались как задачи политической важности. Этому контексту уже после революции Советская Россия обязана формированием мощного и самобытного движения по организации заповедников, в котором технократические, протоэкологические и консервационистские устремления ученых-естественников усиливались антикапиталистическими императивами политиков-большевиков [Weiner]. И хотя на бумаге первый заповедник в России (Баргузинский) появился в 1916 г., тем не менее, практически история охраняемых природных территорий на российской почве принадлежит советскому периоду.

Достижение советского движения заповедников 1920-х гг. состояло в стремлении сочетать два сложившихся тогда в мире подхода к охране природы:

презервационистский (сохранение природы из патриотических и педагогических побуждений) и консервационистский (природа должна правильно и устойчиво управляться людьми) [Weiner]. Один из его самых крупных деятелей Владимир Станчинский продвигал идею полностью свободных от вмешательства людей заповедников, одновременно рассматривая их как полигоны для изучения и отработки подходов устойчивого природопользования. В годы сталинского великого перелома и последовавшей за ним лысенковщины советское движение заповедников было разгромлено, а Станчинский и многие его коллеги репрессированы. Тем не менее, историк Дуглас Вайнер отмечает, что среди исследователей и энтузиастов природы присущее этому движению мышление сохранялось и воспроизводилось. Лесоведы, почвоведы, ботаники, зоологи, гидробиологи, объединенные во Всероссийское общество охраны природы, Московское общество испытателей природы, Всесоюзное географическое общество и другие профессиональные организации, сохраняли и воспроизводили до- и после-революционные традиции академической культуры и чувствительности к защите окружающей среды [Ibid.]. Похожим образом Стивен Брейн показывает, как консервационистские или даже уже экологические идеи устойчивого развития сумели закрепиться в сталинском экстенсивном лесопользовании и дожить до 1950-х гг. [Brain].

Оттепель, совнархозы и охрана природы как самостоятельная деятельность

Смерть Сталина не означала отказа от общего продуктивистского подхода к природе. Тем не менее, хрущевская десталинизация в сфере природопользования носила парадоксальный характер. С одной стороны, хрущевские экономические инициативы — такие как целинная кампания и великие стройки коммунизма — наследовали сталинскому подходу, в рамках которого центральные ведомства добивались выполнения плановых заданий, а издержки процесса, в том числе экологические, социализировались и оставались зоной ответственности местных властей. С другой — попытки советского руководства 1956–1964 гг. добиться децентрализации экономического управления, прежде всего совнархозная реформа, вели к усилению региональных руководителей и тех способов, которые те использовали для влияния на подконтрольные им предприятия.

Я полагаю, что именно в этом экономическом и политическом контексте можно объяснить республиканские законы об охране природы, которые принимались в СССР в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Процесс начался в относительно небольших республиках, а затем добрался до советских России, Украины и Белоруссии (Эстонская ССР — в 1957 г., Армянская, Литовская, Молдавская и Грузинская ССР — в 1958 г., РСФСР и УССР — в 1960 г., БССР — в 1961 г.). Эти законы возлагали на местные власти и республиканские центральные органы функцию контроля природопользования, но общесоюзного законодательства

до 1980-х гг. так и не появилось. Этим юридическим новациям еще в 1955 г. предшествовало создание комиссий по охране природы в структуре академий наук СССР и союзных республик. Комиссии были призваны не только изучать природу и изыскивать способы ее охраны, но и осуществлять экспертное сопровождение экономической практики.

Стоит обратить внимание на словосочетание «охрана природы», которое доминирует в официальном советском дискурсе 1950–1960-х гг. и которое не равнозначно защите окружающей среды или тем более экологической / климатической чувствительности наших дней. 18–19 июня 1958 г. в Тбилиси прошло первое Всесоюзное совещание комиссий по охране природы, организованное соответствующей Комиссией АН СССР и ее грузинским республиканским аналогом. В общей резолюции совещания конечная цель охраны природы формулируется следующим образом: «установление такой системы эксплуатации природных ресурсов, которая обеспечила бы их сохранение, восстановление, а по возможности и увеличение в интересах настоящего и будущих поколений человечества» [Резолюции первого всесоюзного совещания..., л. 4]. То есть речь идет в первую очередь об экономически устойчивом природопользовании, защите природных ресурсов от беспорядочной эксплуатации.

Общая резолюция этого совещания увязывает Комиссию Академии наук СССР с разработкой и принятием к тому времени Верховными Советами Эстонии и Армении упомянутых законов об охране природы. Кроме того, совещание академических комиссий также ставит себе в заслугу создание за 1957–1958 гг. 25 новых заповедников. Непосредственным поводом для совещания и дальнейшей деятельности комиссий по охране природы текст резолюции называет «отход от ленинских принципов» природопользования в предшествующий период [Там же]. Стрелы охраны природы хрущевского времени недвусмысленно целят в сталинскую экономическую политику.

Участники совещания обратились к государству и обществу с пакетом организационных, пропагандистских и научных предложений [Там же, л. 5–7]. Во-первых, это принятие общесоюзного закона об охране природы. Во-вторых, организация единой государственной службы охраны природы и учреждение соответствующего Комитета при Совете Министров СССР. В-третьих, государственная поддержка существующих заповедников и организация новых. В духе отмеченного советского подхода к заповедникам, в тексте они прагматично понимаются прежде всего как полигоны отработки природоохранной государственной политики.

Еще один пакет предложений от участников Совещания адресован академиям наук СССР и союзных республик, которых просят включить охрану природы в число ведущих научных проблем, организовать в 1959/1960 г. в структуре АН СССР Институт охраны природы и поддержать академические комиссии по охране природы ставками постоянных сотрудников. Наконец, в области пропаганды Совещание помимо издания тематического журнала и проведения выставок предлагает внести вопросы охраны природы в школьные курсы

по ботанике, зоологии, географии, а в вузах, помимо чтения особых тематических курсов, организовать кафедры охраны природы, на которых бы готовили специалистов по охране природы для работы в общесоюзном и республиканском комитетах (если таковые будут созданы), НИИ, заповедниках и других учреждениях и организациях.

Е. Д. Макеева и в меньшей степени А. В. Шмыглева утверждают, что эти инициативы стали итогом самостоятельной работы ученых и общественных деятелей [Макеева; Шмыглева]. В частности, Е. Д. Макеева обращает внимание, что текст Закона об охране природы в РСФСР был разработан членами и функционерами ВООП [Макеева]. Однако я сомневаюсь, что в постсталинском СССР подобные всесоюзные совещания и реформистские предложения могли быть инициативой отдельных людей или организаций, особенно учитывая, что совещание в Тбилиси обрамлено пакетом законодательных проектов. На то, что за всесоюзным совещанием по охране природы стоял какой-то довольно масштабный проект, который историки пока не эксплицировали, указывает и предложение его участников создать новый всесоюзный правительственный комитет по охране природы. В реальности Государственный комитет по охране природы СССР появится только в 1988 г., на решающей волне горбачевской перестройки [Ларин, Мнацакян, Честин, Шварц]. Примерно тогда же будет реализована и большая часть прочих предложений тбилисского совещания. Выше я предполагал, что политическим и экономическим контекстом предложений по институционализации охраны природы в оттепельные времена были совнархозная реформа и попытка децентрализации управления, инструментом которого могли стать местные органы и организации по охране природы.

Предполагаемый проект хрущевского времени по имплементации охраны природы в качестве одного из рычагов советской политики по каким-то причинам не осуществился. Не был принят общесоюзный закон, не был создан Госкомитет, в структуре Академии наук так и не появилось профильного исследовательского института. После совещания в Тбилиси было проведено еще три ежегодных всесоюзных совещания по охране природы — в Вильнюсе (1959), Сталинабаде (1960) и Новосибирске (1961), — но ни одно из них уже не имело таких амбиций, как первое. Мы находим следы природоохранных инициатив рубежа 1950–1960-х гг. примерно до 1962 г., когда Комиссия по охране природы переводится в Госплан СССР. Параллельно укрупняются совнархозы, создается Совет народного хозяйства СССР, а в экономике набирают силу централизаторские процессы, которые венчает отставка Хрущева в 1964 г.

Разворот на восток и Комиссия по охране природы СО АН

Параллельно с неудачами центральных природоохранных инициатив идет разворот общественного и государственного внимания на периферию. Здесь особенно важна эпопея академиков Лаврентьева, Христиановича и Соболева по созданию Сибирского отделения АН СССР и строительству Новосибирского

Академгородка во второй половине 1950-х гг. Столичные академики и молодые ученые ехали в Сибирь, чтобы одновременно реализовать свои научные амбиции и послужить интеллектуальным подспорьем индустриального освоения края, видевшегося центральным плановикам и политикам источником несметных богатств для выполнения программы построения коммунизма [Фокин, с. 15–74].

Тем не менее, оказавшись на месте, уже сибирские академические ученые и их ученики стали весьма противоречивыми проводниками советского продуктивизма по отношению к природе. Так, академики Лаврентьев и Трофимук с самого начала активно включились в дискуссию о строительстве Байкальского целлюлозно-бумажного комбината [Пискунов], а еще один из основателей СО АН академик Яншин, уже вернувшись в Москву в 1980-е гг., возглавил комиссию, которая похоронила сверхамбициозную идею поворота сибирских рек в Среднюю Азию [Воробьев]. Создание Сибирского отделения АН СССР с центром в Новосибирске вместе с мощными, богатыми талантливой и ищущей молодежью университетскими центрами Томска и Иркутска дали Сибири крупный интеллектуальный кластер, который сумел сопроводить происходившее в 1950–1980-е гг. индустриальное преобразование края и в проактивном технологическом (как это и планировали власти), и в критическом экологическом (неожиданно для них) смыслах.

В конце 1958 г. президент АН СССР академик А. Н. Несмеянов предложил организовать при Президиуме СО АН собственную Комиссию по охране природы [НАСО, ф. 68, оп. 1, д. 1]. Значение, которое руководство Сибирского отделения придавало этой инициативе, демонстрирует то обстоятельство, что первоначально Комиссию возглавил академик А. А. Трофимук, один из самых деятельных основателей СО АН, а в будущем горячий защитник Байкала. Однако загруженность Трофимука прочими делами не позволила ему включиться в процесс, и Комиссию СО АН по охране природы возглавил биолог-лесовед доктор биологических наук Г. В. Крылов [Решения Бюро Президиума январь — март 1960 г., л. 40]. Кроме председателя в штат вошли двое его заместителей (крупный экономист Н. Н. Некрасов и географ Д. И. Абрамович), ученый секретарь и двое лаборантов [Решения Бюро Президиума июль — август 1960 г., л. 275]. В своей деятельности Крылов и его коллеги ориентировались на рекомендации Совещания в Тбилиси. Они сводились к изучению и описанию флоры и фауны памятников природы, поддержке и развитию сети заповедников в стране, разработке рекомендаций по вопросам охраны природы и сохранения природных ландшафтов [НАСО, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 5–6].

Эти рекомендации хорошо сочетались с той миссией, которую Академия наук и советское государство с 1930-х гг. ставили перед научно-исследовательскими институтами региональных филиалов АН СССР. После трансформации Академии наук в сталинское «министерство науки» стратегией ее территориального развития была организация сети региональных филиалов. Филиал, как правило, состоял из 4–5 НИИ, задачей которых было комплексное описание подведомственных территорий — их минеральных и энергетических богатств,

сельскохозяйственного потенциала и транспортных особенностей — т. е. подготовка для последующего освоения. С 1943 г. в Новосибирске располагался центр Западно-Сибирского филиала АН, в структуре которого годом позже был создан Медико-биологический институт [Куперштох, 2014; 2018]. В этом институте на протяжении большей части своей научной карьеры и трудился Г. Н. Крылов, ставший к 1957 г. заведующим отделом леса и лесомелиорации и представлявший, таким образом, местную, а не приезжую часть ученых Сибирского отделения.

Комиссия Крылова, будучи ровесницей Сибирского отделения, одновременно решала важную задачу укоренения дела Лаврентьева и его коллег в регионе. Академики и их ученики, значительная часть которых были математиками, механиками, физиками, ехали в Сибирь в том числе для того, чтобы поставить точные науки на службу местным проблемам, ускорить освоение края. Им были необходимы контакты на местах, вскрытые проблемные точки, в которые можно было бы направить интеллектуальный потенциал академических НИИ. Судя по сохранившимся архивным делам, Крылов начинает оживленную переписку с сибирскими заповедниками об их исследованиях, проблемах и способах помощи им Сибирского отделения.

Достаточно быстро всплывают проблемы обводнения Кулундинской степи и чуть позже организации Барабинского заповедника. Несмотря на энергичные попытки СО АН подключиться к ним, обе проблемы не удалось решить и по сей день либо из-за нехватки финансовых вложений в необходимые мероприятия, либо из-за противостояния заинтересованных сторон. В 1961 г. Комиссия по охране природы СО АН пыталась противодействовать государственному рецидиву политики сокращения советских заповедников, безуспешно протестуя против закрытия Кроноцкого заповедника на Камчатке. Авторы обобщающей работы по истории охраны природы в России связывают две произошедшие в 1951 и 1961 гг. в СССР кампании по уменьшению числа заповедников и площади их территорий с продуктивистскими интересами лесной промышленности [Ларин, Мнацакян, Честин, Шварц].

Несмотря на государственную кампанию против заповедников, 1961 год был одним из самых успешных для сибирской Комиссии по охране природы. 15–16 сентября в Новосибирске прошло 4 Всесоюзное совещание по охране природы, собравшее руководителей академических комиссий всех уровней, чиновников из комитетов по охране природы тех союзных республик, где они появились (Латвия, Белоруссия), представителей ВООП, географического общества и других профессиональных организаций. Судя по пленарному докладу Г. Н. Крылова, который открывал совещание, инициатором проведения этого мероприятия именно в Новосибирске было руководство Сибирского отделения АН СССР, которое, вероятно, видело в нем дополнительный способ усилить позиции СО [Стенограмма 4 Всесоюзного совещания..., л. 2].

Стенограмма этого совещания демонстрирует, что советская охрана природы конца 1950-х — начала 1960-х гг. имела мало отношения к современной защите

окружающей среды. Словарная разница здесь неслучайна: в то время как защита предполагает, что окружающая среда обладает самостоятельной ценностью, и ее кто-то атакует, охрана видит природу как некий склад, содержимое которого нужно охранять от бесхозяйственного использования как отдельных людей, так и целых ведомств.

Свой пленарный доклад Крылов начинает с перспективы, изложенной в проекте Третьей программы КПСС, которая будет принята спустя месяц. С точки зрения охраны природы этот текст двусмыслен: так, согласно ему, создание материальной базы коммунизма подразумевает преимущественное использование тех ресурсов, которые доступны для наиболее быстрого освоения [Стенограмма 4 Всесоюзного совещания..., л. 6]. Иными словами, программа «ради выигрыша времени» допускает хищническое природопользование. Тем не менее, Крылов и собравшиеся на совещание ученые, чиновники и политики вчитывают в эти формулировки рациональное природопользование и видят роль науки в том, чтобы научить промышленность и сельское хозяйство комплексному использованию природных ресурсов. Пафос доклада Крылова сводится к советскому пониманию гуманизма, который отождествляется с коммунистической идеей: рациональное природопользование нужно для того, чтобы приблизить коммунизм и способствовать «улучшению жизни человека и увеличению его могущества» [Там же, л. 40].

Разумеется, мы не можем точно сказать, имеют ли место в подобных докладах действительные мысли выступающего или это еще один пример языковой игры с господствующим идеологическим дискурсом. Вслед за американским историком С. Коткиным мы полагаем, что в случае СССР идеология предоставляла более или менее удачные словарные формы, в которые советские люди упаковывали свою личную и коллективную субъектность [Kotkin, p. 199–239]. В данном случае, несмотря на то, что Крылов от имени ученых Сибирского отделения обещал приложить все знания и энергию «чтобы лучше и быстрее использовать богатства природы Сибири и тем самым усиливать мощь нашей родины» [Стенограмма 4 Всесоюзного совещания..., л. 41], в его речи прозвучало несколько критических положений.

Пожалуй, самым адресным тезисом председателя сибирской Комиссии по охране природы стала критика проектов целлюлозно-бумажных заводов на Байкале (будущие Байкальский ЦБК и Селенгинский ЦБК). В сентябре 1961 г. Байкальская дискуссия должна была вот-вот начаться, и это был один из самых первых задокументированных актов будущей драмы. Крылов высказал озабоченность тем, что проект будущего Байкальского ЦБК не использует всех доступных способов очистки промышленных стоков и связал эти проекты «с проявлением местнических и узковедомственных интересов» [Там же, л. 21]. Подобная формулировка — пожалуй, максимум, который мог себе позволить лояльный режиму советский эксперт, — означала, что Министерство лесной и бумажной промышленности действовало не как подлинная советская и социалистическая организация, учитывающая в своей работе общие интересы,

а практически как капиталистическая фирма. Соответственно, центральные, соблюдавшие общие интересы советские органы власти и организации — Академия наук, Госплан, Правительство и ЦК Коммунистической партии — должны были такую организацию поправить.

Григорий Галазий, который всего через несколько месяцев прославится на всю страну как самый упорный защитник Байкала и будет достойно нести это звание следующие три десятилетия, также присутствовал на этом совещании. Его доклад был полностью посвящен теме целлюлозных заводов на Байкале, их вреда для его экосистемы и иррациональности такого природопользования. Галазий явно использовал трибуну Совещания для того, чтобы привлечь внимание ученых и чиновников к волнующей его первоочередной проблеме и донести наверх позицию об ошибочности строительства этих промышленных предприятий. Любопытно, что, понимая охрану природы, как и все присутствующие, как рациональное природопользование, свою боль он аргументировал исключительно уникальностью Байкала. Соответственно, практические предложения Григория Ивановича сводились к тому, чтобы переместить вредные производства с берегов Байкала в район Братска [Стенограмма 4 Всесоюзного совещания..., л. 265].

Еще одной темой для Крылова стала критика подходов к размещению гидроэлектростанций в Сибири. Несмотря на то, что наибольшую мощность давали ГЭС, размещенные в горных верховьях рек, советские проектировщики, опираясь на опыт волжского каскада ГЭС, упорно стремились строить их и в речных низовьях, что требовало строительства высоких плотин и вело к затоплению обширных территорий. Примером подобного подхода был обсуждавшийся тогда проект Нижне-Обской ГЭС, который ведомственным и академическим экспертам (в основном геологам) спустя пару лет удалось похоронить [Некрасов, Стафеев]. Осторожная критика Крылова сводилась к тому, чтобы дать больше голоса ученым, научным организациям при обсуждении гидрологических проектов [Стенограмма 4 Всесоюзного совещания..., л. 18–19].

Возрастающее значение Комиссии по охране природы СО АН СССР демонстрирует факт, что после совещания в Новосибирске в ее фонде в НАСО отложились годовые отчеты по охране природы не только региональных научных подразделений, но и сибирских региональных отделений ВООП. Из отчетов последней за 1962 г. следует ее проблематичный статус как организации, где состоят сотни тысяч членов, которая собирает тысячи рублей членских взносов в год, но на практике отчитывается либо действиями, которые на ниве городского озеленения, борьбы с браконьерами и школьного образования осуществляли власти сибирских городов и областей, либо торговлей саженцами из собственных питомников [Отчеты деятельности региональных комиссий...].

Архивный фонд Комиссии Крылова хранит документы до 1973 г., когда эта комиссия в составе СО АН была по каким-то причинам упразднена. При этом последний связанный отчет о ее деятельности приходится на 1966 г. В нем Г. В. Крылов пишет о трех направлениях работы: 1) выявление и описание памятников природы, 2) экспертное сопровождение рационального природопользования

в сотрудничестве с другими институтами Сибирского отделения, 3) помощь в выявлении и распространении информации о фактах нарушения законодательства об охране природы. По всем этим направлениям повседневная работа Комиссии сталкивалась с трудностями, так как не находила поддержки как в самой Академии, так и извне. Ресурсов Комиссии из 5–6 человек естественно не хватало, чтобы отслеживать разрушающую природу экономическую деятельность, а если такие факты и удавалось установить, то сообщать их было некуда, кроме как в отраслевые министерства. Институты СО АН были заняты собственными темами и уделяли мало внимания проблемам природопользования, а если их экспертиза была востребована какими-то предприятиями — приводится пример работы Института катализа с Омским нефтеперерабатывающим заводом по новым технологиям переработки нефти, — то они осуществляли эту работу самостоятельно.

Наконец, выявление и учет памятников природы также требовали значительной помощи со стороны — если не от профессионалов, то хотя бы от энтузиастов. Говорящие цифры: за 1966 г. члены Комиссии оформили 37 карточек учета памятников природы, 24 из которых пришлось на Томскую область, 5 — на Новосибирскую, 2 — на Омскую, 7 — на Кемеровскую, 1 — на Алтайский край [Отчет о деятельности Комиссии..., л. 3]. Значительный перевес Томской области в этом списке объяснялся крупным сообществом натуралистов и любителей природы в Томском государственном университете, сформировавшимся вокруг профессиональной деятельности профессоров Б. Г. Иоганзена и И. П. Лаптева. Это сообщество преподавателей, студентов, выпускников, просто энтузиастов охраны природы давало обильный материал, с которым академическая Комиссия по охране природы могла далее работать. Без такого материала члены Комиссии либо были вынуждены все делать сами (для чего у них не было ресурсов), либо оказывались в ситуации рыбы вне водоема. Можно предположить, что сворачивание деятельности Комиссии в 1973 г. было связано в том числе с тем, что в Сибири, за исключением Томска, так и не было создано подходящей социальной и профессиональной инфраструктуры для функционирования такого научного координирующего органа.

Уход охраны природы в высшую школу и почва для ДОПов

Томские ученые Б. Г. Иоганзен и И. П. Лаптев, состоявшие как профессионалы в гидробиологии и ихтиологии, стали одними из пионеров внедрения экологических подходов в высшую школу не только в Сибири, но и в целом в СССР. Уже кандидатские диссертации Иоганзена («Морфолого-биологические особенности круглоротых Сибири») и Лаптева («Экологический очерк ихтиофауны озера Чаны»), защищенные в конце 1930-х гг., демонстрируют их комплексный интерес к экосистемам, учение о которых примерно в то же время в мировой науке развивает Артур Тенсли, а в СССР — под названием биогеоценозов — академик В. Н. Сукачев.

Советская гидробиология, по всей видимости, по тем же причинам, что и затронутое ранее лесоведение, провоцировала развитие среди биологов экологических идей. Работая над практическими рекомендациями для колхозов, охотничьих, рыболовецких и лесных хозяйств, биологи и географы неизбежно затрагивали вопрос о воспроизводстве ресурсов флоры и фауны и способах контроля этих процессов. Последнее обстоятельство позволяет Стивену Брейну говорить о развитии практико-ориентированной экологической мысли даже в самые мрачные сталинские годы, когда продуктивистские вопросы выполнения плана, кажется, обладали абсолютным приоритетом над всеми остальными [Brain].

Так, параллельно с реализацией сталинского плана преобразования природы (1948) в советских университетах явочным порядком появляются курсы по охране природы. Первым такой курс для студентов-биологов начал читать орнитолог Н. А. Гладков в Московском университете (не ранее 1947 г.), а вторым — уже не только биологам, но и географам — ихтиолог И. П. Лаптев в Томском университете (1949). Эти события — учебные курсы и сталинский план — едва ли логически сопряжены, но их одновременность демонстрирует, что в советской действительности преобразование природы и ее охрана не мыслились как что-то противоположное. Более того, дополнительную двусмысленность идеям охраны природы и устойчивого природопользования в сталинское время придает их связь с идеями Т. Д. Лысенко относительно роли среды в изменчивости видов. В частности, Б. Г. Иоганзен, который в 1959 г. подготовил первый в СССР учебник по теме «Основы экологии», критиковался коллегами из академических институтов и ВАСХНИЛ как лысенкоист и противник генетических технологий в сельском хозяйстве даже после падения Лысенко в 1964 г. [Шалимов].

В 1961 г. И. П. Лаптев — уже будучи профессором ТГУ и заведующим кафедрой зоологии позвоночных при биолого-почвенном факультете — был одним из докладчиков на Совещании по охране природы в Новосибирске. Его доклад был посвящен разработке и внедрению в высшую школу курсов по охране природы [Стенограмма 4 Всесоюзного совещания..., л. 301–311]. С точки зрения Лаптева, охрана природы должна была стать сквозным курсом на протяжении нескольких лет для студентов всех специальностей, поскольку любая сфера человеческих интересов так или иначе затрагивает взаимодействие с природой. Более того, он полагал, что поскольку получившие такое высшее образование люди пойдут далее на работу не только в научные организации, но и на промышленные предприятия, в государственные и партийные структуры, в средние школы, то они повсеместно принесут новое проактивное отношение к природе и проблемам, возникающим в ходе антропогенного воздействия на последнюю.

Лаптев предлагал давать студентам на 1–2 курсе общие знания о взаимосвязях веществ и живых систем в природе, а также проводить экскурсии в заповедниках, на коммунальных предприятиях, электростанциях, чтобы познакомить молодых людей со сложным движением тел и веществ как в дикой природе,

так и в измененных человеком ландшафтах. Далее, по мере нарастания специализации у студентов, курс охраны природы мог бы приспосабливаться к их интересам и профессиональным навыкам. Так, экономистов можно было бы учить оценивать эффективность использования природных ресурсов на предприятиях, физиков, химиков и инженеров — решать теоретические и технические задачи, связанные с очисткой вредных выбросов в атмосферу и водные стоки, наконец, историки и филологи могли бы обратиться к тем неизученным аспектам человеческой культуры, в которых подчеркивается важность трепетного отношения к природе.

Как для подготовки преподавателей для подобного всеобъемлющего курса, так и для утверждения нового комплексного знания Лаптев предложил в качестве эксперимента создать кафедру охраны природы при МГУ, а также утвердить возможность такой специализации при биологических факультетах нескольких ведущих университетов. В качестве промежуточной задачи он предложил написать общего учебника по охране природы, который бы Академия наук подкрепила своим авторитетом.

Совокупность этих предложений томского ученого высвечивает перед нами амбициозную программу альтернативной институционализации охраны природы или того, что постепенно стало называться экологией. Несмотря на то, что итогом I Совещания в Тбилиси было предложение о создании единого государственного комитета по охране природы в общесоюзном правительстве, оргкомитет новосибирского Совещания в силу каких-то политических причин меняет мнение на противоположное. Подводящий итог Совещания крупный советский орнитолог Г. П. Дементьев, основатель и председатель Комиссии по охране природы АН СССР, резюмирует свое (?) организационное видение в формуле «максимальной децентрализации охраны природы» [Стенограмма 4 Всесоюзного совещания..., л. 374]. Не споря с этой формулой, Лаптев хотел организации сообщества заинтересованных в охране природы людей через высшую школу: учебники, кафедры, дипломы, — словом, образовательный процесс вместо административного / политического.

Необходимость создания госкомитета или министерства по экологии никогда не сходила с повестки дня участников и лидеров советских экологических движений любых политических оттенков. Трудность учреждения такого ведомства во многом была синонимичной проблемам, которые стояли перед сторонниками экологических подходов: экологические подходы встречают барьер ведомственных интересов, но и для того, чтобы создать свое ведомство, нужно преодолеть то же самое противодействие отраслевых министерств. Поэтому предлагаемый Лаптевым путь был хорошей идеей обойти политические проблемы и сосредоточиться на формировании сообщества.

Судьба предложений Лаптева, однако, оказалась более чем скромной — как и у многих экологических предложений 1960-х гг. Ни одного учебника, ни единого общеобразовательного курса в советской высшей школе так и не получилось. Кроме того, в течение десятилетия академическая Комиссия по охране

природы была передана в Госплан СССР, затем в Министерство сельского хозяйства, из которого она вышла отдельным исследовательским институтом, сконцентрированным вокруг собственных научных, а не координирующих задач (ВНИИприрода). Со своей стороны Лаптев, Иоганзен и другие сторонники охраны природы в высшей школе продолжали преподавать на биофаках, укреплять личное сотрудничество и обмениваться идеями для своих курсов. Образовательный вектор стал особенно масштабным в 1980-е гг.

Из этих и подобных им курсов в ведущих университетах СССР в течение 1960–1970-х гг. родились Дружины охраны природы (ДОП). Это были студенческие организации, объединявшие общими идеями и практиками сотни студентов и молодых профессионалов биологического и географического профилей. Первые такие дружины возникли в Тарту и Ленинградской лесотехнической академии в 1959 г. Ленинградская студенческая дружина стала ядром героического и трагического проекта Кедроград, смысл которого заключался в том, чтобы создать в Алтайском крае образцовое лесное хозяйство на принципах устойчивого лесопользования. Большая часть бывших студентов-ленинградцев растратила свой энтузиазм и здоровье в попытках противостоять суровой природе, местническим интересам местных совхозов и колхозов, а также бюрократизму советского лесного ведомства. Одним из самых стойких и известных «кедроградцев» был В. Ф. Парфенов, в будущем один из организаторов природоохранной службы России [Парфенов].

Возникшие 5–10 лет спустя ДОПы из других университетов — Московского, Киевского, Томского, Новосибирского, Горьковского и др. — сконцентрировались на борьбе с браконьерами, природоохранной инспекции, участии в тематических мероприятиях массовых советских организаций — комсомола, ВООП, ВООПиК, общества «Знание» и пр. Не будучи централизованной структурой, студенческие дружины вплоть до 1980-х гг. не были распознаны политической системой в качестве объекта для приложения сил. Соответственно, студенты сумели объединить и воспроизвести движение заинтересованных в охране природы людей тогда, когда их преподаватели и академические лидеры потерпели поражение [Помнишь, как это было?]. Когда на волне перестройки, в условиях политики гласности и на фоне аварии на ЧАЭС, возник массовый интерес к экологическим проблемам и лавинообразно появилось неформальное экологическое движение, бывшие лидеры и координаторы студенческих дружин — такие, как политик Святослав Забелин, — закономерно стали его лидерами [Яницкий].

Заключение

Распространение в течение XX в. экологических идей можно связать в том числе с институциональным и дискурсивным укреплением науки. Характерные для XIX в. романтические рассуждения о почве и земле сменяются аргументами о рациональном природопользовании, воспроизводстве ресурсов, экосистемах (биогеоценозах) и углеродном балансе, которые невозможны без использования

точного языка научного знания. Ученые создают этот язык и постепенно внедряют его в публичную сферу и государственную экспертизу. Этот процесс идет параллельно и на Западе, и на Востоке, становясь заметным с 1950–1960-х гг.

В Советском Союзе наиболее зримой новая ситуация с учеными и идеями охраны природы становится в ходе так называемой Байкальской дискуссии. Начавшись в 1958 г. с обсуждения целесообразности размещения двух ЦБК на берегах озера Байкал, она продолжалась до конца перестройки, вовлекая все больше академических и институциональных экспертов, пока в 1987–1988 гг. не обернулась мощным массовым движением демократического толка [Корытный]. До начала массового этапа Байкальская дискуссия была пространством приложения сил молодого, но амбициозного Сибирского отделения Академии наук СССР, которое в затяжном ведомственном конфликте безуспешно пыталось навязать отраслевым министерствам свое экологически-сензитивное видение развития примыкающих к озеру территорий. Академики М. А. Лаврентьев, А. А. Трофимук, А. Л. Яншин, Г. И. Галазий, многие другие менее титулованные ученые и научные лидеры потратили немало сил в этой борьбе, отстаивая, в сущности, не только идеи защиты озера Байкал от антропогенного воздействия, но и авторитетную самостоятельную субъектность науки в системе советских общественно-политических отношений.

Тем не менее, как демонстрирует этот текст, сами по себе темы экологии или охраны природы не вовлекали ученых автоматически. Неудачи союзной комиссии Дементьева и сибирской комиссии Крылова демонстрируют, что в отсутствие необходимой социальной и профессиональной инфраструктуры охрана природы становится либо малоэффективным делом энтузиастов, либо перекладывается на поддерживающие отраслевые интересы местные власти. Отдельные советские ученые могли сочувствовать охране природы или даже деятельно в ней участвовать, но исследовательские институты, помимо, возможно, биологических и географических, имели собственные задачи, мало связанные с клубком противоречий между промышленными предприятиями, местными жителями, локальной флорой и фауной и защищающими их учеными. Науке объективно выгодно распространение экологических дискурсов в обществе, так как только наука может осуществить соответствующую экспертизу, однако целью науки является поиск конкретных истин, а не защита природы как таковой.

Неудачи попыток 1960–1970-х гг. противостоять отраслевым ведомствам перенаправили многих отдельных экологических энтузиастов в образование. Именно в мире высшей школы, где знания профессионалов соединяются с массовостью студенчества, родились ДОПы, составившие не меньшую эпоху в истории отечественных экологических идей, чем Байкальская дискуссия. Их настоящее значение стало понятно только с конца 1980-х — 1990-х гг., когда в СССР и постсоветских странах возникли государственные органы по управлению природой / природными ресурсами и сеть некоммерческих организаций, отстаивающих экологические подходы перед обществом и частными компаниями. Для всех

этих организаций потребовались сотрудники, которые пришли в том числе из прошедших через ДОПы людей. Предвидение И. П. Лаптева о множестве экологически чувствительных специалистов, которые заполняют собой рабочие места в экономике и политике и изменяют их, стало на какое-то время российской реальностью.

Источники

НАСО — Научный архив СО РАН. Ф. 10. Президиум СО АН СССР. Оп. 3. Д. 121, 123; Ф. 68. Комиссия по охране природы СО АН СССР. Оп. 1. Д. 1, 15, 20, 31.

Отчет о деятельности Комиссии за 1966 год // НАСО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 31.

Отчеты деятельности региональных комиссий и обществ охраны природы об их деятельности (1962) // НАСО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 20.

Резолюции первого всесоюзного совещания комиссий по охране природы // НАСО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1 (Письмо президента АН СССР А. Н. Несмеянова председателю СО АН СССР М. А. Лаврентьеву об организации в Сибирском отделении научной ячейки / комиссии, лаборатории, группы / по охране природы (копия)).

Решения Бюро Президиума январь — март 1960 г. // НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 121.

Решения Бюро Президиума июль — август 1960 г. // НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 123.

Стенограмма 4 Всесоюзного совещания по охране природы // НАСО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 15.

Исследования

Воробьев Д. В. Когда государство спорит с собой: Дебаты о проекте «поворота рек» // Неприкосновенный запас. 2006. № 46 (2). С. 85–102.

Каспэ И. М. В союзе с утопией: Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Корытинский Л. М. БЦБК: Экологический сериал // ЭКО. 2012. № 2. С. 22–38. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2012-2-22-38>

Костлоу Дж. Заповедная Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века. СПб.: Библиороссика, 2020.

Куперитох Н. А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2. С. 32–40.

Куперитох Н. А. Разработка и реализация социально-экономических проектов комплексной программы «Сибирь» в 1980–1990-е гг. // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19, № 4. С. 514–528. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(4\).514-528](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(4).514-528)

Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е. Охрана природы России: от Горбачева до Путина. М.: КМК, 2003.

Макеева Е. Д. Власть и общество в России: взаимоотношения в сфере охраны природы (1917–1991 гг.). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2021.

Некрасов В. Л., Стафеев О. Н. Проект Нижне-Обской ГЭС (1958–1963 гг.): лоббирование, создание коалиции интересов, оппортунизм // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 175–181.

Парфенов В. Ф. Эксперимент в тайге: Кедроград и устойчивое развитие. М.: НИИ-Природа, 2000.

Пискунов М. О. Байкальская контроверза и советская научная экспертиза: история одного сейсмологического спора (1962–1963 гг.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 78–87. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-2\(75\)-78-87](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-2(75)-78-87)

Помнишь, как это было? (Сборник воспоминаний дружинников ДОП МГУ). Тула : Гриф и Ко, 2011.

Радкау И. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды (Исследования культуры). М. : Высшая школа экономики, 2014.

Собисевич А. В., Фокин А. А. «Нам отнюдь не безразлично, в каком виде социализм отвоюет планету у империализма». Формирование социалистической экологии: между идеологией и практикой // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 42–58. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13003>

Фокин А. А. «Коммунизм не за горами»: Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М. : РОССПЭН, 2017.

Шалимов С. В. Проблемы социальной истории отечественной генетики в «позднесоветский» период (1970 – первая половина 1980-х гг.) (на материалах Новосибирского научного центра) // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. № 4. С. 665–697.

Шмыглева А. В. Реализация государственной и экологической политики в Западной Сибири в 1970–1980-е гг. Новокузнецк : Сиб. гос. индустриальный ун-т, 2017.

Яницкий О. В. Русское движение в защиту окружающей среды: лидеры, факты, высказывания. М. : Международные отношения, 1993.

Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 2011. (Pitt Series in Russian and East European Studies).

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley : Univ. of California Press, 1995.

Shlapentokh V. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era. Princeton : Princeton Univ. Press, 1990.

Weiner D. A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachëv. Univ. of California Press, 1999.

References

Brain, S. (2011). Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. *Pitt Series in Russian and East European Studies*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Fokin, A. A. (2017). “Kommunizm ne za gorami”: Obrazy budushchego u vlasti i naseleniia SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov [“Communism is not around the corner”: Images of the Future among the Authorities and the Population of the USSR at the Turn of the 1960s]. Moscow: ROSSPEN.

Kaspe, I. M. (2018). *V soiuze s utopiei: Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoï kul'tury* [United with Utopia: The Meaningful Frontiers of Late Soviet Culture]. Moscow: NLO.

Korytnyy, L. M. (2012). BTsBK: Ekologicheskii serial [The BPPM: Ecological Series]. *ECO*, 2, 22–38. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2012-2-22-38>

Kostlow, J. (2020). *Zapovednaia Rossiia. Progulki po russkomu lesu XIX veka* [Reserved Russia. Walks through the Russian Forest of the 19th Century]. St Petersburg: Bibliorossica.

Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.

Kupershtokh, N. A. (2014). Zapadno-Sibirskii filial Akademii nauk SSSR: proekty i realii pervoi poloviny XX veka [The West-Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR:

Projects and Reality of the First Half of the 20th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2, 32–40.

Kupershtokh, N. A. (2018). Razrabotka i realizatsiia sotsial'no-ekonomicheskikh proektov kompleksnoi programmy “Sibir” v 1980–1990-e gg [Development and Implementation of Socio-Economic Projects of the Siberia Complex Programme in the 1980s–1990s]. *Journal of Economic History and History of Economics*, 19(4), 514–528. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(4\).514-528](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(4).514-528)

Larin, V., Mnatsakayan, R., Chestin, I., & Schwarz, E. (2003). *Okhrana prirody Rossii: ot Gorbacheva do Putina* [Nature Protection in Russia: From Gorbachev to Putin]. Moscow: KMK.

Makeeva, E. D. (2021). *Vlast' i obshchestvo v Rossii: vzaimootnosheniia v sfere okhrany prirody (1917–1991 gg.)* [Power and Society in Russia: Relations in the Sphere of Nature Protection (1917–1991)]. Samara: Izdatel'stvo SNTs RAN.

Nekrasov, V. L., & Stafeev, O. N. (2012). Proekt Nizhne-Obskoi GES (1958–1963 gg.): lobbirovanie, sozdanie koalitsii interesov, oportunizm [The Draft of the Lower Ob HPS (1958–1963): Lobbying, Coalition of Interests, Opportunism]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4(19), 175–181.

Parfenov, V. F. (2000). *Eksperiment v taige: Kedrograd i ustoichivoe razvitie* [Experiment in Taiga: Kedrograd and Sustainable Development]. Moscow: NIA-Priroda.

Piskunov, M. O. (2022). Baikalskaia kontroverza i sovskaia nauchnaia ekspertiza: istoriia odnogo seismologicheskogo spora (1962–1963 gg.) [The Baikal Counter-version and Soviet Science Expertise: A History of one Seismological Dispute (1962–1963)]. *Ural Historical Journal*, 2 (75), 78–87. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-2\(75\)-78-87](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-2(75)-78-87)

Pomnish', kak eto bylo? (Sbornik vospominanii družhnikov DOP MGU) [Do You Remember what it was Like? (A Collection of Memoirs of the MSU Nature Conservation Groups)] (2011). Tula: Grif & Co.

Radkau, I. (2014). *Priroda i vlast'. Vsemirnaia istoriia okruzhaiushchei sredy (Issledovaniia kul'tury)* [Nature and Power. A Global History of the Environment (Culture Studies)]. Moscow: Higher School of Economics.

Shalimov, S. V. (2015). Problemy sotsial'noi istorii otechestvennoi genetiki v “pozdesovetskii” period (1970 – pervaiia polovina 1980-kh gg.) (na materialakh Novosibirskogo nauchnogo tsentra) [On the Social History of Genetics during the Late Soviet Period (1970s – First Half of the 1980s). Materials from the Novosibirsk Research Centre]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 4, 665–697.

Shlapentokh, V. (1990). *Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era*. Princeton: Princeton University Press.

Shmygleva, A. V. (2017). *Realizatsiia gosudarstvennoi i ekologicheskoi politiki v Zapadnoi Sibiri v 1970–1980-e gg.* [Realisation of State and Environmental Policy in Western Siberia in the 1970s–1980s]. Novokuznetsk: Siberian State Industrial University.

Sobisevich, A. V., & Fokin, A. A. (2020). “Nam otniud' ne bezrazlichno, v kakom vide sotsializm otvoiuet planetu u imperializma”. Formirovanie sotsialisticheskoi ekologii: mezhdue ideologii i praktikoii [“We do not care what kind of socialism will take the planet away from imperialism”: The Formation of Socialist Ecology Between Ideology and Practice]. *Sociology of Science and Technology*, 11(3), 42–58. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13003>

Vorob'ev, D. V. (2006). Kogda gosudarstvo sporit s soboi: Debaty o proekte “povorota rek” [When the State Argues with itself: Debating the “River Turnaround” Project]. *Neprikosnovennyi zapas*, 46(2), 85–102.

Weiner, D. (1999). *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachëv*. University of California Press.

Yanitsky, O. V. (1993). *Russkoe dvizhenie v zashchitu okruzhaiushchei sredy: lidery, fakty, vyskazyvaniia* [Russian Movement in Defence of the Environment: Leaders, Facts, Statements]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Пискунов Михаил Олегович

кандидат исторических наук, доцент
Тюменский государственный университет
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

Piskunov, Mikhail Olegovich

PhD (History), Associate Professor
University of Tyumen
6, Volodarsky St., 625003 Tyumen, Russia
Email: m.o.piskunov@utmn.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3241-7356>
Scopus AuthorID: 57194724220
WoS ResearcherID: ABH-2843-2021

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ SOCIOECONOMIC HISTORY

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.014
УДК 728.2“1927/1928” + 721.012:747.012 +
+ 742“1927/1928” + 929 Клейн

Ю. С. Обухова
*Европейский университет
в Санкт-Петербурге*
Санкт-Петербург, Россия

МЕТОД ПОСТРОЕНИЯ ПЛАНА МАЛОГАБАРИТНОЙ КВАРТИРЫ, ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ В ПРОЕКТАХ А. КЛЕЙНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

В статье детально рассматривается метод построения плана малогабаритной квартиры русско-немецко-израильского архитектора и теоретика Александра Клейна. Этот проектный инструмент был разработан Клейном в Германии в 1927–1928 гг., с опорой на популярные междисциплинарные исследования того времени и результаты собственных экспериментов. С его помощью архитекторы могли самостоятельно разработать оптимальный вариант «минимального жилья» или же оценить уже существующий проект (план квартиры или малогабаритного дома). Основные положения метода были изложены архитектором в ряде статей второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. и были достаточно широко известны в профессиональной среде. Подробное изучение «изобретения» Клейна позволяет понять уникальность концепции архитектора и одновременно ее родство с идеями современников, практиков и теоретиков малогабаритного строительства.

Статья построена преимущественно на анализе теоретических работ Клейна и его коллег. Проанализированы эволюция метода, его рецепция и применение на практике в контексте современной, кризисной экономической ситуации Германии конца 1920-х гг. В предлагаемом исследовании также предпринимается попытка более внимательно посмотреть на взаимосвязь между более ранними идеями архитектора (середины 1920-х гг.) и его поздними трудами (начала 1950-х гг.).

Представленный текст вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные документы, источники на иностранных языках, а также расширяет представления о подходах немецких архитекторов в решении проблемы «минимального жилья» второй половины 1920-х гг.

Ключевые слова: А. Клейн; малогабаритное жилье; метод построения плана квартиры; Бад-Дюрренберг; экспериментальное поселение

Цитирование: Обухова Ю. С. Метод построения плана малогабаритной квартиры, его эволюция и применение в проектах А. Клейна второй половины 1920-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 222–236. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.014>

Поступила в редакцию: 16.01.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Yuliya S. Obukhova

*European University at St Petersburg
St Petersburg, Russia*

METHOD OF SMALL APARTMENT PLAN DESIGN, EVOLUTION, AND APPLICATION IN A. KLEIN'S PROJECTS OF THE SECOND HALF OF THE 1920s

This paper carries out a detailed analysis of the method of designing a plan of a small-sized apartment developed by Alexander Klein, a Russian-German-Israeli architect. This design tool was created by him in Germany between 1927 and 1938, drawing on the interdisciplinary research prevalent at the time and on his own experimental results. It allowed architects to independently develop an optimal solution for “minimum housing” or evaluate an existing project. The fundamental principles of this method were explained by the architect in a series of articles published during the latter half of the 1920s and early 1930s, earning him recognition within the architectural community. A thorough examination of Klein’s “invention” makes it possible to appreciate the uniqueness of his concept, while also comprehending its relation to the ideas of his contemporaries, colleagues, and theorists in the field of small-sized architecture.

The article primarily relies on an in-depth analysis of Klein’s theoretical works and those of his colleagues. This analysis explores the evolution of the methodology, its reception, and its implementation in the context of Germany’s economic decline in the late 1920s. Additionally, the study explores the interplay between the architect’s earlier ideas from the mid-1920s and his later work in the early 1950s.

This research incorporates hitherto unpublished archival materials and foreign-language sources into scholarly discourse and contributes to a deeper comprehension of German architects’ strategies in addressing the challenge of “minimum housing” in the last half of the 1920s.

Key words: A. Klein; the small-sized housing; projecting of small-sized apartment; Bad Dürrenberg; experimental settlement

For citation: Obukhova, Yu. S. (2025). Metod postroeniia plana malogabaritnoi kvartiry, ego evoliutsiia i primenenie v proektakh A. Kleina vtoroi poloviny 1920-kh gg. [Method of Small Apartment Plan Design, Evolution, and Application

in A. Klein's Projects of the Second Half of the 1920s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 222–236. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.014>

Submitted: 16.01.2024

Accepted: 28.01.2025

Метод построения плана малогабаритной квартиры (1927–1928) еще при жизни его создателя А. И. Клейна был признан значимым достижением в области проектирования «минимального жилья» как в Германии (где он был изобретен и разработан), так и в ряде других стран. Александр Иванович Клейн (1879–1961) — русско-немецко-израильский архитектор и теоретик архитектуры. В России в 1910-е гг. он был известен преимущественно как специалист в области больничного строительства; в Германии в 1920-е гг. — как проектировщик малогабаритного жилья для рабочих и односемейных домов для среднего класса; в Палестине (позже в Израиле) в 1930–1950-х гг. — как урбанист и создатель поселений для иммигрантов. В работе «Вопросы и предварительные условия типизации. Комментарии к исследованиям и проектам Александра Клейна, Берлин» [Adler, 1927] архитектурный критик и теоретик Л. Адлер писал, что современная планировка малогабаритных квартир имела ряд серьезных дефектов (одной из которых, в частности, было взаиморасположение комнат). По мнению Адлера, типовое жилье, возникшее за десятилетия до войны (например, «берлинский тип» с «берлинской комнатой»), не оказало необходимого влияния на возникновение рационализированного плана современной квартиры. Важным достижением разработки такого плана он считал исследования малогабаритного жилья, осуществленные Клейном. Историк архитектуры М. Вархафтиг называла архитектора «одним из первых, последних и наиболее последовательных сторонников функционализма», который «умел воплощать результаты своих исследований непосредственно на практике» [Warhaftig, p. 184]. Зарубежная историография, посвященная методу Клейна, на сегодняшний день включает работы У. К. Штёнера [Stöhner], К. Людера [Lueder], М. Корби и А. Миготто [Korbi, Migotto], Д. Эрнандеса Фалагана и М. Зиаибигдели [Hernandez Falagan, Ziaiebigdeli]. В отечественной исследовательской литературе метод Клейна прежде подробно не рассматривался.

В 1910-е гг. Клейн был известен как специалист в области больничного строительства¹, однако среди созданных им в Петербурге проектов были постройки самого разного назначения: от доходных и загородных домов до учебных

¹ Вместе с А. В. Розенбергом (приблизительно в 1912–1913 гг.) он учредил бюро «Больничное строительство». Среди осуществленных проектов (выполненных совместно с архитекторами Л. А. Ильиным и А. В. Розенбергом) были больница имени Петра Великого на 2000 человек в Санкт-Петербурге 1906–1916 гг., больница имени С. Г. Захарьина в Куркине (под Москвой).

учреждений и общественных зданий². В 1920 г. он эмигрировал из России в Германию, и уже в 1922–1925 гг. работал над постройкой двух вилл и одного сблокированного дома (для представителей буржуазии) на Балленшtedтерштрассе в Берлине-Вильмерсдорфе. С середины 1920-х гг. архитектор стал активно работать над проблемой создания «минимального жилья» для рабочих и представителей среднего класса.

Первым проектом малогабаритного жилья, выполненным Клейном (совместно с Э. Серком³), стала работа для Первого международного конкурса на проект Рабочего дома 1925 г. На конкурс было представлено 105 проектов из 6 стран; участники должны были разработать «типы домов с квартирами для рабочей семьи, живущей обособленным хозяйством, при условиях жизни и климата Московской губернии» (предполагалась разработка двух типов — двухэтажного дома на 4–8 квартир и блочного дома «с числом квартир не менее 3, с расположением каждой квартиры в двух этажах») [Вендеров, с. 5]. Кроме того, от архитекторов требовалось «выгодно» использовать полезную жилую площадь, соблюсти основные гигиенические требования, обеспечить максимум удобств будущим жителям и др. Клейн и Серк подготовили четыре типа домов (типы «А»⁴, «В»⁵, «С»⁶ и четвертый тип⁷, без буквенного обозначения) с двух- и трехкомнатными квартирами (площадью 45 м², 54 м² и 63 м²) с кухней, кладовой, раздельными туалетом и ванной комнатой. Проект Клейна и Серка был удостоен третьей премии⁸.

Советский архитектурный критик Б. Вендеров в статье «Дома для рабочих» (1926) отмечал, что Клейн и Серк предлагали удешевить строительство посредством введения «однотипности» (использование одной определенной планировки с «общим типом внутреннего оборудования, включая сюда мебель и другую обстановку») с опорой «на германскую практику, показавшую, что при 50 однотипных постройках возможна экономия до 30 %» [Там же, с. 11]. Вендеров утверждал, что «из малой квартиры нельзя создать удобного жилья без нормализации мебели и других ее принадлежностей», а это, в свою очередь,

² Клейн родился в Одессе в 1879 г. В 1899–1904 гг. он проходил обучение в Институте гражданских инженеров [ЦГИА СПб, ф. 184, оп. 3, д. 1691, л. 25–26].

³ Эрнст Акселевич Серк (1884–1943?) — русско-немецкий архитектор, выпускник Института гражданских инженеров. В 1918 г. он переехал в Финляндию, затем в 1920 г. в Берлин, где вместе с Клейном они учредили архитектурное бюро.

⁴ Тип «А» — двухэтажный дом с 8 квартирами.

⁵ Тип «В» — полутора- и двухэтажные дома с террасой.

⁶ Тип «С» — трех- или четырехэтажный жилой дом.

⁷ Жилье на 750–800 человек с общей столовой, прачечной и баней, детским садом, библиотекой, читальным залом и клубом.

⁸ Первая была присуждена архитекторам М. П. Иванову и В. В. Щербакову. Современные исследователи Е. Овсянникова и Е. Милотина отмечают, что конечным результатом проведенного Моссоветом международного конкурса стала разработка «типовых секций Моссовета» [Овсянникова, Милотина, с. 370].

нужно, «чтобы живущие в данной квартире расходовали наименьшее количество энергии на необходимые передвижения» [Вендеров, с. 12]. Это упоминание о стремлении архитекторов снизить затраты физических усилий у жильца говорит о том, что к 1926 г. модернистский принцип «экономии энергии», ставший общим местом для архитекторов-рационалистов, был хорошо известен Клейну.

Разработка метода

В 1927 г. Клейн опубликовал статью «Исследование графического метода оценки планов малогабаритных квартир», в которой сформулировал первый вариант своего метода. Первая версия включала только три пункта, с опорой на которые Клейн предлагал современным архитекторам проектировать жилье. К этим пунктам относились: расчет затрат физических усилий (упрощение путей повседневных передвижений); создание «концентрированных областей движения» (расширение зон, остававшихся свободными после установки мебели); учет «общего впечатления» от комнат и переходов между ними [Klein, 1927, S. 296]. Практичность квартиры, по мнению архитектора, возрастала благодаря большому количеству положительных впечатлений, полученных человеком от нахождения в ней (на смену впечатления влияли очертания предметов и их последовательность в пространстве, повороты, переходы от светлых к темным зонам при естественном освещении).

В статье 1927 г. Клейн, опираясь на свой метод, проанализировал дом архитектора Я. Ауда, который был спроектирован и построен для экспериментального поселка Вайсенхоф в Штутгарте в 1927 г. Современные исследователи М. Корби и А. Миготто полагают, что Клейн, пересмотрев планы Ауда, поставил под сомнение функциональность модернистских жилищ в целом [Korbi, Migotto]. Траектории передвижения в доме Ауда были сложными и запутанными, а сами планы были недостаточно пропорционально «сбалансированными», что означало их неблагоприятное воздействие на жителя [Klein, 1927, S. 297].

Ранее, в 1926 г., Клейн приводил в качестве удачного примера современного малогабаритного жилья четырехэтажный дом галерейного типа с 262 квартирами в Роттердаме, построенный в 1920–1922 гг. архитектором М. Бринкманном. Архитектор отмечал, что оптимальная площадь жилья для трехкомнатной квартиры должна составлять около 100 м² и около 130 м² для четырехкомнатных квартир [Klein, 1926, S. 91], тогда как в «Докладной записке о нехватке жилья и способах борьбы с ней» (*Denkschrift über die Wohnungsnot und ihre Bekämpfung*) Министерства труда 50 м² указывалось как оптимальное среднее значение для жилой площади (большинство квартир, построенных к 1928 г. имело в среднем 70 м² жилой площади) [Adler, 1928].

Современный историк архитектуры А. Рупник отмечает, что работы Клейна рассматривались в обществе как модель «научной организации труда», прилагаемой к архитектуре [Rupnik, p. 311]. Его проектный инструмент должен был использоваться в «лабораторных работах» общества. Первая

версия метода вызвала живой интерес у Общегерманского исследовательского общества экономической эффективности в строительном и жилищном деле (*Reichsforschungsgesellschaft für Wirtschaftlichkeit im Bau- und Wohnungswesen*), учрежденного 29 июня 1927 г. Деятельность общества заключалась в продвижении исследований и экспериментов в области проектирования массового жилья, острую нехватку которого Германия, как и ряд других стран, переживала после Первой мировой войны. В него входили такие архитекторы, как В. Любберт, М.-Э. Людерс, М. Бар, О. Бартнинг, В. Гропиус, А. Кноблаух, Ф. Паульсен и др. Построенное в рамках «Программы экспериментальных поселений» общества экспериментальное жилье предназначалось для исследования норм и стандартизованных типов жилья в ходе эксплуатации. Среди успешно осуществленных проектов общества были поселки Вайсенхоф в Штутгарте, Праунхайм во Франкфурте, Тёртен в Дессау и др. Исследовательское общество финансировало эксперименты Клейна в сфере изучения малогабаритного жилья, благодаря чему архитектор смог продолжить работу над методом.

Уже в 1927 г. Клейн увеличил число ключевых пунктов для проектирования жилья с трех до шести (были добавлены «зоны передвижения», «теневые зоны» и «расположение мебели, находящейся на уровне или выше уровня глаз») [Lueder, p. 85]. Однако, как кажется, наиболее значимой оказалась расширенная версия метода, приведенная в статье «Поэтажный план и пространственная организация малогабаритных квартир и новые методы оценки» (1928). Теперь формулировка метода состояла из небольшого авторского предисловия, описания общего процесса работы по определению типов, предварительной проверки с использованием анкеты, приведения планов к одинаковому масштабу и графического алгоритма.

По мнению автора, поиск наиболее удачного планировочного решения должен был начинаться с опроса, в который входили первостепенные и второстепенные вопросы. К первостепенным относились вопросы, сосредоточенные на оценке района, для которого проектировалось жилье, его климатических условиях и т. д. Второстепенные вопросы включали получение статистических данных о составе населения, его характере и т. п. Отметим, что такой «социологический подход» не был новым. Архитекторы, занимавшиеся проблемой «минимального жилья», часто отталкивались от социологических оснований «минимума потребностей». В частности, В. Гропиус утверждал, что для определения «идеального минимума жизненных потребностей» при проектировании жилья «следует разобраться прежде с данными социологии» [Гропиус, с. 77].

В раздел «Общий процесс по определению типов» входило предварительное исследование свойств квартиры. К этим свойствам относились гигиенический, психологический, физиологический, технический⁹ и строительный¹⁰ аспекты.

⁹ Технический, или бытовой, аспект включал решение вопросов, связанных с оборудованием ванн и туалетов, прачечных и др.

¹⁰ К строительному аспекту относилось исследование глубины застройки, определение оптимального числа квартир на этаже, высотности, типа отопления и др.

Известно, что на формулировку гигиенических аспектов (расчет вместимости квартиры по числу кроватей, разделение комнат с разным назначением в соответствии с гигиеническими нормами и др.) повлияли теоретические работы чешского врача Т. Грушки¹¹. Клейн неоднократно ссылался на них в своих статьях.

В «Общий процесс» также входили «Программа максимум» и «Программа минимум». Первая программа подразумевала алгоритм действий, которые мог осуществить архитектор при построении плана квартиры без учета специфических условий (она носила более обобщенный характер), тогда как вторая предполагала рассмотрение и решение частных случаев (позднее она была упразднена; «Программа максимум» была переименована в «Оптимальную программу» [Étude rationnelle..., p. 28]).

В рамках «Программы максимум» рекомендовалось сократить общую площадь застройки до приемлемого минимума; упростить конструктивные решения; увеличить вместимость (число спальных мест); обеспечить достаточную инсоляцию, вентиляцию; четко разграничить пространственные группы. Архитектор выделял две основные группы комнат — «столовую» (кухня, столовая), «спальную» (спальня, туалет), «гостиную» (позже «гостиная группа» была объединена со «столовой» и получила обозначение «студийной группы» [Ibid., p. 30]).

Добавим, что принцип зонирования жилого пространства Клейн активно применял еще в петербургские годы, в частности, в одном из своих «медицинских проектов», выполненных совместно с А. В. Розенбергом, — в терапевтической клинике им. А. В. Кокорева на 80 человек (1913). В этом проекте архитекторы сосредоточили свое внимание на группировке и взаимосвязи пространств: они предложили разграничить четыре группы помещений (учебную, лечебную, амбулаторную и жилую) для успешного функционирования работы каждой из них [Клейн, Розенберг].

В разделе «Предварительная проверка с использованием анкеты» архитектор ввел показатели «эффективности» планов: «эффект полезной площади» (*Nutzeffekt*)¹², «эффект жилой площади» (*Wohnneffekt*)¹³, «коэффициент спальных мест» (*Betteneffekt*)¹⁴, глубина и протяженность корпуса здания.

¹¹ Теодор Грушка (1888–1967) — чешский врач-гигиенист. В 1927 г. он опубликовал книгу «Жилищный минимум», в которой дал определение центральному понятию этой работы: «Жилищный минимум включает те количественные и качественные бытовые характеристики, при которых площадь, отведенная на выполнение бытовых задач всех членов семьи, минимальна, но позволяет выполнять требования социальной политики, поддерживать приемлемое качество жизни» [Gruschka, s. 5].

¹² Отношение полезной площади (площадей, свободных от мебели) к общей площади.

¹³ Отношение жилой площади (полезная площадь и площадь спальных мест, мест для сидения и т. п.) к общей площади.

¹⁴ Показатель вместимости (площадь, приходящаяся на одно спальное место). По мнению Клейна, оптимальными показателями являлись: примерно 21,8 м² для трехместной квартиры (с 3 спальными местами, 65,69 м²); 17,5 м² — для четырехместной квартиры (70,11 м²);

В разделе «Приведение проектов к единому масштабу» архитектор описывал зависимость «экономичности» и «гигиеничности» плана от глубины застройки¹⁵. Он полагал, что показатель глубины не был постоянным, зависел от размеров квартиры¹⁶. Исследование связи глубины застройки и плана квартиры было частью работ по оптимизации жилья, проводимых архитекторами в ряде стран, в том числе и в СССР. Советские специалисты знали об исследованиях Клейна, о чем свидетельствует упоминание о нем в сборнике 1929 г. «Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г.»: «Интересную <...> работу проделал германский арх. А. Клейн; исследуя с точки зрения экономичности и рациональности одну и ту же квартиру по схеме плана, но придавая ей различные размеры глубины или ширины, он составил свыше ста чертежей, объединенных в одну диаграмму, в которой экономически наиболее выгодные в смысле отношений глубины и площади квартиры выделены диагональной, более черной колонной» [Типовые проекты и конструкции..., с. 28]. Исследование взаимосвязи между глубиной корпуса и планом квартиры, вероятно, основывалось на эмпирических исследованиях самого Клейна, проведенных в середине 1920-х гг.

В последнем разделе «Графический алгоритм»¹⁷ автор предлагал самостоятельно построить графики траекторий повседневных движений, группировки мебели, теневых зон, сосредоточения мебели одинаковой высоты в одном месте с целью уменьшения «фрагментации» стен для подтверждения «пригодности» составленных планов [Klein, 1928b, S. 561]. Первый график строился с опорой на тейлористский принцип создания кратчайших путей передвижения, с которым Клейн хорошо был знаком еще в 1926 г. (об этом свидетельствует его статья «Повседневные вопросы берлинского жилищного хозяйства») [Klein, 1926, S. 97]. Тейлористское пространство жилой среды у Клейна, по мнению современной исследовательницы И. Блау, «формировалось движением и выполнением установленных задач в значительно различавшихся “специализированных” рабочих зонах» [Blau, p. 234]. Сегодня считается, что на Клейна повлияли не только тейлористские идеи, но и графический метод Э.-Ж. Маре, автоматизированная технология записи Л. и Ф. Гилбретов, а также диаграммы К. Фридерик.

16,1 м² — для пятиместной квартиры (80,63 м²); 15,1 м² — для шестиместной квартиры (90,42 м²); 14,1 м² — для семиместной квартиры (100,68 м²) [Klein, 1928a, S. 549].

¹⁵ Позднее это исследование более подробно было разобрано в статье «О жилищном вопросе как практическом знании» (*Beitrag zur Wohnungsfrage als praktische Wissenschaft*, 1930) для журнала *Zeitschrift für Bauwesen*.

¹⁶ Например, для квартиры площадью 65,69 м² глубина составляла 8,5 м; площадью 80,38 м² — 9,28 м; площадью 100,68 м² — 9,35 м и т. д.

¹⁷ Клейн определил графический алгоритм как «научный метод сравнения и оценки планов» (тогда как две предыдущие проверки, «Предварительная проверка с использованием анкеты» и «Приведение проектов к единому масштабу», по его собственному выражению, носили лишь предварительный характер).

Другие графики были нацелены на определение психологического воздействия жилого пространства на человека. Именно интерес Клейна к психологическому аспекту отличал его метод¹⁸ от концепций современников, в частности, участников второго Международного конгресса современной архитектуры (*Congrès Internationaux d'Architecture Moderne*, CIAM) 1929 г. Так, В. Гропиус призвал устанавливать минимальные стандарты исключительно с опорой на биологические факторы (определение минимума пространства, воздуха, света и тепла, необходимого человеку для полноценного осуществления жизненных функций), географические и климатические условия. Ле Корбюзье и П. Жаннере, также участвовавшие в конгрессе и разделявшие точку зрения В. Гропиуса на жилье как на «биологический феномен», делали акцент на современные строительные технологии, которые были способны помочь архитекторам в условиях сложной экономической ситуации [Korbi, Migotto, p. 301].

Метод Клейна был ориентирован на создание не только модели малогабаритной квартиры с оптимальными условиями проживания, но и на обеспечение будущим жильцам душевного спокойствия в ней. Например, тень рассматривалась Клейном как фактор, усиливающий негативное психологическое воздействие, так как она затрудняла целостное восприятие пространства [Klein, 1927, S. 296]. Это убеждение, возможно, было связано с популярной с начала 1910-х гг. идеей о целостности воспринимаемого образа гештальт-теории Берлинской школы прикладной психологии (М. Вертхаймер, В. Кёлер). После завершения графической проверки и отбора наиболее удачных планов должен был следовать этап создания прототипов и запуска их в массовое производство.

Предположительно, первым проектом Клейна, осуществленным в соответствии с принципами его метода, стал полноразмерный макет квартиры, который был продемонстрирован на мюнхенской выставке «Дом и техника» (*Heim und Technik*) 1928 г. На ней также были представлены 22 малогабаритные квартиры, спроектированные и обставленные архитекторами из Мюнхена, Гамбурга, Берлина, Франкфурта, Лейпцига (Р. Римершмидом, Ф. Блоком, Й. Франком, М. Шютте-Лихоцки, П. Шмиттеннером и др.) [А. Г.]. Комнаты «выставочной квартиры» Клейна (в двух вариантах — площадью 74,65 м² и 80,65 м²) были сгруппированы из расчета построения коротких траекторий передвижения между жилыми пространствами, близкими друг другу по функции (организация «столовой», «спальной» и «гостиной» групп) [Hegemann, Adler, S. 454]. Все комнаты соединялись напрямую, в квартире не было коридоров.

¹⁸ На эту особенность обратил внимание еще в 1938 г. французский урбанист Г. Барде. Он отмечал, что важным привнесением Клейна в дискуссии о малогабаритном жилье был «духовный фактор» (*le facteur spirituel*).

Интересно, что в статье «Квартиры без коридоров» 1928 г. В. Хегеманн¹⁹ и Л. Адлер приводили дополнительные варианты планировки, спроектированные Клейном для выставки, и сравнили его выставочный образец с современной квартирой. Авторы статьи обратили внимание на «длинные и запутанные» линии движения (протяженностью в 72,1 м) в типичной квартире и предложенные Клейном «короткие и прямые» пути (50,5 м) [Hegemann, Adler, S. 456]. Кроме того, Адлер провел дополнительный анализ, в ходе которого выяснил, что при одинаковой площади квартира Клейна обладала более высоким «эффектом жилой площади» (83,6 %) в сравнении с обычной квартирой (68 %), так как помещения второстепенного значения (ванная и прихожая) и кухня у Клейна были значительно сокращены (с 22,95 м² до 12,25 м²).

В другой статье с характерным названием «Шмиттенер, Бруно Таут и т. д.: рабы ложно понятного классицизма? Анализ планов в духе Александра Клейна» Хегеманн сам применил параметры метода при рассмотрении планов собственных домов пяти архитекторов: П. Шмиттенера, Б. Таута, С. Э. Расмуссена, Т. Зеттерстрёма, П. Потта, а также своего собственного дома. В доме Шмиттенера автор критиковал расположение спален (находившихся на двух противоположных сторонах дома), наличие извилистого коридора и расстановку мебели, которая мешала «восприятию пространства» [Hegemann, S. 346]. В доме Таута он отметил неудачное расположение лестницы и неравномерное освещение комнат. С. Э. Расмуссен в своем доме, по выражению Хегеманна, «пожертвовал планировкой ради внешнего вида»: в комнатах, где освещение было необходимо, отсутствовали окна [Ibid.]. У Т. Зеттерстрёма комнаты дома были лишены гармоничных пропорций [Ibid., S. 347], а у П. Потта комнатам не хватало света, что «негативно отражалось» на общем впечатлении от комнаты [Ibid.]. Недостатки рассмотренных построек Хегеманн объяснял тяжелым экономическим и политическим контекстом и называл исследования Клейна «ценной теорией гармонии» в малогабаритном строительстве [Ibid., S. 348]. В свою очередь, Адлер еще до выставочного макета Клейна настаивал на целесообразности и рентабельности подобного варианта квартиры [Klein, 1927, S. 296].

Самым масштабным градостроительным проектом, при работе над которым Клейн использовал свой метод, является рабочий поселок для аммиачного завода в Бад-Дюрренберге близ Мерзебурга (1927–1930). Кроме Клейна, в работе над поселком приняли участие архитектор В. фон Вальтхаузен, садовый архитектор Г. Масц и строительный подрядчик А. Зоммерфельд. В проекте также должен был участвовать В. Гропиус, однако сотрудничество между ним и Клейном прекратилось из-за расхождения во взглядах на формальное решение домов (форм крыш, окон и т. п.) в феврале 1929 г. Для Бад-Дюрренберга было разработано шесть типов малогабаритных квартир

¹⁹ Вернер Хегеманн (1881–1936) — градостроитель, архитектурный критик, публицист, который в 1924–1927 гг. был главным редактором ежемесячного журнала по архитектуре Э. Васмута.

(площадью от 41,72 м² до 85,95 м²) с центральным отоплением: тип «С 2»²⁰, тип «С 7»²¹; тип «С 13»²²; тип «Е 1»²³; тип «Е 2»²⁴ и тип «L»²⁵. В целом было построено около 1 000 жилых домов.

В статье «К жилищному вопросу как практической науке» (1930) Клейн, рассматривая проблему отопления современного жилья, сравнил квартиру типа «С 13» для Бад-Дюрренберга и типовую квартиру для Берлина [Klein, 1930, S. 239]. Печи и дымоходы занимали значительную площадь, искажая пропорции комнат, однако компенсировать потерю полезной площади было возможно за счет увеличения глубины застройки (по версии Клейна, примерно на 70 см). В типе «С 13» (95 м²) существовала необходимость в возведении дополнительной каменной стены, повышавшей расходы на отопление [Ibid., S. 248]. Берлинский тип (94,4 м²), в свою очередь, несмотря на свою экономичность (из-за отсутствия необходимости в дополнительной кладке), был недостаточно вместителен. Сравнивая оба плана, Клейн (с опорой на параметры собственного метода) настаивал на том, что разработанный им дюрренбергский тип был наиболее удачным выбором. «С 13» достигал максимально возможной вместимости, имел оптимальную инсоляцию, вентиляцию и наиболее протяженные зоны передвижения, свободные от мебели, в сравнении с берлинским типом. Кроме того, в дюрренбергском типе была обеспечена возможность наблюдения за детьми (из спальни, гостиной и обеденной зоны) и устройства любого (печного или центрального) типа отопления [Ibid., S. 250].

В 1930 г. Клейн разработал «Дополнительную программу малогабаритного жилья», цель которой заключалась в обеспечении дополнительными типами квартир жителей Бад-Дюрренберга, в связи с ухудшением в 1929 г. общей экономической ситуации, повышением арендной стоимости квартир и ростом безработицы [Винклер, с. 430]. Программа Клейна основывалась на статистических данных (социальном положении, доходах населения и пр.), полученных в 1928–1929 гг., и предлагала 6 вариантов жилья (площадью от 32 м² до 45 м²). Этот проект не был осуществлен. Практическое применение метода Клейна в начале 1930-х гг. было прекращено, что, очевидно, нужно связывать

²⁰ «С 2» — трехкомнатная квартира (полезной площадью 54,13 м²) с гостиной и балконом, обеденной нишей (*Eßnische*), спальней, кухней, ванной комнатой и гардеробной.

²¹ «С 7» — четырехкомнатная квартира (полезной площадью 69,55 м²) со спальней, гостиной (с балконом), обеденной нишей, двумя детскими комнатами, кухней, ванной комнатой и гардеробной.

²² «С 13» — четырехкомнатная квартира (полезной площадью 74,67 м²) с тем же набором комнат, что и в типе «С 7».

²³ «Е 1» — двухэтажный рядный дом (68,20 м²) с гостиной (с выходом на террасу) и обеденной нишей, кухней, двумя ванными и туалетом, спальней и детской комнатой, кладовой.

²⁴ «Е 2» — двухэтажный угловой дом (85,95 м²) со спальней, двумя детскими комнатами, ванной и туалетом, кладовой, гостиной с выходом на террасу и обеденной нишей, кухней.

²⁵ «L» — квартира (площадью 41,72 м²) в доме галерейного типа, с кухней, ванной, кладовой, жилой комнатой с балконом.

с упразднением в 1931 г. Исследовательского общества, финансировавшего эксперименты Клейна.

В 1931 г. архитектор представил проект рабочего поселка в Бад-Дюрренберге на Международном конгрессе архитекторов в Будапеште. Его участие в этом профессиональном событии можно определить как начало более энергичного взаимодействия с другими архитекторами-теоретиками — впоследствии он участвовал в конференциях Международной федерации жилищного строительства и городского планирования (IFHTP) в Париже 1937 г. и Мехико 1938 г., в Первом конгрессе международного Союза архитекторов в Лозанне 1948 г. и ряде других. В 1930-е гг. методические работы Клейна были переведены на итальянский²⁶, французский²⁷ и другие языки, перевод на иврит появился в 1942 г.²⁸

Метод получил продолжение в большой теоретической работе Клейна, подвигшей итог его исследованиям второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. — книге «Дом на одну семью, тип с ориентацией на юг» (1934). В этой работе нашли отражение основные положения метода, такие как выстраивание кратчайших путей передвижения из расчета наименьших затрат физических усилий и сохранение как можно большего пространства свободным для создания впечатления простора, а также анализ зависимости плана от глубины застройки. Клейн продолжал призывать к группировке мебели, помещению ее в темные нефункциональные углы комнаты или выстраиванию вдоль стен [Klein, 1934, S. 66].

Клейн продолжал работать над своим методом и после того, как эмигрировал из Германии в 1935 г. В 1953 г. он разработал проект-предложение для израильского поселения для иммигрантов с двух- и четырехкомнатными квартирами, для которого был проведен анализ нескольких проектных вариантов с опорой на параметры метода (группировка мебели, различные точки обзора, траектории основных передвижений) [הנידמה וויכרא — ונוכתה פגא — וויילק רוספורפ וויכיש תיינכת]. Кроме того, будучи со второй половины 1930-х гг. преподавателем основ климатологии, градостроительства и жилищного проектирования на архитектурном отделении Техниона в Хайфе [Hershenson, p. 118], он учил расстановке мебели и сокращению теневых зон в жилых комнатах студентов-архитекторов, которые, впрочем, относились к этим урокам скептически [Warhaftig, p. 186].

Метод построения плана малогабаритной квартиры, целью которого было создание, оценка и проверка планов минимального жилья, претерпел

²⁶ Формулировка метода на итальянском языке была опубликована в сборнике «Рациональное строительство дома. Новые материалы» (*Costruzione razionale della casa: i nuovi materiali*, 1932) под редакцией Э. Гриффини [Griffini].

²⁷ На французском языке метод вышел в виде отдельной брошюры «Рациональное исследование строительных планов А. Клейна» (*Étude rationnelle des plans de construction par A. Klein*, 1938), с предисловием Г. Барде [Étude rationnelle...].

²⁸ Формулировка метода на иврите вышла в качестве статьи «Требования к застройщикам и методы оценки планов» (תוינכת תכרעהל תויכיש תורייד ינובל תויכיריד) для «Журнала инженеров и архитекторов в Палестине» в 1942 г. [The Avie and Sarah Arenson Built Heritage Research Center].

значительные изменения между 1927 и 1928 гг. и вобрал в себя элементы тейлористской концепции, идеи чешского врача и гигиениста Т. Грушки, результаты собственных экспериментов автора, проведенных на базе Исследовательского общества экономической эффективности в строительном и жилищном деле, а также идеи современников, которые тоже работали над проблемой «минимального жилья». Применяя метод на практике, его автор стремился создать «минимальное жилье», гарантировавшее оптимальные условия проживания (гигиеничность, удобство в повседневных передвижениях и др.) и экономичность (с помощью сокращения площадей второстепенного значения, учета глубины застройки). Приближенный к объективному инструмент проектирования Клейна учитывал психологические аспекты, что значительно отличало его предложение от концепций других архитекторов, в частности, участников второго Международного конгресса современной архитектуры. Метод Клейна доказал свою пригодность, однако в силу экономических обстоятельств рубежа 1920–1930-х гг. его разработка и внедрение прекратились. И хотя архитектор переехал в Палестину, чрезвычайно остро нуждавшуюся в обеспечении жильем стремительно увеличивавшегося населения страны, применение его научного подхода при проектировании поселений не было востребовано.

Распространению знания о методе и идеях его создателя в 1920–1930-е гг. помогали не только архитектурные выставки, в которых принимал участие автор, и опубликованные им статьи, но и коллеги, теоретики архитектуры. В 1930-е и в последующие годы метод становился известен большему кругу специалистов и вплоть до настоящего времени продолжает привлекать к себе внимание исследователей.

Источники

Вендеров Б. Дома для рабочих. Первый международный конкурс Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов на проект Рабочего дома // Строительство Москвы. 1926. № 3. С. 5–14.

Гропиус В. Круг тотальной архитектуры. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.

Клейн А. И., Розенберг А. В. Проект здания факультетской терапевтической клиники имени А. В. Кокорева при Санкт-Петербургском женском медицинском институте. СПб, 1913.

Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г. / сост. М. О. Барщ, ред. В. И. Вельман. М. : Гос. техн. изд-во, 1929.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1691.

Adler L. Fragen und Vorbedingungen der Typisierung. Bemerkungen zu Studien und Entwürfen von Alexander Klein, Berlin // Wasmuths Monatshefte für Baukunst. 1927. H. 6. S. 252–257.

Adler L. Zur Denkschrift des Reichsarbeitsministeriums über die Wohnungsnot und ihre Bekämpfung // Der Städtebau. 1928. H. 23, Nr. 1. S. 24.

A. G. Ausstellungen München und Dresden // Zentralblatt der Bauverwaltung. 1928. H. 48, Nr. 36. S. 585–587.

- Étude rationnelle des plans de construction par A. Klein / éd. de G. Bardet. Paris : Dunod, 1938.
- Griffini E. A. Costruzione razionale della casa: i nuovi materiali. Orientamenti attuali nella costruzione, la distribuzione, la organizzazione della casa. Milano : Hoepli, 1932.
- Gruschka T. Bytové minimum. Ústí n. Lab. : Věstník Inženýrské Komory, 1927.
- Hegemann W. Schmitthenner, Bruno Taut usw.: Sklaven eines falsch verstandenen Klassizismus? Grundriss-Analysen im Geiste Alexander Kleins // Wasmuths Monatshefte für Baukunst. 1928. H. 12, Nr. 8. S. 345–348.
- Hegemann W., Adler L. Flurlose Wohnungen (Arch. Alexander Klein) // Wasmuths Monatshefte für Baukunst. 1928. H. 12, Nr. 10. S. 454–461.
- Klein A. Beiträge zur Wohnungsfrage als praktische Wissenschaft // Zeitschrift für Bauwesen. 1930. H. 10. S. 239–252.
- Klein A. Das Einfamilienhaus, Südtyp: Studien und Entwürfe mit grundsätzliche Betrachtungen. Stuttgart : Julius Hoffmann, 1934.
- Klein A. Grundrißbildung und Raumgestaltung von Kleinwohnungen und neue Auswertungsmethoden // Zentralblatt der Bauverwaltung. 1928a. H. 48, Nr. 34. S. 541–549.
- Klein A. Grundrißbildung und Raumgestaltung von Kleinwohnungen und neue Auswertungsmethoden // Zentralblatt der Bauverwaltung. 1928b. H. 48, Nr. 35. S. 561–568.
- Klein A. Tagesfragen der Berliner Wohnungswirtschaft // Der Städtebau. 1926. H. 21, Nr. 6. S. 90–104.
- Klein A. Versuch eines graphischen Verfahrens zur Bewertung von Kleinwohnungsgrundrissen (Betreff Weissenhof-Ausstellung, Stuttgart) // Wasmuths Monatshefte für Baukunst. 1927. H. 11, Nr. 7. S. 296–298.
- The Avie and Sarah Arenson Built Heritage Research Center. Faculty of Architecture and Town Planning. The Technion – Israel Institute of Technology. PF4-4-12.
- הנידמה וויכוח — ווננכתה פגא. היילק רוספורפ ווכיש תוינכת. (Государственные архивы Израиля. Отдел планирования — планы жилья профессора Клейна). URL: <https://www.archives.gov.il/archives/Archive/0b071706800251a3/File/0b071706804cafd6> (дата обращения: 20.10.2023) (на ивр.).

Исследования

- Винклер Г. А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.
- Овсянникова Е. Б., Милютина Е. Н. Жилой комплекс «Дом Наркомфина», Москва, Новинский бульвар, 25, 1928–1932. Моисей Гинзбург, Игнатий Милинис, Сергей Прохоров, архитекторы и инженер. Екатеринбург : Tatlin, 2015.
- Blau E. Isotype and Architecture in Red Vienna: The Modern Projects of Otto Neurath and Josef Frank // Austrian Studies. 2006. Vol. 14. P. 227–259.
- Hernandez Falagan D., Ziaiebigdeli M. Parametric architecture beyond form — Klein and Price: Pioneers in computing the quality of life in housing // Architecture. 2022. Vol. 2, no. 1. P. 1–17.
- Hershenson M. The Architect as civil Servant: Aviah Hashimshoni's Architecture Education and Historiography in 1960s Israel // The Journal of Architecture. 2021. Vol. 26, no. 2. P. 116–146.
- Korbi M., Migotto A. Between Rationalization and Political Project: The Existenzminimum from Klein and Teige to Today // Urban Planning. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 299–314.
- Lueder C. Evaluator, Choreographer, Ideologue, Catalyst: The Disparate Reception Histories of Alexander Klein's Graphical Method // Journal of the Society of Architectural Historians. 2017. Vol. 76, no. 1. P. 82–106.
- Rupnik I. Projecting in Space-Time: The Laboratory Method, Modern Architecture and Settlement-Building, 1918–1932 : doctoral dissertation / Harvard Univ., 2015.

Stöhner U. K. Untersuchung über den Beitrag Alexander Kleins zur Entwicklung und Bewertung von Grundrissen im Geschößwohnungsbau. Berlin : Technical Univ., 1976.

Warhaftig M. They Laid the Foundation: Lives and Works of German-speaking Jewish Architects in Palestine 1918–1948. Tübingen : Wasmuth, 2007.

References

Blau, E. (2006). Isotype and Architecture in Red Vienna: The Modern Projects of Otto Neurath and Josef Frank. *Austrian Studies*, 14, 227–259.

Hernandez Falagan, D., & Ziaiebigdeli, M. (2022). Parametric Architecture beyond Form – Klein and Price: Pioneers in Computing the Quality of Life in Housing. *Architecture*, 2(1), 1–17.

Hershenson, M. (2021). The Architect as Civil Servant: Aviah Hashimshoni's Architecture Education and Historiography in 1960s Israel. *The Journal of Architecture*, 26(2), 116–146.

Korbi, M., & Migotto, A. (2019). Between Rationalization and Political Project: The Existenzminimum from Klein and Teige to Today. *Urban Planning*, 4(3), 299–314.

Lueder, C. (2017). Evaluator, Choreographer, Ideologue, Catalyst: The Disparate Reception Histories of Alexander Klein's Graphical Method. *Journal of the Society of Architectural Historians*, 76(1), 82–106.

Ovsyannikova, E. B., & Milyutina, E. N. (2015). *Zhiloi kompleks "Dom Narkomfina", Moskva, Novinskii bul'var, 25, 1928–1932. Moisei Ginzburg, Ignatii Milinis, Sergei Prokhorov, arkhitektory i inzhener* [Residential Complex "House of the People's Commissariat of Finance", Moscow, Novinsky Boulevard, 25, 1928–1932. Moses Ginzburg, Ignatius Milinis, Sergey Prokhorov, Architects and Engineers]. Ekaterinburg: Tatlin.

Rupnik, I. (2015). *Projecting in Space-Time: The Laboratory Method, Modern Architecture and Settlement-Building, 1918–1932* (doctoral dissertation). Harvard University, Cambridge.

Stöhner, U. K. (1976). *Untersuchung über den Beitrag Alexander Kleins zur Entwicklung und Bewertung von Grundrissen im Geschößwohnungsbau*. Berlin: Technical University.

Warhaftig, M. (2007). *They Laid the Foundation: Lives and Works of German-speaking Jewish Architects in Palestine 1918–1948*. Tübingen: Wasmuth.

Winkler, G. A. (2013). *Veimar 1918–1933: istoriia pervoi nemetskoj demokratii* [Weimar 1918–1933: The History of the First German Democracy]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN).

Обухова Юлия Станиславовна

аспирант Школы искусств и культурного наследия

Европейский университет

в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1, А

E-mail: iobukhova@eu.spb.ru

Obukhova, Yuliya Stanislavovna

PhD Student

School of Arts and Cultural Heritage

European University at St Petersburg

6/1A, Gagarinskaya St., 191187 St Petersburg, Russia

Email: iobukhova@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0009-0006-0619-731X>

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.015
УДК 94(470.326)“1917/1922” +
+ 94(470)“1917/1922” + 329.15(09) +
+ 355.1:94(470) + 334.713(470.326)

В. В. Канищев
Г. С. Махрачев

*Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина*
Тамбов, Россия

СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Исследование посвящено проблеме мобилизации советской властью мелких производителей для решения государственных задач в кризисный период Гражданской войны. В статье выявляется порядок реализации государственных заказов. На первых этапах существования советского государства вопросы кустарного производства находились в ведении Высшего совета народного хозяйства и Народного комиссариата земледелия, их местных отделов. Недостаточную организованность работы этих органов усугубляло стремление местных органов управления привлечь кустарей для решения собственных задач. Никаким образом не контролировались объемы предоставлявшихся заказов и финансирования, что вело к появлению лжекооперативов, чрезмерной эксплуатации мастеров, завышению цен на готовые изделия. Пытаясь урегулировать процесс привлечения кустарей к выполнению государственных заказов, советское правительство несколько раз трансформировало структуры, заведовавшие этими вопросами. На практике это вело к еще большей дезорганизации, тем более что местные власти не поспевали за огромным количеством новых указов, исходивших из центра. Положение усугубляли перебои при предоставлении мастерам сырья, орудий производства и финансирования. В итоге для победы в Гражданской войне советское правительство приняло радикальное решение перейти к прямой мобилизации кустарей, которые в условиях полного экономического упадка были готовы на работу на любых условиях. В результате к концу «военного коммунизма» наибольшее распространение получили именно те виды мелкого производства, которые были связаны с военными нуждами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: крестьяне; Гражданская война; «военный коммунизм»; Красная армия; кустарные промыслы; кооперация; Тамбовская губерния

Ц и т и р о в а н и е: *Канищев В. В., Махрачев Г. С.* Советская мобилизация кустарной промышленности в годы Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 237–250. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.015>

Поступила в редакцию: 15.02.2024
Принята к печати: 28.01.2025

Valery V. Kanishchev
Georgiy S. Makhrachev

*Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
Tambov, Russia*

**SOVIET MOBILISATION OF HANDICRAFT INDUSTRY
DURING THE CIVIL WAR
(BASED ON THE MATERIALS OF TAMBOV PROVINCE)**

This study is devoted to the mobilisation of small producers by the Soviet authorities to solve state tasks in a crisis period of history, during the years of the civil war. The article reveals the implementation of state orders. During the first stages of the Soviet state, the issues of handicraft production fell under the jurisdiction of the Supreme Council of National Economy and the People's Commissariat for Agriculture, and more particularly, their local departments. The unsatisfactorily organised work of these agencies was aggravated by the desire of local governments to attract craftsmen to solve their own problems. There was no control over the volume of orders and budgets, which led to the emergence of false cooperatives, exploitation of craftsmen, and inflated prices for final products. The Soviet government attempted to regulate the process of engaging craftsmen in the fulfilment of state orders by transforming the structures in charge of these issues several times. In practice, this led to an even greater disorganisation. Moreover, local authorities could not keep up with the huge number of new decrees coming from the top. The situation was made worse by irregularities in the provision of materials, tools, and financing to craftsmen. As a result, in order to win the civil war, the Soviet government made a radical decision to move to the direct mobilisation of artisans who, in a situation of complete economic decline, were ready to work in any conditions. As a result, by the end of "war communism" the most widespread types of small-scale production were those related to military needs.

Key words: peasants; civil war; "military communism", Red Army; handicrafts; cooperation; Tambov Province

For citation: Kanishchev, V. V., & Makhrachev, G. S. (2025). Sovetskaia mobilizatsiia kustarnoi promyshlennosti v gody Grazhdanskoi voiny (na materialakh Tambovskoi gubernii) [Soviet Mobilisation of Handicraft Industry during the Civil War (Based on the Materials of Tambov Province)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 237–250. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.015>

Submitted: 15.02.2024

Accepted: 28.01.2025

Гражданская война потребовала от большевистской партии экстраординарных усилий, мобилизовавших все сферы экономики ради снабжения Красной армии. Не стала исключением и мелкая, кустарная промышленность. В отечественной историографии до настоящего времени больше изучалась экономическая составляющая темы, сам процесс выполнения госзаказов кустарями.

Куда слабее изучена политико-административная деятельность советского государства по мобилизации кустарей для работы на военные нужды и закладыванию основ для организованного (через кооперативы) включения кустарей в коммунистическое общество.

Некоторые публикации, освещавшие положение промысловой кооперации и отдельных кустарей, появились уже в годы нэпа. Среди них выделялась работа Ю. Ларина, в которой приводились материалы о деструктивных последствиях реализации госзаказов лжекооперативами [Ларин]. В течение следующих нескольких десятков лет эта тема практически не освещалась. Только в годы хрущевских реформ был опубликован труд П. И. Яковлева, посвященный истории развития промысловой кооперации. В нем автор, в частности, приводил примеры успешно выполненных заказов, которые во многом повлияли на победу Красной армии в Гражданской войне [Яковлев]. Позднее тему госзаказов кустарям затронула А. И. Бузлаева, которая отметила, что их наличие в 1920-е гг. положительно влияло на темпы кооперативного строительства [Бузлаева].

Особенности взаимодействия советской власти и промысловой кооперации в 1920–1937 гг. изучил А. А. Николаев. Публикация его монографии пришлась на период перестройки, а потому привлечение руководством страны кустарей к выполнению военных заказов в период Гражданской войны он рассматривал в негативном свете [Николаев, 1988]. В дальнейшем А. А. Николаев расширил свое исследование, проанализировав постепенное возрождение кустарного производства после кризиса рубежа 1910–1920-х гг. [Николаев, 2000]. Критику действий советской власти в отношении промысловой кооперации в годы Гражданской войны можно встретить также в монографии Л. Е. Файна [Файн, 1994]. В. В. Коновалов, продолжая эту тенденцию, выявил, что в военное время государство закупало продукцию у сибирских кустарей гораздо ниже ее реальной стоимости [Коновалов]. П. Г. Назаров, описывая взаимоотношения органов власти и промысловой кооперации, отметил, что именно необходимость выполнения госзаказов спасла последнюю от полного подчинения потребительской кооперации после принятия декрета от 27 января 1920 г. [Назаров].

В самом начале XXI в. была опубликована обобщающая монография Л. Е. Файна, в которой, в частности, был сформулирован тезис о том, что постоянные изменения в структуре органов управления негативно влияли на положение промысловой кооперации и, как следствие, на качество реализации кустарями правительственных заказов [Файн, 2002]. О. В. Ягов указал на то, что кустари, привлеченные к выполнению госзаказов в годы Гражданской войны, получали целый ряд льгот, однако насильственное кооперирование подрывало доверие мастеров к правительству [Ягов]. Интересна позиция по этому вопросу В. Г. Егорова, который отмечал, что советский курс на централизацию экономики и приоритетное развитие крупной промышленности на рубеже 1910–1920-х гг. был продолжением позднеимперской политики, а работа по госзаказам для мастеров была более благоприятна, чем конкуренция в рыночных условиях [Егоров]. Примеры привлечения кустарей к выполнению правительственных

заказов отражены в статьях Е. В. Бородулиной, О. Г. Вязовой, А. А. Панарина, А. М. Плехановой. Авторы на региональных примерах отмечали положительное влияние госзаказов на рост числа кооперативов [Бородулина, 2018а; 2018б; Вязова; Панарин; Плеханова].

Подытоживая оценку отечественных исследований кустарных промыслов «военно-коммунистической» эпохи, отметим, что в них явно не хватает конкретики, особенно по части специфики выполнения кустарями военных госзаказов. Для сбора и анализа такой конкретики наиболее подходящими объектами являются регионы, где была развита кустарно-промышленная деятельность и которые весь период Гражданской войны находились под контролем советской власти. Эти регионы и проживавшие в них мастера «по полной программе» испытали нагрузку «военного коммунизма». Историческая обстановка Гражданской войны предполагала нацеленность Советского государства на мобилизацию всех доступных ему в то время ресурсов и вместе с тем — неготовность хозяйственных органов тогдашнего молодого государства к четко организованной работе. С другой стороны, необходимо иметь в виду желание кустарей того времени браться за любые заказы ради выживания. Тамбовская губерния была одной из самых типичных в этом отношении. Вместе с тем, мы полагаем, что деятельность тамбовских кустарей и местных хозяйственных структур можно считать характерной для многих регионов Советской России.

Декретом от 17 февраля 1918 г. заведование вопросами кооперативного строительства было возложено на кооперативный отдел ВСНХ [Собрание узаконений..., 1942, с. 347]. Параллельно с ВСНХ функционировал НКЗ, продолжая дореволюционную традицию, когда деятельность кустарей и промысловых артелей курировало Министерство земледелия. В первый год существования советской власти выяснилось, что ее местные органы не могли четко выполнять указания из центра. Об этом свидетельствовали замечания, которые в конце 1918 г. сделал ВСНХ своим регистрационным отделам. В них указывалось, что отчетность по количеству зарегистрированных производственных кооперативов не соответствовала числу направленных в центр уставов. В текстах присланных уставов было найдено множество грубых ошибок [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 330, л. 5, 61]. На уровне уездов встречались случаи, когда местным советам народного хозяйства (совнархозам) не хватало квалификации для организации кооперативного отдела. В частности, в исполкоме Кирсановского уезда 8 февраля 1919 г. (через год после принятия соответствующего декрета) все еще обсуждалась проблема отсутствия этого отдела [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 18, л. 18].

С течением времени противоречия в работе государственных органов усиливались. Это было связано с тем, что крупная промышленность в годы Гражданской войны находилась в глубоком кризисе, и большинство потребностей могли удовлетворить только кустари, а кооперативные отделы разных уровней уделяли больше внимания работе с потребительской и сельскохозяйственной кооперацией.

Организационная неразбериха проявлялась в том, что разные отделы местных исполкомов и совнархозов, не имея на то должных полномочий, часто занимались регистрацией промысловых кооперативов с целью дальнейшего их привлечения для выполнения собственных заказов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 719, л. 63–63 об., 68 об.; д. 758, л. 43, 87; д. 785, л. 11–11 об.]. В результате часть кооперативов имела несколько зарегистрированных уставов. В иных случаях для выполнения госзаказов привлекались нигде не учтенные кооперативы. Поскольку продавать свою продукцию на рынок в сложившихся условиях было крайне трудно, мастера были готовы братья за любую работу, предложенную властями. В сложившихся обстоятельствах артели собирались для выполнения определенного заказа, после чего расформировывались и уже в новом составе выполняли следующий заказ [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1529, л. 51]. Эта тенденция мешала статистическому учету числа действовавших промысловых кооперативов и выявлению реальных объемов производимой ими продукции. Иногда борьба разных государственных органов за внимание промысловых кооперативов вела даже к искусственному завышению цен на их продукцию [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 14 об.].

Указанные организационно-хозяйственные явления отразили изначальное противоречие советского общества между реальными экономическими потребностями (в данном случае в производстве продукции для нужд государства) и идеологическими мечтаниями (в данном случае о кооперативах кустарей как ячейках коммунизма).

В условиях нечеткой деятельности кустарных кооперативов нельзя было достоверно определить объемы произведенных изделий, проконтролировать условия, в которых приходилось работать кустарям, чем активно пользовались местные органы управления даже при выполнении ответственных военных заказов. Так, в Шацком уезде в подавляющем большинстве случаев с кустарями работал отдел военных заготовок (воензаг), который заказывал продукцию по заметно заниженным ценам. Причем остальным отделам, включая кооперативный, опасаясь возможной конкуренции и, как следствие, повышения цен, воензаг не позволял выдавать заказы кустарям [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1529, л. 51].

К середине 1919 г. Гражданская война в России достигла своего апогея, и в условиях упадка крупной промышленности советская власть все больше стремилась придать деятельности промысловых кооперативов организованную форму. 21 июля 1919 г. ВСНХ принял положение, изменявшее структуру органов управления, заведовавших существовавшими в стране кооперативами [Собрание узаконений..., 1943а, с. 511]. Промысловая кооперация была выведена из юрисдикции кооперативного отдела и передана в учрежденное при ВСНХ управление по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности. На губернском и уездном уровне были созданы соответствующие отделы, которые в большинстве документов именовались кустарно-кооперативными. Одной из ключевых задач нового органа власти было координирование госзаказов для кустарей.

Кустарно-кооперативный отдел при Тамбовском губернском совете народного хозяйства (ГСНХ) начал свою работу в сентябре 1919 г. Но малый штат сотрудников не мог быстро сконцентрировать под своим началом все госзаказы, предназначавшиеся для местных кустарей, а потому на первых этапах большее внимание было уделено изучению состояния кустарных промыслов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 10 об., 11 об.]. Для выработки стратегии дальнейшей работы, согласования цен на кустарную продукцию и защиты прав мастеров руководство кустарно-кооперативного отдела просило все иные отделы предоставлять копии заказов и договоров [Там же, л. 14 об.].

Обследование положения кустарей выявило целый ряд проблем, тормозивших дальнейшее развитие промысловой деятельности и ведших к срыву госзаказов. В первую очередь инструкторы кустарно-кооперативного отдела отметили острую нехватку сырья. Зачастую местные органы власти, обращаясь к мастерам с заказами, были не в состоянии предоставить необходимое для работы сырье. Проблема эта была связана не с отсутствием в губернии природных ресурсов как таковых, а с неорганизованностью в работе органов снабжения [Там же, л. 14].

Несогласованность работы государственных органов не позволяла контролировать объемы денежных средств, выделяемых кустарям для производства по заказам, а также количество выработанных в конечном итоге изделий. Нередкими были случаи срывов госзаказов из-за нехватки финансирования.

Именно поэтому кустарно-кооперативный отдел принял решение о создании производственного союза губернского уровня с центром в Тамбове, который бы объединял все действовавшие промысловые кооперативы и через который должны были в дальнейшем распределяться заказы. Основой для такого союза должно было служить Сельское бюро, являвшееся союзом кредитной кооперации [Там же, л. 15 об.]. В течение первой половины 1920 г. после некоторых первоначальных промедлений объединенные в этот союз кустари смогли изготовить 8 214 пар валенок для нужд текстильной промышленности ГСНХ и 45 000 штук овчин — для губернской меховой секции [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 108].

К концу 1919 г. стало очевидно, что подавляющее большинство зарегистрированных в губернии артелей работало на нужды армии. Особенно был востребован труд сапожников. На территории Тамбовщины числились 23 зарегистрированные артели сапожников, объединившие 2 172 мастера. Все они выполняли заказы, исходившие от губвоензага [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 14].

Военное ведомство явно завывало свои требования по отношению к кустарям. Об этом свидетельствует доклад губвоензага отделу снабжения губернского военного комиссариата (губвоенкома). Утверждалось, что губвоенком предоставлял председателю Реввоенсовета Л. Д. Троцкому чрезмерно оптимистические сведения о производственных возможностях местных сапожников. На деле этот промысел находился в глубоком кризисе. Во-первых, отсутствовала связь центра с усманскими и липецкими мастерами. Во-вторых, рейд белых отрядов К. К. Мамонтова привел к разгрому некоторых артелей и расхищению запасов сырья. В-третьих, кустари в летнее и осеннее время были вынуждены

отлучаться на полевые работы. Для повышения производительности кустарей и хоть какого-то соответствия заявленным сведениям губвоензаг предлагал выделить из запасов Южного фронта сырье, наладить транспорт для поставок в Тамбов фурнитуры, а также увеличить запасы керосина [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1403, л. 29].

Сложившаяся в губернии система реализации госзаказов просуществовала недолго. 27 января 1920 г. и 19 апреля 1920 г. были приняты нормативно-правовые акты, согласно которым все виды кооперации, включая промысловую, попадали в подчинение к потребительской [Собрание узаконений..., 19436, с. 35–36, 209–210]. Учитывая эти распоряжения, губернские власти приняли решение об интеграции сельского бюро, включая входившие в него промысловые кооперативы, в состав потребительского союза кооперативов Тамбовского края [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 83].

В это же время губернский кустарно-кооперативный отдел постепенно усиливал свое влияние на кустарей. Стали учреждаться уездные отделы и вместе с тем росло число инструкторов, работавших с сельскими мастерами на местах. Главное внимание кустарно-кооперативного отдела было направлено на концентрацию всех госзаказов под своим началом. Окончательно этот вопрос был урегулирован на заседании Президиума ГСНХ 5 апреля 1920 г., когда было принято постановление, обязывавшее все местные органы управления передать в ведение отдела заключенные к этому моменту с промысловыми артелями договоры. В дальнейшем вся работа с артелями должна была вестись только через посредничество этого отдела [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 717, л. 63–63 об.].

Несмотря на то, что советская власть рассматривала кооперацию как главную форму существования сельских промыслов, губернский кустарно-кооперативный отдел ради выполнения госзаказов работал и с независимыми мастерами [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 746, л. 72]. Во многом подобные действия отдела были связаны с низкими результатами привлечения промысловых кооперативов для выполнения госзаказов. Подробно этот вопрос был рассмотрен 8 мая 1920 г. на совещании представителей уездных кустарно-кооперативных отделов. Согласно докладом с мест, уездным отделам удалось наладить в должной мере производство только деревянных кустарных изделий. Большинство из них — телеги, сани, колеса, дуги, ободья, оси, оглобли, полозья — шло на удовлетворение военных нужд. При этом повсеместно наблюдалась нехватка финансирования, а также перебои в снабжении сырьем и пайками [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1529, л. 49–52].

20 мая 1920 г. советское правительство приняло постановление, полностью изменившее систему государственного управления промысловой кооперации. Были ликвидированы управление по делам кооперации кустарной и мелкой промышленности ВСНХ и отдел кустарной промышленности НКЗ, а также их местные отделы. Заведование вопросами кустарной промышленности было возложено на Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром) и местные отделы [Собрание узаконений..., 19436, с. 325–328].

В Тамбовской губернии 24 июля 1920 г. под председательством А. Д. Сабурова прошло первое заседание коллегии, возглавлявшей губернское управление кустарной промышленности (губкустпром) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 109]. С появлением этой организации сложился новый порядок реализации госзаказов. Все поступающие от центральных и местных учреждений и организаций заявки на производство каких-либо изделий президиум ГСНХ в первую очередь предоставлял производственным отделам, которые по мере возможности распределяли работу между находившимися в их ведении предприятиями. Оставшиеся нераспределенными заявки передавались в губкустпром и исполнялись промысловыми кооперативами. Причем отдел не располагал данными о том, для каких именно учреждений и организаций производилась продукция. Сложившиеся порядки не удовлетворяли интересы Главкустпрома, который предполагал, что все предоставляемые им губернии заказы будут реализовываться исключительно через губкустпром. На деле же последний получал заказы по остаточному принципу. На все замечания руководства о неправильном порядке работы губкустпром отвечал, что образовавшиеся проблемы были вызваны несогласованностью деятельности Главкустпрома с прочими органами управления в области распределения заказов и приема готовой продукции [Там же, л. 108].

Постепенно конфликты между центром и губернией были решены. Губкустпром начал проводить жесткую политику по милитаризации промысловых кооперативов. 25 августа 1920 г. было принято постановление о выделении ударных артелей по каждому роду кустарного производства. В этих артелях должна была быть введена военная дисциплина, предполагавшая предание суду тех, кто не справлялся с нормами выработки изделий. При этом все трудившиеся в подобных условиях мастера должны были быть освобождены от привлечения к отбыванию каких-либо натуральных повинностей [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 193].

Наибольшее внимание уделялось производству сапог, валяной обуви, лаптей, носков и перчаток, предназначенных для нужд армии. В начале сентября 1920 г. губкустпром приказал губернскому союзу (губсоюз), который к этому моменту объединил под началом потребительской кооперации все иные виды кооперации, усилить производство этих изделий, предоставляя 1-го, 10-го и 20-го числа каждого месяца отчет о проделанной работе [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 131].

Особенно остро Красной армии не хватало обуви. Сапожники не могли удовлетворить огромные потребности государства, обусловленные военным временем. Советским правительством было принято решение организовать массовое производство лаптей для солдат. Посредником для решения этого вопроса стал новый специально организованный орган власти — Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей (Чеквалап).

Сохранились документы, свидетельствующие о том, что еще в мае 1920 г. тамбовские кустари были привлечены для выполнения государственного задания по изготовлению 450 000 пар лаптей. Однако губернскому кустарно-кооперативному отделу реализовать этот заказ в должной мере не удалось [ГАТО,

ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 74]. В течение лета 1920 г. контроль над деятельностью лапотников постепенно переходил к губернскому Чеквалапу, который, однако, поддерживал тесный контакт с ГСНХ и его кустарно-кооперативным отделом. Последний указывал на необходимость введения государственной монополии на лыко и организации доставки лыка к месту работы. Кроме того, важно было поощрить мастеров денежным премированием. Скорее всего, схожие рекомендации по работе с кустарями давали отделы и в других губерниях, поскольку в дальнейшем они будут учтены центром.

Ключевые изменения в порядке изготовления обуви для армии были утверждены приказом чрезвычайного уполномоченного Совета рабочей и крестьянской обороны по снабжению Красной армии и флота (Чусоснабарм) от 11 сентября 1920 г. Согласно этому приказу к 1 марта 1921 г. сельские мастера должны были изготовить 18 000 000 пар лаптей. Во избежание излишней несогласованности в деятельности различных ведомств Главкустпрому и его местным отделам было предоставлено исключительное право на привлечение лапотников к выполнению заказов. На Главный комитет лесной промышленности (Главлеском) и его местные отделы было возложено обязательство по первому же требованию отпустить необходимые для производства лаптей запасы лыка. За отказ выполнять подобные требования сотрудники лесного комитета могли быть привлечены к ответственности по законам военного времени. Сбором готовых лаптей должны были заниматься местные отделы Чеквалапа.

Максимальное денежное премирование, которое можно было получить за одну готовую пару лаптей, составляло 250 руб. Кустарям, которые в течение месяца могли произвести более 60 пар лаптей, было гарантировано освобождение от всех трудовых повинностей. Если же мастеру удавалось изготовить более 100 пар за месяц, то государство в качестве вознаграждения предоставляло ему 4,5 кг соли, 0,9 кг керосина и 0,7 м ткани [Там же, л. 148].

Отдельно отметим, что деятельность, направленная на удовлетворение потребностей Красной армии в обмундировании, способствовала взлету Рассказовского промыслового кооперативного товарищества кустарей-вязальщиков, численность которого к концу 1920 г. достигла 3 500 мастериц. Стремительное расширение кооператива напрямую было связано с тем, что Главкустпром, реагируя на военные запросы, предоставлял кустарям многочисленные заказы, а также все необходимое для работы сырье и финансирование. Например, 30 ноября 1920 г. был сделан заказ на выполнение 1 500 000 пар носков и перчаток, сроком на один год. Постоянная работа на государственные нужды позволила руководству кооператива провести электрификацию чесальной мастерской [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1610, л. 69–69 об.]. Кроме того, особая востребованность кооператива спасла его от поглощения со стороны потребительской кооперации [Там же, л. 7].

К 1 февраля 1921 г. стало очевидно, что успехи по объединению сельских мастеров были достигнуты только в тех сферах производства, которые напрямую были связаны с выполнением военных заказов. В состав промысловой секции губсоюза в это время входило 6 077 трикотажников, 3 951 лапотник,

3 006 овчинников, 4 892 кустаря-деревообделочника. По остальным видам промыслов дела обстояли хуже. Промысловая секция губсоюза указывала на то, что для привлечения новых членов губкустпрому необходимо было в полном объеме нагружать заказами уже действующие кооперативы, снабжая их всем необходимым для работы сырьем и предоставляя достойное финансирование [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1610, л. 133–134].

В это же время в системе управления кустарной промышленностью назрел кризис, причину которого председатель комиссии губкустпрома Б. В. Шмельков объяснял неукомплектованностью штата работников. По закону губкустпромом должна была управлять комиссия из представителей ГСНХ, губернского земельного отдела (ГЗО) и промысловой секции губсоюза, а фактически работал только он один, больной астмой и туберкулезом. Пустовали должности заведующих организационно-инструкторским, статистико-учетным, финансово-счетным отделами, секретаря, бухгалтеров и т. д. И в этих условиях работники губкустпрома практически не контролировали потоки предназначенных для сельских мастеров госзаказов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 32].

Вопрос о положении кустарей в период Тамбовского крестьянского восстания 1920–1921 гг. приобрел политическое звучание. Еще в июле 1920 г. озабоченность судьбой кустарей, особенно распадом первых кустарных артелей, выразила партия эсеров [«Антоновщина», с. 142]. Явным недоверием к политике советской власти в отношении кустарей была проникнута программа повстанческого Союза трудового крестьянства, провозгласившая «свободное производство кустарной промышленности» [Там же, с. 224]. Большевиков и советскую власть «кустарный вопрос» в политическом плане особенно взволновал на этапе завершения подавления Тамбовского восстания, что отразилось в документах всероссийского уровня. Так, на заседании Полномочной комиссии ВЦИК по ликвидации бандитизма в Тамбовской губернии 19 марта 1921 г. специально поднимался вопрос о сырьевой помощи кустарным промыслам [Там же]. Равным образом и в известном докладе главы полномочной комиссии В. А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением в июле 1921 г. в качестве политической ставилась задача поднятия кустарных промыслов [Там же, с. 503].

Сам ход восстания и его подавление оказали заметное негативное влияние на реализацию госзаказов. Информация о том, как бандиты отбирали у артелей сырье (шерсть) и готовую продукцию (полушубки, валеные сапоги, сани), разрушали мастерские, угрожали физической расправой кустарям, работавшим на советскую власть, сохранилась в докладе промысловой секции губсоюза в президиум ГСНХ. В докладе также сообщалось, что некоторую дезорганизацию в работу артелей вносила также радикальность действий, предпринятых советской властью для борьбы с восставшими. Так, в Пахотно-Угловской и Казыванской волостях Тамбовского уезда отрядом Красной армии по подозрению в связях с восставшими были арестованы 18 вальщиков, которые занимались выполнением заказов на военные нужды [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 33].

Крестьянское восстание на Тамбовщине стало одним из ключевых явлений, побудивших советскую власть смягчить политику в отношении крестьянства и перейти к нэпу. Коренные изменения в экономической сфере затронули и кустарную промышленность. 17 мая 1921 г. было принято два декрета, регулировавших положение сельских товаропроизводителей. В одном из них указывалось на необходимость поддержки, в том числе и через снабжение госзаказами, как самостоятельных кустарей, так и тех, которые объединены в кооперативы. При этом привилегия при предоставлении заказов должна была оставаться за последней категорией [Собрание узаконений..., 1944, с. 463–464]. Другой декрет выводил промысловую кооперацию из подчинения потребительской [Там же, с. 475–476].

Повинуясь указаниям центра, к июню 1921 г. губернские власти вывели промысловую секцию из состава губсоюза в самостоятельный губернский союз кустарно-промысловой кооперации (губкустпромсоюз) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 65]. Изменились функции губкустпрома, который до этого момента лишь служил проводником при передаче заявок на заказы от центральных и местных учреждений и организаций в промысловую секцию губсоюза и сдаче мастерами готовой продукции. В новых условиях губкустпром работал напрямую с губкустпромсоюзом, а также должен был наладить через сеть уездных отделов по делам кустарной и мелкой промышленности (укустпромов) контакт с кустарями-частниками и с теми артелями, которые не входили в состав союза. На губкустпром возлагалась ответственность за своевременное предоставление кустарям всех необходимых материалов, для чего был создан специальный отдел снабжения. Кроме того, губкустпром продолжал работу по учету всех заказов, предоставлявшихся кустарям.

24 сентября 1921 г. губкустпром заключил с кустпромсоюзом договор на производство до 1 января 1922 г. следующих видов продукции: 50 000 пар валенок, 1 179 680 пар лаптей, 10 000 тары, 194 941 овчины, 18 300 полушубков, 1 600 000 кирпичей, 8 000 телег, 6 000 саней и 374 000 мелких деревянных изделий [Там же, л. 117]. При этом Б. В. Шмельков высказал опасения о возможной монополизации производства. В годы военного коммунизма промысловый союз находился в подчинении потребительского губсоюза, а работа кустарей фактически была превращена в труд рабочих с четким определением времени начала и конца рабочего дня, а также фиксацией нормы выработки изделий [Отчет Президиума..., с. 14]. В новых же условиях губкустпромсоюз работал на автономных началах, фактически никому не подчиняясь. Более того, в губернии больше не существовало крупных объединений сельских мастеров, которые могли бы составить ему конкуренцию в конкурсе на получение государственных подрядов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2085, л. 115]. Однако монополизация кустарного производства оказалась не главной проблемой, тормозившей реализацию госзаказов. За период с 1 октября 1921 г. по 1 октября 1922 г. из-за перебоев в снабжении и быстрого падения курса советского рубля были сорваны договоры, заключенные губкустпромсоюзом с Всероссийским кооперативным лесным союзом,

губернским продовольственным комитетом и губернской военно-инженерной дистанцией [Краткий обзор..., с. 461].

Подводя итоги, следует сказать, что на первых этапах существования советской власти многочисленные отделы местных исполкомов и совнархозов бесконтрольно привлекали кустарей для выполнения собственных заказов. Попытки урегулировать процедуру реализации госзаказов кустарями путем создания новых специальных органов управления на деле вели к еще большей дезорганизации всей системы, поскольку не хватало ни квалифицированного персонала, ни должного финансирования. Как следствие, руководство страны для решения военных задач прибегло к мобилизационной политике в отношении кустарей. При этом власти забывали о том, что кустари не могли быть энтузиастами выполнения госзаказа, поскольку вели свое производство ради скудных заработков и выживания в суровых военно-революционных условиях.

Источники

«Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания» / сост. В. П. Данилов, Г. А. Абрамова, В. Л. Дьячков [и др.]. Тамбов : Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007.

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 18, 330, 717, 719, 746, 758, 785, 1042, 1403, 1529, 1610, 2085, 2831.

Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921/22 отчетный год. [Б. м.], [б. г.].

Отчет Президиума Тамбовского ГСНХ к 4-му губернскому съезду совнархозов и 5-му губернскому съезду профсоюзов (За первое полугодие 1921 года). Тамбов : Гос. изд-во. Тамбовское отд-ние, 1921.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : [б. и.], 1942.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М. : [б. и.], 1943а.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М. : [б. и.], 1943б.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М. : [б. и.], 1944.

Исследования

Бородулина Е. В. Денационализация и аренда в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (1921–1923 годы) // Научный диалог. 2018а. № 1. С. 137–157. <https://doi.org/10.24224/22271295-2018-1-137-157>

Бородулина Е. В. Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921–1923 годы) // Научный диалог. 2018б. № 3. С. 116–135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135>

Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности. М. : Наука, 1969.

Вязова О. Г. Кооперирование кустарных промыслов Чувашии в годы новой экономической политики // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 27–34.

Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005.

Коновалов В. В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура: Вопросы теории и практики военного коммунизма. Новосибирск : Наука, 1995.

- Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927.
- Назаров П. Г. История российской промышленной кооперации. 1799–1960. Челябинск : Изд-во ЧГТУ, 1995.
- Николаев А. А. Промысловая кооперация в Сибири 1920–1937 гг. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
- Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 — середина 1930-х гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000.
- Панарин А. А. Кустарно-промысловая кооперация Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 77–83. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.9>
- Плеханова А. М. Кустарная промышленность Бурят-Монголии в условиях реализации новой экономической политики // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 68–72.
- Файн Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново : Изд-во ИвГУ, 1994.
- Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново : Изд-во ИвГУ, 2002.
- Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики. Самара ; Пенза : Изд-во Самарского науч. центра РАН ; ПГПУ, 2008.
- Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет. М. : КОИЗ, 1957.

References

- Borodulina, E. V. (2018a). Denatsionalizatsiia i arenda v melkoi promyshlennosti Sibiri pri perekhode ot voennogo kommunizma k novoi ekonomicheskoi politike (1921–1923 gody) [Denationalization and Rent in Small Industry of Siberia during Transition from War Communism to New Economic Policy (1921–1923)]. *Nauchnyi dialog*, 1, 137–157. <https://doi.org/10.24224/22271295-2018-1-137-157>
- Borodulina, E. V. (2018b). Pervye shagi sibirskogo promkooperativnogo stroitel'stva v usloviakh perekhoda k novoi ekonomicheskoi politike (1921–1923 gody) [The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921–1923)]. *Nauchnyi dialog*, 3, 116–135. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-116-135>
- Buzlaeva, A. I. (1969). *Leninskii plan kooperirovaniia melkoi promyshlennosti SSSR* [Lenin's Plan of Cooperation of Small-Scale Industry in the USSR]. Moscow: Nauka.
- Egorov, V. G. (2005). *Otechestvennaia kooperatsiia v melkom promyshlennom proizvodstve: stanovlenie, etapy razvitiia, ogosudarstvenenie (pervaia tret' XX veka)* [Domestic Cooperation in Small-Scale Industrial Production: Formation, Stages of Development, Nationalisation (First Third of the 20th Century)]. Kazan: Kazan University Press.
- Fain, L. E. (1994). *Otechestvennaia kooperatsiia: istoricheskii opyt* [Domestic Cooperation: Historical Experience]. Ivanovo: IvGU.
- Fain, L. E. (2002). *Rossiiskaia kooperatsiia: istoriko-teoreticheskii ocherk. 1861–1930* [Russian Cooperation: Historical and Theoretical Essay. 1861–1930]. Ivanovo: IvGU.
- Konovalov, V. V. (1995). *Melkie promyshlenniki Sibiri i bol'shevistskaia diktatura: voprosy teorii i praktiki voennogo kommunizma* [Small Industrialists of Siberia and Bolshevik Dictatorship: Issues of Theory and Practice of War Communism]. Novosibirsk: Nauka.
- Larin, Yu. (1927). *Chastnyi kapital v SSSR* [Private Capital in the USSR]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Nazarov, P. G. (1995). *Istoriia rossiiskoi promyslovoi kooperatsii 1799–1960* [History of Russian Industrial Cooperation. 1799–1960]. Chelyabinsk: ChGTU.

Nikolaev, A. A. (1988). *Promyslovaia kooperatsiia v Sibiri. 1920–1937 gg.* [Trade Cooperation in Siberia (1920–1937)]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie.

Nikolaev, A. A. (2000). *Melkaia promyshlennost' i kustarnye promysly Sibiri v sovetskoj kooperativnoi sisteme (1920 – seredina 1930-kh gg.)* [Small-scale and Handicraft Industries in Siberia in the Soviet Cooperative System (1920 – mid-1930s)]. Novosibirsk: SO RAN.

Panarin, A. A. (2021). Kustarno-promyslovaia kooperatsiia Severnogo Kavkaza v usloviakh novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1929 gg.) [Handicraft Cooperation of the North Caucasus in the Context of a New Economic Policy (1921–1929)]. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, 4, 77–83. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.4.9>

Plekhanova, A. M. (2010). Kustarnaia promyshlennost' Buriat-Mongolii v usloviakh realizatsii novoi ekonomicheskoi politiki [Handicraft Industry of Buryat-Mongolia During the Period of the New Economic Policy]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7, 68–72.

Vyazova, O. G. (2006). Kooperirovanie kustarnykh promyslov Chuvashii v gody novoi ekonomicheskoi politiki [Cooperation of Handicrafts in Chuvashia During the Years of the New Economic Policy]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 6, 27–34.

Yagov, O. V. (2008). *Kustarno-promyslovaia kooperatsiia Povolzh'ia v usloviakh realizatsii novoi ekonomicheskoi politiki* [Artisanal and Crafts Cooperation of the Volga Region in the Conditions of Implementation of the New Economic Policy]. Samara; Penza: Samarskii nauchnyi tsentr RAN; PGPU.

Yakovlev, P. I. (1957). *Promyslovaia kooperatsiia SSSR za 40 let* [Industrial Cooperation of the USSR over 40 Years]. Moscow: KOIZ.

Канищев Валерий Владимирович

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и философии
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
392000, Тамбов,
ул. Интернациональная, 33
E-mail: valcan@mail.ru

Kanishchev, Valery Vladimirovich

Dr. Hab. (History), Professor
Department of History and Philosophy
Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
33, Internatsionalnaya St., 392000 Tambov,
Russia
Email: valcan@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8372-4455>
Scopus AuthorID: 57190408126
WoS ResearcherID: ABH-4863-2020

Махрачев Георгий Сергеевич

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
истории и философии
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
392000, Тамбов,
ул. Интернациональная, 33
E-mail: mahrachova@mail.ru

Makhrachev, Georgiy Sergeevich

PhD (History), Senior Lecturer
Department of History and Philosophy
Tambov State University
named after G. R. Derzhavin
33, Internatsionalnaya St., 392000 Tambov,
Russia
Email: mahrachova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8279-243X>
Scopus AuthorID: 58164619600
WoS ResearcherID: IZE-0621-2023

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.016

УДК 94(470.53)“1946/1950” +

+ 631(470.53)“1946/1950” +

+ 338.43(470.53)

В. П. Мотревич*Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева*

Екатеринбург, Россия

В. Н. Мамяченков*Уральский государственный экономический университет*

Екатеринбург, Россия

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ЖИВОТНОВОДСТВА В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1946–1950 гг.

В статье рассматриваются проблемы развития одной из важнейших отраслей сельского хозяйства — животноводства — в границах Молотовской области (ныне — территория Пермского края) в первые послевоенные годы. Основной источниковой базой исследования стали хранящиеся в Российском государственном архиве экономики материалы Центрального статистического управления СССР. Это позволило авторам исследовать ресурсную базу отрасли, в том числе численность поголовья основных видов скота, показать мероприятия партийных и советских органов по восстановлению отрасли в первые послевоенные годы, характеризовать меры по усилению различных способов поощрения работников, проследить развитие животноводства как отрасли хозяйства и динамику основных видов его продукции в исследуемой области по всем категориям хозяйств общественного и индивидуального сектора. Вводимые авторами в научный оборот данные показывают, что колхозное животноводство оказалось гораздо более эффективным в условиях послевоенного кризиса, чем животноводство государственных хозяйств. Авторы демонстрируют, что решающую роль в стабилизации животноводческой сферы региона в послевоенном пятилетии сыграли индивидуальные хозяйства населения. Анализ объемов производства животноводческой продукции в хозяйствах жителей Молотовской области не только в стоимостном, но и в натуральном выражении показал, что по всем исследуемым позициям, кроме меда, они превышали показатели общественного сектора. Установлено также, что в Молотовской области животноводство вышло из войны в гораздо лучшем состоянии, чем растениеводство, однако в целом динамика отрасли в послевоенное пятилетие характеризовалась неоднозначностью и противоречивостью. Но даже несмотря на трудности, связанные с разрушительной Второй мировой войной, животноводство региона все же сделало определенный шаг вперед, превывсив в 1950 г. довоенный уровень производства мяса, молока и шерсти.

Ключевые слова: Молотовская область; первое послевоенное пятилетие; животноводство; госхозы; колхозы; личное подсобное хозяйство

Цитирование: *Мотревич В. П., Мамяченков В. Н.* Производственная динамика животноводства в Молотовской области в 1946–1950 гг. // Известия Уральского

Федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1.
С. 251–266. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.016>

Поступила в редакцию: 11.09.2023

Принята к печати: 28.01.2025

V. P. Motrevich

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russia

V. N. Mamyachenkov

Ural State University of Economics
Ekaterinburg, Russia

DYNAMICS OF LIVESTOCK PRODUCTION IN MOLOTOV REGION IN 1946–1950

This article examines the problems of the development of one of the most important branches of agriculture, i. e. livestock breeding, within the borders of Molotov Region (now the territory of Perm Krai) in the first postwar years. The research draws upon the materials of the USSR Central Statistical Office stored in the Russian State Archive of Economics. This allows the authors to study the resource base of the industry, including the number of livestock of its main types, show the activities of party and Soviet bodies to restore the industry in the first postwar years, characterise measures taken to strengthen various ways of encouraging workers, trace the development of animal husbandry as a branch of the economy and the dynamics of the main types of its products in the study area for all categories of public and individual sector farms. The data presented by authors demonstrate that collective farm livestock farming turned out to be much more effective in the postwar crisis than livestock farming on state farms. The authors emphasise that individual farms of the population played a decisive role in stabilising the livestock sector of the region in the post-war five-year period. In general, the dynamics of livestock farming in Molotov Region were characterised by ambiguity and inconsistency. However, it can be concluded that the region's livestock farming, despite all the difficulties it faced in the aftermath of the destructive Second World War, definitely stepped forward, exceeding the prewar level of meat, milk and wool production in 1950.

Key words: Molotov Region; first postwar five-year period; animal husbandry; state farms; collective farms; personal subsidiary plots

For citation: Motrevich, V. P., & Mamyachenkov, V. N. (2025). Proizvodstvennaia dinamika zhivotnovodstva v Molotovskoi oblasti v 1946–1950 gg. [Dynamics of Livestock Production in Molotov Region in 1946–1950]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 251–266. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.016>

Submitted: 11.09.2023

Accepted: 28.01.2025

Введение

Авторы настоящей статьи не впервые обращаются к теме, связанной с развитием такой важнейшей сферы сельского хозяйства, как животноводство. На этот раз целью исследования стала динамика его продукции в Молотовской области в первые послевоенные годы. При этом анализу были подвергнуты только основные виды конечной продукции животноводства, так как в нем выделяют еще и ряд подотраслей. В длинном перечне подотраслей можно выделить (причем достаточно условно, так как все зависит от природно-климатических особенностей региона) как основные, так и неосновные. К основным обычно относят скотоводство, свиноводство, овцеводство, оленеводство, кролиководство, птицеводство и т. д., а к неосновным — ословодство, верблюдоводство, собаководство, звероводство, рыбоводство и т. д. Среди неосновных подотраслей присутствуют в том числе насекомоводство и пчеловодство — последняя подотрасль, кстати, была неплохо развита в Молотовской области, отчего основной вид ее конечной продукции — мед — стал одним из предметов исследования.

Конечной продукцией животноводства является продовольствие, а также сырье для пищевой промышленности, костная мука, лекарственные средства, корма, мех и кожа, шерсть и пух, навоз. В зависимости от конкретных особенностей региона, сложившихся исторических традиций, наконец, различных обстоятельств объективного и субъективного характера на первый план выходят те или иные подотрасли животноводства.

Актуальность изучаемой темы определяется тем, что первые послевоенные годы всегда привлекали и будут привлекать неослабевающее внимание ученых-обществоведов уже в силу того, что они были труднейшими (конечно, если не считать военное лихолетье) годами истории Советского государства. Кроме того, они были годами максимального развития и стабилизации жесткой командно-административной системы. Выбор же территории бывшей Молотовской области для нашего исследования определяется тем, что она представляет большой интерес как старейший и экономически развитый регион Уральского экономического района. Как правило, при изучении истории области советского периода авторы основное внимание уделяли исследованию рабочего класса и промышленности Западного Урала. Однако сельское хозяйство, в котором в первые послевоенные годы была занята большая часть населения области, изучено гораздо слабее.

Молотовская область существовала в СССР в 1940–1957 гг. в территориальных границах Пермской области, образованной в 1938 г. и просуществовавшей до 2005 г. Таким образом, Пермская область в течение 17 лет именовалась Молотовской.

Методологической основой исследования стали прежде всего принцип историзма, а также принципы объективности и научности. Кроме того, в данной работе нашли применение и отдельные конкретные методологические принципы и подходы общенаучного, собственно исторического и специального характера: это диалектико-материалистический метод познания и обоснования

явлений общественной жизни, а также абстрактно-логический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Историко-ситуативный и историко-ретроспективный методы исследования использовались при анализе факторов, детерминировавших динамику производства животноводческой продукции. Наконец, обобщая, структурируя и анализируя имеющийся статистический материал, авторы применяли также общенаучный метод системно-структурного анализа.

Источниковой базой статьи стали статистические материалы, касающиеся производства основных видов продукции животноводства, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ). При этом хранящиеся в их фондах материалы Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР введены в научный оборот лишь в незначительной степени. Помимо архивных материалов авторы использовали также различную справочную литературу и газетные материалы [Народное хозяйство...; Численность скота...].

Среди научных трудов, посвященных аграрной истории СССР в первые послевоенные годы, следует упомянуть работы И. М. Волкова [1972] и И. Е. Зеленина [1969], написанные на общесоюзных материалах. Данные по исследуемой теме содержатся в работах авторов данной статьи [Мамяченков, Львова, Шведов; Мотревич], а также в характеризующих сельское хозяйство края монографиях других уральских исследователей [Денисевич; Толмачева; Хисамутдинова]. Кроме того, ряд интересующих нас сведений содержится в работах, опубликованных в послевоенные годы [Баландин; Захаров; Зусман; Малышев; Поспелова], однако в целом исследуемая нами тема разработана недостаточно. Причиной тому является отсутствие анализа верифицированных цифровых данных, в достаточной мере характеризующих динамику развития как самого животноводства, так и производства его продукции. Именно анализ такого рода цифровой информации и дал возможность авторам написать предлагаемую статью.

Ресурсная база отрасли

Наше исследование мы начнем с анализа ресурсной базы животноводства — численности поголовья скота во всех категориях хозяйств Молотовской области (см. табл. 1). Изучение этих данных показывает, что хозяйствам этого региона в годы войны удалось с минимальными потерями сохранить поголовье крупного рогатого скота (КРС), изменив при этом внутреннюю структуру стада в пользу коров. Причина была проста: выбирая между мясом и молоком, власти делали выбор в пользу молока, поскольку его себестоимость была гораздо ниже, а объемы производства — несравненно выше. При этом в области заметно сократилось поголовье лошадей и особенно свиней (этому способствовало то, что в годы войны очень остро стояла проблема с комбикормами — свиней зачастую просто нечем было кормить).

Таблица 1

**Поголовье скота в Молотовской области
(все категории хозяйств, на начало года, тыс. голов)***

Виды скота	Годы						
	1941	1946	1947	1948	1949	1950	1951
Крупный рогатый скот	537	503	478	490	545	579	550
в том числе коровы	305	392	296	295	293	293	281
Свиньи	301	109	112	126	194	231	253
Овцы и козы	776	605	566	593	661	638	617
Лошади	233	188	194	187	198	213	226

* Источник: [Народное хозяйство..., с. 94].

После окончания войны в стране начинают принимать меры по восстановлению отрасли. В марте 1946 г. Верховный Совет СССР принял Закон о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны. В области животноводства предусматривалось восстановление и превышение довоенного поголовья КРС, свиней, овец и коз, а также повышение продуктивности скота за счет создания прочной кормовой базы и улучшения породности скота [Закон о пятилетнем плане..., с. 40–44]. Но, как показывают приведенные в табл. 1 данные, в 1946–1947 гг. положительных изменений в отрасли не произошло, поголовье скота в Молотовской области продолжало сокращаться (кроме свиней). Вопрос о состоянии отрасли обсуждался на Февральском (1947 г.) пленуме ЦК ВКП(б). В принятом на нем постановлении «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» планировалось к концу 1948 г. восстановить довоенный уровень поголовья КРС, овец и коз, а к концу 1949 г. — свиней. Также в качестве важной задачи рассматривалась ликвидация в короткие сроки «бескоровности» и «бескотности» среди колхозников, для чего предполагалось выдавать таким семьям государственные ссуды. При этом партийным и советским органам и правлениям колхозов предписывалось «оказывать всяческую помощь колхозникам в обеспечении принадлежащего им скота грубыми и сочными кормами, а также пастбищами» [О мерах подъема...]. Однако в постановлении ничего не говорилось о каких-либо позитивных переменах в отношении хозяйств колхозников и налоговой политики государства. Видимо, по этой причине решения пленума оказали довольно ограниченное воздействие на сельское хозяйство страны и животноводство в частности.

В этой ситуации Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) в апреле 1949 г. приняли трехлетний план по развитию колхозного и совхозного животноводства на 1949–1951 гг., который предусматривал быстрое превращение животноводства из отстающей отрасли в передовую за счет увеличения поголовья скота

и мясомолочной продукции. Ключевую роль должны были сыграть регионы, обеспеченные кормами. Кроме того, значительное внимание уделялось улучшению племенного дела в животноводстве, зоотехнического и ветеринарного обслуживания, подготовке животноводческих кадров, организации оплаты их труда, причем на этот раз на вышеупомянутые мероприятия действительно были выделены значительные средства [Трехлетний план развития...].

Принимались меры по усилению различных форм поощрения животноводов — например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1949 г. «О присвоении звания Героя Социалистического Труда и награждении орденами и медалями СССР передовиков сельского хозяйства за достижение высоких показателей в животноводстве в 1949–1951 гг.». В этот же день было принято решение о присвоении высококвалифицированным специалистам в области животноводства званий «Заслуженный зоотехник республики» и «Заслуженный ветеринарный врач республики». Одновременно был установлен порядок награждения орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу зоотехников, ветеринарных врачей, техников и фельдшеров, агрономов, инженеров и других специалистов сельского хозяйства [Указ Президиума Верховного Совета СССР...].

В числе награжденных были и животноводы Молотовской области. Так, 12 сентября 1949 г. был награжден ряд работников конных заводов, ордена Ленина были удостоены работники конезавода № 9 Ф. Алопанов и П. И. Летов, ордена Трудового Красного Знамени — П. И. Кирьянов, медали «За трудовую доблесть» — П. В. Воробьев, Ф. Г. Заитова, Г. Мусабаров. В следующем году орденом Трудового Красного Знамени был награжден работник конезавода № 9 В. Н. Никитин, медалью за «За трудовую доблесть» — В. М. Базанов, Г. Болтаев, А. В. Останин. Принимаемые меры принесли определенные положительные результаты, однако к концу пятилетки в Молотовской области удалось восстановить довоенное поголовье только по крупному рогатому скоту (табл. 1).

Валовая продукция животноводства

Таблица 2 логически продолжает табл. 1, хотя в ней представлена уже динамика валового производства животноводческой сферы. Сопоставляя эти таблицы, можно нарисовать в общих чертах картину функционирования животноводства Молотовской области в исследуемый период. Так, резкий рост производства мяса в 1946 г. произошел, судя по всему, вследствие того, что из-за нехватки кормов «под нож» была пущена значительная часть поголовья скота. Важно напомнить, что после окончания войны положение усугубили крайне неблагоприятные погодные условия лета и осени 1946 г.: в ряде регионов европейской части страны была сильная засуха, а в восточных — сильные дожди, снижавшие урожайность и мешавшие уборке. Можно предположить, что в 1946 г. сдаваемый государству скот имел пониженную упитанность, а следовательно,

и пониженный убойный вес. Сдача государству скота низкой упитанности заметно повышала его расход¹.

Как и следовало ожидать на основании данных о численности скота, большую часть произведенного мяса составляла говядина. По данным за 1946 г. в области было произведено 14,9 тыс. т говядины, 5,7 тыс. т баранины и козлятины и 5,4 тыс. т свинины. Постепенно восстанавливалось и кролиководство, особенно пострадавшее в годы войны: если в 1940 г. производство мяса кроликов составило 266 т, то в 1944 г. — всего 62 т, а 1950 г. — 258 т [РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 57, л. 27; оп. 324, д. 791, л. 20; д. 1872, л. 7–9; д. 3754, л. 40].

Таблица 2

Валовое производство продукции животноводства в Молотовской области*

Годы	Виды продукции				
	Мясо, тыс. т**	Молоко, тыс. т	Шерсть, т***	Яйца, млн шт.	Мед, т
1940	30,6	333,6	860	147,0	5237
1945	20,9	371,7	633	63,5	5092
1946	26,0	255,9	638	63,2	3045
1947	21,5	365,8	561	70,0	3437
1948	24,1	442,4	662	84,7	3338
1949	31,0	430,0	834	112,7	4117
1950	34,9	419,5	873	136,3	3022

* Табл. 2–7 составлены по: [Мотревич, с. 182–187, 199–221; РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, л. 1872, л. 3, 6, 19, 24; д. 2272, л. 25; 39, 45, 48, 51; д. 2694, л. 24, 24 об., 39, 43, 51–54, 56; д. 3237, л. 5, 18, 29, 30, 32, 33; д. 3754, л. 2, 15, 24, 67, 68].

** В табл. 2–7 данные по мясу основных видов в убойном весе.

*** В табл. 2–7 данные по шерсти овечьей, козьей и верблюжьей.

Кроме роста производства мясной продукции, по всем другим его видам в 1946 г. мы видим либо стагнацию (производство шерсти и яиц), либо просто провальное снижение (производство молока и меда). Но в 1947 г. динамика мясомолочной продукции меняется на противоположную — резко снижается производство мяса и, наоборот, значительно возрастает производство молока. В дальнейшем, начиная с 1948 г., ситуация стабилизировалась, а к концу четвертой пятилетки по основным видам животноводческой продукции (мясу,

¹ Советская статистика учитывала производство мяса в «убойном» и «живом» весе. В «живом» весе учитывались вес головы, внутренних органов, вымени, кожи и нижней части ног. Под «убойным» весом понимался так называемый «чистый» вес туши животного после забоя, в которую уже не входили вышеуказанные ее части. Кроме того, в убойном весе на правах полноценного мяса советская статистика учитывала сало, удельный вес которого в общей мясной массе мог быть довольно большим.

шерсти и особенно по молоку) довоенный уровень производства был заметно превышен. Несколько отставало птицеводство, но данные табл. 2 о динамике производства яиц свидетельствуют о его быстром восстановлении. Этот вывод подтверждают и данные о динамике производства мяса птицы: начиная с 1948 г. его объем плавно нарастает, составив в указанном году 1 387 т против 961 т в 1947 г. и 2 041 и 2 850 т соответственно в 1949–1950 гг. В целом в Молотовской области животноводство вышло из войны в гораздо лучшем состоянии, чем земледелие. Данные о валовой продукции в стоимостном выражении в ценах 1926/1927 г. показывают, что если продукция земледелия за 1940–1945 гг. сократилась на четверть (25,5 %), то в животноводстве этого не произошло — здесь был отмечен даже небольшой прирост — на 0,9 %.

Первые два послевоенных года из-за нехватки кормов в связи с прошедшей засухой были для животноводства области неудачными. Это отчетливо видно не столько по производству отдельных видов продукции в натуральном выражении, сколько по суммарным показателям его результатов в стоимостном выражении. Если в 1945 г. валовая продукция животноводства оценивалась в ценах 1926/1927 г. в 54,9 млн руб., то в 1946 г. — в 53,2 млн руб., а в 1947 г. — даже в 52,6 млн руб. Затем началось быстро восстановление отрасли: уже в 1948 г. валовая продукция оценивалась в 62,4 млн руб. против 54,4 млн руб. в 1940 г., а в 1949 г. она возросла до 69,8 млн руб. [Мотревич, с. 189, 243, 248].

В табл. 3 и 4 представлены данные о производстве продукции животноводства государственными и коллективными хозяйствами, т. е. общественным сектором сельского хозяйства Молотовской области. К государственным хозяйствам относились так называемые советские хозяйства (совхозы), т. е. сельскохозяйственные предприятия государственной формы собственности, а также крупные животноводческие комплексы и птицефабрики, овощеводческие комбинаты и другие специализированные сельскохозяйственные предприятия, племенные и селекционные хозяйства, наконец, учебно-производственные хозяйства техникумов и вузов. До войны в государственном секторе основную часть сельскохозяйственной продукции в Молотовской области производили 29 совхозов. Среди них было 2 зерновых, по 4 овощных и коневодческих хозяйства, а остальные относились к тресту пригородных совхозов. С началом войны большая часть совхозов была передана промышленным предприятиям для организации на их базе подсобных хозяйств, и поэтому к концу войны в области осталось всего 8 совхозов [РГАЭ, ф. 1562, оп. 323, д. 185, л. 25, 26].

Данные табл. 3 показывают, что за годы войны производство животноводческой продукции в государственном секторе сельского хозяйства заметно возросло, особенно по молоку и яйцу. Это было результатом массового создания начиная с 1942 г. подсобных хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений. В результате по состоянию на 1945 г. в Молотовской области насчитывалось 476 таких хозяйств, в том числе весьма крупных. Так, подсобное хозяйство Березниковского азотно-тукового завода (ранее совхоз «Усольский» Управления трестов пригородных хозяйств Молотовской области) являлось

основной продовольственной базой для снабжения картофелем, молоком и яйцом рабочих и служащих трех химических предприятий г. Березники. Ежегодно это хозяйство производило приблизительно 1000 т картофеля, около 300 т овощей и до 300 т свежего молока [ГАРФ, ф. Р-259, оп. 6, д. 7682, л. 3]. В 1946 г., в связи с ухудшением продовольственного положения в стране, число подсобных хозяйств в области возросло до 496, а затем их количество начало сокращаться. Соответственно к концу пятилетки стало сокращаться и производство животноводческой продукции [ГАРФ, ф. Р-374, оп. 7, д. 1596, л. 2; д. 2140, л. 2; д. 2630, л. 7; д. 3091, л. 10; д. 3653, л. 52].

Таблица 3

**Производство продукции животноводства
государственными хозяйствами Молотовской области**

Годы	Виды продукции				
	Мясо, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.	Мед, т
1940	1,2	8,6	1	0,4	120
1945	1,3	16,3	9	1,2	164
1946	1,7	11,1	12	2,5	186
1947	1,6	14,3	8	1,6	156
1948	3,0	16,7	8	2,2	123
1949	3,6	18,3	7	1,3	117
1950	3,2	17,3	5	1,3	83

В целом государственный сектор давал весьма незначительную часть производимой в области животноводческой продукции. Так, если стоимость произведенной в Молотовской области за годы четвертой пятилетки животноводческой продукции в ценах 1926/1927 г. составляла 307,8 млн руб., то на долю госсектора приходилось только 20,3 млн руб. (6,6 % ее объема в денежном выражении) [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1870, л. 36–38; д. 2692, л. 23; д. 2694, л. 25; д. 3237, л. 27–29; д. 3752, л. 25, 26].

Помимо государственных сельскохозяйственных предприятий накануне войны в Молотовской области имелось 3 340 колхозов, которые и являлись основными производителями продукции животноводства. По данным за 1940 г. стоимость произведенной в них животноводческой продукции составляла 22,6 млн руб. (41,5 % продукции, полученной от всех категорий хозяйств). За годы войны количество колхозов в области сократилось до 3073 (на 8 %) к 1945 г., а численность трудоспособных колхозников в них — с 385,4 до 225,1 тыс. человек, т. е. на 41,5 %. Это не могло не отразиться на состоянии колхозного производства, валовая продукция которого в Молотовской области за годы войны сократилась на треть (33,6 %), в том числе животноводства — на 26,5 % [Арутюнян, с. 392; Мотревич, с. 32, 75, 238, 248, 249].

После окончания войны началось постепенное восстановление отрасли. Принятый в марте 1946 г. Закон о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны в области животноводства предусматривал восстановление и превышение довоенного поголовья КРС, свиней, овец и коз. Однако в первые послевоенные годы этому препятствовали высокий падеж скота, вызванный недостатком кормов и низкой обеспеченностью помещениями. По данным Р. П. Толмачевой, даже в 1950 г. колхозное стадо свиней составляло 189 тыс. голов, а свиноводческие фермы вмещали всего 160,5 тыс. голов [Толмачева, с. 116]. Проблема же кормов особенно обострилась в результате послевоенной засухи. В результате в 1946–1947 гг. (даже по сравнению с военным 1945 годом) в колхозах области сократилось поголовье коров. Переломным в колхозном животноводстве стал 1948 год, когда в колхозах произошел быстрый рост поголовья скота: по сравнению с 1947 г. численность коров увеличилась с 74,9 до 82 тыс. голов, овец и коз — с 185 до 244,5 тыс. голов, свиней — с 90,3 до 148,3 тыс. голов [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 2269, л. 79–82; д. 2291, л. 65–72].

Важным направлением в усилиях по восстановлению колхозного животноводства была племенная работа. Многие колхозные племенные фермы пополнялись за счет поступлений из госплемрассадников. Так, коллектив Суксунского госплемрассадника проводил работу в колхозах Кишертского и Суксунского районов. Молочно-товарные фермы с суксунским скотом имелись в колхозах им. Кирова, им. Чапаева, «Кызыл-Урал» и «Пахарь» Суксунского района, артелях «Заря» и «Трактор» Кишертского района [Толмачева, с. 113]. К концу исследуемого периода в колхозах заметно повысилась и продуктивность скота, хотя довоенный уровень был достигнут не везде. Так, если в 1940 г. средний вес сданного государству КРС составлял 218 кг, то в 1950 г. — 189 кг. По овцам и козам аналогичные цифры составили соответственно 30 и 29 кг, а по свиньям — 73 и 90 кг. В 1950 г. в колхозах заметно выше довоенных стали надои молока — 901 л против 882 л в 1940 г. [ГАРФ, ф. Р-262, оп. 5, д. 3023, л. 206].

Данные табл. 4 показывают, что рост поголовья и повышение его продуктивности сразу отразились на производстве в колхозах молока, шерсти и яиц. При этом читателя не должны вводить в заблуждение высокие показатели 1946–1947 гг. по мясу (выше мы уже отмечали, что в эти годы в области заметно увеличился вынужденный забой и падеж скота) [ГАРФ, ф. Р-374, оп. 7, д. 221, л. 189]. Начавшееся в 1948 г. быстрое восстановление колхозного животноводства подтверждают и данные о его валовой продукции в стоимостном выражении: если в 1947 г. она в ценах 1926/1927 г. составляла 15,2 млн руб., то в 1948 г. — 19,6 млн руб., в 1949 г. — 21,7 млн руб., в 1950 г. — 22,9 млн руб. В целом за годы четвертой пятилетки колхозы Молотовской области произвели животноводческой продукции на 94,1 млн руб., что составило около трети (30,6 %) ее производства в Молотовской области [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1870 л. 36–384; д. 2270, л. 23–25; д. 2692, л. 23; д. 2694, л. 25; д. 3237, л. 27–29; д. 3752, л. 24–26]. Таким образом, хотя по производству основных видов животноводческой продукции (молоку, мясу, шерсти и яйцу) в 1950 г.

колхозы и превысили довоенный уровень, в целом за пятилетку их значение в развитии отрасли заметно снизилось.

Таблица 4

**Производство продукции животноводства
колхозами в Молотовской области**

Годы	Виды продукции				
	Мясо, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.	Мед, т
1940	7,9	79,3	222	11,2	3697
1945	7,7	70,0	312	7,9	3330
1946	8,2	53,1	280	8,9	1485
1947	7,0	65,5	263	8,1	1882
1948	5,9	80,1	377	8,5	1702
1949	7,6	87,4	419	10,6	2230
1950	11,1	87,7	493	13,3	1623

В табл. 5 и 6 представлены данные о производстве продукции животноводства в хозяйствах колхозников, а также рабочих и служащих Молотовской области. Перед войной хозяйства колхозников были вторыми, после колхозов, производителями животноводческой продукции: в 1940 г. в стоимостном выражении на их долю приходилось свыше трети (36,6 %) ее производства. За годы войны число колхозных дворов области уменьшилось с 217 тыс. в 1940 г. до 198,8 тыс. в 1944 г., а наличное население колхозов сократилось с 795,5 тыс. до 624,7 тыс. человек [Арутюнян, с. 388, 389]. За эти годы уменьшилось и количество скота в хозяйствах колхозников: численность КРС сократилась с 211 до 177 тыс. голов, овец и коз с 459 до 278 тыс. голов и свиней с 75 до 11 тыс. голов [РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 1490, л. 434, 475]. Первые два послевоенных года ознаменовались сокращением выхода животноводческой продукции, а с 1948 г. начался некоторый рост (см. табл. 5), однако он был весьма незначительным, и в 1950 г. выход составил в стоимостном выражении 26,8 млн руб. против 24,1 млн руб. в 1945 г., т. е. за 5 лет увеличился всего на 11,2 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1870, л. 36–384; д. 3752, л. 24–26]. Тем не менее, по сравнению с довоенным временем, роль индивидуальных хозяйств колхозников в животноводстве еще более повысилась: в целом за годы четвертой пятилетки на их долю пришелся уже 41 % произведенной в области продукции.

Стоимость произведенной в хозяйствах рабочих и служащих животноводческой продукции за годы войны несколько возросла — с 9,1 млн руб. в 1940 г. до 10,1 млн руб. в 1945 г. После окончания войны процесс увеличения производства животноводческой продукции в данных хозяйствах, в отличие от других категорий, непрерывно продолжался. Это было следствием прежде всего роста поголовья скота в хозяйствах: в 1950 г. количество КРС, овец и коз в них превысило довоенный уровень [Численность скота..., с. 178, 192, 199].

В 1946 г. индивидуальные хозяйства произвели животноводческой продукции на 10,5 млн руб., в 1947 г. — на 11,1 млн руб., в 1948 г. — на 13,1 млн руб., 1949 г. — на 15,3 млн руб. и в 1950 г. — на 15,4 млн руб. Результаты оценки продукции животноводства в стоимостном выражении подтверждают и данные табл. 6 о ее объемах в натуральном выражении. Всего за 1946–1950 гг. хозяйства рабочих и служащих произвели животноводческой продукции на сумму 65,7 млн руб., что составило 21,3 % ее «вала» в Молотовской области [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1870, л. 36–384; д. 2270, л. 23–25; д. 2692, л. 23; д. 2694, л. 25; д. 3237, л. 27–29; д. 3752, л. 24–26].

Таблица 5

**Производство продукции животноводства
в хозяйствах колхозников в Молотовской области**

Годы	Виды продукции				
	Мясо, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.	Мед, т
1940	18,3	174,4	547	95,3	980
1945	9,0	190,9	246	39,0	1363
1946	12,4	125,8	277	37,1	1148
1947	9,1	179,1	228	41,8	1154
1948	11,0	208,9	217	47,0	1237
1949	15,0	192,7	321	62,1	1460
1950	15,4	182,8	289	71,2	1061

Таблица 6

**Производство продукции животноводства
в хозяйствах рабочих и служащих в Молотовской области**

Годы	Виды продукции				
	Мясо, тыс. т	Молоко, тыс. т	Шерсть, т	Яйца, млн шт.	Мед, т
1940	2,9	68,2	72	32,5	400
1945	2,8	92,2	58	14,3	196
1946	3,5	64,2	65	13,6	188
1947	3,6	104,1	59	17,2	212
1948	3,9	134,0	58	25,5	238
1949	4,6	130,4	85	37,3	289
1950	5,2	130,9	85	47,2	246

Как было отмечено ранее, ранжирование производителей продукции животноводства в Молотовской области по стоимости произведенной животноводческой продукции показывает, что самыми крупными из них были хозяйства

колхозников (41 %). Далее следовали колхозы (30,6 %), хозяйства рабочих и служащих (21,3 %), государственные хозяйства (6,6 %). Кроме того, 0,5 % продукции приходилось на долю единоличных крестьянских хозяйств. Анализ табл. 5 и 6 показывает, что объемы продукции, производимой в хозяйствах колхозников, значительно превосходили аналогичные показатели у рабочих и служащих. Это не удивительно: ведь у последних (в том числе и проживавших в сельской местности) индивидуальное хозяйство было «подсобным» в буквальном смысле, так как основным источником средств для них была заработная плата. Для колхозников же таким источником было как раз индивидуальное хозяйство, поскольку их доходы от работы в колхозе (как материальные, так и денежные) в большинстве случаев в исследуемом нами периоде были просто мизерными.

Можно сказать, что индивидуальные хозяйства граждан в трудные послевоенные годы гораздо лучше «держали удар», чем предприятия общественного сектора. Действительно, в их годовых табличных рядах почти не было явных «провалов», а с 1946 г. почти по всем показателям наблюдался только стабильный рост. Впрочем, и в 1950 г. все довоенные показатели превзойти не удалось. Так, в хозяйствах колхозников, как это следует из табл. 5, в 1950 г. было произведено меньше, чем в 1940 г.: мяса — на 16 %, яиц — на 25 %, а шерсти — на 47 %. Что же касается хозяйств рабочих и служащих, то здесь по сравнению с 1940 г. произошло снижение только производства меда — почти на 39 %.

Объемы производства животноводческой продукции в хозяйствах жителей Молотовской области не только в стоимостном, но и в натуральном выражении тоже были весьма значительными: по всем исследуемым позициям, кроме меда, они превышали показатели общественного сектора. Именно этот факт и фиксирует приводимая нами табл. 7.

Таблица 7

**Удельный вес хозяйств граждан в валовом объеме
продукции животноводства Молотовской области, %**

Годы	Виды продукции				
	Мясо	Молоко	Шерсть	Яйца	Мед
1940	69	73	72	87	26
1945	56	76	48	84	31
1946	62	75	54	82	44
1947	60	78	52	86	41
1948	62	78	42	86	44
1949	63	75	49	88	42
1950	59	75	46	89	44

Показатели табл. 7 свидетельствуют, что в исследуемом периоде в хозяйствах граждан Молотовской области некоторую тенденцию к снижению имело лишь

производство шерсти. Производство же остальных продуктов — мяса, молока, яиц и меда — демонстрировало завидную стабильность. При этом особенно впечатляют результаты развития птицеводства — практически из каждого десятка продаваемых в торговле и на рынке яиц девять были произведены в хозяйствах населения. Таким образом, можно утверждать, что в первую послевоенную пятилетку животноводство Молотовской области смогло обеспечить рост производства своей продукции в основном за счет индивидуального сектора. И это при том, что власти неуклонно проводили политику, направленную на постепенное ограничение роли индивидуальных хозяйств, используя для этого различные методы — от агитационно-пропагандистских до сугубо фискальных.

Заключение

Хозяйственное развитие СССР в изучавшийся нами период было детерминировано последствиями только что закончившейся Второй мировой войны. Первая послевоенная пятилетка была одной из самых тяжелых в истории Советского Союза. И хотя в целом динамика показателей сектора животноводства региона в исследуемом периоде характеризовалась неоднозначностью и противоречивостью, все же по итогам пятилетия животноводство Молотовской области сделало определенный шаг в своем развитии, превзойдя довоенный уровень по большинству показателей, как в количественном, так и в качественном отношении. При этом решающую роль в подъеме животноводческой сферы сыграли индивидуальные хозяйства населения, которые произвели большую часть ее валовой продукции.

Источники

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-259. Оп. 6. Д. 7682; Ф. Р-262. Оп. 5. Д. 3023; Ф. Р-374. Оп. 7. Д. 221, 1596, 2140, 2630, 3091, 3653.

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М. : ОГИЗ, 1946.

Народное хозяйство Молотовской области : стат. сб. Молотов : Молотов. кн. изд-во, 1957.

О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период // Правда. 1947. 28 февр.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 57, 185; Оп. 324. Д. 791, 1870, 1872, 2269, 2270, 2272, 2291, 2692, 2694, 3237, 3752, 3754; Оп. 329. Д. 1490.

Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.) // Правда. 1949. 19 апр.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Социалистического Труда и награждении орденами и медалями СССР передовиков сельского хозяйства за достижение высоких показателей в животноводстве в 1949–1951 гг.» // Правда. 1949. 21 апр.

Численность скота в СССР : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1957.

Исследования

Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Изд-во АН СССР, 1963.

Баладин И. М. Путь нашего колхоза. Молотов : Молотовгиз, 1951.

Волков И. М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950-х гг. М. : Мысль, 1972.

Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург : УрО АН СССР, 1991.

Захаров Н. И. Высокие доходы от свиноводства: (Из опыта колхоза «Всходы коммуны» Верхне-Городковского района). Молотов : Молотов. обл. гос. изд-во, 1952.

Зеленин И. Е. Совхозы СССР (1941–1950). М. : Наука, 1969.

Зусман Н. С. Передовой опыт в кролиководстве: [Ферма колхоза «Звезда», Нытв. р-на Молотовск. обл.]. М. : Сельхозгиз, 1946.

Мальшев Г. Г. 2000 литров молока с фуражной коровы: Из опыта молочно-товарной фермы колхоза «Новый путь» Перм-Ильинского района. Молотов : Молотовгиз, 1948.

Мамяченков В. Н., Львова М. И., Шведов В. В. Потребление продуктов питания семьями колхозников Молотовской области в первом послевоенном пятилетии (1946–1950 годы) // Научный диалог. 2021. № 2. С. 344–355. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-344-355>

Мотревич В. П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург : Наука : Урал. отд-ние, 1993.

Поспелова В. М. Опыт нашей кролиководческой фермы. Молотов : Молотовгиз, 1951.

Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1979.

Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург : ОГПУ, 2003.

References

Balandin, I. M. (1951). *Put' nashego kolkhoza* [The Path of Our Collective Farm]. Molotov: Molotovgiz.

Denisevich, M. N. (1991). *Individual'nye khoziaistva na Urale (1930–1985 gg.)* [Individual Farms in the Urals (1930–1985)]. Ekaterinburg: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences.

Narutyunyan, Yu. V. (1963). *Sovetskoe krest'ianstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Khisamutdinova, R. R. (2003). *Agrarnaia politika Sovetskogo gosudarstva na Urale posle okonchaniia Velikoi Otechestvennoi voiny (iun' 1945 – mart 1953 g.)* [Agrarian Policy of the Soviet State in the Urals after the End of the Great Patriotic War (June 1945 – March 1953)]. Orenburg: OGPU.

Malyshev, G. G. (1948). *2000 litrov moloka s furazhnoi korovy: Iz opyta molochno-tovarnoi fermy kolkhoza "Novyi put'" Perm-Il'inskogo raiona* [2000 Liters of Milk from a Forage Cow: From the Experience of the Dairy Farm of the Collective Farm "New Way" in Perm-Ilyin District]. Molotov: Molotovgiz.

Mamyachenkov, V. N., Lvova, M. I., & Shvedov, V. V. (2021). *Potreblenie produktov pitaniia sem'iami kolkhoznikov Molotovskoi oblasti v pervom poslevoennom piatiletii (1946–1950 gody)* [Consumption of Food by the Families of Collective Farmers in Molotov Region in the First Postwar Five Years (1946–1950)]. *Nauchnyi dialog*, 2, 344–355. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-344-355>

Motrevich, V. P. (1993). *Sel'skoe khoziaistvo Urala v pokazateliakh statistiki (1941–1950 gg.)*. [Agriculture of the Urals in Statistical Indicators (1941–1950)]. Ekaterinburg: Nauka: Ural'skoe otделение.

Pospelova, V. M. (1951). *Opyt nashei krolikovodcheskoi fermy* [The Experience of Our Rabbit Farm]. Molotov: Molotovgiz.

Tolmacheva, R. P. (1979). *Kolkhozy Urala v pervye poslevoennye gody (1946–1950 gg.)* [Collective Farms of the Urals in the First Postwar Years (1946–1950)]. Tomsk: Tomsk University Press.

Volkov, I. M. (1972). *Trudovoi podvig kolkhoznogo krest'ianstva v poslevoennye gody. Kolkhozy SSSR v 1946–1950-kh gg.* [Labour Feat of the Collective Farm Peasantry in the Postwar Years. Collective Farms of the USSR in the 1946–1950s]. Moscow: Mysl'.

Zakharov, N. I. (1952). *Vysokie dokhody ot svinovodstva: (Iz opyta kolkhoza “Vskhody kommuny” Verkhne-Gorodkovskogo raiona)* [High Incomes from Pig Farming: (From the Experience of the Collective Farm “Shoots of the Commune” of Verkhne-Gorodkovsky District)]. Molotov: Molotovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Zelenin, I. E. (1969). *Sovkhozy SSSR (1941–1950)* [State Farms of the USSR (1941–1950)]. Moscow: Nauka.

Zusman, N. S. (1946). *Peredovoi opyt v krolikovodstve: [Ferma kolkhoza “Zvezda”, Nytv. r-na Molotovsk. obl.]* [Advanced Experience in Rabbit Breeding: [Farm of the Collective Farm “Zvezda”, Nytvensky District of Molotov Region]]. Moscow: Selkhozgiz.

Мотревич Владимир Павлович

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории государства и права
Уральский государственный юридический
университет им. В. Ф. Яковлева
620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская,
21

E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Motrevich, Vladimir Pavlovich

Dr. Hab. (History), Professor
Department of the History of State and Law
Ural State Law University named after
V. F. Yakovlev

21, Komsomolskaya St.,
620066 Ekaterinburg, Russia

Email: vladimir.motrevich@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1184-3631>

Scopus AuthorID: 57194725556

Мамяченков Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления
Уральский государственный
экономический университет
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта /
Народной Воли, 62/45

E-mail: mamyachenkov@mail.ru

Mamyachenkov, Vladimir Nikolaevich

Dr. Hab. (History), Professor
Department of State and Municipal
Administration

Ural State University of Economics
62/45, 8-go Marta / Narodnoy Voli St.,
620144 Ekaterinburg, Russia

Email: mamyachenkov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6070-8746>

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.017
УДК 930(470)“21” + 94(470)“1812” +
+ 92(44)“1812” + 929 Наполеон

А. А. Постникова
*Уральский государственный
педагогический университет*
Екатеринбург, Россия

ПОСЛЕДНИЙ АКТ РУССКОЙ КАМПАНИИ НАПОЛЕОНА: О МОНОГРАФИИ В. Н. ЗЕМЦОВА

Рец. на кн.: Земцов В. Н. Русская кампания Наполеона: последний акт (декабрь 1812 г. — январь 1813 г.). М. : Политическая энциклопедия, 2024. 318 с.; ил.

В очерке сделана попытка оценить место новейшего исследования российского историка В. Н. Земцова в современной историографии проблем наполеоновской эпохи. Автор рецензии приходит к выводу, что сочетание методов военно-исторической антропологии с обширной базой источников, включающей в себя рукописные документы из архивов Франции и Австрии, не считая опубликованных материалов, безусловно, делает это исследование весьма актуальным, заметным и ярким явлением мировой историографии данной темы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Русская кампания Наполеона; военно-историческая антропология; Наполеоновские войны; Великая армия Наполеона

Благодарности

Материал подготовлен в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения «Россия и мир: формирование гражданско-патриотических ценностей у школьников на уроках истории и во внеучебной деятельности».

Ц и т и р о в а н и е: *Постникова А. А. Последний акт русской кампании Наполеона: о монографии В. Н. Земцова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 267–271. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.017>. Рец. на кн.: Земцов В. Н. Русская кампания Наполеона: последний акт (декабрь 1812 г. — январь 1813 г.). М. : Политическая энциклопедия, 2024. 318 с.; ил.*

Поступила в редакцию: 18.03.2024

Принята к печати: 28.10.2024

Alena A. Postnikova

Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia**LAST ACT OF NAPOLEON'S RUSSIAN CAMPAIGN:
ON THE MONOGRAPH OF V. N. ZEMTSOV**

Review of: Zemtsov, V. N. (2024). *Russkaia kampaniia Napoleona: poslednii akt (dekabr' 1812 g. — ianvar' 1813 g.)* [Napoleon's Russian Campaign: The Last Act (December 1812 — January 1813)]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia.

This essay makes an attempt to assess the place of the latest research by the Russian historian V. N. Zemtsov in the modern historiography of the problems of the Napoleonic era. The author comes to the conclusion that the combination of methods of military-historical anthropology with an extensive database of sources, including manuscript documents from the archives of France and Austria, not counting the published materials, certainly makes this study a very relevant, noticeable and vivid phenomenon of the world historiography of this topic.

Key words: Napoleon's Russian campaign; military-historical anthropology; Napoleonic wars; Napoleon's Grande Armée

Acknowledgements

The material was prepared as part of the implementation of the state task of the Ministry of Education "Russia and the World: The Formation of Civil-Patriotic Values among Schoolchildren in History Lessons and Extracurricular Activities".

For citation: Postnikova, A. A. (2025). Poslednii akt russkoi kampanii Napoleona: o monografii V. N. Zemtsova [Last Act of Napoleon's Russian Campaign: On the Monograph of V. N. Zemtsov]. *Review of: Zemtsov, V. N. (2024). Russkaia kampaniia Napoleona: poslednii akt (dekabr' 1812 g. — ianvar' 1813 g.)* [Napoleon's Russian Campaign: The Last Act (December 1812 — January 1813)]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 267–271. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.017>

Submitted: 18.03.2024

Accepted: 28.10.2024

Вряд ли возможно найти в истории России эпоху более славную и романтическую, чем эпоха 1812 г. С юных лет в каждом из нас запечатлелись образы Бородина и сожженной Москвы, став основой нашего восприятия Родины, ее славы и жертвенности.

В новой книге известного исследователя наполеоновской эпохи доктора исторических наук, профессора В. Н. Земцова внимание оказалось сосредоточено на завершающем периоде этой эпопеи, на событиях, слабо известных не только рядовому читателю, но и специалистам по истории Отечественной войны, — на том, как завершился 1812 год и в каких условиях началась новая эпопея — освобождение Европы. Характерной особенностью исследования

В. Н. Земцова стало обращение к большим комплексам документов, сосредоточенным в архивах Франции и Австрии, ранее только частично введенным в научный оборот зарубежными исследователями. Документы двух парижских архивов — Национального архива Франции и архива Исторической службы Министерства обороны Франции, двух венских архивохранилищ — Дворцового, Домашнего и Государственного архива и Военного архива Австрии — дали возможность автору реконструировать события конца 1812 — начала 1813 г. во всем их драматизме и противоречивости. Взглянув на ситуацию тех месяцев из рядов неприятеля русских войск, читатель, вслед за автором исследования, получил возможность еще более зримо, чем это было ранее, увидеть величие того подвига, который совершила русская армия, ведомая государем Александром I и его военачальниками.

Начиная с первой главы («Последние дни Великой армии в России (5–13 декабря 1812 г.)») и заканчивая последней, седьмой главой («Э. Богарне во главе армии (17–31 января 1813 г.)»), автор воспроизводит тяжелейшие условия, в которых протекали военные действия — декабрь 1812 г. был небывало холодным (термометр показывал до 28 ° по Реомюру), а в начале января 1813 г. началась оттепель, превратившая заснеженные дороги в сплошное месиво. Местность, по которой двигались вначале отступавшие части наполеоновской армии, а потом русские войска, была совершенно разорена; эпидемии приобрели гигантский размах, а селения были переполнены больными и умирающими.

Автор отдает должное солдатам и командирам, составлявшим остатки разбитой в России армии Наполеона, — они пытались бороться и использовали любые возможности, чтобы оказать русским сопротивление. В ходе описываемых событий с новой силой проявилась прозорливость неаполитанского короля И. Мюрата, оставленного отъехавшим в Париж Наполеоном главнокомандующим армией, стойкость и готовность бороться вице-короля Италии Э. Богарне, маршалов Л. А. Бертье и М. Нея, военное искусство и человеческая порядочность маршала Ж. Макдональда, преданность воинскому долгу большинства солдат, казалось, уже совершенно разбитой и не имевшей силы продолжать борьбу наполеоновской армии.

Тем большее упорство и жертвенность пришлось проявить солдатам русской армии в их стремлении, несмотря на совершенную измотанность и гигантские потери, продолжать движение по территории Восточной Пруссии и Великого герцогства Варшавского, чтобы сломить, казалось, неиссякаемое сопротивление неприятеля.

В книге сделана попытка, и вполне успешная, продвинуться в решении целого ряда ключевых, а значит, и достаточно дискуссионных вопросов, существующих в историографии. Так, автор на основе обновленной документальной базы показал воздействие известий, поступавших с театра военных действий, на позиции Берлина и Вены, и наоборот — влияние характера настроений в столицах союзников Наполеона — Пруссии и Австрии — на особенности решений командования прусских и австрийских, а также и саксонских соединений армии

Наполеона. Так, автор полагает, что осторожность прусского короля Фридриха-Вильгельма III в принятии решения об отходе от политики Парижа определялась отнюдь не слабостью характера прусского монарха, но вполне разумным расчетом. В то же время действия командующего Австрийским вспомогательным корпусом К. Ф. Шварценберга в его попытках избежать активных столкновений с русскими войсками, а затем и достижение фактического нейтралитета и сдачи Варшавы, были связаны с большим политическим и дипломатическим опытом австрийского полководца, угадывавшим ход мыслей министра иностранных дел К. Меттерниха и императора Франца.

Важным сюжетом, традиционно находящимся в центре внимания российской и, в особенности, немецкой историографии уже почти два столетия, в разработку которого рецензируемая книга вносит несомненный вклад, являются обстоятельства заключения знаменитой Таурогенской конвенции 30 декабря 1812 г. Автор, опираясь на обширный документальный материал, попытался представить воздействие на ход событий самых различных факторов, в том числе и «случайного» характера, приведших прусского генерала Л. Йорка к окончательному решению о выходе возглавляемых им соединений из боевых действий.

Множество моментов «личностного» характера ключевых участников драмы тех двух месяцев войны составляют одну из сильных сторон проведенного В. Н. Земцовым исследования. Так, выявленный автором в Военном архиве Вены «Журнал» квартирмейстера Австрийского вспомогательного корпуса ван де Лорта позволил представить удручающую картину, которую являла собой Варшава в январе 1813 г. Город был «не чем иным, как необозримым кладбищем, где живые лежали рядом с мертвыми; они пили, танцевали, бледные на могилах мертвых, сами умножая их число...»; «Мы были вынуждены, — писал ван де Лорт далее, — начать складывать их (мертвых. — А. П.) штабелями без каких-либо ограждений, так что более 20 тыс. трупов, нагроможденные, как бревна, они образовали длинную и мерзкую стену в два туаза высотой» (с. 232, примеч. 2). Подобная картина, представшая перед глазами участника событий и не отраженная более ни в каких других документах, убедительно объясняет, почему Шварценберг принял решение о сдаче Варшавы без сопротивления.

И все же, несмотря на то, что монография В. Н. Земцова представила наиболее убедительную на сегодняшний день картину событий конца 1812 — начала 1813 г., есть ряд вопросов, которые нуждаются в дальнейшей проработке и рассмотрении. Так, не совсем понятно, почему автор не обратил внимания на публикацию К. Б. Жучкова, в которой тот внес важные уточнения в характеристику 34-й пехотной дивизии Луазона (причины ее малочисленности были связаны не столько с воздействием холода на личный состав соединения, сколько с ее изначальной малочисленностью) [Жучков].

Не в полной мере учел В. Н. Земцов и ту немецкую литературу, которая появилась в XX и в начале XXI в. в ходе дискуссий, имевших место вокруг воздействия на германскую историю самого факта заключения Таурогенской конвенции. В этом плане нельзя не обратить внимание на интереснейшее исследование

германского историка М. Фрëлиха, вышедшее в 2011 г. [Frölich]. Наконец, было бы важно при изучении хода боевых действий и политических событий тех судьбоносных месяцев вновь обратиться к анализу документов русской стороны, не ограничиваясь, как сделал автор, ссылками на работы предшественников, прежде всего, А. И. Сапожникова. Полагаем, что в этом случае можно было бы увидеть всю сложность и неоднозначность ситуации при принятии решений русским командованием и тех трудностей, которые возникли в ходе их реализации.

Таким образом, монография В. Н. Земцова вносит значительный вклад в углубленное постижение событий войны 1812 г. и той политической и эмоциональной атмосферы, в которой в начале 1813 г. происходило освобождение Европы от тирании Наполеона. Книга еще раз напоминает нам о невозможности представить подлинный масштаб жертвенности российского народа ради сохранения своей национальной самостоятельности и освобождения народов Европы без достоверного воспроизведения характера действий противника. Только исторически достоверная и научно обоснованная, но не лубочно-идеализированная картина ключевых событий прошлого может быть основой для формирования прочных представлений гражданина и патриота.

Исследования

Жучков К. Б. Дело генерала Луазона: к вопросу о состоянии французской армии в декабре 1812 г. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 53–61.

Frölich M. Taugoggen 1812. Eine Konvention im Spannungsfeld von Krieg, Diplomatie und Tradition. Bonn : Nova & Vetera, 2011.

References

Frölich, M. (2011). *Taugoggen 1812. Eine Konvention im Spannungsfeld von Krieg, Diplomatie und Tradition*. Bonn: Nova & Vetera.

Zhuchkov, K. B. (2007). Delo generala Luazona: k voprosu o sostoianii frantsuzskoi armii v dekabre 1812 g. [Case of General Loison: To the Question of the State of the French Army in December 1812]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 1, 53–61.

Постникова Алена Александровна

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
и методики преподавания исторических
дисциплин
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: alina33_07_87@mail.ru

Postnikova, Alena Aleksandrovna

Dr. Hab. (History), Professor
Department of General History and Methods
of Teaching Historical Disciplines
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave., 620017 Ekaterinburg,
Russia
Email: alina33_07_87@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9895-8780>

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.018
УДК 930(470)“20” + 930.1 +
+ 94(470)“1940/1953”:323.23

Н. Д. Гилевич
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КАК ПРОШЛОЕ ДЕЛАЛИ «ПОЛЕЗНЫМ» В СТАЛИНСКОЙ РОССИИ

Рец. на кн.: *Тихонов В.* Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

В рецензии рассматривается научно-популярная книга ведущего специалиста по истории отечественной исторической науки XX в. В. В. Тихонова, посвященная описанию сложных взаимоотношений между исторической наукой и политико-идеологическими структурами в период сталинизма. Автор освещает вопросы о влиянии взглядов И. В. Сталина на производство научного знания, съемки исторического кино, ход и результат отдельных дискуссий в научной среде, формирование культа исторических героев, об особенностях проводимых идеологических кампаний и о роли в них «маленьких людей», о роли юбилеев в формировании идеологического нарратива. Данная книга будет полезна не только для широкой аудитории, но и для специалистов, так как автор помимо изложения фактов по истории науки еще и формулирует проблемы, требующие решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историография; история советской исторической науки; идеологические кампании

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Ц и т и р о в а н и е: *Гилевич Н. Д.* Как прошлое делали «полезным» в сталинской России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 272–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.018>. Рец. на кн.: *Тихонов В.* Полезное прошлое: История в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 368 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

Поступила в редакцию: 13.11.2024

Принята к печати: 28.01.2025

Nikita D. GilevichUral Federal University
Ekaterinburg, Russia**MAKING THE PAST “USEFUL” IN STALINIST RUSSIA****Review of: Tikhonov, V. (2024). *Poleznoe proshloe: Istoriia v stalinskom SSSR* [The Useful Past: History in the Stalinist USSR]. Moscow: NLO. 368 p.**

This review considers a popular scholarly book by V. V. Tikhonov, a leading specialist in the history of Russian historical studies of the twentieth century, devoted to the description of the complex relationship between historical studies and political-ideological structures during the Stalin era. The author covers questions about the influence of Stalin’s views on the production of scientific knowledge, the making of historical films, the course and outcome of individual discussions in academia, the formation of the cult of historical heroes, the peculiarities of ideological campaigns and the role of ‘little people’ in them, and the significance of anniversaries for the formation of the ideological narrative. This book may prove useful not only for a general audience, but also for specialists, as in addition to presenting facts on the history of science, the author also formulates problems that need to be solved.

Key words: historiography; history of Soviet historical studies; ideological campaigns

Acknowledgements

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

For citation: Gilevich, N. D. (2025). Kak proshloe delali “poleznym” v stalinskoj Rossii [Making the Past “Useful” in Stalinist Russia]. *Review of: Tikhonov, V. (2024). Poleznoe proshloe: Istoriia v stalinskom SSSR* [The Useful Past: History in the Stalinist USSR]. Moscow: NLO. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 272–279. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.018>

*Submitted: 13.11.2024**Accepted: 28.01.2025*

С 2017 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» выходит серия научно-популярных книг «Что такое Россия», в рамках которой ведущие историки освещают для широкой аудитории сложные и актуальные проблемы в изучении прошлого нашей страны. Не является исключением в этом плане и вышедшая в 2024 г. книга В. Тихонова «Полезное прошлое: История в сталинском СССР».

Виталий Витальевич Тихонов — ведущий специалист по истории отечественной исторической науки XX в., концепции и наблюдения которого являются практически общепризнанными. И хотя рецензируемая книга имеет научно-популярный характер, можно сказать, что в ней автор представил в обобщенном виде ключевые наблюдения из своих работ по данной теме за последние 15 лет.

Книга состоит из введения, десяти глав, часть из которых подразделяется на параграфы, и заключения. Во введении автор знакомит читателя с отношением к прошлому как к идеологическому ресурсу, используемому властью имущими в политических целях. При этом он указывает, что «инструментализация истории... не является признаком исключительно сталинского СССР или какого-то другого конкретного режима», и само понятие «полезное прошлое», вынесенное в заглавие книги, было придумано в 1918 г. американским литератором В. В. Бруксом, призывавшим к созданию способствующего процветанию США исторического нарратива. Однако сложившаяся в СССР ситуация монополии государства на распространение информации приводила к тому, что «историческая политика становилась весьма эффективной» (с. 8). «Эффективность исторической политики», исходя из текста книги, проявлялась в исполнении исторической наукой приписанной ей государством функции легитимации его достижений (Там же).

Первая глава «Историческая наука и советская власть в 1920–1940-е годы» дает общий обзор взаимоотношений между наукой и властью с позднеимперского времени и до конца 1940-х гг. Говоря о 1920-х гг., В. В. Тихонов считает заблуждением, что субкультуры старых специалистов и новых историков-марксистов существовали «как бы в параллельных мирах, не соприкасаясь друг с другом» (с. 33). По его мнению, между ними были точки соприкосновения, и каждая из сторон училась друг у друга. Так, он выделяет ряд аспектов, сближавших «старых спецов» с интересами новой власти: внимание к социально-экономической истории в позднеимперской историографии (с. 21), работа в структурах РАНИОН и ГАИМК (с. 27), поддержка краеведческих исследований (с. 28).

Автор находит интересное объяснение ненужности и, как следствие, упадка при начале советской власти таких направлений, как антиковедение, славяноведение и византиноведение (с. 29). Причина была в «падении самодержавия и его социально-политических последствиях»: до 1917 г. на эти направления выделялись государственные субсидии в рамках внешней политики России, связанной с поддержкой панславизма и претензиями на Черноморские проливы. После 1917 г. произошла смена внешнеполитических приоритетов, благодаря чему получили развитие уже востоковедение и африканистика (с. 30–31).

Вторая глава «Сталин читает исторические труды и смотрит историческое кино» состоит из двух частей. В первой анализируется круг чтения И. В. Сталина и демонстрируется его интерес к книгам по истории. То, как Сталин их читал, показано на примере книг из его библиотеки о древней истории, сохранивших множество помет владельца (с. 69). Такое чтение имело конкретное практическое применение. Вождь отметилсЯ введением тезиса о «революции рабов в Риме» (с. 65), а также использованием образа Октавиана Августа при позиционировании себя как продолжателя дела Ленина (с. 65–66). Кроме того, его занимало древнее государство Урарту. Включение его в общий курс истории СССР позволяло удревнить историю СССР, решало проблему прохождения

СССР всех пяти формаций, и, наконец, было интересно вождю как часть истории его родной Грузии (с. 70–71).

В части, посвященной историческому кино, автор не стремится дать характеристику всем вышедшим в СССР в эти годы фильмам, которые можно отнести к данной категории. Относительно подробно В. В. Тихонов дает историю создания и реакцию вождя на фильмы «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Богдан Хмельницкий», «Великий моурави» (с. 75–79). Этим характеристикам иногда не хватает большего исторического контекста, пусть сведения, которые могли бы его прояснить, есть в других разделах книги. Так, объяснение изменения восприятия образа Богдана Хмельницкого находится в главе про школьные учебники (с. 124). Возможно, поместить именно туда описание фильма, который лишь зафиксировал свершившийся идеологический поворот, было бы логичнее, особенно с учетом того, что часть фильмов разбирается в других разделах книги.

В третьей главе «Сталин редактирует историю партии» автор приводит основные направления данной деятельности: создание «кавказского мифа» (с. 86), преуменьшение роли Троцкого (с. 88), концепцию Ленина и Сталина как двух вождей большевизма (с. 96). Там же Тихонов поместил часть материала о формировании истории Революции и Гражданской войны. На наш взгляд, данную тему все же имело смысл рассмотреть целостно. Как ни парадоксально, эта важная с точки зрения идеологии тема оказалась в сталинском СССР на положении сколь «полезной», столь и неудобной истории. Исследователям она была неудобна тем, что именно в ее отношении чаще всего менялась «генеральная линия». Здесь показательна судьба И. И. Минца, который хотя и затягивал написание «Истории Гражданской войны», понимая возможность идеологических изменений (с. 87), однако не смог избежать критики уже во время кампании по борьбе с «космополитизмом» (с. 327–328). Неудобной эта тема оказалась и для официальной идеологии, так как вчерашние герои завтра становились «врагами народа». В связи с этим на первый план разумнее было выдвигать более древних исторических героев, живых свидетелей деятельности которых уже не было, и чей образ можно было изменять как угодно. Аналогичная ситуация, как это следует из рецензируемой книги, сложилась и с юбилеями Революции: в 1937 и 1947 гг. они были оттенены более политически и идеологически удобными праздниками (с. 172, 175, 176). В угоду текущему моменту образ Революции менялся, создавались ситуативные исторические мифы, не способные выдержать критической проверки.

В четвертой главе «Сталин и школьные учебники истории» вызывает интерес рассмотренная автором динамика изменения идеологических подходов к ряду исторических событий российской и всеобщей истории. Так, тезис о «тюрьме народов» сменяет тезис о «наименьшем зле», а затем о безусловном благе вхождения той или иной территории в состав России (с. 124). В области учебников по Новой истории не менее интересно изменение образа США во время Великой Отечественной и после начала холодной войны (с. 135).

В пятой главе «Культ исторических героев: Иван Грозный и Петр I» автор приводит основные вехи формирования идеологических установок и создания на их основе художественных и исторических произведений, посвященных этим историческим деятелям. Согласно В. В. Тихонову, «реабилитация» Ивана IV в научных кругах была построена на идеях Р. Ю. Виппера, в художественной литературе на это работали пьеса А. Толстого и фильм С. Эйзенштейна (с. 143–154). Образ Петра I во многом строился вокруг романа А. Толстого и снятого двухсерийного исторического фильма (156–157). Оба исторических деятеля рассматривались идеологическими структурами как создатели великих держав (с. 143), и на их примере доказывался тезис о том, что цель оправдывает средства, включая террор (с. 158). Таким образом, проводились явные аналогии с внутренней политикой и личностью самого Сталина.

В шестой главе «Сталинская юбилеямания» рассматриваются празднования юбилеев революции, смерти А. С. Пушкина (1937), юбилеев самого вождя в 1929, 1939, 1949 гг. и 800-летия Москвы. При этом понятием «юбилеямания» автор характеризует и празднования в царствование Николая II, направленные на подъем патриотических настроений в обществе (с. 20–21). Схожая цель преследовалась и в советское время. Образ Пушкина использовался для возвеличивания русской культуры (с. 172), а юбилей Москвы служил для подчеркивания руссоцентризма и преемственности между русской и советской государственностью (с. 190). Особняком стоят в данном случае юбилеи самого вождя, служившие для закрепления его роли в происходящих исторических событиях. Так, юбилеи 1929 и 1939 гг. были сосредоточены на его роли как преемника Ленина и возвеличивании его участия в Гражданской войне (с. 184), а послевоенный — на его роли в победе в Великой Отечественной войне (с. 188–189).

Глава «Сталинская премия для историков» представляет собой анализ крайне интересной выборки исторических исследований, которая позволяет выявить историографический «мейнстрим» эпохи (с. 195). Факт присуждения Сталинской премии исследованию свидетельствовал об его актуальности для власти. Получение премии даровало лауреатам «социальный иммунитет», а для остальных такая работа должна была задавать концептуальный стандарт (с. 193–197). Однако затем автор приводит факты, которые не полностью соответствуют выдвинутому тезисам. Он пишет о гонениях лауреатов И. И. Минца и Е. Н. Городецкого, указав, видимо, в заслугу премии, что до «прямых репрессий дело не дошло» (с. 197). Заслуга премии здесь видится сомнительной, так как в аналогичной ситуации гонений до прямых репрессий дело не дошло и для нелауреатов, какими были шельмовавшиеся в то время А. И. Андреев и Н. Л. Рубинштейн. Автор вносит уточнение и в тезис о превращении награжденных произведений в классические. Это происходило все же не всегда (с. 210).

Автор не ставил перед собой задачу написать обо всех историках-лауреатах, что вполне допустимо для книги такого формата. Правда, возникает вопрос, почему упоминается тот, а не иной историк. Так, автор обошел вниманием историка техники В. В. Данилевского, который за индивидуальные работы стал

дважды лауреатом премии в 1942 и 1948 гг., что было редчайшим достижением для историка, и чьи труды подпадают под критерий задающих концептуальный стандарт в рамках истории техники.

В следующей главе В. В. Тихонов переходит от крупных ученых к «маленьким людям» в науке. Такие люди, по словам автора, служили для трансляции через них высшими идеологическими органами в общество непривычных и провокационных идей, для выявления реакции на них и подготовки к их восприятию (с. 278). Однако не во всех случаях за сигналом следовала какая-то внятная реакция, довольно часто нарушители status quo оказывались обузой, и их активность старались приглушить (с. 292). Иными словами «маленькие люди» лишь добавляли конкретики проводимой кампании, в отсутствие же оной не играли особой роли.

Примечательно, что В. В. Тихонов не стремится строить из себя всезнающего мудреца, неоднократно обозначая неясность того или иного вопроса в современной науке. Так, например, много вопросов есть к фигуре Х. Г. Аджемьяна, поскольку до сих пор не ясно, кто были его покровители, почему именно через него проводились столь провокационные идеи, и т. д. (с. 266).

Название главы «Идеологические кампании позднего сталинизма» отсылает нас к книге автора 2016 г., и, по сути, глава представляет собой краткое изложение ключевых идей монографии [Тихонов]. Позволим себе остановиться на одной. Автор говорит о большом влиянии конфликтов внутри научного коллектива на ход идеологических кампаний позднего сталинизма, когда «многие... стремились использовать их для своих целей» (с. 304). По выражению автора, «конфликты стали питательной средой» для развития кампаний (Там же). В качестве примера берется тот факт, что при борьбе с «космополитами» коллектив ЛОИИ АН СССР вел себя достаточно спокойно и ограничился критикой уже ранее затронутых пяти человек, используя при критике аргументацию, высказанную ранее при обвинениях их в «объективизме»: «Новых обвиняемых (что как раз требовалось) никто искать не собирался» (с. 305). Этот пример не совсем удачен. В этой же главе В. В. Тихонов пишет про МГИАИ, где был давний внутренний конфликт (с. 304). Однако в МГИАИ практически так же, как и в ЛОИИ, с началом кампании по борьбе с «космополитами» продолжили прорабатывать раскритикованных во время борьбы с «объективизмом» А. И. Андреева и Л. В. Черепнина, и делали это с помощью ранее высказанных аргументов [Тихонов, с. 251]. Похоже, дело не всегда было в наличии внутреннего конфликта. В этом отношении весьма удачным примером влияния личного конфликта является описание отношений между И. И. Минцем и А. Л. Сидоровым, представленное во втором параграфе данной главы (с. 309–331).

В название последней главы автор выносит понятие «идеологические дискуссии». Они имели схожие с кампаниями форму и структуру, что обуславливалось тем, что их сценарии генерировались одними и теми же органами (с. 333). В то же время публичные дискуссии отличались меньшим идеологическим накалом и радиусом действия, чем кампании. Кроме того, ориентированность

на разрешение научных вопросов требовала поддержания открытости и терминологической грамотности дискуссии (с. 333).

В качестве конкретных примеров автор рассматривает дискуссии, имевшие существенную лингвистическую и этнографическую составляющую. Это дискуссии о языкознании, о курско-орловском диалекте и о принадлежности Крыма к древнерусской истории. Во время первой были шумно разгромлены теории покойного академика Н. Я. Марра о языке. По мнению В. В. Тихонова, это нельзя полностью объяснить только объективными причинами, связанными как с научной несостоятельностью «марризма», так и с политическими факторами. В итоге на первый план автор выдвигает субъективное желание вождя показать себя главным теоретиком (с. 337). Вторая дискуссия была прямым порождением первой и итог ее предопределялся высказыванием Сталина об орловско-курском диалекте, так что от ученых по сути требовалось лишь подвести под него научную базу. В решении этой задачи ярко проявился талант Б. А. Рыбакова (с. 347), предложившего удовлетворившую большинство теорию о древнерусской народности (с. 350–351). Дискуссия о этнической принадлежности исконного населения Крыма, ведшаяся в СССР с 1930-х гг. (с. 352–353), также была завершена Рыбаковым, заявившим о неразрывной связи Крыма с древнерусской народностью (с. 358).

Видится не совсем удачным употребление в заглавии не устоявшегося в современной науке понятия «идеологические дискуссии». Дискуссии шли все же не об идеологии, а по идеологизированным научным вопросам, соответственно, определение «идеологизированные дискуссии», возможно, подошло бы лучше. Сам автор, вероятно, понимая слабость данного определения, в самом тексте главы употребляет исключительно словосочетание «публичные дискуссии». Все это может создать у читателя обманчивое впечатление, что все публичные дискуссии историков проходили таким же образом. Тем не менее, бóльшая часть послевоенных дискуссий историков была не столь идеологизирована, при этом дискуссии вполне инициировались «снизу», самими учеными. Существовал и определенный шаблон: статья, инициирующая дискуссию, ответные статьи и подведение итогов. Такой была дискуссия 1946 г., развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» вокруг статьи П. П. Смирнова о возникновении централизованного Русского государства [Тихомиров].

В з а к л ю ч е н и и автор предостерегает от утилитарного отношения к прошлому и создания исторических мифов, утверждая, что их развенчание стало одной из причин кризиса советской идентичности и, как следствие, распада СССР (с. 364). Следует помнить, что «полезным» стремится сделать прошлое любое государство и любой режим (с. 8), поэтому данный «урок» будет актуален для любого современного государства.

В целом, рецензируемая книга позволяет в кратком виде ознакомиться со взглядами одного из ведущих специалистов по советской исторической науке и будет полезна не только так называемой «широкой аудитории», но и специалистам: студентам-историкам — как пособие в изучении советской

историографии, состоявшимся исследователям — как источник интересных наблюдений по истории науки, где в том числе формулируются проблемы, требующие решения.

Исследования

Тихомиров Н. В. Дискуссии о периодизации процесса централизации русского государства в отечественной историографии конца 1930-х — начала 1950-х гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 67–74. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-67-74>

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М. ; СПб. : Нестор-История, 2016.

References

Tikhomirov, N. V. (2020). Diskussii o periodizatsii protsessa tsentralizatsii russkogo gosudarstva v otechestvennoi istoriografii kontsa 1930-kh — nachala 1950-kh gg. [Discussions on the Periodisation of the Process of Centralisation of the Russian State in Russian Historiography of the Late 1930s — Early 1950s]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 3, 67–74. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-3-67-74>

Tikhonov, V. V. (2016). *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaia istoricheskaia nauka (seredina 1940-h — 1953 g.)* [Ideological Campaigns of “Late Stalinism” and Soviet Historical Studies (mid-1940s — 1953)]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Гилевич Никита Дмитриевич

инженер-исследователь
лаборатории цифровых технологий
в историко-культурных исследованиях
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: gilevich.nikita@yandex.ru

Gilevich, Nikita Dmitrievich

Research Engineer
Laboratory of Digital Technologies
in Historical and Cultural Studies
Ural Federal University
4, Turgenev St., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: gilevich.nikita@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0005-4716-9553>

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2025. Т. 27, № 1

Редактор и корректор	<i>А. А. Бахтерева</i>
Редактор перевода	<i>Т. С. Кузнецова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48320 от 27.01.12
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620062, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 04.04.2025. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 22,18. Усл. печ. л. 22,75. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ 67.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>